Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»

На правах рукописи

УДК 81'373.2:81'342
(811.161.1+811.11)

Усова Нина Васильевна

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ФЕНОМЕН ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Специальности 10.02.01 – русский язык;
10.02.04 – германские языки

диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
Калинкин Валерий Михайлович,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского и латинского языков
ГОО ВПО «Донецкий национальный
медицинский университет им. М. Горького»

Донецк – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ…… 7
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ …… 24
1.1. Предварительные замечания …….. 24
1.2. Имя собственное в истории научной мысли ……. 25
1.2.1 Имя в философских и общетеоретических концепциях …… 25
1.2.2 Ономастическое направление в языкознании ……..…….. 33
1.2.2.1 Ономастические теории в лингвистике…….. 33
1.2.2.2 Становление и развитие отечественной ономастики…… 36
1.2.2.3 Ономастическое направление в Германии……. 39
1.2.3 Звучание имени и поэтическая речь в истории научной мысли…. 42
1.2.3.1 Первоначальные суждения о звучании слов и речи…….. 42
1.2.3.2 Вопрос о звучании в трудах по риторике и поэтике…….. 46
1.2.3.3 Становление и развитие теории поэтики…… 50
1.2.3.4 Фоносемантика и фоносимволизм……..... 57
1.2.3.5 Поэтическое имя и его звучание в научном осмыслении… 59
1.3 Оним как явление языка и культуры …….. 65
1.3.1 Взаимоотношения языка и культуры …….. 65
1.3.1.1 Культура в научном дискурсе языкознания …….. 65
1.3.1.2 Язык – конституирующий ‘субъект’ культуры…….. 71
1.3.2 Имя собственное в языке и культуре……..…….. 75
1.3.3 Лингвокультурология и ономастика …….. 81
Выводы к главе 1……..……. 85
ГЛАВА 2 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ОНИМНОЙ ЛЕКСИКИ 88
2.1 Проблематика современной ономастики …… 88
2.1.1 Проблема дефиниции и классификации онимов……. 89
2.1.2 Проблема семантики онима …… 90

2.1.3 Проблема методологии ……. 98
2.2 Общие принципы и методы исследования имени собственного как феномена лингвокультуры …… 101
2.2.1 Традиционные методы и подходы к исследованию онимной лексики …….. 102
2.2.2 Теоретически ценностные основы аналитических исследований в ономастике …… 103
2.2.2.1 Поэтонимология ……... 103
2.2.2.2 Изучение онима в динамике …… 105
2.2.2.3 Лингвокультурологический подход ……... 108
2.2.3 Основные принципы исследования онима как феномена языка и культуры …… 110
2.2.4 Методологический синтетизм как возвращение к системному мышлению ……. 111
2.3 Специфические параметры собственных имён и метаязык ономастики 113
2.3.1 Континуальность онима…… 113
2.3.2 Амбивалентность онима как языкового знака…… 119
Выводы к главе 2……. 129
ГЛАВА 3 ОНТОЛОГИЯ ИМЕНИ …… 133
3.1. Звукоонтологические истоки феномена имени ……... 133
3.1.1 Звук и человек ……..…….. 133
3.1.2 От звука к слову ……..…… 138
3.1.3 Сознание и слово / имя …… 142
3.2. Звук имени и миф …… 145
3.2.1 Звучание имён и трактование некоторых исторических мифов ….. 145
3.2.2 Мифы об установлении имен ……... 148
3.3. Мифологизм и «язык собственных имён»…….. 153
3.3.1 Имя в мифологической картине мира ……. 153
3.3.1.1 Мифологическая картина мира…….. 153

3.3.1.2 Формы отождествления имени и референта…… 155
3.3.2 От мифологизма к метафорике …… 164
3.3.3 Имя, традиция и бытовая культура …….. 170
Выводы к главе 3……. 178
ГЛАВА 4 ДИНАМИКА ОНИМА В КОНТИНУУМЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ... 181
4.1 Коннотонимизация онима……. 181
4.1.1 Коннотативность онима как вопрос ономастики ……..…….. 181
4.1.2 Звучание онима и культурные коннотации ……..…….. 187
4.1.3 Интертекстуальность коннотирующего поэтонима …….. 191
4.2 Динамическое развитие онима в контексте лингвокультуры……... 199
4.2.1 Трансонимизация как этап онимогенеза ……..... 199
4.2.2 Явление трансонимизации в диахронии (на примере личного антропонима немецкого языка *Johannes)*……..... 203
4.2.3 Поэтонимизация антропонима как этап трансонимизации …….. 207
4.3 Имя собственное и процессы деривации …… 213
4.3.1 Общие замечания…… 213
4.3.2 Личный антропоним *Johannes* как деривационная база …… 214
4.3.3 Антропоним *Hans* – результат и мотиватор деривационных процессов …….. 223
Выводы к главе 4…… 230
ГЛАВА 5 ПОЭТОНИМ КАК ЯВЛЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СФЕРЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ ……. 234
5.1 Вводные замечания ……... 234
5.2 Художественная ценность поэтонима в совокупном звучании целого…… 235
5.3 Поэт и имя: рефлексии на звучание……. 243
5.4 Реальное имя как источник содержательности звуковой формы поэтонима……... 249
5.5 Онимные средства актуализации ‘смыслов’ звучания…….. 259
5.6 Поэтонимия как художественное средство в русскоязычной поэзии…….. 263
5.6.1 Имена и контрапункты поэмы М. Ю. Лермонтов «Демон»……. 263

5.6.2 Фоноэма как средство поэтики Ф. И. Тютчева ……. 267
5.6.3 Реализация фоноэмы в цикле А. Блока «Кармен»…… 273
5.6.4 Фонетика и семантика поэтонимов у О. Э. Мандельштама…….. 278
5.6.5. Трансформации звукосмыслов в поэтическом контексте …… 282
5.6.5.1 ‘Звукосмыслы’ О. Мандельштама……..... 283
5.6.5.2 Ф. Тютчев и Рим…….. 286
5.6.6 Поэтонимы как средство создания комического……... 294
5.7 Онимные средства поэтики в немецкой поэзии…… 299
5.7.1 Средства поэтонимии в формировании идиостиля (поэзия Г. Гейне) …… 299
5.7.2 Символическое значение поэтонима (поэма Г. Гессе «Das Lied von Abels Tod» / «Песня о смерти Авеля») …… 305
5.8 Роль поэтонимов в разноуровневых интегративных процессах поэтического текста ……. 309
5.8.1 Стилистически релевантные фонетические средства поэтонимии в немецком языке …… 309
5.8.2 Взаимодействие фоноэмы с вокализмом и консонантизмом поэтических текстов Э. По ……. 313
Выводы к главе 5……..…… 319
ГЛАВА 6. ФЕНОМЕН ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ИНТЕРКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ……..... 323
6.1 Интеркультурность образа и онима …… 323
6.2 Орфей как символический образ, мифоним и мифопоэтоним ……. 324
6.2.1 Орфей-поэт и Орфей-поэтоним ……. 324
6.2.2 *Орфей* Цветаевой и *Orpheus* Р.-М. Рильке…… 326
6.2.2.1 *Орфей* Цветаевой…….. 326
6.2.2.2 *Orpheus* Р.-М. Рильке …….. 330
6.3 Типология ИС *Ленора* как интеркультурного феномена……..…… 340
6.3.1 *Ленор* А. Бюргера …… 340
6.3.2 *Ленор* – феномен русской лингвокультуры XIX в. …… 342

6.3.3 *Ленор* Э. По…….. 346
6.4 Вопросы фонетической адеквации имён в иноязычной культуре 347
6.4.1 Фонетические предпочтения……... 347
6.4.2 Актуализация содержательности онима звучанием ……..... 350
Выводы к главе 6 …… ……... 351
ГЛАВА 7. ОНИМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ И. В. ГЁТЕ …..... 355
7.1 Язык писателя как модель лингвокультуры……... 355
7.2 Проблема квалификации онимной лексики специфической жанровой категории автобиографической хроники ……... 359
7.3 Проблема метода. Стратификация онимного массива ……. 363
7.4 Антропонимы АБХ Гёте ……. 366
7.5 Топонимы АБХ И. В. Гёте ……. 369
Выводы к главе 7 …… 372
ЗАКЛЮЧЕНИЕ…… 375
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ……... 380
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ……. 381
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ…… 431
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА…… 435
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ …… 438
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ …….. 439
ПРИЛОЖЕНИЯ …… 441

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена системному комплексному исследованию собственных имен в контексте лингвокультуры.

Проблема формирования, хранения и передачи культурных знаний с помощью проприальной лексики пользуется возрастающим вниманием со стороны различных научных дисциплин многоаспектной гуманитарной отрасли. Это связано с растущим осознанием того, что развитие культуры происходит в значительной мере через язык, который в свою очередь существует исключительно в культуре, отображая и фиксируя изменения всех сфер жизни определенного культурного сообщества. Каждый язык уникален, так же как уникальна культура каждого народа, его исторический путь, его мировидение, отражающееся в языке со всеми специфическими чертами, единственно и только ему одному свойственными. Уникальность лингвокультур тем не менее не исключает присутствия в них общего, универсального, одним из проявлений которого является наличие категории собственных имён. Лингвокультура – та среда, в которой зарождаются, развиваются, функционируют онимы, являющиеся одновременно знаками языка и культуры. Составляя часть лексической системы языка, собственные имена в то же время обладают свойствами принципиально иного характера: соединение лингвального и культурно значимого составляет их специфику.

Культурно-антропологические аспекты современной научной парадигмы предполагают изучение языковых феноменов через обращение к фактам культуры и, наоборот, изучение культуры посредством исследования языкового материала. Среди современных языковедов такие подходы приобретают все больше сторонников как в области изучения русского языка, так и в лингвистике германских языков. Имена собственные (ИС), как значительный и особенный пласт лексического массива языка, неизбежно отображающий его состояние, все больше притягивают исследовательский интерес и русистов, и германистов, занимающихся вопросами взаимоотношений языка и культуры. Вместе с тем

проблематика, связанная с практикой использования имен в лингвокультуре и с теоретическим осмыслением этой темы ономастикой, далеко не исчерпана, поскольку по мере научной разработки этого направления открываются новые, ранее не попадавшие в поле зрения исследователей аспекты, требующие обновления подходов и методов. В связи с этим становится очевидной насущная необходимость системного многоаспектного изучения проприальной лексики, которое включало бы лингвокультурологический аспект. Это отвечает требованиям современной лингвистической парадигмы и создает предпосылки для восполнения некоторых образовавшихся пробелов, а также для формирования более полных и отчетливых научных представлений о природе, специфических свойствах и закономерностях функционирования ИС в рамках языкового пространства соответствующей культуры.

Актуальность работы обусловлена прежде всего значимостью и особым статусом собственного имени, как яркого языкового феномена и неотъемлемого элемента культуры, природа которого всё еще остаётся не раскрытой. Современное состояние изучения функциональных возможностей проприальной лексики характеризуется преимущественно описательным подходом к представлению отдельных аспектов исследования конкретного материала, при том, что обобщающие работы в ономастике редки, а в междисциплинарной лингвокультурной области как русского, так и немецкого языка они практически отсутствуют. Таким образом, **актуальность** исследования определяется также необходимостью разработки такой системы описания и систематизации знания о сфере собственных имён, которая в обозримом виде была бы способна представить как содержание конкретных онимов во всей полноте их смыслового наполнения, так и процесс формирования семантики онимных единиц в динамике общекультурного развития.

Диссертация выполнена в русле изысканий Донецкой ономастической школы. Вместе с тем исследование отвечает направлению, которое разрабатывается на факультете иностранных языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» в рамках госбюджетной научной темы Министерства образования и

науки ДНР № 17-1вв/74, 0117D000077 «Единицы и категории в разноструктурных языках (лексика и словообразование)».

Несмотря на многочисленные работы в области ономастики последних десятилетий, диссертации с подобной широко рассматриваемой темой не были представлены ни в русском языкознании, ни в германистике. Однако сама идея изучения языковых феноменов в лингвокультурном аспекте не является новой, поскольку восходит к концепциям, базирующимся на принципах восприятия языка и культуры в единстве (В. Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф, Э. Кассирер). Расширение области лингвистики в направлении междисциплинарных исследований отобразилось в культурологическом изучении языковых явлений, начиная с 70-80х гг прошлого века (В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Н. Г. Комлев, В. И. Карасик, В. В. Красных), а также в параллельном формировании антропоцентрической парадигмы в языкознании (В. М. Алпатов, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов). В ономастике закономерно отражаются новые тенденции, характеризующие состояние современной лингвистической науки в целом. Учитывая, с одной стороны, специфичность онимной лексики, а с другой широко понимаемое взаимодействие языка и культуры, логично считать всю информацию, носителями которой являются ИС, по сути лингвокультурологической, поскольку их можно рассматривать как свидетельства культурного и исторического развития больших общностей людей и в то же время как свидетельства исторического развития языка (Е. Л. Березович, Т. Н. Кондратьева, А. В. Суперанская, В. Н. Топоров, D. Ganzer, H. Naumann и др.). Культурологические аспекты ономастики все чаще входят в число вопросов, рассматриваемых в отдельных работах [Беляев 2016; Гудий 2015; Ермолович 2001; Какзанова 2015; Косиченко 2017 и др.]; появляются и исследования, целиком посвященные лингвокультурологическому изучению онимов [Головина 2012; Дмитриева 2016; Купина 2005; Ражина 2007; Ратникова 2003].

Важным для данной диссертации стало появление в последнее время ономастических исследований, нацеленных не на отдельные ИС, их группы или

категории (что характеризовало эту отрасль языкознания ещё совсем недавно), а на рассмотрение взаимосвязей, взаимодействия имен друг с другом, с апеллятивными средствами языка, с содержащим их текстом и шире – дискурсом, в том числе на изучение разных аспектов семантики ИС. Это направление изучения онимии возникло на основе существенных заключений ученых в области теоретической ономастики, значительно изменивших представления о характере семантики онима, обратив внимание на ее динамику [Карпенко 1990; 1992; Отин 1997; 2000; 2003; 2008; Калинкин 2006], и получило определённое развитие в ряде работ последних лет [Канна 2009, Кисель 2009, Ненашева 2012; Сапожникова 2011, Чуб 2005 и др.]. Заданное направление нуждается в дальнейшей разработке.

Анализ научной литературы выявляет, несмотря на кратно возрастающее количество работ по ономастике, недостаточность системных аналитических разработок, представляющих результаты теоретического осмысления и обобщения в этой области. В ономастических исследованиях русского языка заметно возрастает число поэтонимологических работ [Багирова 2004; Буєвська 2011; Калинкин 2000; 2002 (2); 2002 (4); Ковалёв 2005; Ларина 2016; Лоскутова 2016; Мудрова 2012; Ничик 2008; Страхов 2015; Федотова 2016 и др.], тогда как в ономастике германских языков преобладают функционально-семантический [Блинова 2007; Буркова 2010; Крюков 2012; Мельникова 2008; Сисоєва 2011; Хисматуллина 2007; Burkhard 2005] и исторический [Бледнова 2010; Hengst 2011; Kohlheim 2011; Mundal 2004 и др.] аспекты. В то же время явно недостаточно культуронаправленных ономастических исследований в области как русского, так и германских языков, которые соединяли бы анализ разных аспектов лингвокультурного феномена собственное имя. В поэтонимологии нечасты работы, устанавливающие механизмы взаимодействия разных уровней текстовых структур и поэтонимов. Тщательного исследования требует семантическая история и фонетико-семантическая организация ИС и русского, и германских языков. Деривационные возможности и особенности онимной лексики также не изучены в полном объёме. Следует отметить и отсутствие в германистике

системных типологических исследований совокупности ИС части творческого наследия автора, составляющей ‘не-художественные’ тексты, – исследований, имеющих антропоцентричную направленность и в то же время отображающих реальность определенного культурно-исторического среза. В частности, тексты автобиографических хроник И. В. Гёте еще не исследовались ономастикой.

На современном этапе накоплен богатый опыт описания метаязыков разных наук, в том числе и новых разделов языкознания. Однако терминологической специфике метаязыка ономастики (который значительно расширился и усложнился со времени выхода в свет словаря Н. В. Подольской) все еще не уделяется должного внимания. Вследствие этого в теоретической ономастике не существует единой универсальной общепринятой научной классификации и категоризации для многих терминов метаязыка ономастики, как и их системного параметрирования. Обозначенные проблемы приобретают особую актуальность ввиду задач, стоящих перед современным языкознанием, в том числе перед русистикой и германистикой.

Основная цель работы заключается в системном многоаспектном исследовании имени как феномена лингвокультуры, обладающего динамической природой, в том числе как единицы идиолекта креативной языковой личности, который являет собой модель лингвокультуры.

Для достижения заявленной цели предполагается решение следующих **задач**:

1) обобщить наработанные в ходе развития научной мысли и изложенные в общетеоретических трудах взгляды на ИС (соответствует специальностям 10.02.01 и 10.02.04);

2) рассмотреть проблематику современных исследований онимной лексики, имеющиеся подходы к пониманию сущности имени как явления языка и культуры, раскрыть их методологические основания и обосновать необходимость преодоления их ограниченности путем систематизации и синтеза принципов и методов их формирования (соответствует специальностям 10.02.01 и 10.02.04);

3) систематизировать онтологические воззрения на природу феномена имени, обобщив существующие историко-культурные и лингвистические сведения, полученные путем реконструкций и структурно-семиотического анализа (соответствует специальности 10.02.01);

4) классифицировать онимы на основе имманентных им признаков, вычленяемых из лексико-семантического, фономорфемного и фонетического аспектов, предопределяющих релевантную содержательность звучания (фоноэму) потенциальных поэтонимов (соответствует специальностям 10.02.01 и 10.02.04);

5) вскрыть способы интеграции поэтонимов в звуковой строй, систему образов и художественных средств произведения как целого и установить механизмы включения онимных единиц в формирование структурного и содержательного уровня поэтических текстов разных языков – русского (соответствует специальности 10.02.01), языков германской группы (соответствует специальности 10.02.04);

6) в русле дальнейшей разработки теории динамической природы онима и создания методики системного описания онимных единиц в исторической динамике провести углубленный анализ и выделить механизмы преобразований онимов, описать способы реализации их деривационного потенциала в процессе синхронного и диахронного функционирования в лингвокультуре (соответствует специальностям 10.02.01 и 10.02.04);

7) создать модель описания динамического функционирования ИС в континууме лингвокультуры (соответствует специальностям 10.02.01 и 10.02.04);

8) изучить вопрос о квалификации онимов произведений жанра автобиографической прозы и разработать методику их систематизации на материале корпуса онимной лексики автобиографических хроник (далее АБХ) И. В. Гёте (соответствует специальности 10.02.04).

Объектом исследования являются онимы как единицы языка и культуры. При выборе объекта учитывался возросший в научном мире лингвистический интерес к анализу текстов из наследия признанных во всем мире авторов, принадлежащим разным лингвокультурам.

В качестве **предмета** анализа рассматриваются семиотически и семантически значимые характеристики ИС русского языка и языков германской группы с учетом особенностей лингвокультур.

Специфика объекта и предмета обусловила многоплановость исследования, закономерно следующую из характера функционирования ИС во всех сферах речевой практики человека.

Источником эмпирического материала исследования служат главным образом тексты произведений художественной литературы, большей частью стихотворные, написанные на русском, немецком и английском языке, в числе авторов которых А. Блок, А. А. Вознесенский, В. А. Жуковский, М. Ю. Лермонтов, О. Э. Мандельштам, Ф. И. Тютчев, М. И. Цветаева, А. Бюргер, Г. Гейне, Р. -М. Рильке, Э. А. По и др. Кроме того, в диссертации рассматривались ИС, контекстами для которых служат фольклорные, публицистические и др. тексты, а также онимы из лексикографических источников (одно- и двуязычных словарей, энциклопедических изданий и др.). Отдельно следует назвать автобиографическое произведение И. В. Гёте «Из моей жизни. Поэзия и правда», включающее анализируемые единицы. Таким образом, **материал исследования** составляет обширный корпус онимных единиц и включающих их контекстов из вышеперечисленных источников.

На основе принципа динамичности языковых процессов применительно к изучению проприальных единиц в диссертации выдвигается и проверяется **гипотеза** о динамической природе онимов как культурных феноменов и языковых знаков. В расширенном виде гипотеза может быть сформулирована следующим образом: обязательным элементом языка, и шире – культуры являются собственные имена; несмотря на многообразие групп внутри этой категории, существуют общие свойственные этому феномену параметры и вытекающие из них особенности функционирования. Вместе с тем проверяется идея о звукоонтологической природе nomen proprium, основанная на обобщении научных мнений о возникновении языка, мышления и речи в антропогенезе.

Методология и методы исследования. Изучение феномена имени предполагает всеобщую методологию, учитывающую многоаспектный опыт познания и преобразования действительности в речемыслительной деятельности. Диссертация объединяет в себе лингвистическое рассмотрение языкового материала с культурологическими наблюдениями за функционированием исследуемых единиц.

Одним из теоретических оснований работы служит принцип рассмотрения языковых и культурных феноменов в динамике, который акцентировался учеными и прежде (И. В. Гёте, В. Гумбольдт, И. А. Бодуэн де Куртене, А. А. Потебня), хотя и не имел единой формулировки. В общем виде он может быть сформулирован так: если представлять мир не как набор предметов, а как процессы и события, то, соответственно, и язык следует представлять как единицы языка, опосредованно отражающие процессы и явления мира [Kaznelson, 1974, с. 173]. В ономастике эта концепция отображается в теории коннотативных собственных имен (Е. С. Отин) и теории (поэт)онимогенеза (В. М. Калинкин).

Междисциплинарный характер проблем, а также сложность задач исследования обусловили необходимость использования целого комплекса методов, предложенных в классических и современных исследованиях.

Лингвистический анализ онимов проводился на основе методов, разработанных в ономастике (Д. И. Ермолович, М. В. Калинкин, Ю. А. Карпенко, Е. Курилович, Е. С. Отин, В. И. Супрун, Р. Якобсон, W. Fleischer, D. Ganzer), главным из которых является описательный, включающий наблюдение, систематизацию, обобщение языковых фактов и позволяющий выявить специфику анализируемых единиц. Синхронно-описательный метод представлен приёмами классификации исследуемых единиц, интерпретации рассматриваемых явлений и обобщения. Для систематизации совокупности онимного материала автобиографических хроник Гёте был предложен метод стратификации. Динамический характер предмета рассмотрения потребовал включения в описание элементов диахронического анализа.

Метод экспликации ассоциативно-коннотативной семантики онимов и поэтонимов применялся для выявления их семантического содержания.

Рассмотрение фонетической структуры (поэт)онима проводилось с опорой на труды по фонетике и фоносемантике (С. В. Воронин, А. П. Журавлев, В. В. Левицкий), поскольку оказалось необходимым применение фонетического и фоносемантического анализа. При поэтонимологическом рассмотрении предмета поэтапно использовалась следующая методика: 1) отбор и систематизация онимных единиц и поэтических контекстов для их языковой инвентаризации; 2) квалификация используемых стилистических средств с участием поэтонимов – с помощью лингвистического наблюдения и описания; 3) структурно-фонетический анализ вокализма и консонантизма поэтонимов и контекстов, а также анализ ритмико-интонационной организации стихов; 4) контекстуально-интерпретационный метод – для установления композиционной структуры стихотворных текстов, особенностей функционирования в них поэтонимов и для реконструкции авторского замысла; 5) частотность определенных звуков и звукобуквенных комплексов, а также поэтонимов устанавливалась применением элементов количественного метода. В методологии ономастических исследований художественных произведений применялся принцип оппозитивности (В. М. Калинкин), позволяющий с высокой степенью достоверности исследовать структуру поэтонимосферы и устанавливать корреляции между собственными именами, объектами художественной реальности и поэтонимами.

Метод компонентного анализа применялся для выявления семантической структуры ИС, структурно-словообразовательный анализ – для определения внутреннего строения ИС, их отдельных формантов и произведённых де-онимных лексических единиц. Комплексному структурно-семантическому анализу подвергались дериваты, производящей основой которых является оним.

В ряде случаев применялось комбинированное использование средств лингвистического анализа, заимствованных из фонетики, словообразования, морфологии, лексикологии, семантики, лингвистической поэтики.

Приём лингвокультурологического и лингвострановедческого

комментирования, а также контекстуальный анализ применялся для установления культурно-специфических особенностей функционирования онимов.

Значительное место в исследовании отводится качественным характеристикам имени как языкового знака и неотъемлемого элемента культурного кода, чем обусловлено применение семиотического метода (М. Ю. Лотман, Ф. де Соссюр, У. Эко, Р. Якобсон).

Одним из центральных понятий исследования является текст, который рассматривается как целостное образование, сложно устроенная система, компоненты которой объединены в единое целое, иерархически организованное замыслом автора. По отношению к тексту принимаются во внимание научные взгляды исследователей, заложивших основы изучения языка писателя в современной лингвистике: И. В. Арнольд, М. М. Бахтин, В. В. Виноградов, И. Р. Гальперин, М. М. Гиршман, В. П. Григорьев, В. А. Кухаренко, А. А. Потебня, Л. И. Тимофеев, Ю. Н. Тынянов.

Обозначенные подходы и соединение методов позволили изучение онимной лексики в трех аспектах: научно-теоретическом, лингвокультурологическом, поэтонимологическом.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем онимная составляющая лингвокультуры впервые подвергается многоаспектному лингвистическому описанию, а именно, в одном исследовании проводится изучение онимной лексики русского языка, а также германских языков в лингвокультурологическом, фоностилистическом и семантическом аспектах.

Рассмотрена гипотеза о звукоонтологической природе имени, основанная на данных о психофизических предпосылках к возникновению отношений мотивированности между явлениями и их звуковыми сопроводителями и об архаичности представлений о ‘взаимозависимости’ звука и смысла в имени. Этот аспект представлен в диахронической парадигме, через историческое описание феномена имени во взаимосвязи с гносеологическими вопросами о происхождении языка, значимости слова и имени в бытии человека.

Развиваются научные идеи о динамической сущности собственного имени, в связи с чем вводится понятие *онимный континуум* и разрабатывается оригинальная идея континуальности онима. Получены выводы о необходимости выработки всеобщей методологии для исследования ИС, объединяющей разные подходы и методики на основе междисциплинарности, в том числе комплексный лингвистический анализ и культурологические наблюдения.

На репрезентативном материале поэтических текстов на русском, немецком и английском языке впервые *обобщенно* представлены результаты научного наблюдения за тем, каким образом содержание конкретного онима получает реальное воплощение в текстах, совокупность которых можно определить как культурный дискурс.

Новым является также включение в объект диссертационного исследования корпуса онимов немецкого языка автобиографических хроник И. В. Гёте, ранее не исследовавшихся в ономастике.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что теоретическое осмысление и практическое изучение ИС как языковых знаков и культурных феноменов русского и германских языков впервые проводится на основе соединения научно-теоретического, лингвокультурологического, поэтонимологического аспектов изучения проприальной лексики. В работе выдвигается и решается проблема выявления культурного знания на основе анализа онимной лексики. Теоретически ценным является ряд обобщений касательно взаимоотношений языка и культуры, сделанных на основе анализа мнений и концепций современных отечественных и зарубежных языковедов, а также полученные дополнения к сведениям о феномене имени в онтогенезе. Предложено и обосновано введение в метаязык ономастики термина *континуальность онима* как характеристики, отражающей внешние и внутренние изменения онима, связанные с его функционированием в лингвокультуре, а также ряда соотносящихся с ним терминов и понятий, необходимых для адекватного отображения специфических параметров ИС (*амбивалентность*, *онимный континуум, локус онима)*.

Установлены механизмы трансформации (коннотонимизации, деонимизации, трансонимизации, поэтонимизации) формальной и содержательной структуры онима в ходе его исторического развития в лингвокультуре, что подтверждает теорию о динамической природе онима.

Для методологии ономастических исследований в области германистики существенной является предложенная методика ономастического анализа с использованием стратификации массива онимной лексики АБХ, которая может быть использована для описания других ее фрагментов.

Диссертация вносит вклад в развитие ономастического направления лингвокультурологии, а также ряда лингвистических положений теории русского языка: в теорию номинации, фоносемантику и фоностилистику; развивает отдельные направления германистики: лексикологию (в части словообразования), стилистику, лингвистику текста; предоставляет материал для новых разработок языковедов и литературоведов, специалистов в области ономастики и лингвоперсонологии. Общетеоретический потенциал исследования имеет перспективы в ходе продолжения лингвокультурного направления изучения ономастикона русского языка, других славянских и германских языков.

Практическая ценность диссертации заключается в возможности включения ее результатов в лекционные курсы высшей школы по общему и русскому языкознанию, германским языкам, в спецкурсы, посвященные проблемам лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, других дисциплин, направленных на формирование умений и навыков эффективной реализации процесса коммуникации представителей разных культур.

Результаты комплексного анализа ИС русскоязычной культуры могут быть использованы при изложении вопросов ономастики в вузовских курсах русского языка и литературы, а также при написании монографий, разработке учебных пособий и учебников нового поколения, справочных изданий и т.д. Фактический материал немецкоязычной культуры может использоваться в лексикографической и переводческой практике, а также при создании немецко-русского ономастического лингвокультурологического словаря, отражающего историю

стран немецкого языкового пространства. Терминологический материал диссертации может стать основой для создания русско-немецкого / немецко-русского словаря метаязыка ономастических исследований в лингвокультурном аспекте.

Результаты исследования внедрены в учебный процесс кафедры германской филологии путем использования в теоретических курсах: «История и культура Германии», «История и культура стран изучаемого языка», «Страноведение (второй иностранный язык)» (Акт № 93.18/12.1-34), а также на практических и лабораторных занятиях (Акт № 95.18/12.1-34).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Свойственные человеку психофизические предпосылки к возникновению отношений мотивированности между явлениями и их звуковыми сопроводителями предполагают архаичность истоков идей о ‘взаимозависимости’ звука и смысла в имени и позволяют предположить звукоонтологическую природу ИС.

2. Из априорной динамичности культуры в целом и языка как конституирующего ее ‘субъекта’ следует динамический характер ИС, который отражается в изменениях, касающихся как внешней, так и внутренней формы онимов, обусловленных различными лингвальными и не-лингвальными факторами.

3. Механизмы преобразований имён вскрываются в результате лингвистических наблюдений, глубокого комплексного анализа и системного обобщения множества примеров синхронного и диахронного функционирования онимов как единиц языка и культуры, в том числе в пространстве художественных и не-художественных авторских текстов. Это создаёт предпосылки для адекватного представления нового знания о закономерностях формирования семиотически ценностных свойств онимии.

4. Установление закономерностей и взаимосвязей в ходе всестороннего глубокого анализа онимных единиц как языковых знаков, функционирующих в

культурном континууме, может быть зафиксировано путем создания соответствующей модели.

5. Для произведений словесного творчества типично явление, когда онимы активно вплетаются в ткань художественного повествования или стиховых структур, взаимодействуя и звуковым составом, и семантической составляющей с текстовым окружением и вне-текстовыми связями, становятся характеристикой как языка и менталитета персонажей, так и идиостиля автора, и действенным средством актуализации художественных смыслов.

6. Употребление проприальных единиц в не-художественном контенте репрезентирует языковую личность как транслятора определенных культурных смыслов, что выявляется в том числе и в ходе анализа онимной лексики авторских биографических текстов.

Достоверность результатов настоящего исследования обеспечивается его внутренней логикой и комплексным подходом к изучаемому предмету, фундаментальностью методологической основы, четкостью поставленных задач, а также объемом рассмотренного эмпирического материала. Достоверность ряда положений диссертационной работы подтверждается верификацией сведений, ранее полученных в области поэтонимологии, проведением стилистического и фоносемантического анализа процессов интеграции поэтонима в многоуровневые структуры стихов на многих объектах исследования. Положения и выводы диссертации являются достоверными, что подтверждается наличием и объемом материала, теоретической и методологической базой исследования, современными методами, количеством наблюдений, фактической информацией и апробацией результатов исследования в практике.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования нашли отражение в 58 научных публикациях общим объемом свыше 51 п. л., включая монографию (31,04 п.л.), 41 статью, в том числе 20 статей в специализированных научных изданиях, рекомендованных ВАК ДНР и Украины, 7 публикаций в рецензируемых периодических научных изданиях РФ.

Основные положения и результаты исследования отражены в докладах на 48 научных форумах и конференциях международного уровня: I, II, III, IV, VII Крымские Международные Михайловские научные чтения (Крым, Саки-Евпатория, 2007, 2008, 2010, 2013, Феодосия, 2009); III Международная научно-практическая конференция «Мова та культура: Проблеми загальної, германської, романської та слов'янської стилістики» (Горловка, 2007); Международная научная конференция Украинского Союза германистов высшей школы «Німецько-українські міжмовні стосунки (Киев, 2007); II, III, IV, VI, VIII Святогорские международные ономастические чтения (Святогорск, 2007, 2008, 2009, 2011, 2013); Международная ономастическая конференция «Ономастика и литература» (Горловка, 2008); «Восточнославянская филология: от Нестора до современности» (Горловка, 2008); Международная научно-практическая конференция «Современные иностранные языки: проблемы функционирования и преподавания» (Беларусь, Мозырь, 2008); Международная научная конференция «Лингвистические аспекты языковой коммуникации: функционально-прагматический, семантический и когнитивный параметры исследования» (Горловка, 2008); Международная научная конференция «Русский язык и литература в Украине: проблемы изучения и преподавания» (Горловка, 2009); V Международная научная конференция «Текст. Язык. Человек» (Беларусь, Мозырь, 2009); Международная научно-практическая конференция «Філологія і освітній процес: 21 століття» (Одеса, 2010); I и II Международная научная конференция «Германистика XXI ст.: традиционные и новейшие аспекты исследования и преподавания» (Горловка, 2010, 2012); Международная научная конференция «Русский язык и литература в школе и вузе: проблемы изучения и преподавания» (Горловка, 2010); I и II Международная научно-практическая конференция «Германистика в современном научном пространстве» (Краснодар, 2011, 2012); VII Святогорские Международные и VI Крымские Международные Михайловские ономастические чтения, посвященные 80-летию Е. С. Отина (Святогорск, 2012); Украино-немецкая конференция «Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik» (Донецк, 2012); I

Международная научно-практическая интернет-конференция «Лінгвокогнітивні та соціокультурні аспекти комунікації» (Острог, 2012); XXXVII International Scientific and Practical Conference «Forms of social communication in the dynamics of human society development» [Международная научно-практическая конференция XXXVII «Формы социальных коммуникаций в динамике развития человеческого общества»] (Лондон, Британия, 2012); Международная научно-практическая конференция «Україна і світ: діалог мов і культур» (Киев, 2013); VII, VIII Международная научно-практическая конференция «Мови і світ: дослідження та викладання» (Кировоград, 2013, 2014); XIX, XX, XXII Международная научная конференция «Язык и культура» имени С. Бураго (Киев, 2010, 2011, 2013); LXXXIII International Scientific and Practical Conference «Global trends of development of ethnic languages in the context of providing international communications» [83-я Международная научно-практическая конференция «Глобальные тенденции развития этнических языков в контексте обеспечения межнациональных коммуникаций»] (Лондон, Британия, 2014); IX Международные Святогорские ономастические Чтения и IX Михайловские (Крымские) литературно-ономастические Чтения (Донецк, 2014); III Международная научно-практическая конференция «Лингвистика, лингводидактика и межкультурная коммуникация: теория и практика» (Таганрог, 2015); IFNIG-Tagung 2015: Exposé «Sprach- und Textkulturen – interkulturelle und vergleichende Konzepte» [«Культуры языка и текста – межкультурные и сравнительные концепты»] (Веспрем, Венгрия, 2015); Международный Крымский лингвистический конгресс «Язык и мир» (Ялта, Крым, 2015); I, II, III и IV Международные ономастические чтения им. Е. С. Отина (Донецк, 2015, 2016, 2017, 2018); Международная научно-практическая конференция «Современные методы обучения иностранным языкам» (Ульяновск, 2016); XLV Международная филологическая научная конференция (Санкт-Петербург, 2016); I и III Международная конференция «Донецкие чтения» (Донецк, 2016, 2018); Международная научная конференция «Германистика 2018: nove et nova» (Москва, МГЛУ, 2018); III Международная научная конференция памяти проф.

Е. С. Отина «Актуальные проблемы изучения славянских языков» (Донецк, 2018). Апробация работы в отдельных ее фрагментах и составных частях проходила в ходе выступления автора на внутривузовской конференции «Современные тенденции развития гуманитарных наук» (Горловка, 2007), на Международном ономастическом семинаре (Горловка, 2008), на XIII Всеукраинской ономастической конференции (Ужгород 2009), XIX научной конференции Ассоциации украинских германистов «Немецкий язык в украинском контексте: формирование языковой компетенции, контрактивные исследования и межкультурная коммуникация» (Одесса, 2012). Доклады по теме исследования обсуждались на семинаре кафедры романо-германской филологии ГИИЯ (Горловка, 2014), межкафедральном семинаре филологического факультета ГОУ ВПО «ДонНУ» памяти профессора Н. А. Луценко «In Memoriam: Профессор Н. А. Луценко» (Донецк, 2017), на Международных лингвистических семинарах «Семантика и словообразование в германских, романских и славянских языках» (Донецк, 2015), «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» (Донецк-Пятигорск, 2017, 2018).

Структура и объём работы. Структура, содержание и объем диссертации определяются основной целью и поставленными задачами. Работа состоит из введения, семи глав, заключения, библиографического списка (522 наименований), списка лексикографических источников (53), списка источников иллюстративного материала (37). Основной текст диссертации изложен на 372 страницах.

ГЛАВА I
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

1.1. Предварительные замечания

Данная глава не ставит целью подробное изложение истории изучения собственных имён с древнейших времён до наших дней. В ней в общих чертах представлены концепции, составляющие определённый ‘теоретический фон’, осмысление которого необходимо предшествует всякой научной работе. Учитывая особый интерес исследования к звуковой стороне онимов, автор включил в освещение эволюции взглядов на собственные имена в исторической перспективе вопрос о звучании имён. Что касается истории ономастического направления в языкознании, то преимущественно затрагиваются те вопросы, которые имеют отношение к цели и задачам диссертации.

Междисциплинарная направленность работы потребовала включения в главу раздела, посвящённого проблемам взаимодействия языка и культуры, имеющим прямое или опосредованное отношение к ономастике и к представляемой в диссертации точке зрения на имя как явление, соединяющее в себе звучание и глубинные культурные смыслы.

Следует сказать несколько слов о принятых в работе ключевых терминах, употребление которых требует уточнения. Для основной исследуемой единицы используется, помимо полного словосочетания *имя собственное*, сокращение ИС, а также синонимичный ему термин *оним*. Оба термина трактуются как взаимозаменяемые и относятся ко всем случаям употребления проприальной лексики в смысле собственных именований (не-апеллятивов). Такое применение специальной терминологии представляется приемлемым (несмотря на то, что обычно употребление в рамках одного исследования синонимичных терминов считается нежелательным) в силу сложившейся в последнее время практики (см. работы [Елистратова, 2015; Ермолович, 2004; Косиченко, 2017; Кургузова, 2009;

Сивцова, 2008; Соколова, 2006 и др.]). При этом имеется в виду, что *оним* мыслится скорее как термин ономастики, в то время как *имя собственное* употребляется в контексте философских и общефилологических теорий, а также как общеупотребительное слово (Е. Ф. Косиченко). Использование термина *оним* позволяет также оперирование образованными от него терминологическими дериватами *онимный*, *онимизация* и др., что является технически удобным.

Так как в диссертации изучаются объекты, входящие в область пересечения различных сфер ономастики как русского, так и германских языков (антропонимики, топонимики, поэтонимологии etc.), требуется использование соответствующих терминов: *антропоним*, *личное/фамильное имя*, *топоним*, *поэтоним* и т.д. для спецификации индивидуализирующей функции онима. Поскольку в широком смысле к собственным именам относят любые индивидуальные именования, а к антропонимам – любые именования людей, оба термина могут с равным правом использоваться для именования одних и тех же объектов. Обобщая сказанное, заметим, что в целом применение метаязыка ономастики в тексте диссертации ориентируется на общепринятую систему терминов, составленную Н. В. Подольской [Подольская, 1978], дополненную некоторыми введёнными в последние десятилетия и уже устоявшимися терминами. Вопрос метаязыка ономастики подробнее обсуждается во второй главе в связи с введением новых понятий и терминов, отражающих концепцию автора.

1.2 Имя собственное в истории научной мысли

1.2.1 Имя в философских и общетеоретических концепциях. Формирование научного восприятия ИС как языковой единицы происходило постепенно, по мере накопления практического опыта употребления имен и осмысления этого явления. Эти процессы шли параллельно и непрерывно, но не отличались последовательностью и равномерностью. Дискуссионность многих вопросов относительно феномена собственное имя сохраняется до сих

пор, а истоки неоднозначности и противоречивости современных мнений берут начало в исторически отдалённом периоде. Они обусловлены, с одной стороны, сложностью самого феномена имени, а с другой – диалектическим единством и противоречивостью процессов многовекового опыта практического употребления имён (в том числе в художественных текстах) и научно-теоретического осмысления этого явления.

1.2.1.1 Хронологически первые известные нам труды, в которых обсуждалось использование собственных имён, принадлежат Аристотелю [Аристотель, 1998; 1982]. В его «Риторике» и «Поэтике» содержатся некоторые рассуждения об именах и их носителях, зачастую отождествляемых, описываются отдельные приёмы использования имён и именных оборотов речи, рекомендуемые и используемые для усиления эстетического или эмоционального эффекта: сравнения, метафоры, употребление имён богов и мифических героев [Аристотель, 1998, с. 947-952], амплификации в поэзии Гомера [Там же. С. 985] и т.п. Примерно через сто лет после Аристотеля стоик Хрисиппа выделил собственные имена в самостоятельный класс имён [Суперанская, 1973, с. 49]. Наиболее известным трудом античности, касающимся темы собственных имён, является «Диалоги» Платона. В диалоге «Кратил» философ, пытаясь разрешить спор Кратила и Гермогена, в ходе логических рассуждений задаётся рядом вопросов о природе и сущности имён, которые обсуждает в полемике с Сократом: происходит ли присвоение имён по произвольному выбору или в силу природы именуемых вещей; что следует понимать под природой вещей; о ‘правильности’ использования собственных имён; об относительности понятия истинности или ложности наименований и понятий [Платон, 1936, с. 36-59]; о происхождении и ‘установителе’ имён (см. раздел 3.2.2). Трансформируя обсуждаемые вопросы в современный язык, можно сказать, что был очерчен круг проблем, характерный для современной ономастики: о природе имён, их семантике, о степени соответствия имён персонажам, о воздействии их формальной и содержательной стороны при составлении и восприятии поэтических текстов.

Однако менее известны опыты осмысления имён, относящиеся к ещё более древнему периоду. Речь идёт о началах грамматико-поэтического и фонетико-поэтического анализа в ранних текстах на древних индоевропейских языках, которые обнаружил Ф. де Соссюр, представляющие собой, по мнению этого лингвиста, попытки анализа звуковой субстанции, предпринимаемые самим поэтом [Соссюр, 1977 (2), с. 639-640]. Это открытие привело ученого к выводу, что звуковой анализ слов был обычным занятием поэта, наукой о произносимой форме слов, которая «с самых древних индоевропейских времен была причиной превосходства, особых качеств индийских kavis, латинских vates и т.д.» [Там же. С. 639]. См. подробнее – в разделе 1.2.3.

1.2.1.2 Начало специальным ономастическим исследованиям в современной науке было положено, как принято считать, в XIX в. английским учёным Дж. С. Миллем. Его рассуждения строились на логико-философской основе (с опорой на идеи Т. Гоббса), тем не менее, основные положения оказали влияние на последующие языковедческие теории, прежде всего, на теорию референции, теорию номинации, в частности, на взгляды относительно собственных и нарицательных имён. По Миллю, имена – это названия самих вещей, а не наших представлений о вещах. «Все имена суть имена чего-нибудь – все равно, действительного ли или же воображаемого, но не каждый отдельный предмет имеет свое название. Для некоторых предметов требуются, а потому имеются, особые, отличительные имена: например, для каждой отдельной личности, для каждого значительного места и т. д.» [Милль, 1914, с. 22]. Миллю принадлежит исходное суждение, согласно которому имена понимаются как некие ‘метки’ наподобие красной черты, произвольно выбранной для маркировки чего-либо. Их назначение – обозначать вещи или лиц, не сообщая при этом никакого содержания. Такое отношение к именам заимствовалось языкознанием, укоренилось и оставалось господствующим более ста лет.

Милль провёл чёткое разграничение между именами нарицательными и именами собственными, считая, что их различие коренится в самой природе языка, кроме того, ввёл термин ‘коннотация’. Противопоставив имена по

отношению к обозначаемому предмету, он разделил их на коннотативные (созначающие) имена и неконнотативные, понимая под вторыми имена собственные, на том основании, что они лишь указывают на предметы, но не характеризуют их [Милль, 1914, с. 27]. Одновременно с этим Милль, по словам Н. Д. Арутюновой, утверждает «семантический дуализм имён» [Арутюнова, 1982, с. 7], заявляя, что значение заключается не в том, что имя денотирует, а в том, что оно коннотирует, и у имен, лишённых коннотации, отсутствует значение. Дж. С. Милль следовал принципам логики, которые не всегда симметрично действуют в лингвистике, тем не менее ономастические теории оставались под влиянием его идей в течение всего XX в.

Следует сказать, что разделение имён на общие (нарицательные) и собственные ещё в начале XVIII в. ввёл Г.-В. Лейбниц. Он писал: «Хотя существуют только единичные вещи, но большая часть слов тем не менее состоит из общих терминов; <….> так как нам часто необходимо упоминать некоторых индивидов, в особенности человеческого рода, мы пользуемся собственными именами, даваемыми также странам, городам, горам и другим различиям по месту» [Лейбниц, 1983, с. 288-289]. Но идеи Милля инициировали дискуссию вокруг вопроса о языковом знаке, в которую включились многие учёные логико-философского направления, а затем и лингвисты, затрагивая так или иначе статус собственных имён.

Особое внимание идеям Дж. Милля уделял другой логик, Х. В. Б. Джозеф, считая его взгляды номиналистическими [Joseph, 1916, с. 31-32]. Согласно Джозефу, номинализм (при котором объекты, получившие одинаковые индивидуальные именования, кроме этого не имеют ничего общего), онтологически противопоставлен реализму, с точки зрения которого одинаково названные объекты имеют общие характеристики, называемые универсалиями (universal). Развивая идею Милля об именах-метках, Джозеф приходил к противоположному выводу: имя собственное может значить даже больше, чем имя нарицательное. Так метка в виде царапины на монете отличит её от других таких же монет; так шрам Одиссея позволил его няне узнать его. Так имя

сообщает больше информации об объекте, давая возможность узнать его, потому что оно «усваивает свою сигнификацию от индивида, которому дано» [Joseph, 1946, с.151-152]. «Если имя собственное обозначает нечто хорошо знакомое, оно может быть весьма поучительным», но оно не информирует того, кто не знаком с индивидом [Там же]. Важным вкладом Джозефа в теорию собственных имён стало также развитие учения о денотации и коннотации.

Ономастические исследования XX в. испытали существенное влияние теории Б. Рассела [Рассел, 1982; 1997], который, по мнению Н. Д. Арутюновой, «стремился освободиться от логических «неудобств», создаваемых семантическим дуализмом именных выражений, путём чёткого разграничения имён собственных, или собственно имён, и дескрипций (описательных выражений, в том числе имён нарицательных)» [Арутюнова, 1982, с. 8-9]. С точки зрения логики Рассела, имя – простой (полный) символ, имеющий значение (соотнесённый с денотатом) сам по себе и предназначенный для выполнения функции субъекта суждения. В отличие от него, дескрипция является не полным символом, приобретающим значение (отнесённость к денотату) только в составе предложения, т.е. когда она актуализирована в речи в пропозициональной функции (в роли предиката). Сравнивая то и другое, он считал имена эквивалентами свёрнутой дескрипции (скрытыми дескрипциями). Рассел полагал, что об ИС можно говорить только при наличии денотата, если же нет реального объекта именования, то имя бессмысленно, то есть *Сократ* для него – имя, а *Гамлет* – не имя [Рассел, 1997, с. 84-97]. А. В. Суперанская видела в рассуждениях Рассела противоречие, справедливо считая, что в них наблюдается смешение ИС и обозначаемого им объекта, при котором имя как лингвистическая категория подменяется сведениями о его денотате. Она критиковала и логическое утверждение, что «собственные имена – это постоянные, являющиеся значениями переменных низшего типа» [Там же], замечая, что собственные имена не могут быть значениями нарицательных, а, напротив, значение ИС раскрывается с помощью ИН [Суперанская, 1973, с. 63-65].

Отдавая должное западным философским теориям, повлиявшим на возникновение и развитие ономастики как науки, не видим необходимости в детальном изложении всех концепций, тем более что они достаточно освещены в подробных обзорах, в частности, А. В. Суперанской (см. указанную работу), Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1982], Д. И. Ермоловичем [Ермолович, 2004, с. 16-67]. Лингвистические теории, выдвинутые во второй половине XX в., рассматриваются далее в необходимом для данного исследования объёме.

1.2.1.3 В отечественной философской и филологической мысли XX в. традиция рассмотрения имени как особого рода слова представлена, прежде всего, в исследованиях П. А. Флоренского [Флоренский, 2000], А. Ф. Лосева [Лосев, 2010-2013; 1990], а также представителей семиотической школы Ю. М. Лотмана [Лотман, 2000], Вяч. Вс. Иванова [Иванов, 1964; Иванов, 1974], В. Н. Топорова [Топоров, 1980; 1985; 1986; 1989]. Обращение к той или иной сфере имяупотребления, осмысление этого явления в философских и филологических наблюдениях в итоге оформилось в ряд интересных и глубоких теоретических заключений, которые стали стимулом для зарождения новых направлений ономастических исследований. О них говорится далее в настоящей главе, а также в других разделах, посвящённых вопросам методологи и онтологии ИС (Глава 2; 3).

Павел Флоренский пытался установить связь между именем и личностью его носителя, анализируя ряд православных имен сквозь призму судеб конкретных исторических личностей. В результате он пришёл к выводу о том, что в имени «выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет далее ее духовное и душевное строение» [Флоренский, 2000: 40]. Материалистическим складом научного мышления подобные идеи не разделялись, однако в последние десятилетия XX в. заметно возрос интерес к оригинальным идеям учёного. В научном отношении содержательно описание фонетической стороны имён русского языка, преломлённое в анализе художественного текста, изложенное в книге «Имена», о чём речь пойдёт далее.

Созвучны идеям Павла Флоренского философские размышления о. Сергия Булгакова. Для него необходимым является установление сущности

слова, или, выражаясь его же словами, «интуиции слова, узрение его в его собственном бытии — в его идее» [Булгаков, 1998: 7]. Значение слова и речи определяется ролью и статусом Софии как трансцендентальной основы мира, являемой в именовании, которое в свою очередь рассматривается как антропокосмический акт: учение о Софии тварной, возникающей из первичного двуединства Божественной Софии и абсолютного небытия и отличающейся от божественной природы не по сущности, а по факту, позволяет рассматривать слова обыденного языка как энергийно сопряженные с Сущностью, несмотря на то, что их непосредственные смыслы коренятся в тварной области идей. Содержание слова для о. С. Булгакова – некая космическая сила, являющаяся миру через говорение, осуществляемое человеком, который представляет собой микрокосм, в котором осознает и осуществляет себя космос. Именно антропологическая природа слова делает его символом: язык есть явление социально-историческое и вместе с тем метаисторическое, поскольку метафизической основой объединенной речи является „внутренний“ язык, «не говоримый, но говорящий в нас» [Булгаков, 1998].

1.2.1.4 Особенное место в развитии взглядов на имя и его значение принадлежит лингвофилософской теории А.Ф. Лосева [Лосев, 1990; 2008]. Суть её состоит в утверждении значимости имени для человека как важнейшей и неотъемлемой составляющей его сущности, сознания и самосознания, что, по Лосеву, подтверждается реальностью нашей жизни. Имя – центральный момент действительности, основание и сокровенный конститутивный элемент всего сущего («В слове и имени – встреча всех возможных пластов бытия» [Лосев, 1990, с. 33]). Упоминанием, актом называния имени отмечаются важнейшие, наивысшие в эмоциональном отношении моменты жизни человека. «В любви мы все повторяем любимое имя и взываем к любимому через его имя. В ненависти мы хулим и унижаем ненавидимое через его имя. И молимся мы и проклинаем через имена, через произнесение имени. И нет границ жизни имени, нет меры для его могущества. Именем и словами создан и держится мир» [Там же. С. 166]. Имя и слово в концепции Лосева понимаются как единая сущность;

имя – это наиболее ‘сгущенное’ и напряженное в смысловом отношении слово. Познание ни в каком виде не мыслимо без слова, без проникновения в его сущность. «В слове и в особенности в имени – все наше культурное богатство, накапливаемое в течение веков; и не может быть никакой психологии мысли, равно как и логики, феноменологии и онтологии, вне анализа слова и имени. В слове и имени – встреча всех возможных пластов бытия» [Там же. С. 33].

В «Философии имени» А. Ф. Лосев проводит феноменологическое исследование слова (имени), в котором исходит из понимания языка как реальности, скрывающей тайны бытия. Ученый подходит к анализу «подлинной сущности имени», заключающейся, по мнению Лосева, в структуре значения имени. Начинается феноменологическое рассмотрение слова и имени с анализа звуковой оболочки – ‘фонемы’ имени. Исходя из общепринятого представления о фонетической оболочке слова как о звучании в акустическом смысле и совокупности членораздельных звуков, произносимых человеческим голосом, ученый идёт дальше, наделяя фонетическую структуру имени способностью к участию в его значении. «Всякое имя нечто значит, и звуки, входящие в состав его фонемы, нечто обозначают» [Там же. С. 37]. Рассматривая звуковой комплекс как «непременный и обязательный слой имени», Лосев выделил в нём «значение фонемы» – совокупность определенных звуковых явлений, посредством которых понимается и высказывается «особое значение», уже не фонематическое, но «обладающее характером значения, значимости», и названное семемой, которая и наделяет фонему особыми значениями. Этими моментами являются этимологический («корень» слова, «элементарная звуковая группа, которая наделена уже определенным значением» [Там же. С. 38]), морфема, устанавливающая возможности связанности одного слова с другим; синтагматический слой, обеспечивающий «смысловую энергию всего предложения», и пойематический слой, обеспечивающий вариативность смысла слов в живой речи в зависимости от способов и приемов, «употребляемых с целями выразительности», то есть осуществляемую подбором стилистических и просодических средств. Совокупность перечисленных моментов проявляется в способности говорить о значении слова в

применении к звуковой его стороне, так как «в них совпадают значение и звук – так, что звук носит не-звуковое значение. Звук, фонема тут есть поэтому символ (симболон) не-звукового значения“ [Там же. С. 36-40]. В результате феноменологического рассмотрения природы слова-имени, обладающего, с одной стороны, специфической плотью и являющегося, с другой стороны, проявлением духа, А. Ф. Лосев подходит к представлению о сущности слова как синтезе формы и материи будущей мысли. «В имени – какое-то интимное единство разъятых сфер бытия, единство, приводящее к совместной жизни их в одном цельном, уже не просто “субъективном” или просто “объективном” сознании. Имя предмета есть цельный организм его жизни в иной жизни» [Там же. С. 49]. Таким образом, в феноменологической концепции А. Ф. Лосева утверждается существование в слове (имени) разных ‘слоёв’, участвующих в формировании смысла, а фонетический аспект рассматривается не как ‘пустая’ оболочка, но как один из ‘слоёв’ материального воплощения значения.

1.2.2 Ономастическое направление в языкознании

1.2.2.1 Ономастические теории в лингвистике. Западная лингвистическая традиция в вопросах ономастики долгое время оставалась под влиянием Дж. Милля. Это проявилось в теориях учёных, последовательно отстаивающих основные положения Милля, и, напротив, полемизирующих с ним [Гардинер, 1957; Рассел, 1997; Стросон, 1982; Крипке, 1982; Куайн, 1982; Курилович, 1962; 1982; Evans, 1984; Frege, 1892 и др.].

Г. Фреге в своей основополагающей статье по проблемам смысла и значения искал объяснение лингвистическим вопросам на основе тождеств. В ходе рассуждений он приходил к результату, что два объекта, будучи одним и тем же, могут иметь разный смысл, как в примере со звездой, которая в одном случае именуется *Утренней звездой*, а в другом – *Вечерней звездой („Abendstern“* und *„Morgenstern“*) [Frege, 1892]. Фреге, как и Рассел, рассматривал ИС как скрытые дескрипции, определяя референта с помощью описания. Однако он разделял такие понятия как знак («Zeichen»), имя («Name»), собственное имя («Eigenname»), обозначение («Bezeichnung»), смысл («Sinn»), значение

(«Bedeutung»), представление («Vorstellung»). Смысл ИС осознаёт каждый, кто в достаточной мере знает язык (или всю совокупность обозначений), к которому он принадлежит: но с его помощью значение всегда проясняется только с одной стороны. «Для всестороннего постижения значения необходимо было бы, чтобы мы смогли одновременно указать каждый данный смысл, который относится к нему [значению]. Этого мы никогда не достигнем. Регулярная связь между знаком, его смыслом и его же значением, такого рода, что знаку соответствует определённый смысл, а ему опять же соответствует определённое значение, в то время как значению (предмету) принадлежит не только один знак»[1] [Frege, 1892, p. 28]. Соотношение между основными компонентами, применительно к ИС, по Фреге, таково: значение ИС – это сам предмет, который мы им обозначаем; представление, которое у нас при этом возникает, совершенно субъективно; между ними лежит смысл, который уже не так субъективен, как наше представление, но в то же время и не есть сам предмет [Ibid. P. 31].

Разделяя понятия значения и смысла, Фреге обращал внимание на то, что для одного и того же смысла в разных языках, и даже в одном и том же, имеются разные выражения. Понятно, что в полной совокупности знаков (т.е. в языке) каждому выражению должен соответствовать определённый смысл; но языки народов во многом не отвечают этому требованию, и надо быть довольным, пишет учёный, уже если в одной и той же ситуации одно и то же слово имеет всегда один и тот же смысл. Тем самым Фреге указывал на многозначность/неоднозначность языковых единиц, а, с другой стороны, на отношения синонимии, вкладывая в термин ‘значение’ широкий смысл и акцентируя при этом неустойчивость и изменчивость семантики как таковой [Ibid. P. 28-29]. Стремясь дать точное и краткое определение собственному имени, он составил следующую формулировку: «Имя собственное (слово, знак, соединение

[1] Die regelmäßige Verknüpfung zwischen dem Zeichen, dessen Sinn und dessen Bedeutung ist derart, daß dem Zeichen ein bestimmter Sinn und diesem wieder eine bestimmte Bedeutung entspricht, während zu einer Bedeutung (einem Gegenstande) nicht nur ein Zeichen zugehört.

знаков, выражение) выражает свой смысл, означает или обозначает своё значение. Мы выражаем знаком его смысл и обозначаем им его же значение» [Ibid. P. 32].

Английский лингвист А. Гардинер акцентировал, как и Милль, отсутствие у собственных имен значения и определял сущность понятия ‘собственное имя’ через его референтную отнесенность. Отводя ИС роль идентификатора, не имеющего значения, но обладающего «различительной силой звука», он определял имя как «слово или группу слов, для которых идентификация признаётся специфическим назначением и которые выполняют или стремятся выполнять эту роль единственно в силу своего отличительного звукового облика безотносительно к какому-либо значению, которое этот звук имеет вначале или получает через ассоциацию с идентифицирующим объектом или объектами» [Gardiner, 1957, c. 43]. При этом «сигнификативная сила» выражает различие между собственными и нарицательными именами и зависит только от звучания. В этом определении обращает на себя внимание увязывание значения ИС со звучанием и этимологией, а также с ассоциативными связями, которые могут устанавливаться на основе звучания.

Г. Иванс, продолжая исследование референции, заключил, что ни одна теория не может объяснить всё разнообразие случаев использования индивидуализирующих знаков (по Ивансу, «сингулярных термов») [Evans, 1984, p. 89]. Он выделил три типа референции: основанной на информации, основанной на указании и основанной на узнавании, в зависимости от отношения говорящего о предмете к предмету, а не от характеристик самого предмета. Д. Н. Ермолович видит значение выделенных Г. Ивансом разновидностей референции для изучения ИС в том, что две из них (основанная на информации и соответственно на узнавании) актуальны для этой категории лексики. Иванс рассматривал референцию с учётом коммуникативного фактора, а основным механизмом формирования референции считал узнавание и идентификацию [Ibid. p. 382].

Теория имён как жёстких десигнаторов С. Крипке также базировалась на постулате об отсутствии у ИС значения, однако возражала против дескрипционной концепции (Рассел, Фреге). Она устанавливала прямую связь

имени с предметом, не опосредованную значением, утверждая, что достаточно соотнести имя (‘сингулярный терм’) с денотатом, чтобы вынести суждение о нём. Таким образом, ИС противопоставлялись дескрипциям, назывались жёсткими десигнаторами, а дескрипции – нежёсткими, т.е. не способными или не всегда способными к референции. Рассматривая референцию ИС, Крипке предложил различать референцию говорящего и семантическую референцию, при этом семантическая референция определялась языковой конвенцией, тогда как референция говорящего – контекстом и намерением говорящего [Крипке, 1982, с. 340-376]. Как считает Д. Н. Ермолович, и с этим можно согласиться, Крипке видел референцию ИС в отнесённости имени к объекту реальной действительности, «который решительно выводится за пределы ментальной деятельности человека и рассматривается без всякого учёта деятельности сознания в отражении действительности» [Ермолович, 2004, с. 20].

Как показывает краткий обзор, большинство авторов представленных теорий следует за Дж. Миллем в отрицании у ИС лексического, а то и вообще какого-либо значения. Именам отводится роль идентификатора, который сам по себе ничего не значит, ввиду отсутствия собственного значения, и выполняет идентифицирующую функцию лишь посредством различительной способности звуков.

1.2.2.2. Становление и развитие отечественной ономастики. В российской науке одна из первых попыток осмысления собственных имен, определения их места в системе языка принадлежит М. В. Ломоносову: «Подобным образом человек есть род, а воин, судья, крестьянин суть виды и различаются на верхние и нижние. Верхние виды могут быть сами родами и заключать в себе нижние виды. Например судья, в рассуждении Якова, Феодора, Ивана и прочих имен, есть род: ибо судья может быть Иван, Яков, Федор, которые суть виды и называются Имена Собственные, прочие вышние виды и роды: птица, орел, человек, купец, суть Имена Нарицательные» [Ломоносов, 1788, с. 27].

В XIX в. исследование онимной лексики заключалось в сборе и обработке

материала и составлении первых словарей имён И. И. Срезневского [Матеріалы для словаря…, 1902] и Н. М. Тупикова [Словарь древне-русскихъ…,1903].

Становление русской ономастики как науки относится к 30–50-м гг. XX в. Значительное влияние на теорию ономастики оказала философия языка и имени А. Ф. Лосева, о которой говорилось в разделе1.2.1.4. Однако начальный этап развития ономастического направления связывается в первую очередь с эмпирическими исследованиями А. М Селищева. Его труд «Из старой и новой топонимии» (1939 г.) представляет собой исторический и социолингвистический анализ русской топонимии дореволюционного и современного исследователю советского периода. Учёный рассматривал онимный материал с точки зрения лингвистики (семантики, словообразования), учитывая при этом социокультурные факторы и этимологию старых и новых географических названий. Весомый вклад А. М. Селищева в становление и развитие русской ономастики состоит и в опыте изучения антропонимии, который получил известность благодаря публикации работы «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ» [Селищев, 1968] его последователем В.К. Чичаговым. На основе материалов словаря Н. М. Тупикова Селищев составил классификацию древнерусских имён, распределив их на 19 групп, исходя из значения производящего слова. При этом учитывались как лингвистические свойства антропонимов, так и характерные качества их носителей: этническая, профессиональная принадлежность, социальный статус и т. д. [Селищев, 1968, с. 108–114]. По оценке В. Д. Бондалетова, работы Селищева отличает высокая лингвистическая культура, историзм, сочетание структурно-языкового и экстралингвистического подхода, понимание языкового своеобразия онимной лексики и генетической связи ее с лексикой апеллятивной, что позволило говорить о новой методологии, учитывающей специфику функционирования и развития «языка и его ономастического отдела» [Бондалетов, 1983].

Труды А. М. Селищева оказали влияние на последующие исследования онимной лексики, определив основные принципы и направления советской ономастической школы [Там же]. Его ученик В. К. Чичагов много работал с

эмпирическим материалом, обобщив затем результаты в теоретическом труде «Из истории русских имен, отчеств и фамилий» [Чичагов, 1959]. В книге было впервые представлено развернутое описание истории русской трехчленной системы именования. Это исследование русской антропонимии XV—XVII вв. послужило, по мнению В. Л. Бондалетова, «канвой и в известной мере образцом для последующих занятий русской исторической антропонимией» [Бондалетов, 1983]. Прослеживая процесс образования фамилий в русском языке, который, по его наблюдениям, завершился к началу XVIII в., автор описал различные формы именований, отметил характерные особенности, к примеру, тенденции к ассимиляции форм на *-ова, -ина* на последнем этапе образования фамилий, когда антропонимические формы на *-ова* вытеснялись формами на *–ов* (*Борис Дмитриев сын Косачова → Борис Дмитриев сын Косачов*) [Чичагов, 1959, с. 117-118]. Было дано объяснение этой тенденции не только с точки зрения грамматики, а и с учётом смысловых факторов: «наименование стремилось стать единым, всеми своими частями связанным именем», что вело к осознанию слов на *-ова* не как слов, указывающих на определённого предка, а на предка вообще [Там же]. В. К. Чичагов разработал также определения основных антропонимических единиц, вошедших в метаязык ономастики.

В 60-е годы отмечается возрастание интереса к ономастической проблематике и утверждение статуса ономастики как самостоятельной лингвистической дисциплины, а не вспомогательной по отношению к истории, этнографии и т.д. Начало 60-х гг. называют периодом «становления ономастики в её современном облике и статусе» [Березович, 2001, с. 35]. Конец 60 -х – первая половина 70-х годов XX века – время расцвета исследований в области ономастики и в первую очередь антропонимических и топонимических исследований, расширения их проблематики и фактической базы, разработки и уточнения принципов и методов работы [Березович, 2001; Бондалетов, 1983; Евдошенко, 1970; Скребнева, 2011, с. 103-107]. Развитие ономастической науки в последующие десятилетия происходит по следующим основным направлениям: 1) общие проблемы ономастики, определение и уточнение методики исследования,

проблема семантики имен, поиск источников пополнения современного онимикона и антропонимикона, социальный и функциональной аспект ономастики [Бондалетов, 1983; Евдошенко, 1970; Карпенко, 1988; Отин, 1981; Стерлигов, 1981; Суперанская, 1973; Топоров, 1962]; 2) описание региональной топонимии и антропонимии [Глинских, 1987; Матвеев, 1977; Отин, 1983; 1997 и др.]; 3) историческая ономастика и терминология [Альтман, 1936; 1937; Иванов, 1964; Иванов, Топоров, 1974; Ковалёв, 1982]; 4) структурные исследования словообразовательных средств антропонимики в синхронии и диахронии, классификация и систематизация онимов [Альтман, 1936; 1937; Салахов, 1982; 1984 и др.]; 5) литературная ономастика [Зайцева, 1973; Калинкин, 1987; Карпенко, 1986; Колоколова, 1979; Кондратьева, 1967; Магазаник, 1978; Максимова, Отин, 1997; Михайлов, 1954; 1956; 1965 и др.; Михайловская, 1978; Некрасова, 1976; Немировская, 1988; Никонов, 1974; Слонимский, 1963; Таич, 1973; Фонякова, 1990]; 6) прикладные аспекты (практическая транскрипция и транслитерация, стандартизация имен при письменной фиксации, орфография и лексикография онимов) [Веселовский, 1974; Калакуцкая, 1993; Кондратьева, 1983; Никонов, 1993; Сталтмане, 1989; Подольская, 1978].

Следует отметить опыты описания и систематизации ИС художественных произведений [Зайцева, 1973; Калинкин, 1987; Фонякова, 1990], повлиявших на становление поэтонимологии как отрасли ономастики.

Исследования данного периода проводились большей частью на материале русского языка, но появлялись работы, посвящённые ИС германских языков: английского [Зайцева, 1973], немецкого [Муравлева, 1987; Салахов, 1982; 1984; Стерлигов, 1981]. Начинания в этой области ономастики не были многочисленны, однако, несмотря на неразработанность методов, отличались обстоятельностью; они послужили фундаментом для последующих разработок различных аспектов ономастики германских языков.

1.2.2.3 Ономастическое направление в Германии. Изучение проприальной лексики немецкими учёными берёт начало в XIX в., когда основоположник германистики Я. Гримм опубликовал свою работу о топонимах в

журнале «Общество истории и краеведения Гессена» (1839 г.). Я. Гримм относился к ИС как к древнейшим памятникам культуры и истории, изучение которых необходимо для изучения обычаев и традиций предков. Он придавал большое значение этимологии, опираясь на свойственное для того времени положение, согласно которому имя отражает сущность его носителя [Приводится по: Беляев, 2016, с. 54-55]. Кроме Я. Гримма, исследованием ИС занимался Э. Фёрстеманн, широко известны его труд «Древненемецкий ономастикон» (1859) и монография «Немецкие топонимы» (1863) [Там же]. В XX в. получила известность концепция собственных имён О. Функе, которая развивала в ‘теории этикеток’ тезис Милля об отсутствии у ИС значения [Funke, 1925, с. 77-79].

На протяжении XX в. немецкими германистами успешно проводились ономастические исследования в области топонимики, традиционно связанной с историей языка и этимологией. В становлении и развитии не только топонимики, но и в целом ономастики как науки большое значение принадлежит А. Баху, автору двухтомной монографии «Немецкая ономастика» («Deutsche Namenkunde» [Bach, 1953; 1954]. Помимо лингвистического описания ИС, сведений о мотивах имянаречения, социокультурных, исторических, географических контекстах работа включала анализ состояния ономастического направления языкознания и постановку задач на перспективу. В числе проблем, требующих дальнейшей разработки, назывались чисто лингвистические вопросы, относящиеся к фонетике, словообразованию, морфологии, этимологии; вопросы истории имён, историко-географические вопросы; социологические вопросы; психологические факторы в ономастике. Таким образом, автор указывал на необходимость многоаспектного исследования всего множества собственных имён, видя уже тогда в ИС феномен языка и культуры одновременно. Но в то же время А. Бах усматривал в особенностях формирования онимикона, в традициях имянаречения, имяупотребления, в структурных особенностях ИС проявления «духа народа», мистическую связь языка и народа, где подразумевается воздействие языка на мировоззрение его носителей.

В области топонимики работал М. Фасмер, результатом стали его труды по

германской и славянской топонимике [Vasmer, 1971], охватывающие географию «от Эльбы до Урала и от Балтийского моря до Балкан» [Цит. по: K. Hengst, 2010, S. 8]. Продолжением этого направления как в славистике, так и в германистике стали исследования Лейпцигской ономастической школы, в которой в разное время участвовали такие выдающиеся лингвисты как Г. Вальтер, Э. Вебер, Х. Науманн, Р. Олеш, Ю. Удолп, Э. Шмитт, Р. Фишер, В. Фляйшер, Ф. Хелфрицш, Э. Эйхлер и др. Как отмечает К. Хенгст, первоначально Г. Вальтер, Э. Эйхлер и Х. Науманн вместе с В. Фляйшером составляли ядро исследовательской группы, которая разрабатывала круг тем исторического рассмотрения как географических, так и личных ИС периода средневековья. В 60-70-е гг. ономастическое направление развивалось и в Берлинской Академии наук (Г.-Г. Билефельд, Т. Витковски и др.), сориентированное главным образом на топонимию региона [Hengst, 2010, c. 10-12].

Следует отметить заслуги Э. Эйхлера, как учёного и основателя Германского ономастического общества, который работал в области ономастики с 60-х гг. до последнего времени. Научные интересы этого лингвиста были сосредоточены в основном на топонимии Германии, в особенности на немецко-славянских языковых контактах, отображённых в ономастике [Eichler, 2001; 2011 etc.].

Весомый вклад и в практическую ономастику, и в разработку теории внёс В. Фляйшер, имя которого связано с исследованиями разных аспектов онимов немецкого языка (словообразования, семантики, этимологии) [Fleischer, 1968; 1973]. Давая определение собственному имени, он акцентировал, что ИС отличается от апеллятива тем, что не выражает лексическое значение. Так, апеллятивы *Schuster, Fleischer, Bäcker* как слова передают понятийное представление, которое базируется на лексическом значении, относятся не к единичным существам, а подразумевают всех людей этой профессии. Другое дело – *Schuster, Fleischer* или *Bäcker*, когда они уже не передают лексическое значение, а употребляются как имена собственные [Fleischer, 1968, P. 8]. Относящиеся к этому же периоду и более поздние работы касаются проблематики собственных имён в историко-культурном аспекте, в связи с историей языка и историческим

самосознанием народа [Naumann, 1998; Seibicke, 1996].

В ономастике 1980-х–2000-х гг. следует отметить расширение спектра обсуждаемых вопросов, среди которых наиболее дискутируемыми, помимо традиционных макро- и микротопонимики, ‘исторической’ ономастики и лексикографии [Eichler, 2001; Gottschald, 1982;], становятся проблемы теории и методологии ономастических исследований, социокультурное [Хенгст, 2005; Burkhardt, 2005; Földes, 1995; Gerhards, 2010; Seibicke, 1996; Willems, 1996; 2000] функционирование ИС. В области теории и методики ономастических исследований очевидны заслуги Х. Науманна, Ф. Хелфрицша и К. Хенгста.

Что касается ономастики литературных произведений, то наиболее значительным является вклад в эту область В. Фляйшера, в частности, его работы теоретической направленности «Ономастика и стилистика» («Onomastik und Stilistik»), «Имя собственное как вторичное наименование» («Der Eigenname als sekundäre Benennung»). Следует также назвать Д. Крюгер, которая исследовала роль и функции ИС в текстах художественной литературы [приводится по: Naumann, 2011, P. 76-80], и Ф. Хелфрицша, который уже в 70-е гг. занимался изучением стилистических возможностей ИС [Hellfritsch, 1973]. Однако, несмотря на весомый вклад указанных учёных, это направление, к сожалению, не получило в то время широкой поддержки. Зато в последние десятилетия, наряду с такими традиционными для немецкой ономастики направлениями как изучение, инвентаризация и систематизация географических, личных и фамильных ИС [Eichler, 2001; 2011; Hengst, 2011; Hengst, Krüger, 2011; Lexikon, 2016; Magdeburger Namenlandschaft…, 2005; Namen und Kulturlandschaften…, 2015; Namenwelten, 2004; Udolph, 2011; Wenzel, 2011 и др.], внимание германистов всё больше привлекает тема использования образных возможностей онимов как в практике речевой коммуникации, так и в художественной литературе, их стилистическое, метафорическое, фразеологическое функционирование [Bergien, 2011; Debus, 1992; 1998; Földes, 1995; Ganzer, 2008; Kohlheim R., 2011 (1); Kohlheim V., 2011; Mundal, 2004 и др.].

1.2.3 Звучание имени и поэтическая речь в истории научной мысли

1.2.3.1 Первоначальные суждения о звучании слов и речи

Вопросы использования имени в художественном произведении осознаются со времён становления поэтики как науки. Однако исторические факты культуры и языка свидетельствуют о том, что с древнейших времен пытливые умы анализировали произведения словесного творчества, стремясь осмыслить значение разнообразных поэтических приемов и средств, в том числе связанных с именем собственным. Одно из свидетельств тому – результаты исследования Ф. де Соссюром древних индоевропейских поэтических текстов, которые показали, что древнеиндийские Веды содержат постановку вопроса о связи звука и значения [Соссюр, 1977 (2), с. 639]. Лингвист заметил в языке древнейшей индоевропейской поэзии как семантический, так и звуковой параллелизмы, такое специфическое строение текстов он назвал «анафоническая (anaphonique)» и «анаграмматическая (anagrammatique)» поэзия. Кроме того, обнаружились взаимосвязи, в которых «звуковые повторы и звукопись оказываются не просто средствами достижения звуковой симметрии, но, прежде всего, связываются со словотемой стихотворения» [Иванов, 1977*:* 638]. Позже это открытие подтвердилось исследованиями других учёных [Воронин, 1982, с. 10; Топоров, 1985(2), с. 10-16]. В. Н Топоров не только подтвердил заключение де Соссюра относительно того, что «анализ звукового состава слова был основой науки о произносимой форме слов, которой усердно занимались ведийские поэты», но внёс дополнение: «результаты анализа использовались при последующем синтезе – объединении разъятых элементов в целое» [Топоров, 1985(2), с. 10-11]. Он заметил параллелизм операций жреца, связанных с жертвоприношением и созданием из разъятых частей нового космоса, и действий поэта. Появление в этом контексте глаголов *sam-dhā-* ‘со-ставлять’, ‘складывать’ и *sam-kar-* ‘соединять’, ‘объединять’, *sam-ā-kar* и т.п., с одной стороны, указывало на процесс синтеза, а с другой, послужило основанием для выдвижения Топоровым объяснения происхождения названия древнеиндийского языка (*санскрит* –

sámskr̥ta-) как ‘соединённое вместе’, ‘собранное воедино’, ‘организованное’ и т. п. [Там же. С. 11].

Возвращаясь к Ф. де Соссюру, следует подчеркнуть некоторые моменты, особенно важные для ономастики. Его внимание привлекли тексты отдельных произведений Вед, принцип построения которых состоял в том, «что в них от времени до времени должны повторяться слоги определённого имени» и созвучия, непосредственно связанные с называнием конкретного имени (божества) [Соссюр, 1977, с. 642]. По убеждению де Соссюра, такие повторы были преднамеренными, и свидетельствуют «о главной заботе автора – подражать слогам священного имени» [Там же. С. 640]. Таким способом построения текста достигалась цель выделения сакральных связей слов с именем воспеваемого лица, особенно божества, а построение такого рода текстов предполагало проведение тщательного анализа звукового состава входящих в текст слов. ‘Ключом’ к пониманию взаимоотношений звучания и значения при этом служило имя собственное. Регулярное повторение элементов имени, которому посвящён гимн, является, по де Соссюру, главным принципом индоевропейской поэзии [Там же].

В научной литературе имя Ф. де Соссюра не упоминается в связи с ономастикой, между тем его вклад в исследование проприальной лексики как первого лингвиста, который обратил внимание на поэтику ИС, представляется весьма важным.

Первым из античных философов, кто высказал идеи об ассоциациях между отдельными звуками и теми или иными качествами вещей, был, по-видимому, Платон. Полемизируя как с Кратилом, для которого слово представляло собой полное соответствие предмету, так и с Гермогеном, признававшим только условную, договорную связь предмета и его имени, Платон утверждал мысль, что слово есть некое подобие предмета, более или менее совершенное его отображение. Так впервые была сформулирована идея мотивированности значения слова его звуковой формой [Платон, 1936, с. 36-59]. Она базировалась в значительной мере на способности звука вызывать незвуковые представления, что в современном языкознании сформулировано в гипотезе «первичного звукосимволизма».

Впрочем, Аристотель также замечал, что «красота слова <…> заключается в самом звуке или в обозначаемом им, равно как и безобразие» [Аристотель, 2000, с. 27].

Опыт практического использования ИС с художественными и риторическими целями фиксировался, обобщался и регламентировался затем в трудах, посвященных технике поэтического искусства.

Дионисий Галикарнасский в трактате «О соединении слов» изложил свои размышления о различном влиянии звуков речи на восприятие, об искусстве поэтов, заключающемся «в выборе и сочетании букв и слогов», а также дал характеристику «букв и их качеств» с точки зрения их воздействия на слух. «Буквы эти действуют на слух неодинаково, λ ласкает слух: из всех полугласных она самая сладостная. ρ раздражает слух: из однородных ей букв она самая крепкая. Среднее действие на слух производят произносимые через нос μ и ν, похожие на звучание рога. Некрасива и неприятна σ: слышимая в большом количестве, она раздражает ухо <…>. <…> составляемые или сплетаемые из букв слоги должны с неизбежностью сохранять одновременно как свойства каждой буквы в отдельности, так и получаемые вследствие слияния или соположения букв свойства общего их объединения. Отсюда возникают звуки мягкие и твердые, гладкие и шероховатые, усладительные для слуха и неприятные, резкие и расплывчатые и бесчисленные иные, вызывающие всякого рода другие естественные ощущения» [Дионисий Галикарнасский, 1978, с. 87 и далее]. Философ считал необходимым условием изящества поэзии такое звучание, которое возбуждало бы в слушателях чувства, соответствующие содержанию, а задачей поэта – «сплетением, смешением и сопоставлением скрыть природу худших слов». Мастерство состоит в том, чтобы умело сочетать природные качества звуков, «подбором букв» в словах добиваясь их «соответствия возбуждаемым чувствам»: «Гомер, желая представить образ прекрасного лица и красоту, вызывающую наслаждение, пользуется самыми звучными гласными, самыми мягкими полугласными, не загромождает слогов согласными, не укорачивает звучания стыками труднопроизносимых букв, но создает некое плавное построение букв, сладостно вливающееся в слух. <…> И, напротив,

желая представить зрелище жалостное, страшное или дикое, он выбирает из гласных не самые звучные, а самые шумные, из безгласных же – самые труднопроизносимые, и наполняет ими слог» [Там же]. Показателем высокого мастерства для Дионисия Галикарнасского является использование собственных имён. Образцом в этом является Гомер, у которого и «неблагозвучные» имена так искусно вплетены в поэтическую речь, что становятся благозвучными: «Если спросить какого-нибудь поэта или ритора, какую важность и красоту имеют названия беотийских городов Гирии, Микалесса, Греи, Этеона, Скола, Фисбы, Онхеста, Эвтреза и прочих, подряд упомянутых поэтом, всякий сказал бы, что никакой. Гомер же так искусно их соткал, перемежив благозвучными вставками, что эти названия кажутся величественными» [Там же. С. 186-192].

Достижением научной мысли, соединенной с результатами практического опыта, стало появление античных риторик и поэтик. В них впервые формулировались законы риторической теории и требования к построению художественной речи. В числе предписаний были и рекомендации по ритмической и звуковой организации литературных произведений, составлявшие обязательную и популярную часть всех риторик – elocutio (изложение) [Гаспаров, 1991, с. 39].

Соглашаясь с Р. Якобсоном в том, что суждения древних были лишь «блестящими догадками» о роли звука в речевой деятельности [Якобсон, 1985, с. 32], следует заметить, что все же именно они дали начало множеству исходных теоретических положений в дальнейшем изучении языков. Так, стоики в результате размышлений о природе слова установили, что всякое слово имеет звуковое тело, σώμα. В XX веке о. Сергий Булгаков, давая определение слову, постулировал, что оно «есть соединение звуков голоса и шумов, извлекаемых нашими органами речи» [Булгаков, 1998, с. 3]. Продолжая и развивая тем самым мысль стоиков, он утверждал, что без этого звукового тела нет слова, особенно подчеркивая, что в любом случае это «реально осуществляемое» тело слова является безусловно важным, «все равно, будет ли оно произнесено, или только схематически обозначено, или только возникнет в нашем представлении (как ноты уже содержат в себе музыку независимо от исполнения)» [Там же].

1.2.3.2 Вопрос о звучании в трудах по риторике и поэтике

Внимательное отношение к звуковой стороне произведения культивировалось литературной традицией, восходящей к античности и утвердившейся в эпоху Возрождения и классицизма. Постепенно поэтика превращалась в науку о закономерностях создания литературно-поэтических произведений, ведущая роль в которых отводилась характеру звучания. В Европе XVII – XVIII в.в, а затем в России, был популярен трактат о поэтическом искусстве Никола Буало «Наука о стихотворстве», в котором определялись правила стихосложения. Эти «наставления сочинителям стихов» предписывали заботиться о гармоничном соединении смысла и звучания в произведении:

У баснословія обиліе цвѣтовъ, / И даже имена родились для стиховъ //

Улиссъ, Агамемнонъ, Идоменей, Медея, /

И Гекторъ и *Парисъ, Елена* и *Цирцея. //*

Хотя по глупости однажды былъ избранъ /

Для пѣснопѣнія тяжелый Гильдебранъ, //

Знай – имя дикое, незвучное герою, / Поэму сделает иль грубой иль смешною.

[Наука о стихотворствѣ, 1830, с. 75].

На основе усвоения опыта античной и западноевропейской традиции, переработанной средневековым мировоззрением, формировалось филологическое мышление восточнославянских риторов. Уже в самом раннем из дошедших до нас трактате по риторике, приписываемом митрополиту Макарию, обращалось внимание на оформление речи путем подбора определенным образом звучащих слов: «Украшеніе слова есть, которое ясно и явно и сладкою речію или глаголаніем дѣла и вещи объявляет и показует» [Вомперский, 1988, с. 17]. Искусным считалось умение составлять тексты, не только приятные слуху, но служащие цели порождения у слушателей определенных эмоций. В числе «выображеній», рекомендованных к использованию в художественной речи, названы «тропосы», основанные на поэтических свойствах имени: антономасия («премѣненіе от различія имен») и ономатопея («имѣнотвореніе, новоимѣніе») [Там же. С. 18].

Отечественная риторика активно развивалась как «искусство», «художество» в XVII – начале XVIII века. Значительный вклад в это развитие внесен Феофаном Прокоповичем. Оратор, знаток и сочинитель стихотворных и прозаических произведений, Ф. Прокопович создал свою стилистическую теорию, которую изложил в трактатах «Об ораторском искусстве» и «О поэтическом искусстве» [Прокопович, 1979]. Мастерство красноречия автор видел в искусстве создания благозвучности речи, достигаемой последовательностью определенных слов [Прокопович, 1961, с. 348-349], а недостатки, считал он, создают «резкое скопление подобных слогов или частое повторение одной и той же буквы» [Там же. С. 392].

Правила поэтического мастерства выводились на основе произведений поэтов античности – Гомера, Горация, Аристотеля, Вергилия, Пиндара и др., в которых Прокопович видел достойные подражания «образцы». Выбор поэтических средств должен варьироваться, в зависимости от рода [жанра] произведения, каждый из которых требует своих специфических средств. «Гекзаметр считается наиболее изящным, когда стих соответствует содержанию и созвучен ему каким-то музыкальным приемом, т. е. если он подходящим образом подражает предмету каков он сам по себе – словно внешность предмета нашла себе словесное выражение. Чтобы это удачно вышло, следует учитывать следующие три стороны: звучание слов, ритм и количество стоп, а также сочетание двух первых, т. е. звучания и ритма» [Там же. С. 395]. Давая рекомендации сочинителям, Прокопович приводил в пример достоинства стихов, достигаемые звуковой изобразительностью, в которых «приглушенные и тяжеловесные звучания букв <…> передают звуки конских копыт» или же создается «резкий стук букв, как бывает, когда идет град» [Там же. С. 395-397]. Не остались без внимания и тропы, построенные на созвучиях: антономасии, повторения, перифразы, парентеза, парономасии [Там же. С. 410 и др.].

Антиох Кантемир в «Письме Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» (1743 г.), излагая свою систему стихосложения, рассматривал ряд приемов, имеющих отношение к фонетическому строю русского языка: особенностям ударения, построению слогов, комбинаторике согласных и гласных.

В репертуар поэтических средств, которые могут свободно употребляться в языке поэзии, по мнению А. Д. Кантемира, входят фонематические варианты слов, акцентологические варианты в рифме, а также архаизмы в морфологии (например, родительный падеж мн. числа существительного *век* вместо *веков*), параллельные формы существительных на *ние, тие*, которые могут сокращаться на один слог (*нье, тье*) и «усечение» прилагательных, причастий, местоимений, предлогов. Вполне возможным Кантемир считал приращение буквы *о* к предлогу *из (изо уст)* и к предлогам *в* и *с*, также как и усечение гласных в частицах *же* и *бы*. Кантемир указывал и на «поэтические вольности», которые допустимы, но не везде. Так, не рекомендовал заменять глаголы на *шь* и *ть* формой на *ши* и *ти* в конце стиха, поскольку считал их неблагозвучноми: «такие рифмы весьма уху противны» [Кантемир, 1956, с. 427]. Показательно, что, подписываясь как *Харитон Макентин*, автор использовал неточную анаграмму своего собственного имени (Антиох Кантемир) – фонографический прием, позволяющий переразложением звукобукв имени и фамилии зашифровать авторство.

В России XVIII века литературное творчество и упражнения в стихотворстве были весьма уважаемыми занятиями и ценились не меньше чем просвещенность и научные познания. Будучи слушателем Московской славяно-греко-латинской академии, М. В. Ломоносов записал курс лекций по риторике Порфирия Крайского, ученика Феофана Прокоповича [Кибальник, с. 205-206]. Позднее он напишет «Риторику», которая продолжала и развивала на новом уровне литературно-теоретические мысли его предшественников. М. В. Ломоносов стал первым русским ученым, высказавшим идеи звукового символизма, заметив способность звуков речи вызывать незвуковые впечатления и ощущения. «В российском языке, как кажется, частое повторение письмени а способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного страха; учащение письмени е, и, ѣ, ю к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей; через я показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность; через о, у, ы – страшные и сильные вещи: гнев, зависть, боязнь и печаль. Из согласных письмен твердые к, п,

т и мягкие б, г, д имеют произношение тупое и нет в них ни сладости, ни силы, ежели другие согласные к ним не припряжены, и потому могут только служить в том, чтобы изобразить живяе действия тупые, ленивые и глухой звук имеющие <...>. Твердые с, ф, х, ц, ч, ш и плавкое р имеют произношение звонкое и стремительное, для того могут спомоществовать к лучшему представлению вещей и действий сильных, великих, громких, страшных и великолепных. Мягкие ж, з и плавкое в, л, м, н имеют произношение нежное и потому пристойны к изображению нежных и мягких вещей и действий» [Ломоносов, 1952, с. 241]. Таким образом, М. В. Ломоносов не только указал на символические свойства звуков, но и разработал рекомендации для использования этого явления в художественной речи.

1.2.3.3 Становление и развитие теории поэтики. Практика использования (осознанного или интуитивного) особенностей акустических свойств звуков речи, их способности влиять на восприятие обусловило возникновение поэтики как учения о мастерстве словесного творчества. Поначалу это была теория самих поэтов о законах поэзии, восходящая к древнеиндийским истокам. Индийская поэтика признавала высшим выражением поэтического (dhvani) такое произведение, в котором слово приобретает значение «глубокого и затаенного эффекта», а «смысл и форма слова обнаруживают скрытое содержание и при этом подчиняют ему свое явное значение» [Муратов, 1990, с. 19]. Обнаружение скрытого содержания поэзии осуществляется в поэтическом контексте, тогда как возможность его выражения заключена в слове.

Предпосылками возникновения поэтики как науки стали лингвистические учения, заявившие о себе в XIX – начале XX в.в.

В Германии знаменательным оказывается учение В. фон Гумбольдта. Он рассматривал слова как «знаки отдельных понятий», отмечая, что «в слове всегда наличествует двоякое единство звука и понятия», которое достигается соединением «звуковой формы с внутренними законами языка», которое «приводит к полному взаимопроникновению обоих этих элементов» [Гумбольдт, 1956, с. 73]. Гумбольдт, пожалуй, первым заговорил о природе языка, в которой заложено полное

соответствие одних элементов другим, способное реализоваться «только тогда, когда все строение звуковой формы прочно и единовременно сливается с внутренней структурой языка». Тем самым утверждалось, что язык в своей основе является результатом синтеза, который «создает нечто такое, чего не было ни в одной из соединившихся частей» [Там же. С. 82-86].

В русском языкознании вопрос о связи звучания и значения возникает во взглядах А. А. Потебни на связь развития мышления и возникновения языка. Согласно воззрениям этого учёного, звук как междометие, как рефлексия чувства и чувственный образ, или схема, были уже до слова. Слово же как членораздельный звук рождается благодаря «внутренней форме», которая изменяет и звук, и чувственный образ [Потебня, 1990(2), с. 27]. Основываясь на представлении о том, что язык есть знак, обозначение явления и акт познания человеком окружающего мира, Потебня проследил процесс самого акта познания и то, как именно образ предмета переходит в понятие о предмете, т.е. взаимосвязь языка и мышления.

Начало XX века ознаменовалось возрождением на новом уровне интереса учёных и художников слова к значению звуков. В этом важную роль сыграл основополагающий для современной лингвистики взгляд на язык как знаковую систему Ф. Де Соссюра [Соссюр, 1977(1)]. Учёный понимал под языковым знаком «целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым». Его мысль о произвольности, немотивированности языкового знака положила начало одной из самых оживлённых дискуссий в лингвистике. Обращая внимание на звуковое выражение языка, с одной стороны, и механизмы восприятия, с другой, Ф. Де Соссюр отмечал, что «языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ», который является не материальной сущностью, а «психическим отпечатком звучания, представлением, получаемым нами посредством органов чувств». Таким образом, языковой знак утверждался как «двусторонняя психическая сущность» [Там же. С. 99-101]. Как заметил К. Леви-Стросс, «Курс общей лингвистики» утверждал отношения эквивалентности между «фонетическим, диахронным и индивидуальным, образующим сферу речи», с одной стороны, и «грамматическим,

синхронным и коллективным, относящимся к сфере языка», с другой [Леви-Строс, 2000, с. 369].

Исследования XIX в. в области этнолингвистики, учение И. А. Бодуэна де Куртене о связи мышления с фонетической стороной языка («наша обычная письменность прежде всего приводит в движение фонетико-акустическую сторону языкового мышления»), о фонеме как о «представлении звука» [Б. де Куртене, 1963], труды его ученика Л. Н. Щербы, концепции А. А. Потебни, теории Ф. Де Соссюра – всё это подготовило почву для формирования нового взгляда на соотношение звучания и значения в языке.

Важную роль для исследований в области художественной речи сыграли работы А. А. Потебни, положившие начало теоретической поэтике в России. Учение о внешней и внутренней форме, о том, что внешняя форма слова есть звук, «уже сформированный мыслью» и задаваемый, требуемый содержанием [Потебня, 1990(2), с. 23], утверждало символизм слова. Основные положения концепции об особенностях слова как материала художественного произведения базировались на идеях о том, что «поэзия есть преобразование мысли <…> посредством конкретного образа, выраженного в слове, иначе: она есть создание сравнительно обширного значения при помощи единичного сложного (в отличие от слова) ограниченного словесного образа (знака)» [Там же. С. 139].

Мысли о знаковой природе символа в образе, о соотношении мифологического и поэтического мышления, изобразительных возможностях слова в художественном произведении были подхвачены ‘практическими поэтиками’ формалистских течений начала XX в., прежде всего символистами. Вслед за французскими символистами символисты в России занимались поиском новых форм стихотворной речи. Они восприняли теорию А. А. Потебни о внутренней форме, по-своему переосмыслив ее, а также придали понятию ‘символ’, которым пользовался А. А. Потебня, более широкое и всеобъемлющее значение. Поэтика символизма определяла задачей поэзии не назвать предмет или явление, а лишь указать на него, не лишая его тайны. Внушить (suggerer) – вот мечта и цель. [Романчук, 2002, с. 65; Michaud, 1969, с. 753].

Теоретик русского символизма А. Белый развил идею символизма «жизнестроительного» как нового философско-эстетического мироощущения; в основу его была положена концепция творчества, основанного на «примате “звука”». Живая образная речь состоит из слов, а всякое слово есть прежде всего звук. «Первейшая победа сознания – в творчестве звуковых символов» [Белый, 1994, с. 131]. По определению Ю. С. Степанова, поэзия символизма – это «поэзия имени», «семантическая поэзия» [Степанов, 1985, с. 66]. Согласно теории А. Белого, в слове, в его звуке воссоздаётся новый мир, в пределах которого человек чувствует себя творцом действительности. «Стремясь назвать все, что входит в поле моего зрения, я, в сущности, защищаюсь от враждебного, мне не понятного мира <…>; процесс наименования пространственных и временных явлений словами есть процесс заклинания; всякое слово есть заговор; <…> называя устрашающий меня звук грома “громом“, я создаю звук, который подражает грому (гррр); создавая такой звук, я как бы начинаю воссоздавать гром; процесс воссоздания и есть познание; в сущности, я заклинаю гром» [Белый, 1994, с. 132]. Живая речь является, по Белому, условием существования, квинтэссенцией самого человечества. Но именно творческое слово созидает мир, ибо «в самом звуковом и творческом выражении скрыт глубочайший жизненный смысл слова – быть словом творческим» [Там же. С. 134]. Говоря в разные периоды своего творчества «о синтезе материала, пережитом как звук, из которого рождается образ» [Там же. С. 13], А. Белый стремился подчеркнуть значимость звукового впечатления для художественного процесса. Главное суждение эстетики символизма «Форма есть содержание» выражалось в теории А. Белого в понятии символического единства формы и содержания, возникающего в результате «органического соединения» идей и форм их выражения и создающего образность, выразительность художественного произведения [Там же. С. 27]. Убежденность в определяющей роли звука при выборе не только формы, но и содержания, и темы, «программы» произведения, была основана на личном опыте поэта.

Поэтам-символистам часто удавалось правильно уловить символику звуков, но отсутствие специальных методов исследования приводило к субъективным,

противоречивым суждениям и препятствовало построению научной теории.

О. Мандельштам, как поэт и литературный критик, тонко чувствующий природу слова, возражал против искусственности поэтического языка, он считал необходимым приближение его к живой, непосредственной речи. В изложении своего отношения к слову поэт затрагивал вопросы, которые станут предметом языковедческих дискуссий на протяжении всего XX в. В статье «Заметки о поэзии» в свойственных ему метафорических выражениях он изображал поэтический язык в его полярных состояниях как «буйное морфологическое цветение и отвердение морфологической лавы под смысловой корой» [Мандельштам, 1987, с. 69]. В статье «О природе слова» он писал: «Самое удобное и правильное – рассматривать слово как образ, то есть словесное представление. Этим путем устраняется вопрос о форме и содержании, буде фонетика – форма, все остальное – содержание. Устраняется и вопрос о том, что́ первичнее – значимость слова или его звучащая природа?» [Там же. С. 228].

Многие суждения о поэтическом языке развивались в дальнейшем в исканиях «Общества изучения теории поэтического языка» (ОПОЯЗ). Изучение поэтического языка продолжили Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, Г.О. Винокур и другие исследователи. «Поэтика» Б. В. Томашевского противопоставляла практической речи поэтический язык, где весь звуковой материал человеческой речи организован, упорядочен, звуки «приобретают бо́льшее значение и в некоторых условиях даже могут во впечатлении заслонить восприятие значения» [Томашевский, 2001, с. 82]. При том, что утверждалась непреднамеренность автора в отношении создания звуковой стороны произведения, которая «механически получается в результате осуществления речи в нужных автору синтаксических формах, в нужной ему лексике» [Там же. С. 86], Томашевский описал ряд закономерностей, которые объективно свидетельствуют о неслучайных связях звучания и значения в поэзии. По Томашевскому, акустическая сторона звучания неотделима от произношения («акустика и артикуляция – две стороны одного и того же»); в зависимости от намерения автора внимание может быть сконцентрировано на количественных моментах

произношения, тогда получается ритмическая речь; совокупность приёмов организации такой речи составляет *эвритмию;* если же внимание направлено на качество звуков, то создается *эвфония* в узком смысле этого слова [Там же. С. 83-86]. На основании артикуляционных свойств звуков русского языка Б. В. Томашевским были сформулированы правила благозвучия, помимо этого, в «Поэтике» обращалось внимание на другую функцию фонетического отбора: звуковую выразительность, основой которой, по Томашевскому, «являются те ассоциации, которые мы связываем непосредственно с самими фонемами» [Там же. С. 94]. Это могут быть как звуковые ассоциации – *звукоподражания*, так и связанные с явлениями незвуковой природы» [Там же. С. 95]. Назывались и ассоциации, связанные с определенными мимическими движениями, со звуками чужих языков, а также звуковая метафора. Объяснение этому явлению находится в нашей способности, воспринимая звуки, сравнивать их между собой по определенным признакам (подробнее см. [Усова, 2018 (1)]). Таким образом, Томашевским устанавливалась связь между слуховым и зрительным восприятием, звуковым и цветовым впечатлением, что предвосхищало теорию Ч. Осгуда.

В русском языкознании о взаимосвязи фонетических и смысловых отношений в языке высказывался Л. В. Щерба. В частности, он писал: «Так как основной интерес речи лежит в смысловых представлениях, то звуковые нормально не находятся в светлом пункте сознания. Казалось бы, с этой точки зрения, что и анализ звуковых представлений нормально нами не производится и фонетическая делимость есть результат в значительной степени научного мышления. Но дело в том, что элементы смысловых представлений оказываются зачастую ассоциированными с элементами звуковых представлений» [Щерба, 1974, с. 114]. Интересно, что Щерба увязывал, таким образом, с фонетическими явлениями не лексическую семантику слов, а их грамматико-парадигматические формы.

Появление в лингвистике знаковых теорий вывело на новый уровень дискуссию о соотношении содержания и формы, или означающего и означаемого, в языковом знаке. Разделяя соссюровский взгляд на языковой знак как на двустороннюю сущность, Р. Якобсон выделял в слове, во-первых, материальную,

звуковую составляющую, а во-вторых – его содержательную, «духовную» сторону, т.е. смысл. В отличие от де Соссюра, Р. Якобсон считал необходимой связь означающего с означаемым, или, иными словами, последовательности фонем со смыслом. Принципиально важным в слове как языковом знаке он называл единство звука и значения, «означающего и означаемого» [Якобсон, 1985, с. 41], и видел основную задачу исследований фонетических явлений в решении вопроса о том, «каким образом звуки справляются с функцией "носителя" смысла» [Там же. С. 31]. Единственно необходимым отношением в связи *звучание – значение* Р. Якобсон считал объединение этих двух аспектов на основе смежности, т.е. на основе внешнего фактора. Хотя ни отдельно взятая фонема, ни тем более отдельный различительный признак не имеют собственного значения, «в силу тесной связи между звуками и значением» в слове «у говорящих возникает потребность это внешнее отношение дополнить внутренним, смежность дополнить сходством, «рудиментом» изобразительного начала» [Там же. С. 89]. На этом свойстве основано действие синестетических законов, согласно которым звуковые противопоставления могут выражать отношения, связанные с восприятием цвета, обонянием и другими каналами чувственного восприятия. Вывод о том, что «в поэтическом языке, где звук как таковой имеет самостоятельную значимость, звуковой символизм актуализируется и создает нечто вроде аккомпанемента означаемого» [Там же], является чрезвычайно важным как для последующих фонетических исследований, так и для лингвистической поэтики.

Новые подходы филологии к проблеме взаимосвязи формы и содержания в поэтическом произведении были позже дополнены теорией фонологических дистинктивных признаков, исследованиями в области семантики метра и ритма, другими теоретическими обобщениями [Гаспаров, 1974; 2000; Тарановский, 2000]. Существовавшие изначально диаметрально противоположные точки зрения на роль звуковой стороны в формировании смысла поэтического текста (ПТ) (с одной стороны, это отрицание значимости её для смыслообразования, а с другой стороны, идея неслучайного подбора звукового материала в процессе оформления

определённого содержания) сходятся в ходе развития поэтической речи и опыта по её изучению на мнении, что периодичность разных сегментов текста является носителем смысла произведения [Арнольд, 2014; Гиршман, 2002; Дворжецкая, 1986; Зоз, 1986; Индивидуально-художественный стиль…, 1980; Петрухин, 1979; Якобсон, 1975].

1.2.3.4 Фоносемантика и фоносимволизм. Работа по установлению связи между идеей, звуковым знаком которой является слово, и его фонетической структурой была продолжена в психолингвистике (Ч. Осгуд, Э. Сепир, С. Ньюмен, Г. Пауль, И. Тэйлор). Было выдвинуто предположение о семантичности звука, основанное на его способности вызывать незвуковые представления. С появлением объективных психолингвистических методов стали возможны экспериментальные исследования, которые позволили Ч. Осгуду раскрыть с помощью метода семантического дифференциала структуру восприятия человека, основанного на неспецефической чувствительности, синестезии [Osgood, 1957]. Опыты доказали, что возможен перевод в слуховые восприятия незвуковых ощущений и что «самые отвлеченные идеи почти всегда ассоциируются с представлениями цвета, звука, вкуса, сухости, жесткости, мягкости» [Воронин, 1990, с. 175-177]. Феномен синестезии, по Осгуду, лежит в основе метафорических переносов. В языке это проявляется в существовании выражений типа «горькая правда», «кислая мина», «яркая личность» etc. Дальнейшее изучение ‘фонолексики’, или звукообозначений, подтвердило их способность к метафоризации через механизм синестезии [Максимов, 2008, с. 51].

В 60-70-е годы XX в. отмечался всплеск интереса к явлениям фоносемантики. В отечественном языкознании наиболее основательными по материалу, методам проведения экспериментов и способам обработки полученных данных являются работы А. П. Журавлева [Журавлев, 1974; 1976], С. В. Воронина [Воронин, 1982] и В. В. Левицкого [Левицкий, 1973; 1976; 1971].

А. П. Журавлёв исходит из предполагаемого соответствия между значением слова и его звуковой формой [Журавлев, 1974, с. 14], понимая под фонетическим значением «символику звуков речи» или «значимость фонетической формы». По

Журавлёву, фонетическое значение никак не соотносится с денотатом; единственный возможный путь описания звуковой символики – это перечисление оценочных признаков [Там же. С. 31], так как фонетическое значение охватывает признаковый (коннотативный) аспект значения звуков речи и может быть полностью охарактеризовано лишь набором противоположных признаков, понимаемых метафорично: если звук был охарактеризован как «грубый», то это значит лишь, что он вызывает в сознании (подсознании) впечатление (эмоцию, представление), ассоциативно или синестетически связанное с восприятием чего-то грубого, низменного, неэстетичного. Символика звуков носит скрытый характер, поэтому символическое значение (в отличие от лексического) не может быть объяснено одним носителем языка, но может быть охарактеризовано многими, так как в сознании большинства определенные звуки речи вызывают в целом одинаковые ассоциации. Данные, полученные с помощью измерения фонетического значения информантами на шкалах и обработанные с помощью специальных статистических методов, позволили количественно измерить символический аспект значения звуков речи, объективируя его.

В основе работы С. В. Воронина лежит теория звукоизобразительности, постулирующая семантичность звука [Воронин, 1982, с. 3]. Утверждая «принципиальную не-произвольность языкового знака», [Там же. С. 29], Воронин сформулировал задачу фоносемантики, которая, по его мнению, состоит в изучении звукоизобразительной (звукоподражательной и звукосимволической) системы языка «как необходимой существенной, повторяющейся и относительно устойчивой не-произвольной фонетически (примарно) мотивированной связи между фонемами слова и полагаемым в основу наименования признаком объекта-денотата» [Там же. С. 22]. К звукоизобразительным словам причисляются не только такие, «которые ощущаются современными носителями языка как обладающие фонетически мотивированной связью между звуком и значением, но и все те, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась затемненной, ослабленной и даже на первый взгляд полностью утраченной, но в которых с помощью этимологического анализа эта связь выявляется» [Там же]. Итак, были

получены выводы: звукосимволизм психофизиологически обусловлен синестезией, обеспечивающей транспозицию одних видов ощущений в другие (моторных в акустические, акустических в зрительные и т. п.); в случае синестезии может иметь место взаимодействие элементов не только сенсорной сферы, но и сферы эмоциональной. Последнее имело немаловажное значение для объяснения стилеобразующей функции звукосимволических слов.

В результате изучения корреляции между семантическими и фонетическими связями слов В. В. Левицким было подтверждено предположение о «существовании в языке некоторого динамического равновесия, при котором слова с семантической общностью стремятся сохранить и некоторое фонетическое подобие» [Левицкий, 1973, с. 75.] Проведенные эксперименты подтвердили догадки о том, что общие закономерности символизации тех или иных понятий следует искать не на уровне фонем, а на уровне их акустико-артикуляторных элементов [Левицький, 1971, с. 25-37]. В результате исследования звукосимволизма в разных языках были установлены отношения фонетического сходства между словами определенных лексико-семантических групп. Таким образом, экспериментальным путем было установлено наличие универсальных связей между определенными смысловыми и акустико-артикуляторными элементами, т.е. универсальность звукосимволизма.

1.2.3.5 Поэтическое имя и его звучание в научном осмыслении. В русской филологии вопрос о роли имени, его звучания и семантики для художественного произведения был впервые поставлен П. А. Флоренским [Флоренский, 2000] задолго до начала широких исследований в области литературной ономастики. Прослеживая на примерах из жизни и творчества известных писателей проблему выбора имен персонажей, исследователь размышлял о важности этого процесса, о значимости фонетических свойств имени в формировании ‘звуковой материи’ и образности. Размышления приводили его к убеждению, что выбор имени, независимо от того, делается он осознанно или интуитивно, определяет зачастую «формирование типа около имени» и, более того, выполняет функцию «скрепляющего свод замка» [Там же. С. 8]. Автор труда

«Имена» стремился установить «духовную сущность» имени и обнаружил её в его «звуковой плоти»: «Но как имя воплощено в звуке, то и духовная сущность его постигается преимущественно вчувствованием в звуковую его плоть» [Там же. С. 10]. Считая, что звуки имени, раскрывающие свою сущность «имеющему уши слышать», достойны пристального научного внимания, П. Флоренский проанализировал звуковой состав поэтонима *Мариула* из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» и всего текста поэмы. В ходе анализа было обнаружено предпочтение в тексте звуков, составляющих имя *Мариула,* их периодическая повторяемость, создающая особенное ритмико-мелодическое звучание целого. Это дало основание для заключения, что это «глубоко женственное и музыкальное имя» представляет собой звуковую материю, «из которой оформливается вся поэма – непосредственное явление стихии цыганства» [Там же. С 11], а «вся эта живопись звуков» и есть материальное воплощение «духовной сущности» имени. При этом особенное значение Флоренский придавал гласному *У*: «смуглая окраска этого звука или выдвигается в ритме, или усиливается оттенками окружающих его гласных сочетаний и аллитерациями согласных» [Там же]. Благодаря особенностям звучания произведение получает свою неповторимую тональность, создающую образ «стихии цыганства», сконцентрированной, по мысли П. Флоренского, в самом имени *Мариула*. Он называет поэму «звуковым комментарием имени Мариула», считая, что это имя «служит у Пушкина особым разрезом мира, особым углом зрения на мир, и оно не только едино в себе, но и все собою пронизывает и определяет» [Там же]. Флоренский призывал к таким исследованиям имен, где предметом должно быть «*самое имя*, как слово, словесный организм, а в нем – важное значение имеет *звук* его» [Там же. С. 77]. При этом в качестве метода предлагалось «вслушивание» в звучание имени.

Значимость труда П. А. Флоренского состоит в попытке объективного анализа звуков имени и увязывании его звучания с художественным содержанием всего произведения, что предвосхищало фоносемантические и поэтонимологические исследования. Но замечательно также, что мысль его идет дальше простого анализа, формируясь в обобщенные заключения, квинтэссенция

которых состоит в том, что художественные образы «суть не что иное как имена в развернутом виде», а «промежуточные степени такого самораскрытия имени в пространство произведения – то тело, в которое облекается самое первое из проявлений незримой и неслышной, недоступной ни восприятию, ни постижению, в себе и для себя существующей духовной сущности – *имя»* [Там же. С. 19].

Начинания в области лингвистического изучения звучания ИС в художественных произведениях русских писателей связаны с именем В. Н. Михайлова. В первой своей работе «Роль собственных имен в произведениях Гоголя», опубликованной в 1954 г., он обращает внимание на звуковую сторону имен персонажей произведений Н. В. Гоголя, отмечая, как типичные, такие черты стиля этого писателя 1) выбор таких имён, которые состоят из «диссонансных и труднопроизносимых звуковых сочетаний»; 2) использование приёма повтора-удвоения имени и отчества (*Елевферей Елевфериевич, Евтихей Евтихеевич* и т.п.); 3) выстраивание своеобразных созвучий в создании имени и отчества персонажа (например, *Макар Назарьевич* – звуковые параллели). Подытоживая анализ ряда примеров, Михайлов заключает, что зачастую звуковая сторона собственных имён служит задаче создания комического эффекта [Михайлов, 1954, с. 12].

В диссертации В. Н. Михайлова, посвященной исследованию функций и словообразования ИС персонажей русской художественной литературы XVIII – первой половины XIX в., подробно рассматривалась «общеэкспрессивная» функция литературных имен («способность собственных имен в контексте художественного произведения создавать общее оценочное представление о носителе, вызывать эмоцию у читателя» [Михайлов, 1956, с. 11].), при этом отмечалась роль звуковой формы ИС. Одним из факторов, имеющих значение «для художественной эффективности собственного имени» называлась «экспрессивность его фонетического строя». При анализе таких способов создания звуковой ‘изобразительности’, как повторы слогов, отдельных звуков, использование «эмоционально окрашенных звукосочетаний» в собственных именах *Беребендовский*, *Бомбембиус*, *Ксаксоксимениус*, *Люлюков, Чичиков, Куку* и др. отмечалось, что часто подобные имена принадлежат эпизодическим

персонажам, образы которых создаются в значительной степени за счёт колоритности звукового строя фамилий [Михайлов, 1966, с. 62]. Наряду с повторами эффективным средством создания экспрессии служит, по выражению Михайлова, «эмоциональная окрашенность отдельных звукосочетаний» [Михайлов, 1956, с. 12], которая как раз и создаётся определёнными звуковыми последовательностями (например, в фамилиях *Чипхайлхилидзев*, *Фрындина, Флянов* это – артикуляционно неудобные, труднопроизносимые сочетания согласных *фр, фл, пх, йлх*). Таким образом, Михайлов стал первым филологом, обратившим внимание на использование фонотактических особенностей языка с целью создания специфически действенных поэтонимов. Работы учёного, написанные на материале произведений русских писателей, содержат выводы о взаимодействии звучания ИС с другими художественными средствами, что было новаторским для того периода развития ономастики. Наблюдения ученого касаются и ассоциативных сближений, поэтических этимологий, игры на созвучиях с ИС как приёмов и прозаических, и поэтических произведений (подробнее о работах В. Н. Михайлова см. [Усова, 2007 (1); 2009 (3)]).

Труды В. Н. Михайлова дали начало тем тенденциям, которые были продолжены в последующие десятилетия лингвистическими исследованиями онимов литературных произведений, в том числе в аспекте звучания.

На начальном этапе развития ономастики изучение фонетики ИС ограничивалось большей частью так называемыми ‘звукоговорящими’ именами [Магазаник, 1978; Таич, 1973 и др.], поскольку их стилистическая выразительность наиболее очевидна, действенность их не нуждалась в обосновании, а методика ономастических исследований фонетики ещё не была разработана. ИС рассматривались и в связи с благозвучностью, которая считалась «одним из признаков ”эстетичности” личного имени» [Шварцкопф, 1973, с. 58], но чётко не определялась, не обосновывалась лингвистически, а интерпретировалась на основании субъективного восприятия [Никонов, 1974, с. 148]. Стилистически релевантное использование онимной лексики, основанное на фонетико-смысловых связях ключевого слова и ИС (*гарем – Гирей, Мария)*, замечено и

проанализировано лишь в одной работе этого периода: в анализе поэмы А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» [Слонимский, 1963, с. 269].

В 1974 г. В. А. Никонов изложил тезис о том, что одной из наиболее важных проблем в изучении литературных имён является фонетическая роль ИС в стихах [Там же. С. 245]. Постепенно проблематика работ, связанных с фонетическим аспектом ИС, становится шире и разнообразнее. Увеличивается число работ, затрагивающих проблему звучания, но не посвященных ей целиком [Григорьев, 1976; Некрасова, 1976; Никонов, 1974; Таич, 1973 и др.], в некоторых обращается внимание на изменение «семантического веса» в структуре стихов под влиянием фонетики ИС и на связанные с именем фонетико-смысловые ассоциации [Некрасова, 1976], на обыгрывание звуковой формы литературных онимов как на средство достижения комического эффекта [Карпенко, 1986, с. 37].

Наиболее полно звучание ‘литературных онимов’ исследуется в функциональном аспекте. Ю. А. Карпенко называет главной функцией онимов в художественной литературе стилистическую, которая проявляется, по его мнению, двояко: 1) как информационно-стилистическая функция, которая обычно выражается через «внутреннюю форму (этимологическое значение) ИС, его проекцию «на действующие в языке ономастические модели и вариативность именования»; 2) как «эмоционально-стилистическая функция», которая пробуждает у читателя определенные чувства, формирует его отношение к изображаемому» [Карпенко, 1986, с. 37]. По мнению лингвиста, «ведущим средством выражения эмоционально-стилистической функции литературных собственных имен является их фонетическая форма» [Там же].

Одним из направлений научного рассмотрения литературных имён стало изучение их роли в системе средств индивидуального стиля автора, получившее название ‘стилистическая ономастика’. Примером такого подхода стала работа В. П. Григорьева, посвящённая анализу ИС в поэзии В. Хлебникова [Григорьев, 1976], в которой разбирались фонетические средства – от простых звуковых повторов до семантических перекличек и связей, неожиданных ‘столкновений’ онимов и апеллятивов, основанных на звуковом сходстве, устанавливалась роль

звучания имён в образности ПТ [Там же. С. 190-195].

Исследователем английской «стилистической антропонимии» К. Б. Зайцевой было справедливо подмечено, что удачное имя не означает только адекватную характеристику персонажа, но «является воплощением органической связи формы и значения, служит усилению эмоционально-экспрессивного воздействия художественного произведения в целом» [Зайцева, 1973, с. 31-32]. Исследователем были проанализированы случаи аллитерации, ассонансов в антропоэтонимах как прозаических, так и поэтических произведений английской литературы, а также факты использования звучания поэтонимов в связи с рифмой и некоторыми другими фонетическими способами организации стихотворений.

Результатом опыта стилистической ономастики в аспекте исследования фонетического значения узуальных и окказиональных личных имен в ХТ стало признание этих методов плодотворным подходом для стилистической ономастики [Отин, 1981, с. 133-134].

Если в работах 70-80х гг. фонетический строй ИС рассматривался, как отмечалось выше, в связи с его экспрессивностью и благозвучностью («звучностью»), то в конце XX – начале XXI вв. в исследовании звучания поэтонимов происходят перемены. Они связаны не только с количественным увеличением работ такого рода, но и с их качеством, которое отличается теперь интересом не к фонетике ИС как таковой, а к поиском соответствий между фонетикой поэтонима и его окружения, к установлению взаимосвязей звучания и формирования смысла [Калинкин, 1999 (1), с. 291-327; 2002 (3); Усова, 2006 (1, 2); 2008 (2); 2009 (6); Фонякова, 1990; Чуб, 2005; Debus, 1998; C. Földes и др]. Исследователей интересует также вопрос, каким образом нюансы фонетического значения онимов учитываются писателями при выборе имен персонажей. Несомненную значимость звуковой формы поэтонимов подтверждают признания самих писателей об их отношении к определённым звукам при выборе имён (см. об этом [Калинкин, 1999 (2), с. 296-302; Ковалев, 2005, с. 3-5; Нестерова, 1988, с. 233; Отин, 1981, с. 133-134; Флоренский, 2000, с. 7-10; Debus, 1998, с. 46]). Исследования подтверждают, что есть конкретные звуки, которые «обладают для

поэтов звукосимволическим значением» [Debus, 1998, с. 45-46]. Ф. Дебус, опросив писателей об их методах подбора имён для персонажей, выяснил, что многие из них придавали существенное значение звучанию имен героев своих произведений. Например, писательница Барбара Кёниг признавалась, что дала своему персонажу имя *Mommsen* (*Моммсен*) именно из-за звучания: «ich mußte ihn einfach nehmen, weil er als einziger jenen summenden Om-Laut enthält (Thomsen z.B. klingt schon anders), der in der buddhistischen Meditation seine große Bedeutung hat, was mir aber erst später klar wurde. Das erstaunt mich schon heute»[2] [Debus, 1998, с. 46].

В работах последних лет, посвященных изучению явлений ономастики в языке и литературе, также отмечается интерес к звуковой стороне ИС, в особенности в поэзии [Горнакова, 2010; Калинкин, 2002; Косиченко, 2015; Отин, 2003; Петренко, 2004; Усова, 2006; 2008 (2); 2009 (6); 2018 (3); 2018 (5)]. Вместе с тем, очевидно, что на сегодняшний день существует лишь немного системных исследований и обоснованных научных теорий в этой области.

1.3 Оним как явление языка и культуры

1.3.1. Взаимоотношения языка и культуры

1.3.1.1 Культура в научном дискурсе языкознания. Выяснение сущности лингвокультурного феномена ИС предполагает определение основополагающих моментов во взаимоотношении языка и культуры. Взаимоотношения языка и культуры могут устанавливаться на основе обобщения опыта общегуманитарного знания и воззрений на понятие ‘культура’ в научном дискурсе языкознания.

Культура – одно из фундаментальных понятий социально-гуманитарного познания. Место человека и всей его деятельности не может быть определено

[2]«…я вынуждена была взять его, потому что оно единственное содержит в себе тот звенящий Ом-звук (*Томсен,* к примеру, звучит уже иначе), который в буддистской медитации имеет большое значение, что стало мне ясно уже позже» (перевод наш – Н. У.).

безотносительно культуры. Суть взаимоотношений науки и культуры сформулирована, на наш взгляд, в словах А. Вержбицкой о том, что ничего нет на свете, что человек мог бы изучать с точки зрения, вынесенной за пределы культуры, и исследователи, в силу рода деятельности, постоянно пребывают в некоторой культуре, неизбежно ведомые теми или иными принципами и идеями [Wierzbicka, 1992, с. 6].

Первоначальное определение культуры в научной литературе принадлежит британскому этнологу Э.Тайлору, который понимал культуру как комплекс, включающий знания, верования, искусства, законы, мораль, обычаи и другие способности и привычки, обретенные человеком как членом общества[3] [Tylor, 1871, с. 2], то есть всю совокупность достижений человеческой цивилизации. С тех пор научное определение культуры постоянно дискутируется. Создано множество интерпретаций этого термина, многие из которых базируются на определении Тайлора.

Не существует единой, общей для всех научных сфер дефиниции этого понятия, как и единого межнационального и международного понимания сущности культуры. Семиотик и лингвист У. Эко в определении понятия культуры опирался на смысл, вкладываемый в это слово антропологией: «культура – это любое природное явление, преображённое человеческим вмешательством и в силу этого могущее быть включенным в социальный контекст» [Эко, 2006, с. 45]. Большинство лингвистов, вслед за Тайлором, сходится в определении культуры как сложного, неоднозначного понятия [Красных, 2002; Лотман, 2000; Bausinger, 1986; Engerer, 2007; Földes, 2007, 2003; Gardt, 2003; Hermanns, 1999; Kalverkämper, 2008]. В этом смысле показательно утверждение Лотмана, несмотря на кажущуюся его парадоксальность: «с момента возникновения культуры система совмещения в ней противоположно организованных структур (многоканальности общественных коммуникаций), видимо, является непреложным законом» [Лотман, 2000, с. 542-543].

[3] Culture is that complex whole which includes knowledge, belief, art, morals, law, custom, and any other capabilities and habits acquired by man as a member of society [Tylor, 1871, P. 2].

По мнению Ч. Фёлдеша, проблема дефиниции связана с трудностями разграничения понятий ‘культура’ и ‘цивилизация’ даже в понимании европейцев, так как немецкое слово *Kultur*, английское *culture* и французское *culture* и соответственно *Zivilisation, civilization* и *civilisation* означают вовсе не одно и то же, а в немецком языке значения этих двух слов скорее противопоставляются [Földes, 2003, с. 11; 2007: 47]. Кроме того, само понятие ‘культура’ интерпретируется по-разному в разных культурах. В то время как в Европе и Северной Америке все больше утверждается конструктивистское восприятие культуры, состоящее в том, что она воплощает многослойные, динамические процессы пересечения, наслаивания, передачи, обсуждения, в Китае, например, более общей является скорее идея гомогенной китайской национальной культуры [Földes, 2007, с. 47]. Славянской ментальности и ментальности ‘русского мира’ свойственно понимание культуры в более возвышенном, духовном (и в то же время в более узком) смысле, тогда как в западном мире привычнее трактование этого термина в значении более материальном и социальном, как совокупность продуктов или результатов материальной и духовной деятельности людей, привычек, стереотипов поведения и т.п. Отсюда включение культуры в объект социологии и новой научной дисциплины – культурсоциологии. Толкование этого понятия с точки зрения лингвокультурологии также включает компонент общественно значимой деятельности. Итак, культура понимается как совокупность результатов и процессов любой социальной деятельности человека, противопоставляемая природе [Комарова, 2016, с. 23]; достояние общественное, создаваемое, сохраняемое и «трансформируемое» обществом; вместе с тем явление реальное, воспринимаемое и репродуцируемое через деятельность членов общества, транслируемое от поколения к поколению [Красных, 2002, с. 18]; «совокупный социально-духовный опыт человечества» [Стернин, 2011, с. 8]; социально унаследованная совокупность практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни [Шаклеин, 2012].

В актуальных культурологических и социокультурных исследованиях дискутируется ‘культурологический поворот’, ‘cultural turn’ (J. Alexander). Его

приверженцы основываются на постулате относительности научного познания и видят свою задачу в реконструкции значений действий, выполняемых людьми как существами, оперирующими смыслами. Исходя из этого, социокультурный научный анализ состоит в понимании субъективного смысла определенного действия в контексте его смысловых взаимосвязей. Критикуя это «новое» направление за «микросоциологические» подходы, немецкий ученый Ю. Герхардс противопоставляет им социокультурное направление с «макросоциологическим исследовательским интересом», с которым связывает перспективы [Gerhards, 2010, с. 16-17]. Оригинальность этого подхода состоит в том, что в ходе социокультурного исследования привлекался языковой материал, которым послужили личные антропонимы Германии в разные исторические периоды. Результаты исследования убеждают в том, что онимикон (как важнейшая часть языкового состава) определенным образом (качественными и количественными изменениями) реагирует на различные значительные явления в жизни социума [Gerhards, 2010]. Это еще раз подтверждает мысль, не раз высказанную ранее, что как социальное явление язык отражает жизнь общества [Верещагин, Костомаров, 1980; Комлев, 1969; Naumann, 1998 и др.].

Понятие ‘культура’ встречается в современных лингвистических трудах в связи с обсуждением ‘взаимодействия культур’ или ‘интеркультурной коммуникации’. Применительно к коммуникативной теории языкознания ключевым является высказывание «Культура определяет коммуникацию» [Hansen, 2005, с. 42]. В системно-научном изложении проблемы взаимоотношений языка и культуры показателен тезис: «Культура влияет на язык как систему» [Földes, 2007, с. 46]. Стоит отметить, что ‘культуронаправленные’ исследования находят все больше сторонников среди германистов и языковедов Германии. А. Гардт в работе, смело озаглавленной «Языкознание как наука о культуре» («Sprachwissenschaft als Kulturwissenschaft»), утверждает, что расширение предметной области языкознания всерьез воспринимает понятие *культура*, которое «понимает человека и продукты его духовной деятельности (в том числе тексты) находящимися в сложном переплетении различных

воздействий и отношений» [Gardt, 2003, с. 288]. Выступая в защиту научно-культурологического[4] подхода в языкознании, Гардт подчеркивает принципиальное отличие вкладываемого им в это понятие смысла от принятого сегодня прежде всего в «англосаксонском пространстве» термина ‘cultural studies’, основанного на термине ‘cultural turn’. Обращается внимание на традиции ‘культуронаправленных’ исследований, которые давно существуют в языкознании и в рамках которых, начиная со времен античности, культура входила в сферу интересов тех ученых, которые занимались культурным феноменом *язык* [Földes, 2003, с. 12; Gardt, 2003, с. 271]. С этим нельзя не согласиться, учитывая давно известные теории универсализма (В. Гумбольдт), релятивизма (Э. Сепир, Б. Уорф), философии культуры (Э. Кассирер), которые оказываются вновь актуальными в рамках указанной постановки проблемы, т.к. базируются на принципах восприятия языка и культуры в единстве.

Теоретические взгляды Э. Кассирера, относящиеся к 1944 году, эксплицируют идеи, согласно которым человек живет не только в физическом, материальном мире, но в мире символическом, и он уже не может противопоставлять себя действительности, ибо неотъемлемой частью его жизни, его «универсума» являются язык, мифы, искусство, религия, – эти нити, которые все прочнее сплетаются в единую сеть [Cassirer, 1996, с. 50]. Действительно, сегодня мы являемся свидетелями того, на что указывал в своё время этот ученый, а именно, как деятельность самого человека все больше символизируется, все больше оказывается связанной не с реальными предметами действительности, а с самим человеком и с виртуальной областью его деятельности.

А. Гардт в части определения значения термина ‘культура’ придерживается мнения большинства своих коллег и предшественников, которые, вслед за Тайлором, распространяют это понятие не только на такие ценности, как музыка, литература, живопись, но и на все пространство человеческой деятельности и причисляют к культуре не только материальные предметы или блага, не только

[4] или культурно-научного? – нем. *kulturwissenschaftlich orientierte Sprachwissenschaft.*

общественные институции или правовые формы, но уже и планы/проекты, которые лежат в основе этих феноменов (т.е идейно-ментальную составляющую) [Gardt, 2003, с. 271].

Из сказанного следует, что термин ‘культура’ подразумевает сегодня «обширное комплексное понятие» (Э. Тайлор), «Totalitätsbegriff» [Hermanns, 1999]. Лингвистические науки, оперирующие понятием ‘культура’, оказываются в сложной ситуации, с одной стороны, в силу размытости базовых понятий, а с другой, из-за невозможности игнорировать культурные феномены, абстрагироваться от них в силу их ‘спаянности’ с феноменами языковыми. Однако, следует согласиться с В. Н. Топоровым, недопустимо рассматривать язык «только как план выражения культуры, мыслимой как содержание, реализующееся в языке», то есть как средство трансляции неких культурных смыслов [Топоров, 1985, с. 6]. Как неоспоримый факт воспринимается то, что культура «включена» в язык, поскольку язык «вбирает в значения (<…>) всё, что связано с культурно-традиционной компетенцией его носителей, транслируемой благодаря языку из поколения в поколение» [Красных, 2002, с. 12].

В современном мире, считает Фёлдеш, возрастает научное и общественно-политическое значение и ‘культуры’, и ‘интеркультурности’, эти понятия «воплощают кодовые слова духа времени». Он называет пять направлений научных исследований, в которых эти понятия приобрели первостепенное значение: 1) «культурологический поворот» в исторической науке и в других общественных науках; 2) обращение германистики к постановке вопросов, связанных с культурой (напр., при включении проблемы идентификации); 3) идентификация различий межкультурных сложностей (переплетений); 4) исследовательские тенденции в области взаимодействия языка и культуры; 5) в аспекте языка и коммуникации [Földes, 2003, с. 7]. Как видим, минимум три направления из пяти названных (2); 4); 5)) входят в предметное поле языкознания. Этот исследователь определяет культуру с точки зрения современной лингвистики, опираясь на антропологические и отчасти культурно-семиотические подходы, «как взаимодействие сообщества с окружающей средой и

приспособление к ней, и таким образом как систему когнитивных и социальных ориентиров, одновременно как вид семиотической и ритуальной моделированной сети». При этом язык фигурирут «в качестве посредника этой сети, т.е. как конститутивный элемент культуры» [Földes, 2007, с. 46]. Трудно согласиться с тем, чтобы роль языка сводилась к «посредничеству», однако в ряде положений позиция этого ученого близка позиции автора данной работы. В частности, представление о культуре как о чем-то сложном, «чьи отдельные проявления нестатичны», вполне понятно. Не вызывает возражения, хотя и содержит в себе некоторое противоречие, взгляд на культуру как на нечто «исторически ‘выросшее’, сформированное разнообразными влияниями», но вместе с тем и то, что «постоянно находится в состоянии изменения» [Földes, 2007, с. 46]. Ф. Энгерер называет минимум две формы существования культуры, которые включает сегодняшнее понимание этого термина: a) историко-идейный аспект (нем. «historisch-ideen-geschichtlichen»), b) культура как главный предмет новейшей антропологии [Engerer, 2007, с. 37].

Кроме того, вопросы взаимодействия языка и культуры рассматриваются в связи с проблемой идентичности [Bausinger, 1986; Földes, 2007; Kalverkämper, 2008]. Г. Баузингер перечисляет несколько значений термина ‘идентичность’, в зависимости от того, в какой научной сфере он применяется, в том числе психическая самоидентичность (Я-идентичность), социальная идентичность, культурная идентичность и др. [Bausinger, 1986, с. 84].

Таким образом, при всём разбросе мнений ученые единодушны в том, что язык является важнейшей составляющей культурной идентичности и (само)идентификации, что представляется абсолютно верным. Исходя из сказанного и принимая во внимание множество существующих сегодня интерпретаций термина ‘культура’, целесообразно употребление его в диссертации в широком смысле, подразумевающем, помимо лингвокультуры, и другие формы её существования; культура мыслится как текст (Ю. М. Лотман) и мегатекст, которому априори принадлежит ИС, а также его смысловые обертоны.

1.3.1.2 Язык – конституирующий ‘субъект’ культуры. Для

установления взаимоотношений языка и культуры центральным в данном исследовании является понимание языка как конституирующего ‘субъекта’ культуры. Такое вѝдение восходит к идеям Э. Сепира, высказанным ещё в 1928 г., о том, что система культурных стереотипов всякой цивилизации в определённом смысле строится и упорядочивается с помощью языка, выражающего данную цивилизацию. В известном докладе «Статус лингвистики как науки» Э. Сепир сформулировал мысль о языке как путеводителе по социальной действительности и как важнейшем факторе в научном изучении культуры, выступающем в этом процессе «в качестве руководящего начала» и приобретающем все большее значение. «Наивно думать, что можно понять основные принципы некоторой культуры на основе чистого наблюдения, без того ориентира, каковым является языковой символизм, только и делающий эти принципы значимыми для общества и понятными ему. <...> Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе. Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык – всего лишь случайное средство решения специфических задач мышления и коммуникации, – это всего лишь иллюзия. В действительности же “реальный мир” в значительной степени неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками» [Сепир, 1993, с. 261]. Эти идеи получат известность в более четко сформулированном виде как гипотеза языкового релятивизма Сепира-Уорфа, которая станет одной из наиболее влиятельных лингвистических концепций.

Отношение к языку как к средству коммуникации, доминировавшее довольно длительное время в лингвистике, обнаружило свою недостаточность, поскольку предназначение и сущность языка, как оказалось, не сводится к тому,

чтобы служить лишь каналом передачи информации. Более приемлемым представляется точка зрения А. А. Леонтьева, который назвал три основные функции, в которых выступает зык: 1) как средство закрепления и передачи достижений человеческого мышления, человеческого знания; 2) как средство коммуникации; 3) как средство выражения отношения [говорящего] к содержанию речи «и вообще средство выражения эмоций и воли» [Леонтьев, 1963, с. 124]. С этой позиции главной, конституирующей функцией человеческого языка является функция его как формы существования человеческого мышления, поскольку лишь она одна характерна исключительно для человеческого языка [Там же]. Кроме того, язык выполняет ряд функций, важных для культуры в целом, а именно, кумулятивную функцию, являясь хранителем (а также выразителем) культуры, средством накопления, сохранения и передачи культурно значимой информации [Верещагин, Костомаров, 1980; Телия, 1986; Engerer 2007 и др]; составляет часть социальной памяти [Красных, 2002, с. 12]; функционирует как «средство передачи аккумулированного коллективного опыта и семиотического освоения реальности» [Карасик, 2012, с. 7]. В. М. Шаклеин так формулирует соотношение языка и культуры: «<…> язык является не только частью культуры, но во многом и системообразующей ее частью, то есть, эволюционируя под воздействием определенных требований эпохи и в чем-то от них отставая, язык сам формирует определенное культурологическое поле, заставляющее определённым образом разворачиваться и другие элементы культуры, как то: искусство, науку, религию и т. д.» [Шаклеин, 2012].

В отечественном языкознании вопрос о взаимоотношении языка и культуры оживлённо обсуждался в 70-80-е гг. В этой связи В. Н. Топоров предостерегал от упрощенного понимания роли языка в культуре, при котором она воспринимается как постоянная величина, считая ошибочными подходы, не учитывающие динамичность языка, культуры и их отношений. Он писал: «Эта „эгалитарная“ установка имеет некоторое основание тогда, когда язык понимается исключительно как средство коммуникации, а культура сводится к чисто информационным параметрам. Иначе говоря, и в том и в другом случае речь идет

о статистически наиболее частой ситуации, которая, однако, не связана с творческим аспектом языка и культуры. Очевидно, что отношение языка и культуры должно определяться не в статике некоего среднего состояния, когда язык и культура (точнее, цивилизация) оказываются во власти публичности (Öffentlichkeit) и связанных с этим автоматизмов, в сфере, где действует овеществляющая сила man, а в динамике, задаваемой максимумами творческих потенций языка и культуры, т. е. их высшими и экстремальными состояниями» [Топоров, 1985, с. 5]. Идея перманентного развития культуры и языка, их синергетического взаимодействия была несомненно революционной на фоне устоявшихся системно-структурных взглядов.

Постепенно в лингвистике утвердилась мысль, что способ восприятия окружающей действительности отражается в национальном языке, и прежде всего в его лексике. В процессе интралингвального функционирования к лексическому значению слова приращивается культурно значимое содержание, которое с течением времени становится неотъемлемой, а порой и наиболее значимой информативной частью слова [Верещагин, Костомаров, 1980, с. 42-46]. Н. Г. Комлев обнаружил, что в семантической структуре слова, как правило, присутствует определенное содержание, непосредственно соотносящееся с национальной, исторической, культурной спецификой этноса (‘культурный компонент значения слова’). «Признавая наличие какого-то ”внутреннего“ содержания слова-знака, т.е. факта, что слово-знак выражает нечто кроме самого себя, мы обязаны признать и наличие культурного компонента. Слова языка как социального явления несут на себе отпечаток жизни общества, его материальной и духовной культуры. Это ”культурное значение“ есть часть языка» [Комлев, 1969, с. 46]. И хотя слово непременно выражает нечто, расположенное вне системы реляционных средств выражения, передает так называемое экстралингвистическое содержание, лексическая семантика (или лексическое понятие) представляет собой «часть языка», выступает как языковое явление [Комлев, 1969, с. 43-46]. Таким образом, вслед за Н. Г. Комлевым, в языкознании закрепилось обозначение ‘культурный компонент (значения слова)’ для той части семантики слова, которая

содержится в семантической структуре языкового знака и связана с национальной культурой. Основываясь на этом, под культурологическим изучением языка стали понимать, по наблюдениям В. И. Карасика, анализ языковых явлений, направленный на выявление национально-культурной (этно- и социокультурной) специфики **[**Карасик, 2002, с. 73]**.**

Согласно концепциям, основанным на лингвосемиотическом подходе, сегодня принято считать, что культурный компонент входит в состав семантической структуры языкового знака. Однако следует согласиться с Н. Ф. Алефиренко в том, что «пока в науке нет единого мнения о том, как в знаковых единицах языка проявляется культура» **[**Алефиренко, 2005, с. 43-46]**.**

В современных работах западноевропейских лингвистов, в том числе германистов, вопросы о роли языка в культуре также активно дискутируются. Согласно концепции Ф. Энгерера, язык как центральный феномен культуры рассматривается в двух измерениях: как средство образования человека, формирования риторических навыков, как язык культуры и конструкт родного языка (a) и язык как уникальное врожденное человеческое свойство, средство коммуникации и культурного обобществления, а также как средство хранения и передачи культурного знания (b) [Engerer, 2007, с. 37].

Рассмотрение языка как конститутивного фактора культуры затрагивает и вопрос культурной идентичности и самоидентификации личности. В отношении индивидуума идентичность как познание самого себя связана не столько с отношениями с другими, сколько с владением определённым языком, с определенными традициями, своеобразием материальной культуры, с нормами и ценностями [Bausinger, 1986, с. 84-85]. Как известно, языковые традиции и нормы (фонотактические, структурно-системные, функционально-стилистические, этикетные и др.) опираются на культурные традиции народа, которые складываются на протяжении веков, вместе с формированием национального характера и менталитета. Это находит отражение в особенностях национально-этнического языкового сознания. На личностном уровне культурная самоидентификация происходит прежде всего через родной язык. «Собственный

язык и идентифицируемая с ним самобытная культура, то, что передаётся посредством традиции, воссоздаются и представляются (по праву) достойными сохранения» [Kalverkämper, 2008, с. 134-135].

1.3.2 Имя собственное в языке и культуре. Исходя из трактования ИС как феномена лингвокультуры, необходимо выяснить статус онима в языке, определить его место как явления культуры и обозначить особенности рассмотрения онимных единиц на стыке таких дисциплин, как лингвокультурология и ономастика.

Вопрос о лингвистическом статусе ИС – один из ключевых вопросов теоретической ономастики, поскольку касается непосредственно определения специфики предмета этой научной дисциплины, границ и методов исследования. Он активно дискутируется, что свидетельствует, с одной стороны, о значимости его для теории и методологии ономастики, а, с другой стороны, о том, что он все еще остается открытым, и в понимании места ИС в языке не достигнуто единство. Как правило, не вызывает разногласий утверждение, что ИС является языковым знаком. Вопросы, связанные с семантикой ИС, напротив, вызывают противоречивые суждения, но эта тема обсуждается в Главе 2.

Как языковые знаки, собственные имена функционируют наряду с апеллятивами в речи, принимают участие в процессах ‘жизнедеятельности’ и исторического развития языка. С точки зрения лингвистики, nomen proprium обладает всеми основными характеристиками, присущими слову как единице языка. Каждый оним состоит из последовательности звукобукв, отобранной из инвентаря фонем/графем конкретного языка. Онимы категоризированы в морфологии как имена существительные, имеют соответствующие частеречные признаки и следуют грамматическим правилам внутреннего структурирования, а также функционирования в разных видах речевой коммуникации. При этом существует чёткое разграничение с неизменным противопоставлением существительных на нарицательные и собственные (во всяком случае, в рассматриваемых данной работой языках).

Вместе с тем, проприальный слой языкового фонда представляет собой

сложное, неоднородное, разнообразное явление, совокупность единиц, очень различных как по значению (что прежде всего отражается в делении на разряды), так и в структурном отношении. Содержащуюся в онимии лингвальную и нелингвальную информацию можно получить лингвистическими методами, исследуя разные аспекты онима как единицы языка. Всё это характеризует ИС как языковые единицы и «свидетельства исторического развития языка» [Стерлигов, 1981; Топорова, 1996; Naumann, 1998] и обеспечивает им ‘законное’ место в языковой системе. В то же время положение ИС в языке характеризуется, начиная с Ю. Куриловича, как особое среди прочих именных категорий [Курилович, 1962, с. 251]. Т. Н. Кондратьева охарактеризовала ИС следующим образом: «Собственные имена – самая конкретная, а вместе с тем и самая абстрактная категория, дающая возможность на материале языковых контекстов проследить не только историю народа, его мировоззрения, историю слова, но и превращение конкретного номинального значения в нарицательное понятие, в образ, в символ» [Кондратьева, 1983, с. 3].

С другой стороны, ИС выступают как свидетельства исторического, социального, общественного, культурного развития больших общностей людей, обнаруживая закреплённость за конкретными явлениями, лицами, объектами действительности. Являясь обязательными элементами культурного пространства, вмещая не только лингвальную, но и экстралингвальную информацию, онимы отражают действительность (отсюда устоявшаяся метафора «зеркало культуры») и одновременно формируют представление о мире, а в значительной мере и образ мышления носителей языка [Алефиренко, 2005; Какзанова, 2011; Купина, Михайлова, 2005, с. 46; Усова, 2008 (1)]. ИС, по своей сути связанные с мыслительной деятельностью не отдельных индивидов, а целого лингвокультурного сообщества во многих поколениях, «“являют“ национальную культуру в максимальной степени», поскольку «средства географической и личной номинации есть путь прослеживания таксономической деятельности человеческого разума, интернирующего национальную культуру» [Пак, 2005, с. 8]. По мысли В. Н. Топорова, имя занимает ‘порубежное’ положение – «между

сознательно-активным и бессознательно-пассивным, между содержанием и формой, между духом и материей» [Топоров, 1985].

В синхроническом срезе ИС-номинативы играют роль маркеров (и в этом прав был Дж. Милль), посредством которых все сферы жизни социума получают структурированную упорядоченность, а предметы действительности оказываются идентифицированными и систематизированными. Таким образом общество устанавливает ориентиры в пространстве и времени, назначение которых – сделать реальность более удобной, приспособить ее к актуальным потребностям людей. Социальная значимость, ее динамика отбирают из множества собственных имён те единицы, которые становятся как бы визитными карточками страны, получая особо важное лингвострановедческое наполнение, на что указывал Ю. А. Карпенко [Карпенко, 1988, с. 13]. В социокультурном аспекте «язык имён» отражает наиболее престижные понятия; ономастика является важным фактором в мифопоэтической модели мира, в постижении культурного, в том числе литературного, наследия. Здесь также проявляется двойственная сущность онимной лексики: принадлежа, с одной стороны, системе языка, она, с другой стороны, является неотъемлемой частью материального мира социума, людей и вещей, в котором для каждого онима определена своя мера и степень функциональной нагруженности. Следствием такого положения ИС является то, что они образуют «промежуточную сферу» (Т. В. Топорова), в которой лингвальные и нелингвальные факторы вступают во взаимодействие. Принадлежность онима одновременно к лингвальным и нелингвальным средствам человеческой деятельности предопределяет, таким образом, двойственную природу этого словесного знака и тем самым устанавливает некую особенность класса имён в системе языка.

Выводы о том, что язык (и его главная единица – слово) является хранителем, а также выразителем культуры (см. 1.3.2) и что «национально-культурный компонент свойствен именам собственным, пожалуй, даже в большей степени, чем апеллятивам» [Верещагин, Костомаров, 1980, с. 170], позволили говорить о ‘консервативности’ ИС, об их кумулятивных свойствах, связанных с хранением и

передачей разноплановой информации, о том, что в них кодируются наиболее значимые и устойчивые «кванты этнокультурной информации» [Березович, 2001, с. 34]. Эти перемены оказались решающими для того, чтобы ономастические исследования обратились к поиску и анализу взаимодействия культурных и лингвальных факторов. Появились новые основания для утверждения особого статуса ИС в языке [Ермолович, 2001; Карпенко, 2008; Мурясов, 2015; Ganzer, 2008, с. 39; Naumann, 1998, с. 231; Willems, 2000, с. 87 и др.], аргументированные тем, что, как лексические единицы, они являются фактами языка и соответственно определенной лингвокультуры, в то же время оставаясь знаками фактов неязыковой действительности, нелингвальных сущностей. Перечисленные аспекты отношения ИС к языку и культуре не исчерпывают их специфическую значимость, которую еще предстоит осмыслить.

Для культуры, понимаемой в аксиологическом смысле как производящей и интегрирующей духовные ценности, ИС обладают особым идеологическим значением как кодифицирующие, символизирующие, мифологизирующие, метафоризирующие лингвокультурное пространство знаки. В. Н. Топоров выразил взаимоотношения культуры и слова-имени так: «имя – импульс культуры, поскольку оно вводит человека в знаковый космос, но оно и результат ее, поскольку его смыслы возрастают в пространстве культуры, ею держатся и ею же контролируются (именно эти особенности делают имя одним из важнейших индикаторов типа культуры)» [Топоров, 1989].

Несомненно, имя не мыслимо вне культуры; однажды в ней возникнув, оно развивается, регулярно возобновляясь, и только в этой ‘среде’, в контексте культуры, может существовать. Длительное пребывание в лингвокультуре наполняет ИС новыми смыслами за счёт ассоциаций, коннотаций и т. д., превращая его в неотъемлемую частицу национальной культуры. Некоторые примеры, демонстрирующие механизмы этих процессов, будут описаны в главе 4.

В самом общем виде взаимоотношения между языком, культурой и феноменом имени изображены в виде схемы, представленной на рисунке 1. Она отображает такие характеристики онимикона, как интралингвальность и

интракультурность, вытекающие, с одной стороны, из сущности языка как конституирующей культуру субстанции, с другой – обусловленные культурно-специфическими особенностями маркированных с помощью nom. pr. объектов.

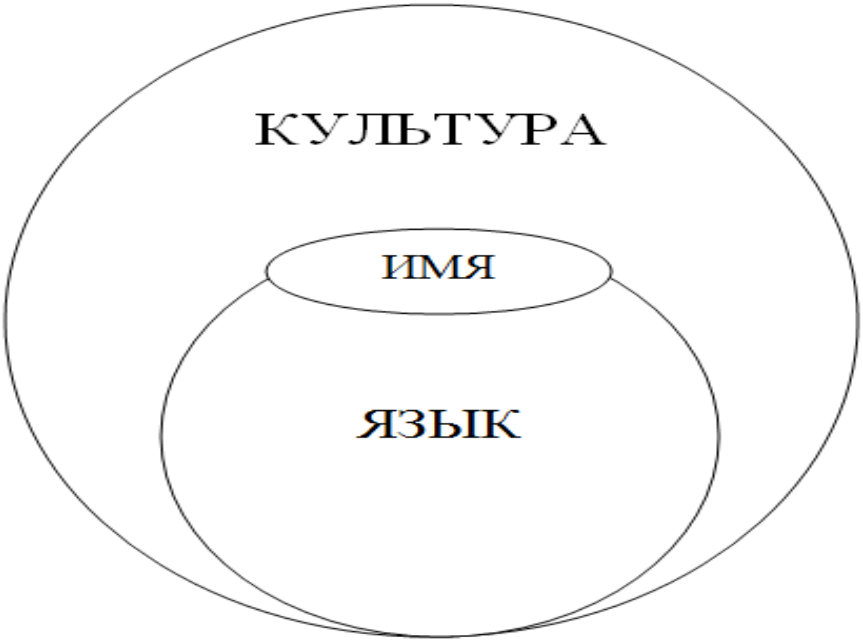


Рисунок 1. Соотношение культура – язык – имя

С гносеологической точки зрения онимная лексика – материал исследования для лингвистики, но и инструмент познания, средство и источник информации для других наук. Лингвистическая ценность онимного материала, , с одной стороны, состоит в «реализации данной области архаизмов и инноваций, воплощении важнейших тенденций языкового развития, мощном воздействии на общеязыковую систему» [Топорова, 1996, с. 3]. Так, наличие в древних текстах определенных имён может свидетельствовать о взаимодействии культур, что важно при воссоздании реальной истории этносов. Появление новых образов, сюжетов, имён богов в религиозных текстах, фольклоре и эпосе является показателем межэтнических и цивилизационных влияний. Примером этому является упоминание в «Ригведе» имени соперника бога *Индры – Шамбары,* которое послужило основанием к научным выводам об очень ранних контактах индоариев с австроазиатскими племенами на том основании, что само слово *Шамбара* имеет мундскую этимологию [Бонгард, Ильин, 1985, с. 141-142].

С другой стороны, многие ИС, в особенности, антропонимы и топонимы, и

сегодня сохраняют следы эпохи, из которой происходят. Историко-культурные парадигматические связи ИС обусловливают их способности к манифестации глубинных культурно значимых смыслов.

Заключая в себе исторический, географический, этнографический, культурологический, социологический, литературоведческий и другие компоненты, онимы помогают эксплицировать (при условии всестороннего комплексного исследования) специфику именованых объектов, устанавливать их место и значимость в истории и культуре, изучать традиции, устои, социально-политические и культурные контакты и другие характеристики языковых коллективов, т.е. уже не чисто лингвистические свойства и/или совсем не имеющие отношения к лингвистике. Реконструкция этнографических и культурно-исторических реалий, возможность более глубокого анализа, взаимного корректирования лингвистических и культурно-исторических данных – всё это возможно при условии комплексного изучения языка и культуры ономастическими методами.

Таким образом, взгляд на имя как на составляющую культуры позволяет охватить функционально широкий спектр потенциальных возможностей онимов – от обозначения объектов реальной действительности до участия в создании мира художественной, ‘виртуальной’ реальности в качестве поэтонимов.

1.3.3 Лингвокультурология и ономастика. Лингвокультурология возникла в последние десятилетия XX в. как междисциплинарное направление на стыке нескольких гуманитарных дисциплин: лингвистики, лингвострановедения, культурологии, этнолингвистики. Её появление было во многом обусловлено становлением антропоцентрических подходов в лингвистике, подготовивших осознание того, что язык не существует вне культуры и что культура ведёт в языке самостоятельное существование [Телия, 1998]. В российской науке термин ‘лингвокультурология’ выработался и утвердился в работах ряда исследователей (Н. А. Арутюнова, В. В. Воробьев, В. И. Карасик, В. В. Красных, Е.С. Кубрякова, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, В. Н. Телия, В. М. Шаклеин и др.). Целью лингвокультурологии в России заявлялось «исследовать и описать

русское культурное пространство сквозь призму языка и дискурса и культурный фон коммуникативного пространства» [Красных, 2002, с. 13], а главные задачи определялись так: «выявить с помощью и на основе языковых данных базовые оппозиции культуры, закреплённые в языке и проявляющиеся в дискурсе; отраженные в зеркале языка и в нём зафиксированные представления об окультуренных человеком сферах: пространственной, временной, деятельностной и т.д.; проступающие сквозь призму языка древнейшие представления, соотносимые с культурными архетипами» [Там же. С. 13].

Существует несколько определений лингвокультурологии, как правило, дополняющих друг друга. Чаще всего в определении акцентируется направленность лингвокультурологии на решение её основного вопроса, которым является «вопрос о механизмах связей языка и культуры» [Шаклеин, 2012]. Это – дисциплина, которая «непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных, 2002, с. 12]; «изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе» [Там же. С. 26]; «сравнительно молодая филологическая дисциплина синтезирующего типа, возникшая на стыке лингвистики и культурологи и рассматривающая язык как воплощение культуры» [Маслова, 2001, с. 5] и т. д. Таким образом, «основной и исходной идеей лингвокультурологии стала идея о неразрывной связи языка и культуры» [Шаклеин, 2012].

Ономастика, которая долгое время считалась вспомогательной дисциплиной для других наук (истории, археологии, этнологии, культурологи и т.д.), оформившись в самостоятельную отрасль лингвистики, имеет сегодня тенденцию расширения своего предмета и проблематики, как было показано в разделе 1.2.2. Она включает в круг своих задач исследование онима как семиотической единицы определённого языкового, но в то же время и культурного пространства, а, кроме того, и поэтонима как соответствующей единицы пространства художественного.

При таком подходе следует учитывать, что семантическое наполнение определенной последовательности звуков (из которых состоит всякое ИС)

приобретает смысл лишь в соотношении с культурой произрастания, и звучание онима имеет значение только в контексте определенной культуры. Более того, в контексте иной культуры один и тот же звуковой набор может соответствовать совершенно иному содержанию. Такие свойства, как, например, благозвучность / неблагозвучность ИС становятся релевантными исключительно на фоне культурного контекста. С культурным фоном связано и возникновение коннотаций, способных посредством регулирования имяобразования, имяупотребления формировать или менять установку субъективного отношения к нелингвальным фактам культуры, субкультур, объектам и субъектам номинации.

При более детальном рассмотрении у двух дисциплин – лингвокультурологии и ономастики – выявляется достаточно много общего. Прежде всего, это – общие теоретические основания, главные моменты которых были заложены в прошлом такими учёными, как А. А. Потебня, А. И. Б. де Куртене, Ф. де Соссюр, В. фон Гумбольдт, Э.Сепир и Б.Уорф (см. раздел 1.2).

В силу того, что имена выступают носителями и хранителями разнообразных форм культурно обусловленной и культурно значимой информации, достижения ономастических исследований приобретают все большее значение для культурологических и социальных дисциплин. Как утверждает Е. Л. Березович, в отечественной этнолингвистике имеет место обращение к ономастическому материалу как особому коду традиционной культуры – так называемой ‘культурной’ ономастике, которая отличается от общеязыковой по ряду параметров: по составу именуемых объектов, арсеналу ономастических средств, прагматическим особенностям, характеру соотнесённости с денотатом. Её специфика заключается в том, что ономастикон культуры интегрирован в её фольклорный и обрядовый коды, создающие особые условия трансляции этнокультурной информации, которая заключена в ИС и должна быть эксплицирована в результате этнолингвистического исследования [Березович, 2001(1), с. 35]. Как свидетельства исторического, социального, общественного, культурного развития больших общностей людей и знаки конкретных объектов действительности определённого лингвокультурного

пространства проприальные единицы составляют бесценный материал для лингвокультурологии.

Однако обо всех ИС можно сказать, что они, составляя часть лексической системы языка, в то же время обладают специфическими свойствами принципиально иного характера, соединяя в себе языковое и культурно значимое, поскольку являются одновременно знаками языка и культуры (см. 1.3.2). Это даёт основание рассматривать функционирование имён как аспект лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, «так как имена символизируют, имплицируют и социальные переменные, и культурные стереотипы, и популярную мифологию, с другой же стороны, невозможно обойти такой вопрос как имена в дискурсе, в реальной стихии речи» [Пак, 2005, с. 8]. Появление в ономастике последних лет исследований лингвокультурной направленности служит ещё одним доказательством тесной взаимосвязи ономастики и культуры [Антышев, 2001; Ермолович, 2001; Ражина, 2007; Ратникова, 2003; Головина, 2013; Какзанова, 2015; Мурясов, 2015; Сапожникова, 2015; Хохлова, 2017; Kalverkämper, 1995 и др.].

Что касается методов исследования, то следует сказать об использовании ономастикой лингвострановедческого и лингвокультурологического комментирования как составляющей лингвистического описания и анализа как реальной онимии, так и поэтонимии. Ономастические знания, которыми члены культурного сообщества владеют априори, часто недоступны для носителей иной культуры без специального разъяснения, вследствие чего возникает необходимость в лингвострановедческом и лингвокультурологическом комментировании при межкультурных контактах.

Лингвокультурологический подход к ИС расширяет культурную составляющую исследовательского комплекса, включая в неё включая в неё аспекты и характеристики культуры как таковой (знаковый характер, культурные коды, символы и архетипы), носителя культуры (лингвокультурное сообщество и языковая личность). Тема языковой личности, преломлённая через специфику

авторского текста, является актуальной как для раздела ономастики поэтонимологии, так и для лингвокультурологии.

Итак, между ономастикой и лингвокультурологией прослеживается область общих и смежных интересов, где их взаимодействие может оказаться полезным для достижения результатов в решении как общих для обеих дисциплин, так и узкоспециальных задач.

Материалы главы отражены, помимо указанных выше, в следующих публикациях автора: [Усова, 2008(5); 2015(1); 2012(3); 2018(3); 2018(9); Usova, 2015].

Выводы к главе 1

1. Как следует из материалов главы, предпосылкой возникновения и неиссякаемым источником сохранения научного интереса к феномену ИС служат два фактора: во-первых, пытливая научная мысль, которой свойственно стремление к познанию сложных и противоречивых явлений действительности, одним из которых является ИС; во-вторых, сама практика многовекового употребления имён во всех сферах жизни человека и общества.

2. Анализ формирования научных взглядов на феномен имени показывает, что становление ономастики и в русском языкознании, и в германистике является закономерной органичной частью развития гуманитарной научной мысли. В недрах логических, философских, общефилологических, лингвистических, лингвопоэтических размышлений, не лишённых противоречий, выкристаллизовывались теории, принципы, методы современной ономастики, вырисовывался круг проблем, намечались пути их решения. Обращение к той или иной сфере имяупотребления, осмысление этого явления в научных наблюдениях в итоге оформилось в ряд интересных и глубоких теоретических заключений, которые стали стимулом для зарождения новых направлений ономастических исследований. Особенный интерес для настоящего исследования представляют те идеи в теоретическом наследии прошлого, которые уже тогда указывали на то, что язык

в своей основе является результатом синтеза, на тесную связь языка с культурой, подвижную границу между ними.

3. Традиция использования онимов в поэзии насчитывает не одно столетие. С глубокой древности собственным именам отводилась особенная роль в формировании ХТ, глубокие корни имеют и попытки фонопоэтического анализа. В последние десятилетия внимание и русистов, и германистов всё больше привлекает тема использования образных возможностей онимов как в практике речевой коммуникации, так и в художественной литературе, их стилистическое, метафорическое, фразеологическое функционирование.

4. Вместе с тем, хотя содержательность звуковой формы ИС, рассмотрение реализации их действенных свойств в речи входят в круг длительно обсуждаемых лингвистических проблем, звуковой аспект проприальной лексики всё же остаётся одним из наименее разработанных как в русском языке, так и в германистике. Несмотря на некоторое возрастание интереса к звуковой стороне ИС в работах последних лет, очевидно, что на сегодняшний день существует лишь немного системных исследований и обоснованных научных теорий в этой области.

5. Если литературной ономастикой (а затем поэтонимологией) фонетическая сторона в определённой мере исследовалась, то на уровне теоретической ономастики этот аспект всё ещё ‘выносится за скобки’. Вопросы звучания ИС в связи с онтологическими и гносеологическими проблемами, природа и механизмы взаимодействия фонетики и семантики в ониме, манифестация фоносемантического эффекта на разных уровнях текстовых структур и другие связанные с этим процессы и явления нуждаются в изучении и теоретическом осмыслении.

6. В диссертации принимается понимание термина ‘культура’, подразумевающее, помимо лингвокультуры, и другие формы её существования; в широком смысле – культура как текст и мегатекст. Взгляд на язык и культуру как на синергетически взаимодействующие субстанции представляется сегодня актуальным и может служить одним из основных исходных принципов

рассмотрения материала отдельных лингвокультур в избранном для настоящей работы ключе.

7. С позиций достижений современной науки понимание языка как конституирующего ‘субъекта’ культуры позволяет рассмотрение словесных знаков в лингвокультурологическом аспекте, что проявляется в тенденции к расширению предметной области ономастики включением в её сферу культурологического знания. Учитывая пересечение научных интересов ономастики и лингвокультурологии, представляется возможным применение лингвокультурологического подхода к исследованию онимной лексики, в том числе поэтонимов, рассматривая их культурную содержательность вместе с фонетической и семантической спецификой как стилистический потенциал для формирования авторского текста. Установка на рассмотрение языка как конститутивного фактора культуры даёт возможность перейти к вопросу функционирования ИС в языке писателя как модели лингвокультуры.

8. Нерасторжимая связь nomen proprium с культурой делает неизбежным отображение в онимиконе всех существенных социальных и историко-культурных процессов. Изучение культуры путем анализа языковых фактов, какими являются ИС, несомненно, даёт ценный практический и теоретический материал, расширяющий наши знания об окружающей действительности. Особенности национального языкового сознания проявляются в том числе и в уникальности проприального слоя лексического состава языка. Следовательно, обращение к фактам и категориям культуры предопределено объективной необходимостью, возникающей в ходе комплексного изучения явлений ономастики.

9. Аспекты отношения ИС к языку и культуре, обозначенные в настоящей главе, не исчерпывают их специфическую значимость, которую еще предстоит осмыслить, однако дают представление о состоянии современной ономастической науки и составляют необходимую теоретическую базу для практического изучения фонетических, семантических и деривационных особенностей ИС в других разделах.

ГЛАВА 2

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ОНИМОВ

Данная глава имеет целью рассмотреть важные для настоящего исследования теоретические вопросы, учитывая имеющиеся проблемы, традиционные и новаторские подходы, являющиеся наиболее ценными для изучения имени в обозначенном ключе. Не претендуя на широкое освещение всех проблемных вопросов, а тем более на окончательность выводов, ограничимся теми фактами, которые, на наш взгляд, достаточны для обоснования выбранного подхода и представляют его суть.

Продолжением методологической темы является представленная в п. 2.3 модель онима в лингвокультуре, разработанная с позиции теорий о динамической природе nomen proprium, а также связанные с ней термины, дополняющие метаязык ономастики.

2.1 Проблематика современной ономастики

Уже в 1980-х гг. В. Д. Бондалетов назвал наиболее сложными и дискуссионными такие вопросы, как наличие-отсутствие у ИС лексического значения, его характер (содержательное оно или чисто формальное), его ‘объем’ по сравнению с семантикой нарицательных слов, природа (языковая, речевая, логическая, психологическая и т. д.) ономастического значения, степень противопоставленности имён собственных нарицательным (по значению и другим показателям) [Бондалетов, 1983, с. 22-23]. Однако до сих пор эти вопросы не нашли своего окончательного решения. В число основных дискуссионных теоретических вопросов современной ономастики как русского, так и германских языков входят: типология ИС и критерии их разделения на классы (разряды); наличие и характер семантики онимов; разработка общей методологии; метаязык ономастики, включая само определение ИС как единицы языка.

2.1.1 Проблема дефиниции и классификации. Существует множество определений собственных имён, основанных, как правило, на противопоставлении их нарицательным существительным, а часто и всей остальной (апеллятивной) лексике языка. Вопрос о статусе ИС рассматривался достаточно подробно в главе 1, поэтому ограничимся здесь лишь дефиницией, которая кажется наиболее конкретной и полной: «Имя собственное – это универсальная функционально-семантическая категория имён существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [Фонякова, 1990, с. 21].

Традиционно внутри класса собственных имён выделяются подклассы или разряды. Вопрос о классификаци онимов является одним из наиболее сложных, что подтверждается отсутствием единой классификации онимной лексики. Трудность состоит большей частью в дифференциации и способах обозначения групп (подклассов) внутри таких больших классов как антропонимы и топонимы, которые сами по себе не вызывают разногласий. Кроме того, возникают трудности в квалификации онимной лексики «периферийной зоны ономастики» (И. В. Крюкова). На сегодняшний день существует несколько вариантов классификаций. Авторами наиболее известных являются А. В. Суперанская, О. И. Фонякова, Н. В. Подольская. А. В. Суперанская делит все ИС на 13 групп, О. И. Фоняковой – на восемь групп. Типологическая систематизация Н. В. Подольской (1978) насчитывает около 40 разрядов и отличается тем, что в ней все онимы разделяются сначала на две группы по признаку отношения к реальной действительности на реалионимы и мифонимы, а затем внутри реалионимов все ИС распределяются на группы.

Дополнение к существующим классификациям было внесено Е. С. Отиным, который выделил в отдельную категорию собственных имён коннотативные онимы, для которых предложил новый термин *коннотонимы* [Отин, 1997, с. 279-285]. В. М. Калинкин, разработавший основы поэтики онима (поэтонимологии),

предложил отделить от реальных онимов ИС литературно-художественных текстов и назвать их общим термином *поэтоним* [Калинкин, 1999(2); 2006]. Для поэтонимов, в свою очередь, существуют свои классификации.

Настоящая диссертация опирается прежде всего на типологию ИС, разработанную Н. В. Подольской [Подольская,1978], которая устанавливает основные разряды онимов, учитывая их соотнесенность с обозначаемым объектом (референтом): антропонимы, топонимы, гидронимы, ойконимы, хрононимы, документонимы, хрематонимы, агионимы, мифонимы, экклезионимы и т. д.

В основу предлагаемых в данной работе классификаций и систематизаций положены принципы функционально-стилистической характеристики онимных единиц художественных текстов, представленной в работах К. Б. Зайцевой и О. И. Фоняковой, а также методологические принципы классификации поэтонимов В. М. Калинкина.

2.1.2 Проблема семантики онима. Этот вопрос относится к наиболее обсуждаемым и составляет, по мнению многих специалистов, центральную проблему ономастики. Действительно, успешное описание и объяснение феномена имени требует понимания его специфики. В задачи настоящей работы не входит участие в этой дискуссии с конкретными предложениями решения проблемы, однако, учитывая направленность диссертации, невозможно совершенно обойти её вниманием.

Семантика (значение) собственных имён обсуждается в связи с проблемой взаимоотношения означающего и означаемого, формы и содержания в слове одной из ключевых проблем языкознания, восходящей к теории двусторонности языкового знака. Как правило, термины ‘семантика’ и ‘значение’ употребляются применительно к ИС как синонимичные. В основе взглядов на значение ИС по-прежнему лежат полярные мнения, которые едины в одном – в специфичности ИС как языкового знака. Как заметил В. Д. Бондалетов, «правильно подмечая специфику имени собственного в его значении, исследователи расходятся в ее толковании» [Бондалетов, 1983, с. 22].

Если рассматривать ИС как первичный результат акта номинации, то можно назвать их абсолютными номинативными единицами, специфика которых состоит в предназначенности для специального обозначения единичных объектов действительности. Напомним в этой связи определение Ю. М. Лотмана: «общее значение имени собственного принципиально тавтологично: то или иное имя не характеризуется дифференциальными признаками, но только обозначает объект, к которому прикреплено данное имя; множество одноимённых объектов не разделяют с необходимостью никаких специальных свойств, кроме свойств обладания данным именем» [Лотман, 2000, с. 527]. Однако нельзя отрицать, что онимы, как языковые единицы, входят в онимикон конкретного языка, который является составной частью лексической системы, следовательно, коррелирует с параметрами лексической, фонетической, грамматической системы, закономерностей функционирования и особенностей развития языка в целом. Об этом – известное высказывание В. А. Никонова: «имя – это слово и, как все слова, подчиняется законам языка, то есть подлежит ведению языкознания» [Никонов, 1974, с. 6]. В то же время онимы составляют особый пласт лексического массива языка, непосредственно связанный с неязыковой деятельностью человека в окружающей его действительности (см. раздел 1.3.2). Эта особенность, вероятно, послужила основанием для предположения Ю. Лотмана о том, что «система собственных имен образует не только категориальную сферу естественного языка, но и особый его мифологический слой», так как «в ряде языковых ситуаций поведение собственных имен настолько отлично от соответствующего поведения слов других языковых категорий, что это невольно наталкивает на мысль о том, что перед нами инкорпорированный в толщу естественного языка некоторый другой, иначе устроенный язык» [Лотман, 2000, с. 527]. Возможно, поэтому возникают причины для сомнений, которые высказываются время от времени: действительно ли имя должно на равных изучаться лингвистикой? Так, А. К. Матвеев, утверждая, что «имя – языковой знак» и признавая специфику собственных имен [Матвеев, 2004, с. 8], в другой работе выдвигает мнение, что «ономастику не следует рассматривать как

часть лексики, поскольку она представляет собой принципиально иное явление» [Матвеев, 2005, с. 9].

По-прежнему распространённым является рассмотрение онимов как «семантически полых» знаков, «ущербных», «асемантичных», не имеющих значений вообще, и потому выполняющих роль ярлыка, знака-метки, этикетки (О. С. Ахманова, Дж. Милль, А. А. Уфимцева и др.). Сторонники этой точки зрения видят особенность ИС в ослабленности (редуцированности) значения, а то и в полном его отсутствии (ср. [Языковая номинация, 1977, с. 74]), определяя онимы как «разряд неполнозначных слов, обладающих только семами одушевленности, лица и пола» [Бурцев, 2007, с. 5].

Т. Н. Кондратьева, возражая против стремления сделать онимы (в частности, антропонимы) знаками, не имеющими значения, отмечала, что там, где появляется в значении ИС то общее, что отражает действительность, всегда возникает образность. Имя, составляя единство общих и индивидуальных черт человека, являясь традиционным, вместе с тем не нарушает обмен [информационным содержанием] между поколениями [Кондратьева, 1983, с. 3].

Согласно точке зрения, впервые высказанной датским лингвистом О. Есперсеном, среди изначально заложенных особенных свойств онимных единиц – их способности к бóльшему функциональному многообразию по сравнению с апеллятивными средствами номинации, поэтому ИС обладают «бóльшим количеством признаков», чем ИН: «имена собственные (в том виде, как они реально употребляются) «коннотируют» наибольшее количество признаков» [Есперсен,1958, с. 71]. Основное качество онимов состоит в наполненности конкретным содержанием. Показательно в этом смысле высказывание Д. И. Ермоловича: «Уже в силу того, что ИС являются языковыми знаками, они не могут не обладать содержательной стороной» [Ермолович, 2004, с. 28].

Существенные различия во мнениях относительно семантики ИС свидетельствуют, по мнению В. Д. Бондалетова, с одной стороны, о действительной сложности (многоликости) имен, с другой – о том, что под значением (семантикой) ИС «понимаются разные вещи, к тому же увиденные с

разных точек зрения» [Бондалетов, 1983, с. 22]. В самом деле, само понятие ‘семантика онима’ имеет разную интерпретацию. В него включают, как правило, не только смысл лексического значения, но и, как отмечает, например, М. Э. Рут, «с одной стороны, гораздо более узкий, предполагающий только исходное мотивационное значение, а с другой – гораздо более широкий, включающий всю информацию, которую можно извлечь из имени» [Рут, 2001]. Исследовательница полагает, что «антропоним сам по себе не имеет реального значения», но вбирает в себя культурные коннотации, за счет чего формируются «фантомные лексические значения, превращающие его в промежуточную форму между онома и апеллятивом, по определению Е. Отина, *коннотоним*» [Там же]. Тем самым утверждается наличие у антропонима только коннотативного значения. Одновременно с этим говорится, что личное имя «обладает отсоциумным денотатом и отсоциумным коннотатом» и что и вопрос о наличии/отсутствии и характере лексического значения ИС «решаем только по отношению к конкретным классам онома» [Там же], что вызывает вопросы.

В последнее время ИС чаще рассматривается как единица, обладающая значеним, с оговоркой о ‘специфичности’ его значения, трактуемой по-разному. (Например, находят специфичность ИС в «гипертрофированной номинативности», обусловливающей их особую конкретность.) Как правило, считается, что семантическая структура онима, изоморфна семантической структуре апеллятивов, «так как природу и сущность обеих определяют три основных компонента: референтный, денотативный и сигнификативный» [Алефиренко, Спорные, с. 204]. Следовательно, можно применять к рассмотрению его семантики лингвистические подходы, применимые и к ИН. Современная лингвистика рассматривает семантику / значение / означаемое слова как сложное образование, состоящее из элементов [Алефиренко, 2005; Березович, 2001(2); Залевская, 2013; Рут, 2001 и др.]. По мнению Н. Ф. Алефиренко, онимы и апеллятивы обладают разной семантической сущностью при наличии типологически одинакового набора компонентов, что объясняется различиями в их референтной, денотативной и сигнификативной отнесённости, а также

специфичным соотношением у них языковой и речевой семантики [Алефиренко, 2005, с. 205]. С позиций психолингвистики он вычленяет в семантической структуре слова образный, денотативный и сигнификативный макрокомпоненты его значения [Алефиренко, 2005, с. 46]. Различая, вслед за Ф. де Соссюром, в семантике слова ‘значимости’ (под которыми понимается «элемент значения»), которыми обладают единицы всех языковых уровней (фонетического, морфемного, морфологического, синтаксического и т. п.), он рассматривает в качестве «содержательных (семантических) значимостей» «компоненты значений, по которым они противопоставляются и объединяются в составе парадигм и синтагм» [Там же, с. 53]. Более сложную градацию семантической структуры слова с точки зрения психолингвистики описывает А. А. Залевская [Залевская, 2013]. На сложность понятия ‘значение’ указывал ранее А. А. Леонтьев, замечая, что «значение не является простой суммой исходных смысловых компонентов», объясняя это динамической сущностью значения: «значение как психологический феномен есть не вещь, но процесс», «динамическая иерархия процессов» [Леонтьев, 1971, с. 17].

Представляются убедительными взгляды на проблему семантики ИС Ю. А. Карпенко, который, рассматривая онимы в языке и особенности их функционирования в речи [Карпенко, 2008, с. 221-235], обращал внимание на существенную разницу в семантике ИС в речи и языке. Учёный отмечал, что значение ИС в языке оказывается более бедным, чем в речи, но уже и на уровне языка наблюдается больше чем одно значение: «В русском языке существуют просто ономастические единицы *Москва, Одесса* <…>. И в плане выражения эти единицы имеют определённое звучание (точнее, фонемную структуру) и грамматические показатели, а в плане содержания – значение «город». При этом языковой смысл собственных имён отнюдь не ограничивается подведением под определенные термины. Так, значение слова *Москва* в языке – не только ‘город’, но и ‘столица СССР’ [Карпенко, 2008, с. 225]. Любое ИС, по мнению Ю. А. Карпенко, имеет как минимум два значения. Так, любой ойконим принципиально полисемичен в том смысле, что содержит два языковых значения:

прямое – ‘населённый пункт’ и переносное, метонимическое – ‘жители этого населённого пункта’. О любом личном имени, повторяющемся в лингвокультуре, можно тоже сказать, что оно имеет два значения: обобщённое – ‘имя человека’, безотносительно к конкретному лицу, но с указанием на принадлежность к конкретному языку, территории или временно́му периоду и конкретизированное – имя данного, определённого человека. В речи же, замечал Ю. А. Карпенко, ИС «обладает гораздо более высокой степенью вариативности, чем в языке», причем варьируется как семантическое наполнение имени, так и его форма. Варьирование формы «материально фиксируется самим собственным именем, а варьирование содержания – его речевым окружением и интонацией или вообще никак не фиксируется» [Карпенко, 2008, с. 225-226].

‘Полисемичность’ онима в терминах Ю. А. Карпенко трактуется Н. Ф. Алефиренко с точки зрения речемыслительных процессов, в которых уникальные отличительные признаки объекта обозначения соотносятся с системой признаков других однотипных объектов. Т. е. утверждается, что индивидуализация названного онимом объекта немыслима без одновременного противопоставления его другим объектам того же класса. «Поэтому в семантике онима фиксируется и тот индивидуальный признак, которым данный объект именования выделяется из совокупности других однотипных объектов (референтное значение онима), и тот групповой признак, по которому этот объект относится к соответствующему классу объектов» [Алефиренко, 2005, с. 152]. Так, в ряду гидронимов-озёр: *Ильмень, Эльтон, Байкал* каждый оним имеет своё собственное референтное значение – это конкретный водный объект под Новгородом, восточнее Волгограда и в Сибири. Денотативное значение у них одинаковое – «озеро», т. е. общий (обобщающий) признак всех трех объектов. Так в ономастическом значении, по Алефиренко, выражается диалектическая связь отдельного и общего, конкретного и абстрактного [Там же].

Всю совокупность теоретических взглядов в вопросе семантики ИС Н. Ф. Алефиренко сводит к двум научным парадигмам, – лингвофилософской и речемыслительной. С позиций лингвофилософской парадигмы семантика онимов

и апеллятивов противопоставляется оппозицией «единичное – общее»; в речемыслительной парадигме природа ономастической семантики осмысляется через соотношение онимов с соответствующими номинантами (референт, денотат, сигнификат) [Алефиренко, 2005, с. 155].

С проблемой семантики онима естественно связан вопрос об отношении денотации и коннотации, сигнификации и референции онимной и апеллятивной лексики. Термины денотат, денотация, денотативное значение принято применять в отношении апеллятивов: [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 92]. Термины референт, референция, референциальное значение используют для собственных имён, значение которых определяется экстралингвистической информацией [Там же. С. 363]. Общепринятой является соотнесённость онимов, не обладающих обобщающим значением, с единичными объектами (референтами), а апеллятивов – с совокупностью однородных объектов, классов (денотатами).

Однако, как следует из вышесказанного (Н. Ф. Алефиренко, Ю. А. Карпенко), оним, как и апеллятив, хотя и косвенно (через конкретный объект), соотносится с денотатом, так, *Волга* – водоём, река, и только затем – протекающая в конкретной местности конкретная река. Хотя такое суждение вступает в противоречие с распространенным мнением, что приобретение денотативного значения превращает оним в апеллятив, всё же следует признать взаимосвязь референтного и денотативного компонентов в семантике онима (А. В. Суперанская, Н. Ф. Алефиренко). Что касается сигнификативного значения, то представляется убедительной точка зрения, допускающая наличие у онима сигнификата (Г. В. Колшанский, Н. Ф. Алефиренко и др.), поскольку слова, лишённые сигнификатов, неизбежно превращаются в звуковые этикетки [Алефиренко, 2005, с. 206-207]. Отношение слова к предмету есть не значение этого слова, а лишь обозначение; значение слова определяется сигнификатом [Колшанский, 1975, с. 137]. По мнению Д. И. Ермоловича, «сигнификат и является значением ИС» [Ермолович, 2004, с. 29].

Резюмируя, можно заключить, что в семантике онима присутствует и референтное содержание, и денотативное [Алефиренко, 2005; Беляев, 2016;

Горбань, 1997; Калинкин, 1999; Карпенко, 2008] с преобладанием референтного, тогда как в семантике апеллятива преобладает денотативное значение. При этом отдельные лингвисты выделяют в семантической структуре ИС ядро, в котором до коммуникации присутствует набор фиксированных денотативных пресуппозиционных сем, а в процессе коммуникации дискурс актуализирует «вызванные» денотативные пресуппозиционные и коннотативные семы с периферии» [Горбань, 1997, с. 35; Калинкин, 1999, с. 9].

Разделяя позицию названных авторов, хотелось бы акцентировать роль контекста в актуализации конкретного речевого смысла ИС. Задаваемый изначально лингвальными особенностями (например, вариативностью словообразовательных элементов, фонетической экспрессивностью) семантический потенциал далеко не в последнюю очередь зависит от таких нелингвальных факторов, как особенности личности (говорящего индивидуума или автора письменной речи), временные, локальные и другие параметры ситуации, в совокупности создающие контекст.

Отношение содержательности и формальной выраженности в ониме как лексической единице также связано с вопросом об отношении означающего и означаемого, имени и референта. Академическая «Русская грамматика» устанавливает связь между значением нарицательного имени существительного и «его употреблением в качестве наименования», иначе говоря, значением ИС, омонимичного ИН: наименованиями не могут служить слова, «лексические значения которых могут оказаться в противоречии с сущностью или назначением именуемого предмета. Так, санаторий не может носить наименования «Недуги», сорт конфет не может быть назван «Солеными» [Русская грамматика, 1980, с. 459]. Ю. А. Карпенко настаивал на понимании этого тезиса в применении ко всем ИС без исключения, а не только к тем из них, которые обозначены в упомянутом издании термином ‘наименование’. Он внес существенное дополнение: «ИС практически не пополняются и теми лексическими рядами, которые, нисколько не противореча сущности именуемого предмета, вместе с тем никак не раскрывают его сущности» [Карпенко, 1988, с. 10]. Так, пишет лингвист,

«санаторий не может называться «Недуги», так как название противоречит сущности, но он не может иметь также и названия, скажем, «Капуста» (название не раскрывает сущности, не содержит никаких намеков на сущность)». И хотя в практике употребления ИС случается, что объектам присваиваются имена, названия, не соответствующие их сущности, «такие именования неудобны, вызывают неодобрение общественности и рано или поздно устраняются» [Там же]. Действительно, коллективное языковое сознание отторгает неприемлемые наименования, которые со временем заменяются новыми (или, наоборот, ‘старыми’, как это произошло с возвращением прежних русских топонимов-астионимов *Тверь*, *Нижний Новгород, Екатеринбург* и т. д.). Звучание имени может актуализировать языковое знание (например, пол референта – *Александр / Александра, Andreas / Andrea*), оно способно установить связь с социокультурным знанием, дать информацию о возрасте, социальном статусе, этническом происхождении, некоторых чертах внешности или характера. ‘Приживаемость’ того или иного именования связана не в последнюю очередь со звуковым комплексом имени и степенью его соответствия фонотактическим законам языка.

Заметим, что на фоне продолжающихся дискуссий по вопросу семантики онима в эмпирических исследованиях уже активно изучаются аспекты семантики онимов [Дмитриева, 2016; Рут, 2001; Сисоєва, 2011; Willems, 1996 и др.]. В последнее время популярно обсуждение «когнитивного значения» онима [Карпенко, 2006; Ковалёв, 2002; Молчанова, 2006; Чикаткова, 2010 и др.].

2.1.3 Проблема методологии. Широта и многоплановость объединённых в объект изучения единиц и явлений предопределяет междисциплинарность и многоаспектность ономастической науки, и в то же время сложность самих процессов исследования. Вопросы, касающиеся методологии в ономастике, поднимаются многими лингвистами [Беляев, 2016; Гарвалик, 2007; Калинкин, 2008; Матвеев, 2004; 2005; Фомин, 2007; Косиченко, 2017 и др.].

Отсутствие цельности самой ономастики как лингвистической дисциплины называется основной причиной отсутствия единой методологии и чётких принципов ономастических исследований. Так, по мнению А. Н. Беляева, ономастика сегодня представляет собой «механическое соединение проблем и вопросов, которые в той или иной мере оказывается возможным соотнести со ‘значением’ собственного имени (понимаемым при этом весьма широко)» [Беляев, 2016, с. 15]. В качестве другой причины проблемы называется отсутствие в основе подходов методологически единого принципа, что сказывается на отсутствии единства в отношении предмета и методов исследования [Там же].

С другой стороны, замечается, что отдельные методы и направления исследования ИС устанавливают более тесные взаимные контакты, что в некоторой степени усложняется расхождениями в применяемой терминологии вследствие разных мнений и неодинаковой степени проработки теоретических подходов. В научных кругах ономастики нередки указания на нечёткость, неопределённость и противоречивость её основных понятий, что во многом объясняется также трактованием их не на основе методологически единого принципа, а с разных, часто несовместимых и непримиримых теоретических позиций [Беляев, 2016, с. 15]. Трудности связываются и с использованием разных терминов для одного и того же явления или типа имён, с разным пониманием содержания одного и того же термина в разных ономастических школах, а также с конкуренцией международных и отечественных терминов [Гарвалик, 2007, с. 6]. Следует учесть и то, что в рамках отдельных направлений ономастики используются соответствующие им методы и формируется своя терминосистема. Естественно, что в онимографии, топонимике, поэтонимологии или коннотативной ономастике и методы, и терминология будут существенно различны. Тем не менее, базовые термины метаязыка, как и основные принципы ономастических исследований, должны быть общими.

Многоаспектность и разнородность ономастических проблем послужила причиной серьёзного разброса в терминологии, что вызывает нарекания ряда

лингвистов, указывающих на необходимость системного изложения терминов [Матвеев 2005; Супрун 2011; Гарвалик, 2007].

Положительным в данной ситуации можно считать то, что, как пишет В. М. Калинкин, эти вопросы «начинают волновать учёных, как правило, с того момента, когда они осознают специфику изучаемого материала, начинают применять новые подходы к нему и вырабатывают свои методы исследования» [Калинкин, 2008, с. 97]. А значит, ономастическая наука находится в стадии активного развития, и указанные проблемы являются нормальной ‘болезнью роста’.

Общее мнение о необходимости выработки всеобщей методологии, об унификации терминологии, свидетельствует о потребности дальнейшего развития теории ономастических учений и о понимании того, что разнонаправленные исследовательские линии должны быть приведены к ‘общему знаменателю’. Возможно, путь к этому лежит через исследование ИС как лингвокультурных феноменов. Но изучение этого сложного и многогранного явления должно осуществляться сразу в нескольких плоскостях, поэтому для создания методологической базы требуется критическое осмысление и пересмотр некоторых теоретических и методологических основ ономастического исследования.

Что касается терминологического аппарата данной работы, то в целом в ней предпочитается терминология традиционной лингвистики, расширенная в необходимом объёме терминами метаязыка ономастики, принятого как в русистике, так и в германистике. В диссертации изучаются объекты, входящие в зону пересечения различных областей ономастики (антропонимики, топонимики, поэтонимологии), поэтому содержания основных терминов нуждается в уточнении. Разъяснение некоторых терминов содержится в разделе 1.1, в дополнение сказанного необходимо внести ещё некоторые уточнения.

«*Поэтоним* (др.-греч. ποιητικη – «поэтическое искусство» и δνομα – «имя») – любое собственное имя, употребленное в литературном произведении. Может отсылать к реально существовавшему (Юлий Цезарь, Каракалла) или вымышленному (Мик) референту, но в обоих случаях называет объект поэтического бытия, то есть объект виртуальный, который иногда можно

сопоставить с тем или иным историческим лицом, но нельзя с ним отождествить. Важно учесть, что отсылка к реальному объекту номинации расширяет семантическое поле собственного имени, семантика которого, тем не менее, никогда не совпадает с семантикой, которую имеет имя реального ономастикона. Смысловое поле поэтонима проявляется только в контекстах, а мир, в котором «живет» поэтоним – это замкнутый мир художественного текста» [Федотова, 2016, с. 209].

Учитывая пристальный интерес исследования к звуковым явлениям в онимии и поэтонимии русского и германских языков, в диссертации используется термин *фоноэма*, обозначающий материальный (звуковой) компонент содержательной структуры поэтонима. Термин был предложен [Усова, 2006 (2), с. 214] ввиду того, что в ономастической науке отсутствовал общепризнанный термин с таким содержанием. Он, с одной стороны, наследует значение термина А. Ф. Лосева ‘фонема’, применённого к обозначению звуковой формы имени, а с другой – отличается от него тем, что, во-первых, исключает омонимию с термином фонетики и фонологии ‘*фонема*’, а во-вторых, вводит его в группу ‘*эмических*’ понятий, удобных для описания содержательной структуры имени собственного.

В разделе 2.3, посвящённом вопросам теории динамических процессов в ониме, обосновывается введение новых терминов, необходимых, как представляется, для изучения семантики онима в динамике.

2.2 Общие принципы и методы исследования имени собственного как феномена лингвокультуры

С изменением представления о предмете изучения возникает необходимость в пересмотре методологических принципов и подходов. В связи с этим представляется важным осмыслить уже имеющиеся подходы к описанию ИС и обозначить возможные тенденции их дальнейшего развития.

2.2.1 Традиционные методы и подходы к исследованию онимной лексики. Традиционные методы лингвистического анализа показывают эффективность в исследовании онима как семиотической единицы определённого языкового и культурного пространства, а также поэтонима как соответствующей единицы пространства художественного текста. Выбранное направление исследования в силу своей междисциплинарности нуждается в соединения методов, основные из которых описаны во Введении.

Методологическую базу современных лингвистических исследований составляет структурно-семиотическая традиция. Семиотические методы в предметном поле ономастики также опираются на основополагающий в современной лингвистике взгляд на язык как знаковую систему (Ф. де Соссюр, Р. Якобсон, Ю. М. Лотман).

Преемственность филологических взглядов в ономастике воплощается в комплексном подходе к исследованию текстов художественных произведений, в применении междисциплинарного анализа с привлечением данных литературоведения, стиховедения, поэтики, дискурсологии. В этой связи уместно вспомнить идеи В. В. Виноградова, который в свое время настаивал на объединении в сфере поэтики лингвистических, эстетико-стилистических, литературоведческих и иных подходов к изучению литературно-художественных произведений, на применении «особой методики анализа разнообразных способов речевого выражения и экспрессивно-речевой выразительности» [Виноградов, 1981, с. 169].

Лингвистический анализ, основанный на принципах художественной целостности, не может быть полным, если он не учитывает всех особенностей фонетических и семантических отношений поэтического текста и фигурирующих в нём проприальных единиц. Разработки в области семантики звука позволили перейти к использованию новых методик и полученных с их помощью результатов для исследования звучания поэтонимов, взаимодействия звука и смысла имени в контексте художественных произведений и в широком культурном контексте.

2.2.2 Теоретически ценностные основы аналитических исследований в ономастике. Междисциплинарный характер проблем, а также сложность задач исследования создают необходимость использования целого комплекса методов, предложенных в классических и современных исследованиях.

2.2.2.1 Поэтонимология. Исследование онима как семиотической единицы определённого языкового и культурного пространства, а затем и поэтонима, как соответствующей единицы пространства художественного, остаётся одной из задач ономастики и поэтонимологиии. Становление поэтонимологии – новой самостоятельной отрасли ономастики, сформировавшейся внутри направления литературной ономастики, было закономерным результатом многих проведённых исследований, позволивших дать положительный ответ на вопрос, существует ли особая поэтика собственных имён. Подтверждением тому является возрастание численности научных работ, посвящённых изучению онимного пространства литературных произведений. Особенный интерес исследователей вызывает поэтонимия отдельных поэтов и писателей как фактор формирования идиостиля и составляющая реализации авторского замысла [Багирова, 2004; Васильева, 2001; Климчук, 2003; Ковалёв, 2001; Ковалёв, 2002, 2005; Максимова, Отин, 1997; Петренко, 2004; Сивцова, 2008, и др.]. Всесторонний анализ онимов в творчестве О. Мандельштама, М. Цветаевой, А. Ахматовой, М. Булгакова, Н. Лескова, В. Брюсова, В. Набокова, Н. Гумилева и других замечательных художников слова в работах последних десятилетий [Багирова, 2004; Буевская, 2011; Калинкин, 2002 (1); 2002 (2); 2002 (3); 2002 (4); Мудрова, 2012; Рогозина, 2011; Федотова, 2016 и др.] вскрывают внимательное и чуткое отношение писателей и поэтов к звучанию онимов в жизни, творческом процессе и результате креативной деятельности.

Поэтонимология (поэтоним и греч. .ιογος – «учение») определяется сегодня как раздел ономастики, занимающийся изучением поэтонимов [Федотова, 2016, с. 209]. Автором термина, как и разработки общей методологии, является В. М. Калинкин. Специфичность ИС в художественном произведении как предмета

исследования послужила основанием для создания системы методов и метаязыка поэтонимологии, а *поэтоним* – базовым термином для формирования основной части её терминологической системы. В основу теории поэтонимологии положены принципиальные особенности, составляющие базовые отличия поэтонимов как предмета исследования от онимов:

– Система собственных имён первична. – *Литературные собственные имена являются вторичной семиотической системой, моделирующей первичную.*

– Онимия языка детерменирована языковым и историческими факторами. – *Литературная онимия относительно свободна и во многом зависит от воли автора.*

– Основная функция реальных онимов – дифференцирующая. – *У литературных онимов на первое место выдвигается стилистическая функция.*

– Общенародная ономастическая система – явление языка. – *Онимная система художественного произведения принадлежит речи* [Калинкин, 2006, с. 82-83].

Методологическую базу современных исследований поэтонимии, как и ономастики в целом, составляет семиотическая традиция. Одним из основополагающих принципов такого подхода является отношение к тексту как к целому, которое в то же время представляет собой частное, индивидуальное выражение конкретной языковой системы.

В. М. Калинкин, рассматривая структуру и функции поэтонима, учитывал аспекты звучания и анализировал наиболее распространённые приёмы использования звуковой материи имён в художественном произведении [Калинкин 1999(2); 1999 (1); 2000]. При этом анализировались механизмы воздействия звуковой формы поэтонима на восприятие и отмечалась способность звуковой формы имени служить фактором, «повышающим смысловое и эмоциональное содержание как самого имени, так и произведения в целом» [Калинкин 1999 (2), с. 292-296]. Фонетические свойства поэтонимов объяснялись психофизиологическими механизмами, в основе которых, по мнению Калинкина, «лежит сложный комплекс факторов различной природы, среди которых – то, что

стандартные, привычные воздействия вызывают естественные (бессознательные) реакции, а возбуждение, выходящее за рамки нормального, фиксируется сознанием» [Там же. С. 292].

Рассматривались случаи взаимодействия фонетики поэтонимов и окружающего контекста, при этом выявлялись звуковые повторы, рифмы с онимным компонентом, определяемые фонетической структурой поэтонимов, используемые с целью создания благозвучия, эвфонии, усиления образности, создания выразительности художественной речи, явление ономатопеи – «словообразование собственных имён (поэтонимов) путем звукоподражания или с опорой на него» [Там же]. Вопрос звучания имён попутно затрагивался и в других работах, при этом отмечался приём онимной игры, построенной на омофонии имени и апеллятива с целью достижения комического эффекта, для выражения иронии либо пейоративной экспрессии [Горнакова, 2010; Ильяш, 1988; Мудрова, 2012; Усова, 2007(2); 2009(6); 2008(3); 2008(4); 2009(4); 2009(2); 2009(5); 2010(1); 2011(1); 2018(3); 2018(5); Чуб, 2005]. В последние годы внимание лингвистов к звучанню поэтонимов усилилось, хотя совокупный опыт в этой области еще не может похвалиться объемом и исчерпанностью.

Фоносемантический анализ онимов на фоне культурного контекста необходим, поскольку оним всегда культурно значим, всегда имеет культурную составляющую. Но доступен часто лишь поверхностный слой культурной информации, заложенной в имени и реализующейся непосредственно благодаря звучанию. Полноценная экспликация имплицитных смыслов возможна с помощью комплекса методов и приёмов.

Диссертационное исследование опирается на теоретические положення поэтонимологии в части, посвящённой эмпирическому исследованию (Глава 5, 6).

2.2.2.2 Изучение онима в динамике. Научный интерес лингвистов издавна стремился к постижению динамических процессов в языке. И. В. Гёте в своих наблюдениях отмечал, «что нигде нет ничего устойчивого, ничего покоящегося, законченного; что все, напротив, скорее зыблется в постоянном движении» [Гёте, 1964, с. 69]. На динамический характер языка

обращал внимание А. Н. Бодуэн де Куртенэ, который писал: «В языке, как и вообще в природе, всё живет, всё движется, всё изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, 349].

Поиск закономерностей, источника движущей силы саморазвития языковых систем стимулирует сегодня обращение на новом уровне к идеям учёных прошлого. В. Н. Топоров указывал на то, что именно в динамике язык начинает функционировать как одно из воплощений культуры. «Сами границы между языком и культурой становятся достаточно условными, поскольку язык начинает выступать уже как важнейший фактор само́й культуры, открывающий путь бытийственным аспектам и побеждающий словом несвободу тварного существования. В подобных условиях именно язык становится «домом бытия», а каждый элемент языка перестаёт быть равным самому себе и обретает способность, моделируя мир, одновременно творить его заново (орудие, меняющее свои функции по мере того, как оно действует)» [Топоров, 1985, с. 6]. Единство статики и динамики проявляется и в соединении синхронического и диахронического подходов, актуального сегодня в исследовании языковых единиц и категорий [Улуханов, 1992; Ягупова, 2007]. Вѝдение В. Гумбольдтом языка как живого деятельностного организма (energia) находит отражение в современных теориях, рассматривающих язык в релятивно-синергетическом единстве с другими детерминирующими и взаимно детерминированными подсистемами человеческого существования, в том числе индивидуальным и коллективным сознанием, культурой, социальным полем [Селиванова, 2006, с. 150].

В современных лингвистических публикациях отмечается, что «языковые значения динамичны», и «в процессе совместной речемыслительной деятельности говорящего и слушающего происходит их изменение и обогащение, развитие» [Алефиренко, 2005, с. 72]. А. А. Залевская говорит о «двойной жизни значения», о «лексиконе как функциональной динамической системе», в связи с культурным

контекстом как фоном для реализации «того, что стоит за словом» [Залевская, 2013, с. 9].

Тенденции, характеризующие современное состояние лингвистики в целом, отражаются и в ономастической науке. Закономерно поэтому, что в фокусе ономастических наблюдений последних десятилетий оказывается присущая именам динамичность. Внимание исследователей все чаще направляется на изучение не отдельных имен, их групп и категорий, а на рассмотрение взаимосвязей, взаимодействий ИС друг с другом, с апеллятивными средствами языка, с явлениями нелингвальных сторон человеческой жизнедеятельности – социальной, культурной, ментальной. Но такой взгляд рано или поздно начинает видеть не выхваченные из контекста фрагменты объекта, а его разные ‘ипостаси’, проявления которых при внимательном рассмотрении оказывается чем-то обусловленным и вовлечённым в самые разнообразные взаимоотношения и процессы. Раскрыть их – задача непростая, но увлекательная, в особенности для лингвиста, изучающего семантику языкового знака.

Впрочем, подвижный характер семантики онима, отсутствие чёткой границы между ИС и ИН, а также между классами, разрядами собственных имён замечали и раньше. Ещё М. В. Ломоносов описывал разнообразные проявления ИС, возможности их перехода в нарицательные и многообразные возможности их функционирования в речи [Ломоносов, 1952].

Метаморфозы, происходящие в семантике имени, описывала Т. Н. Кондратьева, настаивая на том, что между собственным и нарицательным именем нет резкой границы: «Обозначая единичное понятие, собственное имя может приобретать и обозначать общее нарицательное понятие, быть одновременно и собственным, и нарицательным» [Кондратьева, 1983, с. 3]. Наблюдения за изменениями в значениях ИС приводят исследователя к выводу: «В процессе изменения СИ всегда сохраняются два свойства: 1) устойчивость и единичность; 2) изменчивость и повторяемость» [Кондратьева, 1983, с. 3]. Такое вѝдение соотносится со свойством ИС, называемым в данной диссертации *амбивалентностью* (см. раздел 2.3), заложенным в имени и обусловливающим

его способность к динамическим изменениям, проявляющуюся, в частности, в исторических изменениях содержательной структуры онима, ведущих к полной или частичной трансформации семантики.

Современные представления о динамической сущности ИС нашли научное обоснование в работах Ю. А. Карпенко [Карпенко, 1986; 1992], Е. С. Отина [Отин, 1997 (1); 1997 (2); 2003; 2008;], В. М. Калинкина [Калинкин, 2004; 2006]. Е. С. Отин едва ли не первым в отечественной ономастике продемонстрировал на примерах семантические трансформации имени путем реконструкции механизмов перехода личного ИС *Иван* в топоним / ойконим, ойконима – в гидронимы (потамонимы, лимноним), показав таким образом процессы трансонимизации в диахронической перспективе [Отин, 1997 (1)]. Сложившиеся на определенном этапе представления о подвижном характере семантики ИС, о качественном различии состояний онимов на разных этапах их динамического развития были продолжены в теоретических разработках В. М. Калинкина, который предложил термин ‘*онимогенез*’, в значении «всеобщий процесс возникновения, развития в языке и в речи выдающихся языковых личностей собственных имен, а также разнообразных их превращений, включая прекращение функционирования в качестве проприальной единицы» [Калинкин, 2004, с. 185].

На основе теории онимогенеза была разработана модель динамической семантики поэтонима и определено место поэтонимогенеза как составляющей онимогенеза [Калинкин, 2004]. Термин *‘онимогенез’* восходит к понятию *генезис* (греч. génesis), которое означает в широком смысле – «зарождение и последующий процесс развития, приведший к определённому состоянию, виду, явлению» [БСЭ].

2.2.2.3 Лингвокультурологический подход. Принимая во внимание междисциплинарный характер ономастики, а также расширение предметного поля этой дисциплины, полагаем, что не следует ограничиваться сугубо лингвистическими методами, а применять, в частности, лингвокультурологический подход, который основывается на интеграции лингвистики и культурологии. Этот подход в изучении онимного материала ещё

только формируется, и становление его должно проходить с опорой на положения, предлагаемые лингвокультурологией. Он не сводится к использованию приёмов лингвокультурологического и лингвострановедческого комментирования, хотя они находят применение на определённых этапах работы, например, для установления и описания в ходе контекстуального анализа культурно-специфических особенностей функционирования онимов. В этой связи ценной представляется методологическая установка Ю. С. Степанова относительно объединения в рамках единой теории данных языка и данных культуры, предостерегающая от упрощённых схем, поскольку «нельзя переносить языковую модель на предметную область культуры и, напротив, модель культуры на предметную область языка», а необходимо «выработать третий, более общий аппарат понятий, приложимый к лингвистической теории, с одной стороны, и к теории культуры, с другой» [Цит. по: Степанов, 1993, с. 15]. Ю. С. Степанов постулировал возникновение неких концептуализированных областей смысла на более высоком уровне абстракции, чем собственно языковая и культурная модели мира, которые устанавливают «определенный опосредованный уровень корреляции языковых и культурных тем» [Степанов, 1993, с. 15]. Эти идеи нашли развитие, главным образом, в когнитивной лингвистике и когнитивном подходе в ономастике. Настоящая диссертация не следует этому направлению; тем не менее, не представляется правильным и возможным игнорировать объективно существующие ‘зоны’ взаимодействия, по терминологии Степанова, «языковых и культурных тем»[5] там, где они относятся к предмету исследования. Благодаря установлению таких корреляций исследователь получает возможность привлекать собственно «языковые темы» к объяснению культурных феноменов и наоборот, при этом «культурная тема устанавливает «рамку» и позволяет соотнести языковые данные в пределах определенных микромотивов» [Степанов, 1993, с. 15].

[5] Под языковыми темами Ю. С. Степанов понимает базовые семантемы, логико-лингвистические константы языка, морфологическую, синтаксическую системы и т.д., под культурными темами – единицы «культурного и мировоззренческого порядка» [Степанов, 1993, с. 15].

2.2.3 Основные принципы исследования онима как феномена языка и культуры. Учитывая вышеизложенное, можно сформулировать основные методологические принципы рассмотрения ИС как феномена лингвокультуры.

1. Принцип рассмотрения языковых и культурных феноменов в динамике (обоснование см. раздел 2.2.2.2).

2. Принцип соединения лингвистических и лингвокультурологических подходов в изучении онимов (его обоснование следует из сказанного ранее).

3. Принцип антропоцентризма. Он предполагает внимание к человеку, который познает мир через осознание себя в мире, своего места в культуре. Этот принцип требует учитывать способность ИС проникать во все сферы речевой практики и формы языкового выражения, сопровождая человека повсеместно и постоянно как в индивидуально-личностной бытийной и ментальной деятельности, так и в коллективно-общественных взаимоотношениях внутри социума.

4. Принцип многоаспектности. Реализацию этого принципа можно объяснить следующим образом. Фонетический анализ даёт возможность устанавливать взаимосвязи между уровнями текста, т.к. открывает механизмы возникновения смысла; в свою очередь, лексико-семантический уровень формирует смыслы из звукобуквенных последовательностей; за счёт синтагматики и синтаксического оформления выстраивается параллелизм на трёх уровнях: фонетическом, лексико-семантическом, синтаксическом. Каждый из этих уровней может иметь ассоциативно-когнитивные связи с культурно-специфическими явлениями, событиями и фактами, знакомыми языковому сообществу или его части. Следовательно, для реконструкции и экспликации описанной цепочки ‘смыслотворения’ необходимо изучить фонетический, лексико-семантический, синтаксический, культурно-исторический аспекты.

Для исследования поэтонимии актуальными представляются дополнительные принципы.

5. Принцип художественной целостности, предполагающий отношение к тексту как к целому, которому подчинены механизмы создания гармонического

единства формы и содержания художественного произведения. В лингвистическом анализе текста он воплощается прежде всего в изучении языковых явлений от общего – к частному, от системы – к ее элементам. Применительно к поэтонимологии это означает, что конкретное звуковое и графическое, а вместе с тем и лексико-семантическое выражение явления ИС в произведении до́лжно рассматривать как органично присущую неотъемлемую часть семиотики поэтонима, взаимодействующего с поэтикой ближайшего контекстного окружения и всего художественного произведения, а также с «культурной памятью» поэтонима, «рассредоточенной в межтекстовом пространстве» [Калинкин, 1999(2), с. 279].

6. Принцип оппозитивности, предложенный В. М. Калинкиным, предполагает представление исследуемого материала в системе оппозиций, конституирующих элементы ономастикона и одновременно систему отношений между ними в языковой картине мира, определенной культуре, конкретном художественном произведении [Калинкин, 2001, с. 93].

7. Принцип проективности предложен А. А. Фоминым. Он «следует из общей цели ономастического исследования, герменевтической по своей сути, – интерпретации отношений имени и текста» [Фомин, 2005, с. 54] и позволяет проецировать имя на различные уровни и структуры текста. Применение этого принципа создает основу для более детального изучения материального (звукового и графического) аспекта поэтонимии.

Обозначенные подходы, соединение методов и принципов позволяют изучение онимной лексики в трех аспектах: научно-теоретическом, лингвокультурологическом, поэтонимологическом.

2.2.4 Методологический синтетизм как возвращение к системному мышлению. Слова А. А. Леонтьева «Во всякой науке есть проблемы, которые не могут быть решены только ее собственными средствами» [Леонтьев, 1963, с.3] могут быть отнесены, без сомнения, и к ономастике. Успешное изучение феномена имени сегодня предполагает всеобщую методологию, учитывающую многоаспектный опыт познания и преобразования

действительности в речемыслительной деятельности.

Уже в 70-80х гг. прошлого века ученые заговорили о том, что методология гуманитарного знания, и в том числе языкознания, базирующаяся на принципах структурализма как основного метода, недостаточна. Она выполнила свою роль, и теперь, исчерпав все ресурсы, может стать фактором, ограничивающим дальнейшее развитие науки (У. Эко). Значит ли это, что следует отказаться от традиционных принципов структурно-системного анализа? Нет, для частных случаев конкретного анализа он сохраняет свою ценность и незаменимость. Каждое частное рассмотрение ИС как знака расширяет и дополняет существующее общее знание о предмете, способствуя в то же время формированию системных представлений о нем.

Другое дело, что научное знание на современном этапе достигло состояния, когда оно превышает возможности традиционных методов. Методология, господствовавшая по сути в течение всего XX в., достигла своего предела. Но это означает не предел в познании, а лишь то, что дальше следует переходить к поиску других путей, за которыми – возможности нового уровня знания. Говоря словами У. Эко, структура, «описываемая как последняя, наиболее глубинная в этом ряду, является таковой только как рубеж, которого достигло познание, новое исследование может лишить ее статуса глубинной, статуса последнего кода, преображая в одну из стольких промежуточных поверхностных структур» [Эко, 2006, с. 15].

Сложность и многомерность ИС как предмета научного рассмотрения диктует применение многоаспектного системного анализа, который позволяет всесторонне и максимально полно осветить сферы и возможности функционирования СИ, раскрыть механизмы взаимодействия их с другими феноменами языка и культуры, а также рассмотреть их в динамике.

Комплексное изучение языка и культуры – задача невероятно сложная, требующая методологического перехода от применения аналитических методов к их синтезу. Первые шаги в этом направлении – осознать необходимость такого исследования и применить существующий исследовательский опыт, для

интегративного рассмотрения разных аспектов проприальной лексики русского языка и германских языков.

2.3. Специфические параметры собственных имен и метаязык ономастики

2.3.1 Континуальность онима. Для ономастики, как и для других областей знания, верно сказанное И. В. Гёте: «Все образовавшееся сейчас же снова преобразуется, и мы сами, если хотим достигнуть хоть сколько-нибудь живого созерцания природы, должны, следуя ее примеру, сохранять такую же подвижность и пластичность» [Гёте, 1964, с. 69]. Ведь ИС, как предмет исследования, на самом деле представляет собой «нечто, лишь на мгновение схваченное в опыте». И хотя единственно возможный способ изучения любого факта языка – взять, выражаясь языком Бодуэна де Куртенэ, его «частный случай движения при условии минимальных изменений», то есть рассмотреть в статике, следует учитывать, что статика анализируемого онима относительна.

Новым этапом в изучении семантики собственных имён стало детальное описание механизма коннотонимизации как процесса семантического расширения семантики онимов и вычленение в проприальной лексике особого класса имён, названных Е. С. Отиным коннотонимами, и [Отин, 1997(2), с. 279-280]. Однако динамическое развитие онима не сводится к коннотонимизации, она представляет собой только одно из проявлений сущности онима, одну из сторон его постоянных преобразований. С введением термина *онимогенез* (см. раздел 2.2.2.2) появилась возможность обозначить разнообразные состояния онима как динамического по своей сути явления.

Пребывание ИС в лингвокультуре представляет собой длительный, сложный, не всегда прямой и последовательный эволюционный путь, который сопровождается трансформациями, касающимися как его внешней, так и внутренней формы, обусловленными различными лингвальными и не-лингвальными обстоятельствами. Имя переживает в процессе своего

функционирования в национальной культуре и языке разные этапы развития, и такие факторы как социальная актуализация имени, его распространение и частота использования предопределяют его трансформацию: деонимизацию, апеллятивацию, трансонимизацию, идиоматизацию. Эти процессы происходят одновременно с формально-структурными (морфолого-грамматическими, лексическими и фонетическими) изменениями, как будет показано далее на примерах (см. Глава 4). При таком подходе к изучению ИС следует учитывать специфические свойства не только самих онимов, но и культурного контекста, в котором они существуют, поскольку связь онима с контекстом, средой, ‘почвой произрастания’, непрерывно и постоянно сохраняется.

На основании предшествующих разработок в области изучения динамики онима предлагается рассмотрение онимных единиц и явлений как процессов и состояний в проекции на культурный контекст, вернее, на культурный континуум. В связи с этим возникает вопрос о необходимости введения новых понятий и соответствующих терминов в метаязык ономастики. Динамическая сущность онима может быть выражена в абстрактной модели его пребывания в лингвокультуре, что будет показано далее, а также см. работы [Усова, 2013(1); 2013(3); 2018(3), с. 251-258].

С позиции рассмотрения онимной лексики в динамике всякое воспроизведение в лингвокультуре онима как языковой единицы означает новое его состояние. Совокупность этих состояний, постоянно и непрерывно меняющихся, представляет собой континуальный поток относительно лингвокультуры, или *онимный континуум*[6]. То, что обычно называется онимом, антропонимом, топонимом, поэтонимом и проч. по сути является проекцией некой онимной абстракции на определённую среду, текст в широком понимании этого слова. Непрерывно изменяясь, оним при этом сохраняет внутри себя некое константное ядро, ‘матрицу’, обладающую безграничными возможностями вариативности, реализуемыми в определенных контекстуальных условиях.

[6] Термин предложен см. [Усова, 2013(1), с. 110].

Введение термина целесообразно ввиду отсутствия соответствующего определения в метаязыке ономастики, однако нуждается в обосновании.

Во-первых, термин *континуум* [лат. continuum – непрерывное, сплошное] уже существует в языкознании[7]; использование утвердившегося в определенных отраслях понятия в преломлении на предмет и сферу ономастики помогает избежать излишней перегруженности метаязыка новыми терминологическими единицами. Во-вторых, понятие *континуум*, согласно толкованию в словарях, включает характеристики, отвечающие принципам и подходам современной ономастики: 1) совокупность тесно связанных друг с другом явлений, процессов и т.п.; 2) непрерывное множество в пределах какого-либо отрезка, ограниченной сферы; 3) материальную среду, свойства которой изменяются в пространстве постоянно, непрерывно [БТСР, 1998]. Континуум характеризуют такие качества как (1) неразрывность, непрерывность (недискретность) процессов и явлений; (2) *в лингвистике текста:* неразрывность времени и пространства [СЛТ, 2013]. Ср.: «Сам термин ‘континуум’ означает непрерывное образование чего-то, т.е. нерасчлененный поток движения во времени и пространстве» [Гальперин, 1981, с. 87].

Применённая к сфере ономастики *характеристика континуальности* отражает состояния и изменения внешней и внутренней формы онима, связанные с адаптацией, интегрированием и функционированием в (лингво)культуре, а также его лингвистическое развитие, включая всю вероятную совокупность вариативных последовательностей конкретной онимной единицы (ОЕ) как множества социально и локально детерминированных вариантов и их производных. Онимный континуум включает в себя все состояния ИС с момента возникновения до гипотетического исчезновения, а между ними – ‘жизнь’ в культуре, где nomen proprium представляет собой некую подвижную субстанцию, пребывающую в непрерывной динамике своей содержательной наполненности, варьирующую в зависимости от социальных или культурных потребностей языкового сообщества, диктующих его транспозицию в антропоним, коннотоним, мифоним, топоним, поэтоним, мезоним,

[7] Понятие *языковой континуум* предполагает непрерывность и постепенность языковых изменений во времени и плавную дифференциацию языкового материала в пространстве. Появившиеся позже модели диастратического и диафазического континуумов дополнили это понятие социальным и ситуативным измерениями [ССТ, 2006].

деоним и т. д. При этом граница между состояниями является подвижной. Абстрактная онимная модель в реализованном состоянии конкретного момента представляет собой некую относительно статичную точку онимного континуума, назовем её *локус онима* (*L*). Констатация состояния имени в определенный момент *L*, в статичном синхроническом срезе, фиксирует результат длительной ‘обработки’ онима в языке и культуре. В этой логике можно представить онимный континуум в виде последовательности:

$$ОК = L_1 + L_2 + L_3 + L_4 + L_5 \ \ldots + L_n, + L_{n+1.}$$

В содержательном отношении онимный континуум предполагает и ‘чистую’ номинацию референта (обозначим ее ‘маргинальная позиция онима 1’ = МПО 1), и противоположное его состояние (‘маргинальная позиция онима 2’ = МПО 2) – онимная единица с максимальной содержательной наполненностью, и бесконечное множество промежуточных состояний. При этом сохраняется его сущностный, основной, базовый (ядерный) элемент, или *нуклеоним*[8], На схеме (см. рисунок 2) показано множество проекций *нуклеонима* на определённые экстралингвальные факторы (время, исторический и социальный контекст) – *локус онима (L)*. Вся совокупность реализаций нуклеонима даёт цепь последовательностей *L*, – бесконечное множество разнообразных его проявлений.

Понятие *континуальности* отражает изменчивую динамическую сущность не только онима, но и среды его пребывания. Это требует пояснения. Как семиотический знак и лексическая единица оним является принадлежностью текстов, имеющих словесную форму выражения – устных и письменных, поэтических и прозаических, индивидуально-авторских и коллективных.

[8] Нуклеоним = нуклеус (лат. nukleus - ’ядро‘) + оним. Термин не бесспорен. Его выбор обусловлен стремлением подчеркнуть сохранность первоосновного онимного элемента в множестве онимных лексем разных разрядов, в их формальных разновидностях, а также в апеллятивах и апеллятивно-онимных комплексах соответственно. Он применяется во избежание смешения с ‘онимом’ в обычном понимании этого термина.

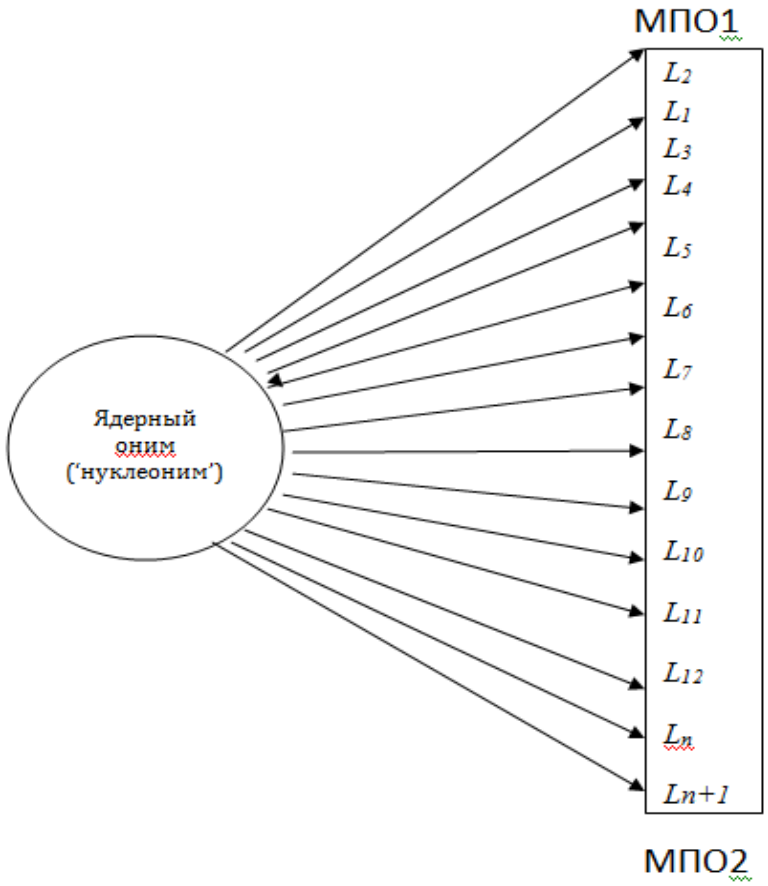


Рисунок 2. Множество проекций нуклеонима на локус онима

В современных гуманитарных исследованиях *текст* все чаще используется в широком смысле, как синоним культуры, интерпретируемой вслед за Ю. М. Лотманом с помощью метафоры «культура как текст» [ср. Мегентесов, 2011, с. 148]. Принимая семиотический взгляд на культуру как на сложно устроенный текст, «распадающийся на иерархию текстов в текстах и образующий сложные переплетения текстов» [Лотман, 2000, с. 72], необходимо принять и ее изменчивое состояние, 'переплетенность' составляющих её текстов, постоянность и непрерывность внутрикультурных процессов, «семиотический континуум культуры» [Лотман, 2002, с.190].

Онимный континуум, включающий непрерывное множество состояний онима в ходе его пребывания в языке и культуре, представляет собой совокупность проекций '*нуклеонима*' на определенный (всякий раз новый) контекст (см. рисунок 3).

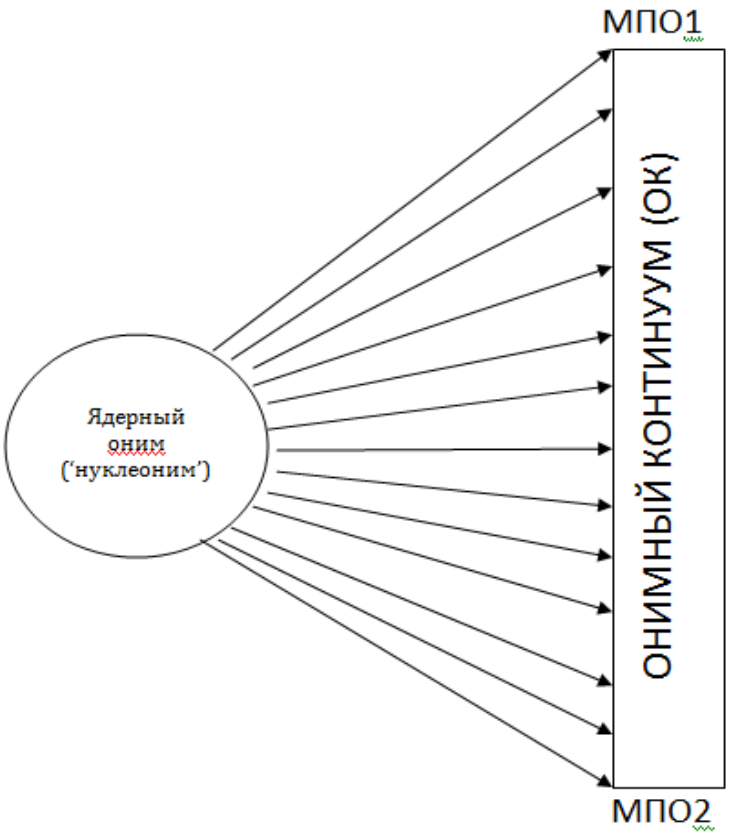


Рисунок 3. Онимный континуум

Как видим, введение термина *онимный континуум* для обозначения непрерывного процесса пребывания онима в языке и культуре является целесообразным и вполне обоснованным. Онимный континуум представляет собой цепь последовательностей, совокупность проекций нуклеонимана на всякий раз новый контекст, составляющих бесконечное множество разнообразных проявлений онима. Континуум онима коррелирует с культурным континуумом, который предоставляет условия адаптации ИС, обусловливает способы интегрирования его в культуру (в широком значении этого понятия). Характеристика континуальности, применённая к сфере ономастики, позволяет адекватно отразить как внешние, так и внутренние изменения онима, связанные с его функционированием в лингвокультуре.

2.3.2 Амбивалентность онима как языкового знака.

Для характеристики специфических свойств ИС может использоваться термин *амбивалентность*. Термин введен в психологию в начале XX века Э. Блейлером для обозначения наличия у человека противоположных эмоций по

отношению к одному и тому же объекту (любовь и ненависть, симпатия и антипатия и т. п.) либо одновременное присутствие двух взаимно непримиримых, исключающих одно другое желаний. История термина подробно описана в статье [Усова, 2014(2)], поэтому нет необходимости в подробном её освещении.

Согласно психоанализу, амбивалентность является естественным, атрибутивным свойством психики человека и одной из важнейших характеристик душевной жизни людей, поскольку все чувства человека амбивалентны по своей природе. Принцип амбивалентности заключается в вытеснении одного из двух антитетических инстинктивных влечений, целиком либо частично, в бессознательное. Механизм действия состоит в том, что вытесненное влечение или чувство маскируется диаметрально противоположным. [НФС; НФСО, 1998, с. 37].

Между тем в последнее время этот термин трактуется в метаязыке науки не столь однозначно. Интерпретируемое в более обобщённом смысле как двойственность, двузначность, неоднозначность, понятие ‘амбивалентность’, по-видимому, обладало содержанием, которое ‘не вмещалось’ в рамки одного термина. Это, вероятно, обусловило, например, в немецком языке, создание параллельно используемого терминологического синонима: *Ambiguität* наряду с *Ambivalenz. Амбивалентность* в значении =*Ambivalenz* трактуется в словарях как двусмысленность, внутренний разлад, внутреннее противоречие (нем. *Doppelwertigkeit, Zwiespältigkeit*), и предполагает при противоречивых чувствах одновременное их со-включение, соединение в единстве противоположностей (например, *Hassliebe* – ненависть-любовь). В то же время *Ambivalenz* как специальный термин, профессионализм, трактуется несколько иначе: а) двойственность, внутренний разлад как раздвоенность (Zwiespältigkeit), разорванность (Zerrissenheit) [чувств и устремлений]; б) состояние напряжения (Spannungszustand) [UNIV]. Генетическая сущность термина амбивалентность (*Ambivalẹnz*) проясняется в толкованиях словарных статей [UNIV; WdS], а также см. [Усова, 2014(2)].

На базе основного значения понятия амбивалентность и активного использования термина в специфических сферах постепенно сложилось его более

широкое понимание: амбивалентность рассматривается как «фундаментальная логическая характеристика мышления, культуры, нравственного идеала, всей человеческой жизнедеятельности, способность человека идеально и материально осваивать, осмыслять любое интересующее субъекта явление через дуальную оппозицию, постоянно искать пути формирования смысла через полюса этой оппозиции, находить смысл как фокус преодоления оппозиции, как меру снятия противоречия, соотнося их друг через друга между полюсами» [Ахиезер]. В то же время амбивалентность представляет собой «диалектический процесс, механизм единства исключающих друг друга полюсов дуальной оппозиции, механизм их взаимного изменения, взаимодополнения, взаимопроникновения, механизм постоянного «переваривания-смысла» через каждый из полюсов» [Там же]. Что касается лексемы *Ambiguität*, которая в русском языке передается тем же термином *амбивалентность* за отсутствием иного, то его применяют, имея в виду *лексическую амбивалентность*, когда слово или выражение может быть интерпретировано несколькими способами.

Исходя из сказанного, амбивалентность=*Ambiguität* понимается в широком смысле как многозначность, которая выражается в языке в полисемии, омонимии (омофонии, омографии) и метонимических переносах значений [UNIV]. В данном исследовании принимается этот взгляд на понятие ‘амбивалентность’, применительно к ономастике термин используется в значении ‘неоднозначность’, ‘многозначность’.

В практике употребления ИС амбивалентность может возникать ситуативно. Например, в высказывании «Мы ехали на такси от *Грузии* до *Украины*»[9] онимы, формальные признаки которых указывают на их принадлежность к хоронимам, таковыми не являются, а представляют собой по семантической составляющей эргонимы. Здесь мы имеем дело с многозначностью, возникающей в контексте, или контекстуальной амбивалентностью.

Поскольку понятие амбивалентности интересует нас в связи с его

[9] Из разговора в г. Донецк.

причастностью к качественным характеристикам ИС как языкового знака и неотъемлемого элемента всякого культурного кода, перейдем к рассмотрению этой категории применительно к сфере деятельности языка. Амбивалентность, понимаемая как дву- и многозначность, является характерным признаком языка и речевой коммуникации (см. [Усова, 2014(2), 2018(3), с. 258-268]). Она присуща как спонтанному повседневному дискурсу, так и сложным текстам разных областей функционирования языка. Р. О. Якобсон утверждал, что речь художественного произведения может быть квалифицирована как «квазикосвенная речь», «речь в речи», где «главенствование поэтической функции над референтивной не уничтожает саму референцию, но делает ее неоднозначной» [Якобсон, 1975]. Двойной смысл сообщения отчетливо выражается в преамбулах к сказкам различных народов, (по мысли Якобсона, «расщепленность референции»), например, в сказках острова Майорка: Aixo era y no era («Это было и не было») [Там же]. Вспомним русские народные сказки «близко ли, далеко ль…, скоро ли, коротко ль…», или у А. С. Пушкина – «Ладно ль за морем иль худо…». Разделяя утверждение, что «неоднозначность (ambiguity) – это внутренне присущее, неотчуждаемое свойство любого направленного на самого себя сообщения, короче – естественная и существенная особенность поэзии», принимаем и мысль, что «игра на неоднозначности коренится в самом существе поэзии» [Якобсон 1975].

Представляется,что неоднозначность, а порой и противоположность смыслов является одним из основных качеств не только поэтической речи, но языковых средств вообще. Как ни парадоксально это звучит, амбивалентность является условием, залогом успешного общения посредством языка. В связи с этим амбивалентность является центральным понятием для лингвистики и для других дисциплин, которые занимаются изучением языковых средств выражения. Думается, что, преодолевая узкий, изолированный подход к рассмотрению фактов языка, мы сможем понять, почему – вопреки (или же благодаря) многозначности – коммуникация все же происходит, почему она вследствие многозначности же может и не состояться и какие эффекты ‘запускаются’ посредством

амбивалентности. В этих вопросах, применительно к онимным средствам, попробуем разобраться.

В ономастике амбивалентность, как правило, понимается в первоначальном, самом общем смысле, и означает такое состояние имени, когда его содержание совмещает несовместимые, взаимоисключающие значения, задачи или функции. Когда ребенка называют, к примеру, *Федька Грязь*, то есть неприятным по семантике и неблагозвучным именем, то преследуют цель унизить его. Но таким образом оскорбляя, стремясь сделать носителя имени непривлекательным в глазах других, одновременно хотят отвратить от него всех и все, что может посягнуть на его жизнь, здоровье, красоту, благополучие (см. раздел 3.3). В этом умышленном унижении именем просматривается намерение обратное: защитить от зла. Так амбивалентность ИС проявляется в его взаимоисключающих функциях – унижая, оно возвышает, делая недосягаемым, неуязвимым для того, что может уничтожить или уязвить его носителя; вместе с основной, номинативно-идентификационной функцией, имя выполняет функцию охранную, защитную. Не следует исключать генетическую связь амбивалентности имени в таком его понимании с амбивалентностью мифологических образов, поскольку нераздельность, нерасторжимость одного и другого очевидно просматривается в мифологии многих народов (см. раздел.3.3).

Амбивалентность онима находит и другое понимание. ИС обладает многими значениями, которые реализуются в языковом континууме, попеременно ‘проявляясь’ тогда, когда конкретное содержание ‘вызывается’ определенной ситуацией. Предпосылкой к возникновению многозначности онима являются этимологические и культурно обусловленные смыслы. Обычное, повседневное имя имплицитно может заключать в себе в себе многие значения.

Пример 1.

Русский мужской антропоним *Ваня* имеет несколько толкований.

1) Личное мужское имя, производное от *Иван*. 2) Недалёкий человек; доверчивый простак; вахлак. 3) Малограмотный человек. 4) Русский (в речи уголовников). 5) Коннотативный антропоним *Ваня*, в сочетании с разными

характеризующими словами употребляется в роли прозвища: *Ваня-брила* – о человеке с выдающейся вперёд нижней губой; Ваня-ножка – прозвище хромого человека; *Ваня-хлын* – ‘бездельник, обманщик’; *Ваня с барок* – ‘недотёпа’. 6) *Дядя Ваня* А. Простой человек, ничем не выделяющийся мужчина. Б. Мастеровой. 7) *Вани и Мани / дяди Вани и тёти Мани*. Простые люди, простонародье. 8) *Ваня кучерявый / кудрявый* – декоративное растение, мыльнянка лекарственная. 9) «*Дядя Ваня*». Название вещи (прагматоним), дающее ей сниженную оценку (с коннотацией ‘нечто непритязательное, предназначенное для простых людей, не имеющее большой ценности’). …резервные сандалии «дядя Ваня» (Ильф И., и Петров Е. Золотой телёнок.) [Отин, 2010, с. 123-124].

Пример 2.

Немецкий мужской антропоним *Hans* может быть истолкован в разных речевых ситуациях по-разному. 1) Мужское личное и основное имя *Hans* как краткая форма антропонима *Johannes.* 2) Сочетание этого онима с прилагательным *blank* – *der blanke Hans* – имеет значение ‘северное море во время шторма’. 3) Употребление онима по отношению к любому человеку с квалифицирующим дополнением – *Hans Liederlich* ‘распутный малый, гуляка’, *Hans Ohnesorg, Hans Nimmersatt* ‘обжора’, *Hans Supp(e)* ‘любитель супа’и т. д. Деонимизированное ИС становится семантически ‘полой’ единицей, принимающей значение любого лица мужского пола, обладающего обозначенными характеристиками. 4) В сочетании имени нарицательного *Meister* и антропонима – *Meister Hans* – оним получает значение ‘палач’. 5) Выражение *ein rechter Hannes* означает сильную, грубую, мужеподобную особу женского пола. 6) *Hans* может употребляться также в значении ‘смерть’, часто вместе с дополнительным именем/прозвищем: *Hans Hune, Hans Knochenreich, Hans acht.* 7) Значение ‘дурак’ имеют онимные образования *Hans Dumm, Hans Narr, Hans Dummrian, Hans Hänselein, Hans Wurst, Hans von Jene* и др.

В большинстве случаев для обоих личных антропонимов в примерах 1 и 2 можно говорить о лексической амбивалентности как многозначности, основанной на полисемии.

Пример 3.

А. апеллятив *Minne.*

Б. Немецкое ИС *Minne,* женский антропоним;

Речь идет скорее об омонимии, ведущей к двусмысленному пониманию имени *Minne*[10], основанной на фонографическом сходстве с апеллятивом *Minne,* следствием которого стало смешение их смыслов. Прослеживается исторически длительный путь к радикальному изменению значений как онима, так и апеллятива.

А. Нарицательное имя существительное *Minne* первоначально обозначало симпатию, расположение, что-то вроде возвышенного чувства, братской или божественной любви[11]. В средневековье лексема *Minne* стала все больше употребляться для обозначения плотской, инстинктивной, животной любви, как она представлялась в некоторых примитивных текстах. В позднем средневековье значение слова все больше смещалось на сексуальный аспект, так что в конце концов сложилось табу для обозначения им благородных чувств, а для понятия ʻлюбовьʼ в высоком смысле вместо него все чаще стали использовать слово *Liebe.*

Б. Женский антропоним *Minne* в XIX в. был чрезвычайно популярен и, поскольку это имя носили многие служанки, оно стало синонимом прислуги, домработницы. Историческая предыстория (семантика апеллятива) обусловила тот факт, что ИС *Minne* получило пейоративное, сниженное значение. Необычайная распространенность имени привела к его деонимизированному употреблению в качестве номинации неодушевленных предметов быта. Им стали называть предметы быта: кофейник, хозяйственную сумку, электрические бытовые приборы (*elektrische Minna*). Во многих городах (Берлин, Киль, Кёльн) словосочетание *grüne Minna* обозначает полицейский автомобиль для перевозки заключенных. Аттрибутивные онимные комплексы *schnelle Minna, flotte Minna* имеют значение ‘диарея’, а *jaulende Minna* – ‘сирена воздушной тревоги’ [Ganzer, 2008, с. 362-363]. Поскольку домашняя прислуга относилась к низшим слоям общества, не имевшим элементарного образования, зачастую подвергавшимся унижениям, грубому обращению, за личным

[10] Гипокористика от *Wilhelmine.*

[11] Ср. Миннезингеры (*Minnesinger)* – средневековый поэт-певец, автор-исполнитель произведений рыцарской лирики.

именем закрепились соответствующие ассоциации. Отсюда выражение *i-n zur Minna machen* (бесцеремонно, грубо обращаться; отчитывать, грубо наставлять; наказывать; выставлять дурой и т. п). Можно сказать, что ИС *Minne* вследствие омофонии и омографии с апеллятивом, а также в результате широкого распространения в речи получило пейоративное, сниженное значение вместе с коннотацией ‘необразованная, глупая женщина’.

Многозначность онима наглядно демонстрирует довольно часто используемый пример:

Пример 4 *Goethe ist schwer zu verstehen (Гёте трудно понять).* В зависимости от значения имени предложение может быть по-разному интерпретировано: 1) Произведения Гёте трудны для понимания. (значение ИС=произведения) 2) Гёте (было) трудно понять в акустическом смысле. (значение ИС=речь Гёте =неразборчивое говорение) 3) Будь Гёте жив, эту фразу можно было бы трактовать так, что он, видимо, слишком тихо говорит, и поэтому его трудно понять. Это высказывание имеет такой смысл в определенном контексте, где Гёте, возможно, действительно слишком тихо говорит. (значение ИС=тихий голос Гёте) 4) Поведение Гёте трудно понять. (значение ИС=поведение Гёте) Как видим, ИС *Goethe* может быть соотнесено как с качествами референта (*Иоганн Вольфганг фон Гёте*), так и с его трудами, голосом, особенностями дикции или поведением. Такой метонимический перенос значения обусловливает амбивалентность в смысле многозначности онима.

Другой пример демонстрирует обратную сторону амбивалентности:

Пример 5. *So was lebt, und Goethe musste sterben!* Двойственность присутствует в двояком значении, раскрывающемся в логической цепочке: (1) Гёте – великий человек, гений; (2) сопоставление не в пользу сопоставляемого с Гёте (анти-Гёте); (3) пейоративная оценка антипода Гёте (*So was*), который по оценочной шкале находится в точке, противоположной Гёте (= бездарь). ИС в своём собственном проприальном значении выступает только в понимании (1). В остальных – уходит на второй план как антропоним, а в смысловом центре оказываются его свойства как ИН. В этих случаях проприальное значение ИС близко к нулю.

Это легко доказать, поскольку на место антропонима может быть поставлен другой (но не любой!) антропоним, например: *So was lebt, und Schiller musste sterben!* Субституция выявляет незначимость ИС как такового.

Устранение дву- или многосмысленности, выбор одного единственно верного значения в конкретной ситуации происходит у носителя языковой культуры автоматически, при этом на первый план выходят культурные контексты проприальных феноменов. Понять ИС как слово и знак означает суметь постичь все нюансы его внутренней формы. Таким образом, можно констатировать, что амбивалентность проприальных слов часто происходит из культурного фона, а устраняется конкретным контекстом.

Принятое понимание предполагает потенциальную возможнсть амбивалентности выступать в формах инверсии и медиации.

Инверсия характеризуется абсолютизацией различных полюсов. Снятие их противоположности возможно в этих условиях лишь как абсолютизация истинности одного полюса при нивелировке другого, отождествлении смысла с одним из полюсов. Для инверсии характерно стремление решать проблемы молниеносно (логически вне времени), т. е. не задерживаясь между полюсами оппозиции, а перескакивая с одного на другой. Например, отожествление любого явления, вещи, нравственного облика, механизма и т. д. с добром, с прекрасным, полезным и т. д. может инверсионно перейти к противоположным оценкам, т. е. как зла, уродства, вреда и т. д. В основе этой оборотнической логики лежит представление, что отказ от одного полюса тождествен переходу к другому полюсу извечно существующих оппозиций. Инверсия склонна сводить диалог полюсов к смене одного монолога другим и обратно, делая невозможным их синтез. Амбивалентность в таком смысле выступает в примитивной форме смены полюсов оппозиций, в форме биения [Ахиезер]. *Медиация* же переносит центр тяжести за рамки перехода от одного полюса сложившейся оппозиции к другому, на поиск нового сложного и противоречивого смысла, где оппозиции постоянно изменяются, создаются новые, где противоположность полюсов превращается в противоречие, которое в результате его преодоления дает качественно новый

результат, новый смысл, новые дуальные оппозиции [Там же].

В ономастическом применении амбивалентность-неоднозначность, к примеру, имени *Johannes/Hans,* актуализируется во множестве содержательных значений – от возвышенного имени-агионима или идольного имени в его полной форме *Johannes* до пейоративно-отрицательного, диминутивно-уничижительного (в особенности в идиомах), через ‘нулевое’ значение при отсутствии семантики в деонимизированном гипокористическом *Hans*, равнозначном *Mann* = ‘человек, мужчина’ с различными созначениями. В такой ситуации имя выходит за узкие рамки nomen proprium, и его артикулирование функционирует уже как обращение, для тех лиц мужского пола, личное имя которых не знают или не хотят называть, тех, кого обозначают одним, обобщающим именем. Сопровождавшие имя дополнительные, часто пейоративные, коннотации ‘мужик’, ‘мужлан’ (также как насмешливое прозвище для крестьянина *Hans Mist*) обусловили тот факт, что апеллятивированный деоним составил основу многочисленных субстантивных, «идиоматических композитов»[12]: *Knapphans, Schmalhans, Fabelhans, Polterhans, Sparhans, Hornhans* и мн. др. Можно согласиться с мнением, что функционирование онима в качестве компонента фразеологизмов стало возможным благодаря «двойственной природе» имени [Там же]. Механизмы реализации этой природной двойственности ИС состоят в том, что во внутренней структуре онима осуществляется поляризация содержательных компонентов единичное – общее, собственное – нарицательное. Представляется, что в основе механизма такого преобразования онима во фразеологизм лежит инверсивное вытеснение в антропониме функции индивидуальной характеристики лица (референта) и замещение ее классифицирующей и генерализирующей функциями, свойственными апеллятивам.

Вполне вероятно, что именно инверсивность как априорное свойство амбивалентности имени обусловила снижение семантики антропонима *Hans,* проявившееся в использовании его на протяжении веков для номинации глупого человека, так что со временем он стал символичным обозначением глупости и

[12] по Д. Ганцер, «Einwortphraseologismen» [Ganzer, 2008, с. 39])

глупца. В этом качестве он всё чаще выступает, начиная с 16 века, когда в масленичных карнавальных комедиях (фастнахтшпилях) появился комический персонаж по имени *Hans* (*der Narr Hans=Дурак Ганс*). В дальнейшем он получил другие синонимичные именования, наиболее популярным из которых стало *Hanswurst*. В современном немецком языке ИС *Hanswurst* существует уже как коннотоним, неотъемлемый элемент немецкоязычной культуры. В качестве обозначения дурака, эквивалента глупости часто употребляется также диминутивная форма *Hänschen,* см. *einen zum Hänschen haben, mit jemandem Hänschen machen* и подоб. – ‘обращаться как с маленьким, как с дурачком, дурачить’ [БНРС-I].

Абсолютизация различных полюсов имени *Johannes* в контексте одной лингвокультуры находит разрешение, с одной стороны, в воплощённости антропонима в его высших ипостасях как идольного имени, в качестве обозначения референтов религиозно-возвышенной сферы – агионимах, геортонимах, экклезионимах, с позитивной оценочной коннотацией, а с другой – в обозначении им безликого, грубого, с негативно-пейоративной оценкой, с компонентом приземлённо-сексуального – в деонимизированном и идиоматизированном качестве. Инверсивно-логическое проявление абсолютизации противоположного возвышенному полюса внутренней формы оним реализуется в идиоматическом обозначении мужского полового органа: см. словосочетание *der kleine Johannes* [Ganzer, 2008, с. 306], пословицы *An der Nase eines Mannes erkennt man seinen Johannes; wie die Nase des Mannes, so sein Johannes*, а также использование в том же значении гипокористического варианта антропонима в композите *Piephans* [DWG]. Механизмом реализации такого употребления онима можно считать метонимический перенос, при котором средство номинации – самый популярный мужской личный антропоним – переносится с персоналии на атрибут мужественности, принадлежности мужскому полу.

В процессе идиоматического использования в паремиях и фразеологических словосочетаниях происходит преобразование имени, которое в речевом использовании может приводить к эффекту языковой игры. Именно

амбивалентность, неоднозначность онима позволяет игру с именами, которая является одним из весьма распространенных способов построения языковой игры [Földes, 1995].

Выводы к главе 2

1. Материалы главы дают представление о состоянии проблематики современной ономастической науки, включающей прежде всего вопрос о семантике собственных имён. Обзор существующих мнений по этому вопросу показывает, что в последнее время ИС чаще рассматривается как единица, обладающая значеним, с оговоркой о ‘специфичности’ этого значения, трактуемой по-разному. В вопросе об отношении денотации и коннотации, сигнификации и референции онимной и апеллятивной лексики утвердилось мнение, что в семантике ИС присутствует и референтное содержание, и денотативное, с преобладанием референтного, тогда как в семантике апеллятива преобладает денотативное значение. Некоторые лингвисты выделяют в семантической структуре ИС ядро с набором фиксированных денотативных пресуппозиционных сем, актуализируемых по необходимости в коммуникативной речевой ситуации.

Обсуждение в научном дискурсе ономастики отношений означающего и означаемого, имени и референта связывается и с вопросом о соотношении содержательности и формальной выраженности в ониме как лексической единице. В свете рассмотренных проблем исследование онима как единицы языкового и культурного пространства, а поэтонима как соответствующей единицы пространства художественного остаётся одной из актуальных задач ономастики и поэтонимологии.

2. Междисциплинарность и многоаспектность ономастической науки обусловлены широтой и многоплановостью объединённых в объект изучения единиц и явлений, что, в свою очередь, осложняет процесс исследования. Отсутствие цельности самой ономастики называется основной причиной разброса в терминологии, отсутствия единой методологии и чётких принципов ономастических исследований, о необходимости выработки которых заявляется в

научных кругах. С другой стороны, такое положение дел свидетельствует об активном развитии ономастики как науки, при котором указанные проблемы являются естественными.

3. Критическое осмысление актуальных теоретических вопросов ономастического исследования показывает, что методологическую основу современной ономастики, в том числе и поэтонимологии, составляет семиотическая традиция. Традиционные методы лингвистического анализа, в их комплексном применении, показывают эффективность в исследовании онимии и поэтонимии. Теоретически наиболее ценностными видятся поэтонимологическое (с включением фонетического аспекта) и лингвокультурологическое направление ономастики, а также аналитические исследования онимов в динамике. Они составляют методологическую базу данной работы, которая, в силу своей междисциплинарности, нуждается в соединении методов и подходов.

Необходимость фоносемантического анализа онимов и поэтонимов с учётом культурного контекста следует из того, что ИС всегда культурно значимо в силу своей культурной составляющей, не всегда очевидной, но эксплицируемой в ходе полноценного исследования с помощью комплекса методов и приёмов.

4. Сложность и многомерность ИС как предмета диктует применение многоаспектного системного анализа, который позволяет всесторонне и максимально полно осветить сферы и возможности функционирования ИС, раскрыть механизмы взаимодействия их с другими феноменами языка и культуры, а также рассмотреть их в динамике.

Понимание того, что изучение многогранного явления ИС должно осуществляться сразу в нескольких плоскостях, приводит к осознанию необходимости создания соответствующей методологической базы, что отвечает запросам ономастики в целом на выработку всеобщей методологии. Принимая во внимание тот факт, что лингвокультурологический подход основывается на интеграции лингвистики (во всех её аспектах) и культурологии, можно рассматривать его в качестве объединяющего начала для формирования нового

подхода в изучении онимного материала. В основе такого подхода, думается, должна быть установка на синтез результатов многоаспектного анализа.

5. В результате осмысления методологических вопросов, изучения и дополнения разработок предшествующих исследований формулируются общие принципы исследования собственного имени как феномена лингвокультуры: принцип рассмотрения языковых и культурных феноменов в динамике; принцип соединения лингвистических и лингвокультурологических подходов в изучении онимов; принцип антропоцентризма; принцип многоаспектности. Для исследования поэтонимии актуальными представляются также принцип художественной целостности; принцип оппозитивности; принцип проективности.

6. Установка на разработку нового подхода не означает отказ от традиционных принципов и методов структурно-системного анализа, которые сохраняют свою ценность и незаменимость для частных случаев анализа ИС. Напротив, как междисциплинарная отрасль языкознания, ономастика должна включать в общую методологию методы и методики, выработанные в разных его направлениях. Однако изучение языка и культуры в комплексе видится как сложная задача, требующая методологического перехода от применения аналитических методов к их синтезу. Первый шаг в этом направлении – осознать необходимость такого исследования и применить существующий исследовательский опыт для интегративного рассмотрения разных аспектов проприальной лексики русского языка и германских языков.

7. Одним из базовых принципов считаем рассмотрение единиц языка в динамике общекультурного развития. Присущая именам динамичность, подвижный характер семантики онима, отсутствие чёткой границы между ИС и ИН, а также между классами имён, замеченные давно, нашли научное объяснение и обоснование в современных исследованиях (теория коннотативной ономастики, теория онимогенеза и поэтонимогенеза). Предложенный подход основывается на идее о том, что пребывание ИС в лингвокультуре представляет собой непрерывное движение, характеризующееся внешними и внутренними трансформациями, детерминированными внутриязыковыми, межъязыковыми и внеязыковыми

факторами. Вместе с тем динамика онима не исключает традиционных методов исследования, предполагающих абстрагирование от неё, с тем, чтобы сосредоточить внимание на определенном моменте состояния ИС как языкового знака.

8. В продолжение разработки теории динамики онима в данном разделе обосновывается введение в метаязык ономастики понятия и термина *континуальность онима* как характеристики, отражающей внешние и внутренние изменения онима, связанные с функционированием в лингвокультуре.

С континуальностью онима соотносятся термины и понятия, необходимые для адекватного отображения специфических параметров ИС, основными из которых являются *онимный континуум, нуклеоним, локус онима, амбивалентность*. Онимный континуум представляет собой цепь последовательностей, совокупность проекций онима на всякий раз новый контекст, составляющих бесконечное множество разнообразных проявлений онима. Континуум онима коррелирует с культурным континуумом, который предоставляет условия для реализации лексемы как онима, включая способы его интегрирования, адаптации и функционирования в культуре. Многозначность / амбивалентность проприальных единиц является ещё одним параметром, обусловленным культурным фоном. Амбивалентность проприальных слов часто происходит из культурного фона, а устраняется конкретным контекстом.

Материалы главы отражены в публикациях: [Усова, 2009(1); 2009(2); 2012(2); 2012(3); 2013(1); 2013(3); 2014(2); 2018(3); 2018(5); Usova, 2015].

ГЛАВА 3
ОТ ЗВУКА – К ИМЕНИ И СЛОВУ

3.1. Звук – речь – имя

3.1.1 Звук и человек. Осмысление существования и функционирования в человеческом языке ИС как феноменального явления неизбежно заставляет обращаться к предыстории, к поискам истоков языкового сознания. Эти поиски не могут обойтись без обращения к вопросу о значимости звуков человеческой речи и звучания имени.

Мир полон звуков, присущих живой и неживой природе, естественных и искусственно создаваемых людьми и предметами, наполняющими среду их жизнедеятельности. Какова природа звука? С точки зрения физики звуки являются результатом колебательного движения объектов различных размеров – и мельчайших частиц, невидимых глазу атомов и электронов, и огромных космических тел, таких как планеты. Звук и ритм – фундаментальные понятия, лежащие в основе мироздания. Как для всех живых организмов, так и для человека он представляет собой одно из постоянных воздействий окружающей среды, к которым мы наиболее восприимчивы. Сегодня общеизвестно, что ещё в утробе матери ребёнок слышит её сердцебиение, слушает её голос, способен воспринимать музыку и сам издавать некоторые приглушённые звуки. Это подтверждает наблюдение, что для человека среди всех сенсорных воздействий «самым чувствительным, богатым и тонким является звук и его прием слухом» [Жинкин, 1982, с. 120].

Справедливо замечено, что звук в своей материальности является по акустическим и артикуляторным признакам экстралингвистическим фактом и обретает способность служить означающим для некоего означаемого лишь через символизацию [Михалев, 1995, с. 8]. С самого начала своего существования человечество находилось в мире, наполненном звуками: хаотичными и упорядоченными, слышимыми и едва различимыми, тихими и оглушительно

громкими, низкими и высокими, мелодичными и шумовыми, непривычными и знакомыми, безопасными и враждебными. Звуковые раздражители и их сочетания являются своего рода ориентирами, помогающими выживанию в природе. Они действуют как сигналы, которые дают животным и человеку время, необходимое для определения их источника и характера, для оценки их с точки зрения опасности и формирования соответствующей реакции. И до сих пор воспринимаемые нами звуки мы подсознательно дифференцируем. Наш мозг ‘знает’ звуки приятные и отвращающие, ужасающие и ласкающие слух, резкие и нежные, успокаивающие и раздражающие. Шелест листвы, голоса птиц, журчание ручья, плеск воды, шум прибоя приятны слуху человека, эти звуки успокаивают, снимают напряжение. Природный шум относительно слаб и довольно непродолжителен, негромкие звуки средней интенсивности, преобладающие в природе, составляют шумовой фон, естественную среду обитания человека. Резкие громкие звуки в природе редки, со времен незапамятного прошлого человека они свидетельствуют о приближении опасности, так как обычно сопровождают явления стихии, катаклизмов, угрожающих жизни и безопасности. Тогда, еще в дознаковой ситуации, формировались психофизические предпосылки к возникновению мотивированности между явлениями и их звуковыми сопроводителями, когда звук означал явление. Постепенно устанавливались естественные связи, которые затем обобщались на основе физических свойств, общих для однотипных явлений. Научное объяснение возникновения этих связей состоит в том, что «звучания, имеющие сходные акустические характеристики, сопровождают явления, сходно оцениваемые воспринимающим (еще дочеловеком, а затем и человеком)» [Журавлев, 1976, с. 20]. В реальности угрожающие природные явления (извержение вулкана, горный обвал, гроза и т. п.) обычно сопровождаются акустически однородными звучаниями – громкими, низкими, негармоничными, шумными, тогда как акустически иные – высокие, мелодичные, негромкие (например, пение птиц) – чаще характеризуют безопасную ситуацию. Все это, а также соответствия кратких, резких звуков быстрым действиям и, наоборот,

плавных и протяжных – медленным, лежит, согласно выводам А. П. Журавлева, в основе содержательности звучания [Журавлев, 1976, с. 20-21].

По своему воздействию звуки могут быть благотворными или подрывающими здоровье человека, исцеляющими или губительными. И дело здесь не столько в субъективном восприятии, сколько в физических свойствах звука, который обладает хотя и невидимой, но могущественной универсальной силой, способной оказывать самые различные влияния на состояние человека, его самочувствие, сознание и подсознание. Результатом благотворного влияния звука является радость, вдохновение, расслабление, умиротворение или же бодрость, повышение физической активности; вследствие его разрушительного воздействия развиваются раздражение, угнетение, опустошение, дезориентация, недомогания, которые могут привести к разного рода болезням и даже гибели.

Шумовой фон современных городов, в отличие от природного, несет в себе не только полезную информацию, необходимую для адекватной ориентации в урбанизованном пространстве, но и сам по себе содержит определенную опасность. Медициной установлено, что резкие звуки и мощные шумы могут неблагоприятно влиять на слуховой аппарат, нервные центры, порой даже вызывать болевые ощущения и шок. Длительный техногенный шум поражает орган слуха, понижая чувствительность к звуку. По данным медицинских исследований, такое воздействие может провоцировать расстройства деятельности сердца, печени, вести к перенапряжению и истощению нервных клеток. С другой стороны, полное отсутствие звуковых и шумовых воздействий, как доказано современной наукой, наносят не менее ощутимый вред здоровью человека, чем чрезмерный шум. Абсолютная тишина угнетает его, в то время как звуки определенной интенсивности, напротив, могут стимулировать процесс мышления. Мешающее действие шума растет с увеличением громкости, но зависит от настроения человека и от конкретной ситуации: едва слышимый звук (тиканье часов, жужжание мухи, капанье воды из крана) может раздражать, а грохот оркестра – доставлять удовольствие. Имеет значение не только качество самого звука, но и соотношение звука и его отсутствия: звук кажется тем

неприятнее, чем резче переход от тишины к шуму. Мешающее действие шума связано и с информационной содержательностью, которую он несет: заснувшая мать может не отреагировать на раскаты грома, но тихий плач ребенка мгновенно разбудит ее [Вялышев, 2006]. Автор «Теории звука» Дж. Стретт предложил подразделять все звуки на музыкальные и немузыкальные, называя для удобства первые нотами, а вторые – шумами. Однако он признавал, что провести границу между этими двумя категориями звуков не так легко. Оценивая способности человека к восприятию звуков, ученый утверждал, что наше ухо только в пределах человеческого голоса может различить более тысячи градаций [Стретт, 1955, с. 26].

Звуки человеческой речи объективно обладают такими же физическими параметрами, как и звуки иного происхождения: громкость, высота, тембр, вибрация, интонация и проч., и они так же способны оказывать определенные воздействия. Уже в древности людям были известны целебные свойства отдельных звуков, произносимых голосом, и они использовались для исцеления от разных недугов. На Востоке, например, в Индии и Китае, существовали специальные методики для лечения звуком. Считалось, что целебными свойствами обладают определенные звукосочетания, ʻмантрыʼ, основанные именно не на смысле звуковых последовательностей, а на физическом воздействии вибраций, возникающих при их произношении. На этих же принципах было основано применение в разных культурах заговоров, заклинаний, молитв. В представлениях эвенков человеческое слово обладало особой психической энергией – силой мусун – «силой движения», которая могла быть ʻхорошейʼ и ʻплохойʼ. Хорошие, добрые слова обладали положительной психической энергией мусун, а ругательства и другие плохие слова – отрицательной. В эвенк. языке существует фразеологическое словосочетание мухулкэн турэн (буквально – ʻимеющее живую силу мусун словоʼ, ʻимеющая живую силу мусун речь человекаʼ), которое имеет значения: 1) волшебное слово; 2) заклинательное и заговорное слово [Варламова, 2010, с. 66].

Современная наука психоакустика изучает физиологическое воздействие

звука речи и музыки на мозг. По данным исследований, целители и шаманы некоторых аборигенных народов, используя человеческий голос в сочетании с такими инструментами как флейты, бубны, барабаны, способны изменять нейрологическую активность мозга. Опыты показали, что некоторые ритмы барабанов усиливают тета-активность, связанную с гипнотическими и близкими к сновидению состояниями сознания, а также с вдохновением и повышенным уровнем творческой активности [Томпсон]. В современной медицине существует терапевтическое направление – звукотерапия, которое базируется на частотном колебании различных звуков, резонирующих с отдельными органами, системами или организмом в целом, оказывая благотворное влияние. По некоторым данным, например, сочетание ОМ снижает кровяное давление; АЙ, ПА – снимают боли в сердце; АМ, АП, АТ, ИТ, УТ – исправляют речь [Карпова].

Наш слух устроен таким образом, что в повседневном общении он выделяет из массы всех шумов звуки голоса, представляющего для нас интерес в данный момент. Останавливая свое внимание на этих звуках, мы «стараемся схватить их как одно целое, игнорируя в то же время, насколько это возможно, все другие звуки, рассматриваемые как помехи» [Стретт, 1955, с. 37]. Это возможно благодаря человеческой способности к анализу акустических параметров голоса, их бессознательной дифференциации. Произносимые слова представляют собой определенную звуковую последовательность, которая, повышаясь и понижаясь в целом, воспринимается нами как единство, ограничивая анализ акустических характеристик звучания голоса ситуативной необходимостью момента, «за которым он перестал бы служить для расшифровки наших ощущений, рассматриваемых как знаки от внешних предметов» [Стретт, 1955, с. 37].

Итак, звучащий мир – это наша естественная среда, в которой человечество живёт с момента своего зарождения. В процессе жизни человек воспринимает звуки окружающего мира, одновременно с этим деятельность людей оказывает ответное влияние на звуковой фон, изменяя его. И так же, как иные звуки, звук речи, сло́ва обладает способностью влиять на психофизическое состояние человека. В мире звуков, наполняющих собой нашу жизнь, имя собственное как

особый род слова обладает своим особенным звучанием.

3.1.2 От звука к слову. Истоки зарождения идей, связанных с ‘взаимозависимостью’ звука и смысла в имени, по-видимому, следует искать в свойствах архаического мышления, в особенностях первобытного восприятия мира на самых ранних стадиях развития человеческого общества.

Существуют разные мнения и теории относительно происхождения языка и речи. С точки зрения теории эволюции зарождение речи происходило одновременно с развитием мыслительных способностей на протяжении длительного периода времени. Скорее всего, первобытные люди начали использовать звук для получения информации об окружающем мире задолго до того как человеческий голос стал инструментом для производства членораздельной речи. Однако потребовалось длительное время, прежде чем необходимость информационных контактов внутри социальной группы в процессе совместных целенаправленных действий явилась стимулом к соответствующему развитию артикуляционного аппарата. На начальном этапе формирования первобытных общностей людей применялись, вероятно, довербальные способы коммуникации (так, по мнению Л. С. Выготского, самую примитивную ступень в развитии человеческого языка составляют указательные жесты [Выготский, 1956, с. 122]). Социально значимая информация, смысл мысленных репрезентаций «овеществлялся» и транслировался с помощью языка действий, жестов, ритуалов и других невербальных способов передачи. Переход от невербальных форм коммуникации к вербальному общению осуществлялся постепенно. Определяющую роль при этом сыграло установление абстрагированных связей между типами звучаний и типами предметов, явлений и действий, т.е. возникновение собственной содержательности звучания, которая естественным образом переносилась и на звуки, произносимые (до)человеческоим голосом. Этот перенос открывал перспективу возникновения языковой семантики, поскольку произнесенный звук, обладающий своей собственной содержательностью, обладал и потенциалом языкового значения [Журавлев, 1976, с. 21]. «Естественная» содержательность звучания мотивационно

связывалась со «звукообразами» (А. П. Журавлев), ‘значение’ которых сводилась к значимости звучания.

Примитивные средства общения стали дополняться сопровождающими совместную деятельность естественными звуками голоса, поначалу нечленораздельными. Однако это уже общие звуки, понятные членам одной группы, ‘сигналы ситуаций’. Неосмысляемое звукоподражание становится следующей ступенью на пути развития речемыслительных способностей первобытного человека, предшествовавшей появлению первых членораздельных звуков речи. Многократные реализации ‘значимых’ звуков в сходных ситуациях неизбежно должны были привести к формированию их конвенционального характера, когда «звук становится знаком» [Там же].

С точки зрения психолингвистики принципиально важным является то, что на стадии первобытного человека эволюция подчиняется и биологическим, и социальным закономерностям [Леонтьев, 1963, с. 42]. Это связано с тем, что с развитием навыков производства орудий труда происходят качественные изменения как в морфологии первобытного человека, так и в социальной жизни общностей. Эти изменения должны были проходить одновременно, только так они могли обеспечить усовершенствование и передачу новых способностей путем социальной традиции. В этом же периоде антропогенеза возникают и «умственные действия», иными словами, качественный сдвиг в сознании. Предпосылкой тому послужили объективные условия жизни, при которых «обстоятельства сложились так, что возникла закономерная необходимость управлять действиями по требованию разума» [Жинкин, 1982, с. 135]. Видимо, в ходе взаимодействия социальных, физиологических и речемыслительных процессов производство звуков стало постепенно оформляться в речевую деятельность. «Происходит постепенное “вращивание” предметного действия в сознание, его интериоризация, превращение в мысль через ступень речевого действия. Для того чтобы такое “вращивание” осуществилось, необходима помощь языка» [Леонтьев, 1963, с. 43]. Существенным отличием от предыдущих форм коммуникации становится применение звуков в новой функции: звук-сигнал дополняет звук-

регулятор, который уже не просто сигнализирует о чем-то, а побуждает к определенному совместному действию. Таким образом, звук становится «средством общественной регуляции поведения» [Там же. С. 46]. Далее трудовое действие получает возможность отделиться от объекта действия, и это, по мнению А. А. Леонтьева, приводит к важным последствиям: «появилась возможность первичного бессознательного обобщения и вместе с тем различения трудовых действий» [Там же. С. 52-53]. Теперь для того, чтобы вызвать у сородичей представление о ситуации в целом и об объекте действия в частности, не нужно было прямо указывать на него, достаточно было произвести звук, вместе с тем имитируя определенное действие. С психологической точки зрения, имитация действия физиологически мало отличается от самого действия, т. к. при имитации в мозг от мышц поступают сигналы, почти одинаковые с теми, которые возникают при реально выполняемом действии. Поэтому естественно, что и трудовое действие стало сопровождаться таким представлением во всех случаях, когда оно совершалось. И вот, как пишет Леонтьев, такое представление начинает сопровождать каждое трудовое действие, получается своеобразное «удвоение» процесса труда: с одной стороны, реальное действие с реальным объектом, с другой – представление о них. Таким образом, на определенной ступени развития в распоряжении первобытного человека для одних и тех же ситуаций стал применяться «двойной комплект» сигнальных средств – действие и звук. Считается, что звук был более удобен (например, в темное время суток, на расстоянии и т. п.), вследствие этого двигательный компонент сигнала начал редуцироваться, и, в конце концов, сигнальная функция полностью перешла к звуку. Теперь развернутое трудовое действие – носитель мысли – стало отождествляться со звуком и подменяться им. Таким образом, устанавливалась прочная рефлекторная связь между определенной трудовой ситуацией и определенным звуком. Из сказанного следует, что на определенной стадии антропогенеза у первобытного человека появляется зачаток мысли и зачаток языка, хотя это все еще нерасчлененный нечленораздельный звук, сопровождающий или заменяющий трудовое действие [Леонтьев, 1963, с. 57].

Существуют разные мнения о том, как именно происходило формирование членораздельных звуков речи. Исследования в области психологии и психолингвистики показали, что мышление и речь имеют различные генетические корни, их историческое развитие проходит по совершенно разным линиям, отношение между этими процессами не постоянно, оно изменяется на протяжении фило- и онтогенеза [Выготский, 1956, с. 119]. Однако это предмет, не связанный непосредственно с темой работы. Важным является другое: если в течение длительного времени человек регулярно использовал определенные звуки, то рано или поздно у него должны были появиться специфические условнорефлекторные связи, вместе с развитием соответствующих участков коры головного мозга и совершенствованием речевого аппарата [Леонтьев, 1963, с. 56]. Вероятно, из выкрика вычленялся ряд звуков, соединявшихся затем снова в определенные звуковые комплексы, отчетливо отличавшиеся от других звуковых образований. Появление одних и тех же предметов или явлений связывалось с возникновением определенных повторяющихся звуков или звуковых комплексов. Потребность целенаправленного производства одних и тех же звуков, также как и способность воспринимать их в связи с конкретным предметом, обусловили возникновение представления. Так некий звуковой комплекс превращался в основу будущего слова. Однако вначале эти звуковые комплексы не были словами, скорее они могут быть сравнимы с (до-)фразовыми единствами, нерасчленяемыми на отдельные единицы. Звуковые комплексы определенного назначения неизбежно должны были оформляться интонационно, т. е. отличаться определенными параметрами высоты, громкости, интенсивности, тембра, ритма, мелодики, т. к. лишь в комплексе с ними могли реализоваться как сигналы к требуемому действию. Позже в первоначально нерасчленяемом комплексе стали вырисовываться отдельные звуковые последовательности, предшествовавшие словам. Так же вызывались к жизни и первые вокативы – праобразы собственных имён.

Переход к членораздельным речевым звукам был бы невозможен как без совершенствования механизмов речи, так и без развития речевого слуха, то есть способности правильно воспринимать, узнавать и декодировать слышимые звуки.

Согласно логике эволюционистской теории происхождения языка, в дальнейшем речевые движения и их соотношение с акустическим впечатлением от звуков речи усваивались человеком в процессе овладения языком.

3.1.3 Сознание и слово / имя. Установленное экспериментальным путем наличие доинтеллектуальной стадии в развитии речи ребенка позволило сделать предположение о существовании доречевой стадии развития мышления и в филогенезе. Научные факты говорят в пользу того, что освоение языка начинается с собственных имен [Выготский, 1956; Успенский, 2012]. Согласно выводам Л. С. Выготского, на определенном этапе, который приходится на ранний детский возраст, линии развития мышления и речи, до сих пор шедшие раздельно, встречаются, совпадают в своем развитии и дают начало совершенно новой форме поведения, ставшей характерной для человека. Именно в этот момент ребенок «делает величайшее открытие в своей жизни, – он открывает, что каждая вещь имеет свое имя» [Выготский, 1956, с. 131]. Это очень важный, переломный момент, начиная с которого мышление становится речевым, а речь вступает в интеллектуальную фазу своего развития. Ребенок как бы открывает символическую функцию речи, и это – принципиально новое состояние его психики. Видя новый предмет, он начинает активно интересоваться, как он называется, требует от взрослых бесконечно повторять названия окружающих его вещей, стараясь затем воспроизводить их самостоятельно. Потребность в слове – новый этап развития ребенка, когда он «активно стремится овладеть знаком, принадлежащим предмету, знаком, который служит для называния и сообщения» [Выготский, 1956, с. 131]. Самоидентификация также происходит на начальном этапе освоения языка, когда ребенок начинает отождествлять себя со своим именем, лишь постепенно усваивая местоимения и начиная говорить о себе в первом лице. Сначала он «учится своему имени», подражая матери, которая его так называет. При этом все другие слова, обозначающие предметы (имена существительные), воспринимаются им тоже как ИС [Успенский, 2011, с. 47-48].

Результаты наблюдений за развитием мышления и речи у детей были положены в основу предположений о том, что подобные процессы имели место в

развитии человеческой речи и человеческого мышления вообще. Так или иначе, но в определенный момент антропогенеза у человека появляется «совершенно новый тип психической деятельности – интеллектуальное поведение, опирающееся на употребление знаков» [Леонтьев, 1969, с. 206]. Теперь, после того как звук стал стимулятором, а затем регулятором, он смог функционировать еще и как знак, т. е. условный стимул, являющийся средством овладения поведением, чужим или собственным (Выготский). Как видим, рассматриваемая теория связывает первоначальное возникновение звуковых сигналов как предшественников речевых обозначений предметов и явлений непосредственно с качественными изменениями определенных участков мозга, общественным характером труда и обусловленными этими факторами морфологическими изменениями первобытного человека.

Одновременно с совершенствованием трудовых действий и механизмов движений руки происходит совершенствование речевого аппарата. В процессе акустико-артикуляционной организации голосового звучания, по мнению А. П. Журавлёва, начинают формироваться собственно языковые типы значений. «Формирующиеся звуки речи вбирают в себя значимости звучания в соответствии с присущими звукам акустическими характеристиками. К тому же эти значимости усиливаются благодаря их артикуляторной мотивировке, оказавшейся сходной с акустической: громкие звуки требуют более энергичной работы речевого аппарата (поддерживается значимость «громкий → сильный, агрессивный»); низкие звуки требуют большего объема резонаторов (поддерживается значимость «низкий → большой», «высокий → маленький»), взрывные, дрожащие требуют быстрой работы органов речи (поддерживается значимость «взрывной, дрожащий → быстрый», «плавный, гласный, фрикативный → медленный») и т. п.» [Журавлёв, 1976, с. 21-22].

По мере того как голос, используемый в качестве инструмента производства артикулируемых звуков, постепенно развивался в связную речь, – общение, опосредствованное языком, – осуществлялся диалектический переход от ощущения к мышлению посредством установления отношения слова к предмету и к

действительности. В этом контексте особенно важным оказывается тот факт, что *все сознание в целом* связано в своем развитии с развитием слова, а не одна какая-то мысль. И слово играет центральную роль в сознании в целом, а не в его отдельных функциях, ибо оно и есть «самое прямое выражение исторической природы человеческого сознания» [Выготский, 1956, с. 382-383], вершина природной эволюции, завершение одного типа развития и начало другого (А. Ф. Лосев).

Бесспорно, что с возникновением членораздельной речи появилось средство, с помощью которого стало возможным координировать усилия, направляя их на достижение общих целей, передавать социальный опыт. Но принципиально новое отношение человека и действительности обусловлено тем, что в мышлении иначе отражена действительность, чем в ощущении, так как специфическая особенность слова заключается в обобщенном отражении действительности: «отношение мысли к слову есть живой процесс рождения мысли в слове» [Выготский, 1956, с. 383]. Согласно выводам Л. С. Выготского, «мышление и речь оказываются ключом к пониманию природы человеческого сознания» (там же). Иными словами, в зарождении мысли и звучащего слова проявилось начинающееся сознание.

Существуют и другие взгляды на природу возникновения языка и слова. Наиболее известный содержится в тексте «Нового Завета»: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн I, 1-5 и др. [Библия, 2004, с. 1213]). Хотя «Слово» здесь – это один из вариантов передачи λογος с греческого оригинала Библии, и есть мнение, по которому этот перевод нельзя считать удачным (к примеру, Б. В. Якушин [Якушин, 1984], все же закрепился и утвердился именно этот вариант. Постулат «В начале было Слово» является базовым, по мнению В. Н. Топорова, для всякой великой культуры. Не случайно с него начинается одно из самых значительных произведений мировой литературы – «Фауст» И. В. Гете: *Im Anfang war das Wort*. «Словоцентричные» (В. Н. Топоров) культуры «ставят в своем начале Слово как высшую реальность данного модуса существования», осознают свою связь со Словом, «свою глубинную зависимость от него в неизбежном акте пресуществления Слова в Дело (ср. Иоанн I, 1-5 и др.)». Тот же,

кто исходит, как Фауст, из тезиса *Im Anfang war die Tat*, в конечном счете порывает и с культурой [Топоров, 1985, с. 5-6].

Изложить все существующие научные гипотезы по этой проблеме не является задачей данного раздела работы. Важно показать логику исследования, которая соотносится с мнением: «Вопрос о происхождении языка прежде всего упирается в происхождение звуковой стороны слов и речи, смысловая же их сторона почти всегда связывается с мышлением или внешним действием и поэтому кажется менее загадочной» [Якушин, 1984]. В этом – первопричины возникновения звукоонтологических воззрений на природу имени. Для данного исследования важно то, в чем две представленные здесь, казалось бы, непримиримые точки зрения сближаются и что вряд ли может быть выражено точнее, чем в словах Л. С. Выготского: «Сознание отображает себя в слове, как солнце в малой капле вод. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» [Выготский, 1956, с. 383-384]. Но слова суть не что иное как «имена вещей, явлений, событий, имена всего того, что есть и может быть в действительности» [Жинкин, 1982, с. 95], добавим – существующие и, более того, пресуществующие в звуке.

3.2 Звук имени и миф

3.2.1 Звучание имен и трактование некоторых исторических мифов. На этапе донаучного мышления вера в сверхъестественное – непременный атрибут архаического мировосприятия, в основе которого, как и в основе формирования древнейших форм верований вообще, лежит магия образа. Первобытное мышление ориентировано на целостное, нерасчлененное восприятие мира и приспособление к нему как к неизменной данности. Анимизм – древнейшая форма познания, свойственная непосредственному и наивному пониманию мира, когда явления окружающей природы представляются реальными одушевленными существами, которые живут

и исполняют предназначенные им функции подобно животным или человеку. Принимая во внимание теорию ‘нужд’ Б. Малиновского, согласно которой все элементы культуры архаичного общества (от ИС до мифа) возникают как ответ на настоятельную потребность, именование является абсолютной необходимостью, связанной с глубинной сущностью человека, не простым ярлыком, а символом, соотносимым с его носителем и отражающим его природу [Malinowski, 1960].

В текстах древнеиндийских вед, написанных на санскрите, были обнаружены свидетельства того, что для ведийского мировоззрения типично стремление отождествить природные явления с процессами, регулирующими жизнь человека. Анимистические представления ведийских индийцев приписывали всем предметам внешнего мира человеческие свойства – способность говорить, испытывать боль, страдание, радость [Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 180]. Вероятно, именно в этом периоде зарождается отношение к имени как к важнейшей составляющей человеческого существа, начинает накапливаться «коллективный опыт наречения» именем, формируется один из универсальных надэтнических культурных архетипов, «архетип ‘ономастической харизмы’» [Ратникова, 2003, с. 21].

Вера в одушевление всей природы достигает высшей своей точки в олицетворении ее, становится первопричиной превращения фактов ежедневного опыта в миф. В понимании А. Ф. Лосева миф есть древнейшая форма освоения мира, обобщающая в одном слове множество конкретных сторон жизни. Поэтому и теория мифа, которая не захватывает культуры вплоть до ее социальных корней, есть, по мнению Лосева, очень плохая теория мифа. Для мифического сознания миф – не выдумка, но подлинная максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность, наивысшая по своей конкретности, «наиболее яркая и самая подлинная действительность» [Лосев, 2010-2013]. Мифологическое мышление, считал Ю. М. Лотман, «может рассматриваться как парадоксальное, но никоим образом не как примитивное, поскольку оно успешно справляется со сложными классификационными задачами» [Лотман, 2000, с. 527].

В эпоху ‘воинствующего материализма’ мифы были отвергнуты, «как

лживые басни» (Э. Тайлор). Однако позже, переосмысленные на новом уровне научного знания, они обнаружили смысл, по справедливому утверждению Тайлора, несомненно заключавшийся в них и прежде, но неправильно понимаемый. Пришло осознание того, что «всякая басня, когда-либо рассказывавшаяся, в своё время должна была иметь известное значение» [Тайлор, 1989, с. 127]. С этого момента мифы стали восприниматься научным сообществом уже как исторические источники, показывающие пути становления этносов: «Старые мифы заняли надлежащее место среди исторических фактов как свидетельства процесса развития мысли[13], как воспоминания о давно исчезнувших верованиях и обычаях и даже (в известной мере) как материалы для истории тех народов, которым они принадлежали» [Там же].

Дошедшие до наших дней мифы древних являют собой истории, порой противоречиво и причудливо разворачивающиеся вокруг героев и их имен. Иногда это повествования, в которых интерпретация ряда событий и приключений, составляющих линию жизни личности, напрямую зависит от звучания и интерпретации звукобуквенного набора того или иного собственного имени. Разночтения в повествовании событий бывают возможны, в частности, по причине одинаковости или сходства звучания определенных онимов с некоторыми апеллятивами. Так, сказание, трактующее события происхождения, воспитания и жизни древнеперсидского царя Кира, в интерпретации Геродота, сообщает, что младенцем он должен был быть умерщвлен по приказу медийского царя Астиага, но взят на воспитание женой пастуха, которая в это же время родила мертвого ребенка. Так как имя этой женщины *Кино* по звучанию было сходно со словом, обозначающим собаку, среди персов распространилась версия, будто бы брошенного Кира спасла и вскормила собака [Геродот, кн. 1, § 113; 116, 122]. Однако Э. Тайлор подвергает сомнению достоверность рассказа Геродота, сомневаясь в том, что могла произойти путаница на основании звукового сходства онима и апеллятива или же сознательное иносказание, игра слов.

[13] разрядка наша – Н. У.

Отдавая предпочтение буквальному пониманию пересказанных историй о Кире, он считал, что в противном случае ставится под сомнение и легенда о происхождении Ромула и Рэма, основателей Рима: «Допустим, что для одного случая это могло быть справедливо. Но можно ли допустить, что история Ромула и Рема есть также воспоминание о действительном событии, представленном иносказательно с помощью совершенно такой же игры слов с именем кормилицы, которое (случайно) означало также животное-самку? Неужели и римские близнецы были также случайно действительно покинуты и вскормлены кормилицей, которая именно называлась *Lupa* (лат. ‘волчица’)?» [Тайлор, 1989, с. 127]. При этом Тайлор ссылается на лексикон Ламприера (16-е издание 1831 года), который именно так и объяснял происхождение знаменитой легенды. Очевидна невозможность убедительного доказательства ни одной из версий, развившихся вокруг описанных совпадений и созвучий онимов и апеллятивов. Подобные обстоятельства нередко оказывались причиной мультипликации мифических историй и их вариаций, таких как описанные выше легенды о Кире, Ромуле и Рэме и многих других.

3.2.2 Мифы об установлении имён. В исследовании феномена имени важное место принадлежит вопросу о его происхождении. В разных культурах наряду с мифами творения древнейшими являются мифы об установлении имен. Они представляют собой одну из наиболее ранних версий объяснения имени через соотнесение его с моментом его появления [Топоров, 1989]. Понятия ‘установление имен’ и ‘установитель имен’ проходят через всю античную мифологию и философию (древние Индия, Греция, Рим), также как и сам вопрос о возникновении имен [Иванов, 1964; Топоров, 1980; Якушин, 1984 и др.], которому в разных культурах издавна придавалось особое значение. Этот факт рассматривается как свидетельство того, что оба ритуала – творение вещей и установление их имен – изначально мыслились как действия, тесно связанные между собой. Нераздельность этих процессов базировалась на логике, согласно которой «дать имя чему-либо значит выделить этот предмет среди других, как бы мысленно очертить его границы, “оформить”» [Якушин, 1984].

3.2.2.1 Возникновение понятий ‘установление имен’ и ‘установитель имен’ связывают с периодом написания вед – древнеиндийских священных книг, которые считаются самыми древними из дошедших до нас литературных памятников. Это сборники поэтических и прозаических произведений – гимнов, песен, жертвенных изречений и заклинаний, относящиеся к XXV-XV вв. до н. э. Древнейшая из них – «Ригведа» – описывает создание имен (nāmadhéyam) как священное действо, завершающее создание мира вещей. Согласно 71-му гимну X мандалы «Ригведы», который посвящается богу *Брхаспати* (божественному покровителю состязаний в красноречии, вдохновителю священной поэзии, «господину речи»), установление имен производится первыми великими мудрецами под покровительством самого Брхаспати: Bṛhaspate prathamáṃ vācó ágraṃ yát praírata nāmadhéyam dádhānaḥ (RV[1]. X, 71, 1). «О Брхаспати, то было первое начало речи, когда они приступили к действию, осуществляя установление имен» [Иванов, 1964, с. 85]. Однако в 81-м и 82-м гимне этой же мандалы единственным установителем имен богов выступает бог – Всеобщий ремесленник (*Viṣvakarman*), ваятель, кузнец и плотник, создавший небо и землю, называемый также ‘господином речи’ и ‘установителем имен богов’ (devắnām nāmadhắ). Расхождения в содержании гимнов Вяч. Вс. Иванов объясняет вариативностью мифа, версии которого относятся к поздневедическим представлениям. В их основе предположительно лежит ранневедический миф, согласно которому «названия вещам были даны в результате акта установления имен (nāmadhéya); установителями их (nāmadhāḥ ‘установитель имен’) могли быть обожествляемые мудрецы или же бог – Всеобщий ремесленник, он же (?) «господин речи» [Там же]. Древность представлений о божественном характере мифологического акта установления имен подтверждается, по мнению Вяч. Вс. Иванова, архаичностью самого слова nāma-dhéya, а также сложного слова nāma-dhā ‘установитель имен’. «Оба архаичных сложных слова предполагают наличие фразеологического сочетания nāma dhā- (вариант с локативом nāmani dhā-) ‘устанавливать имя, давать название вещи’ [Там же. с. 86]. Вот примеры из «Ригведы»: tveṣáṃ śávo dadhire nắma yajñíyam «[Маруты] установили для себя (т.е. приобрели)

устрашающую силу, восхитительное имя»; dádhāno nắma mahó vácobhiḥ «[сома] приобретает благодаря речи могущественное имя»)[14]. Архаичный тип этих слов, наличие фразеологического сочетания nāma dhā-, засвидетельствованного в ведийском словоупотреблении, а также параллельное употребление в «Ригведе» слов nāman ‘имя’ и dhāman ‘существо, природа (бога)’ позволили в свое время французскому ученому Л. Рену предположить, что сочетание nāman dhāman является ранним прототипом словосочетания, которое позднее развилось в сложное слово nāmarūpa ‘имя и форма = форма и материя’, являющееся одним из ключевых терминов в философских сочинениях на санскрите [Иванов, 1964, с. 86; Якушин, 1984]. Вяч. Вс. Иванов обращает внимание на тот факт, что в «Ригведе», в тех местах, где «всего отчетливее излагается магическое понимание связи предмета и имени его», основанной на первоначальном акте называния предметов, именно слово nāmadhéya употребляется в значении ‘установление имен, называние’, тогда как в более поздних санскритских текстах слово nāmadhéya часто используется, так же как и ‘nāma’ – в значении ‘имя’, т. е. результат nāmadhéya-действия [Иванов, 1964, с. 86-87]. Примечательно, что результаты исследований обнаруживают полное соответствие мифологического содержания и языкового выражения этого содержания в родственных языках: древний иранский миф об установлении имен отражен и в гимнах «Ригведы», и в «Авесте»; более того, соответствия этим представлениям обнаруживаются и в древнегреческой традиции. Ведийский установитель имен nāma-dhā-h генетически тождествен древнегреческому установителю имен – ономатету (ὀνομαθέτης). Если первоначально ‘установитель имен’ понимался в мифологии как высшее существо, придумывающее и присваивающее имена богам, людям и вещам, то впоследствии, в частности, в древнегреческой философии, он стал означать искусного человека, законодателя имен.

Отражение мифа о происхождении имен содержат древнепифагорейские источники, например, изречения, в которых говорится, что после числа на втором

[14]Примеры Вяч. Вс. Иванова [см. в Списке литературы: Вяч. Вс. Иванов. Древнеиндийский миф об установлении имен и его параллель в греческой традиции].

месте по мудрости находится «тот, кто установил имена вещам». Но, как указывает Вяч. Вс. Иванов, фразеологическое сочетание ónoμα tíϑεσϑα τινι ‘дать кому-нибудь имя’ встречается уже у Гомера в «Одиссее» [Иванов, 1964, с. 88]. Проблема установления имен является центральной темой в диалоге Платона «Кратил», где фигурирует ономатет – установитель имен [Платон, 1936, с. 36-59]. Излагаемая и критикуемая Платоном теория установления имен, относящаяся, по-видимому, к более ранней пифагорейской традиции, обнаруживает точное соответствие мифу об установлении и первых установителях имен в ранних индоиранских текстах, прежде всего в языковом отношении: греч. ὄνομα-ϑε- = др.-инд. nāma dhā-, а также в образах бога-Всеобщего ремесленника, а затем «господина речи». Описывая несомненные параллели в древнеиндийской и древнегреческой традиции, Вяч. Вс. Иванов усматривает генетические корни древнегреческого философского спора о происхождении названий вещей «по установлению» или «по природе» в том же мифе об установлении вещей и имен. Вопреки распространенному во второй половине XX в. предположению о восточных (иранских и индийских) влияниях на Пифагорейство и Платона, которыми объяснялись, в частности, общие черты мифа об установлении имен, отображенного в ведийских гимнах, в пифагорейских текстах и в «Кратиле» Платона, Вяч. Вс. Иванов настаивает на другой версии. Он считает, что «речь идет здесь не о культурных влияниях Востока на греческую мысль в историческую эпоху, а о доисторическом индоевропейском наследии того периода, к которому восходят и другие греческо-индоиранские лексические и фразеологические совпадения, относящиеся к сфере религиозной терминологии» [Иванов, 1964, с. 90]. Учёный обосновывает эту мысль наличием реконструируемого родственного сочетания *jьmę děti ‘называть именем’ в праславянском, объясняющего в свою очередь значение ‘говорить’ у праславянск. děti, семантическим соответствием корню *dhē- со значением ‘говорить’ в хеттском te-, а также точными соответствиями др.-инд. nāma dhā-, древнехеттск. laman te-, авест. nāman dā, греч. ὄνομα tíϑημι, старочешск. dieti jmě, означающих ‘имя называть’ [Там же. С. 90-91]. Семантические соответствия

лексикализованного понятия ‘имя называть’ в древних языках представлены в таблице 1. Сопоставление обнаруживает не только семантическую тождественность представленных в таблице единиц, но и явное сходство их (фоно)графических структур: именной компонент в древне-индийском, древне-хеттском, авестийском, греческом языках содержит согласные *n, m*, в старочешском и праславянском – *m*. Глагольный компонент всех указанных языков объединяет общий начальный согласный в вариативной реализации *d/t*.

Таблица 1. – Семантические соответствия лексикализации понятия ‘имя называть’ в разноструктурных языках общеиндоевропейской эпохи (по Вяч. Вс. Иванову)

Язык / Значение	Древне-индийский	Древне-хеттский	Авестий-ский	Греческий	Старо-чешский	Праслa-вянский
‘имя называть’	nāma dhā-	laman te-	nāman dā	Ὄνομα τίϑημι	dieti jmě	jьmę děti

Отнесение всех этих лексических и фразеологических единиц к общеиндоевропейской эпохе свидетельствует об архаичности мифа об установлении имен.

3.2.2.2 В христианской философской мысли способность говорить является одним из качеств всемогущего Бога. Согласно Библии, сотворение мира происходило словесно выраженным повелением, в котором акт говорения являлся одновременно и актом творения. Каждый этап деятельности Творца начинается в тексте Библии одними и теми же словами, ср. : «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. <…> И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. [И стало так] <…> И назвал Бог твердь небом. <…> И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями» [Библия, 2004, с. 9]. Таким же образом были созданы растения, животные и человек (который, в отличие от всего предшествующего, был сотворен «из праха земного» по образу и подобию самого Творца). Создавая речевым и волевым актом объекты мироздания, одновременно с их формированием Господь давал им имена. Так, в первый день, отделив свет от тьмы, Бог назвал свет днем, а тьму – ночью. Затем

он назвал твердь небом, сушу – землей, а «собрание вод» – морями. Таким образом, подобно сюжету из древнеиндийской мифологии, установление первых имен, согласно Священному писанию, производится самим Творцом, всемогущим Богом. Далее Создатель передает функции установителя имен первому человеку, Адаму, к которому сам привел всех животных полевых и всех птиц небесных, «чтобы видеть, как он назовет их». В свою очередь Адам, наделенный способностью изрекать слова, выполняя поручение, стал давать имена. Человек в этой ситуации уподобился Богу, который, надо полагать, присутствовал при этом: «И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым…» [Библия, 2004, с. 10].

Итак, в соответствии с текстом Библии, установление имен происходило в два этапа: 1) бог дал имена крупнейшим объектам мира, 2) Адам поименовал всё остальное. Здесь также просматриваются параллели с сюжетами древнейших мифов об установлении имен как восточной, так и европейской традиции.

3.3 Мифологизм и «язык собственных имен»

В вопросе о природе имени остается много неразгаданного, вызывающего неоднозначные и подчас противоречивые мнения. Однако обращение к традициям и архаичным истокам употребления имени в разных культурах обнаруживает общие черты, в том числе у народов, территориально удаленных друг от друга, что свидетельствует об универсальном характере ИС как феномена, восходящего к архаичным формам сознания. В этом состоянии мышления познание и освоение мира происходит непосредственно через «язык собственных имен» (Ю. М. Лотман).

3.3.1 Имя в мифологической картине мира

3.3.1.1 Мифологическая картина мира. В глубокой архаичности мифологических представлений о природе имени следует искать истоки той неразрывной связи мифа и имени, о которой Ю. М. Лотман говорил: «Миф и имя непосредственно связаны по своей природе. В известном смысле они

взаимоопределяемы, одно сводится к другому: миф – персонален (номинационен), имя – мифологично. Можно сказать, что общее значение собственного имени в его предельной абстракции сводится к мифу» [Лотман, 2000, с. 529]. В этом наблюдается пересечение его точки зрения на миф и ИС с концепцией А. Ф. Лосева, которая ранее была выражена формулой *«миф есть развернутое магическое имя»* [Лосев, 2010-2013]. Говоря о специфике мифологических текстов, В. Н. Топоров отмечал, что мифы (как тексты) без имени практически не существуют. Более того, отдельные мифологии в дошедшем до нас виде представляют собой имя или списки имен, и тогда ИС «являются единственным источником, на основании которого можно судить о всей мифологической системе и, в частности, об отдельных мифах или их мотивах» [Топоров, 1980, с. 510].

С точки зрения семиотики мир глазами мифологического сознания выглядит составленным из объектов: 1) одноранговых; 2) нерасчленимых на признаки и 3) однократных, поскольку «представление о многократности вещей подразумевает включение их в некоторые общие множества, то есть наличие уровня мета-описания» [Лотман, 2000, с. 526], что недоступно мифологическому мышлению. Мифологическое пространство, характеризующееся небольшими размерами и замкнутостью, заполнено именами, что «придает его внутренним объектам конечный, считаемый характер, а ему самому – признаки отграниченности» [Там же. С. 531]. Освоение мира происходит посредством отождествления слова и именуемого объекта, референта (у Лотмана – денотата), то есть прежде всего через формирование сферы собственных имен, так что языком в его основной номинативной функции является «язык собственных имен» (Ю. М. Лотман). Это значит, что освоение мира мифологическим мышлением сопровождается специфическим типом семиозиса, который сводится к процессу *номинации:* знак в мифологическом сознании аналогичен собственному имени [Там же. С. 527]. Непосредственно через «язык собственных имен» каждый объект мира оказывается поименован и равен своему имени, т.е. имя и его референт составляют нерасчленимое целое. Отождествление названия и

называемого, в свою очередь, определяет представление о неконвенциональном характере собственных имен, об их онтологической сущности (Ю. М. Лотман). Сущность мифологического, и далее, эпического, ‘номинализма’ «заключается в утверждении существования только названных предметов и принципиальной недопустимости бытия объектов, не имеющих наименований» [Топорова, 1996, с. 154]. Такое мировосприятие характерно именно для мифологических представлений, ибо отождествление имени и обозначаемого им предполагает состояние мышления, при котором «имя нераздельно связано с вещью, является носителем его свойств, магическим заместителем» [Воронин, 1982, с. 9]. Принципиально важно, что ИС представляет собой «не этикетку, ярлык, а символ, сложным образом соотносимый с природой индивида» [Топорова, 1996, с. 6], нередко являясь по сути закодированным (и «свёрнутым») мифологическим сюжетом или мотивом [Топоров, 1980, с. 510].

Номинационный характер мифологического мира непосредственно связан с некоторыми типичными сюжетными ситуациями, такими как ситуации ‘называния’ вещей, не имеющих имени, которые могут рассматриваться одновременно и как акт творения, переименования, перевоплощения или перерождения; овладения языком (например, птиц или животных); узнавания истинного названия или сокрытия его [Иванов, 1964; Лосев, 2008; Лотман, 2000; Топорова, 1996].

3.3.1.2 Формы отождествления имени и референта. Специфика мифологического мышления и «язык собственных имен» стимулировали способности к установлению отождествлений, аналогий и эквивалентностей. Причем отождествление мифологических единиц осуществлялось на уровне самих объектов, а не на уровне имен, по мысли Ю. М. Лотмана, мифологическое отождествление, основанное на неотделимости названия от вещи, имеет принципиально внетекстовый характер [Лотман, 2000, с. 541] и не является синонимией.

Многочисленные примеры иллюстрируют функционирование «языка собственных имен» в условиях специфики мифологического мышления. У многих

народов было принято давать имя ребенку не сразу по рождении, а через некоторое время, в течение которого наблюдали за его характером, темпераментом, способностями, чтобы подобрать имя, соответствующее его сути, ср. восточнославянские имена *Добронрава, Милонег, Горд, Добр, Несмеян / Несмеяна, Неклюд*[15] и т. д. Этот обычай отображает одну из форм отождествления имени и объекта именования, в основе которого лежит убеждение в том, что имя и существо (референта) суть одно и то же. Аналогичную смысловую нагрузку несут имена героев народного эпоса. По наблюдениям исследователей, имена богатырей-героев и героинь эвенкийского эпоса всегда содержат в себе их основную характеристику, выраженную эпитетом. Так, полное имя героини, одиноко живущей в самом начале появления средней земли Дулин Буга – *Шесть шестипрядевых кос имеющая Нюнгурмок (Нюнгун нюнгунтоно Нюнгурмок)*. В его основу положено слово *нюнгун* – ‘*шесть*’, так как героиня заплетает волосы в шесть кос, при этом каждая из них заплетается из шести прядей волос [Варламова, 2010, с. 67]. Таким образом, героиня по своим основным качествам оказывается равна своему именованию.

Изменение статуса героя влечет за собой смену именования и наоборот. При замене одного имени другим речь идет не о замене эквивалентных названий, а о замене сущностей, т.е. трансформации самого объекта именования, которая имеет место в конкретном пространстве и времени [Лотман, 2000, с. 542]. Мифические и эпические персонажи, как правило, имеют два или даже три имени, для каждого из трех миров. Каждое имя относится к определенному моменту трансформации, и, следовательно, не может в одном и том же контексте заменять другое. По достижении мифологическим героем определенного уровня он получает новое имя, чем подтверждается его переход в новый статус («Если сможешь достичь в своих путешествиях Угу Буга (Верхнего Мира) – Будешь именоваться «*Богатырем Чивкачатканом – Богатырем, рожденным от птицы!*» [Варламова, 2010, с. 67]). То же касается не только эпоса, но и обыденной жизни

[15] молчаливый, необщительный человек [Веселовский, 1974]

мифологического мира. Переход в иной возрастной или социальный класс воспринимается как перевоплощение, перемена сущности, а связанное с этим переименование выражает отношение к имени как к важнейшей конституирующей сущность субъекта. Ритуальное изменение имени – это один из вариантов мифологического отождествления, при котором, с одной стороны, качественно меняется сам субъект, а с другой – он соотносится со многими именами, поскольку появляется «разветвленная система имен» [Топорова, 1996, с. 8], что дает возможность скрыть настоящее, ‘истинное’ имя.

Сокрытие имени является одним из характерных проявлений отношения к имени для мифологического мышления. Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что на определенной стадии общественного развития свое собственное имя называется весьма неохотно, особенно человеку чужому. М. С. Альтман в этой связи замечал, что арауканец на вопрос путешественника о его имени обычно отвечает: «У меня его нет» [Альтман, 1937, с. 128]. Табуистические запреты произносить своё собственное имя Б. А. Успенский сравнивает с запретами смотреть на себя в зеркало, объясняя это тем, что в обоих случаях возникает эффект двойничества, поскольку «имя вообще служит не для самоназывания, а для обращения, и произнесение своего имени оказывается аналогичным созданию своего двойника» [Успенский, 2012, с. 108]. У эвенков существовал обычай в случае беды переменять имя. Это надлежало сделать, «чтоб несчастье не нашло тебя во второй раз по твоему имени» [Варламова, 2010, с. 65-66]. Такая форма отождествления имени и его носителя как свойство обыденного сознания связывать форму имени с его содержанием (имеется в виду референт в нашей терминологии) была подмечена Б. А. Успенским: «В самом деле, именно собственные имена характеризуются непосредственной и однозначной связью обозначения и обозначаемого: изменение в форме имени связывается обычно с другим денотатом (содержанием), т. е. изменённая форма естественно понимается как другое имя» [Успенский, 1996 (1), с. 46].

Невозможность обойтись без имени вынуждает создавать ‘подменные’ (неподлинные) имена [Топоров, 1980 и др.]: тайные и явные, истинные

(«большие») и неистинные («малые»), возрастные или ‘ранговые’, для ‘своих’ и для ‘чужих’ и т. п.

Как вариант сокрытия истинного имени у многих народов существовал обычай давать новорожденному ребенку параллельно с официальным именем второе, охранное [Этнография восточных…, 1987, Зеленин, 1991]. Так, у восточных славян довольно долго (по крайней мере до 17 века) было принято не произносить до определенного возраста имя ребенка, а вместо него называлось другое, ‘условное’, ср. русск.: *Ждан, Первуша, Вторуша, Третьяк* [Этнография восточных …, 1987, с. 398].

Охранный смысл имело также распространенное у многих народов негативное значение второго, ‘явного’ имени ребенка, цель которого – показать всю непривлекательность ребенка через его имя и таким образом отвратить от него всякое зло – болезни, несчастья, злых духов, охотящихся за детьми: «хорошего заберет, а негодяя (т. е. непригодного) оставит родителям» [Никонов 1993, с. 7]. Об этом свидетельствуют значения базовых (производящих) апеллятивов, к которым восходит ряд личных антропонимов тюркских и славянских языков. В древнерусской системе имён такие имена-обереги с отрицательным содержанием должны были вызвать обратное действие: «Считалось, что *Неустрой* вырастет благополучным, *Злоб* добрым, а *Голод* всегда будет сытым [Там же]. Известны в русском языке личные охранные антропонимы *Некрас, Неведом, Нелюба / Нелюб / Нелюбим, Некормигость, Непогод, Неудача, Оболдуй, Незамай* (= не тронь) и др. [Веселовский, 1974]. Аналогичную охранную функцию выполняли имена *Gruban* ‘грубый’ у сербов, *Grosjo* ‘ужасный’ у болгар, для девочки у осетин *Bindzā* ‘муха’ и т. п. [Kohlheim, Kohlheim 2009, P. 10]. Отпугнуть злые силы от ребенка должны были татарские имена *Яман* ‘плохой, скверный, дурной, худой, дрянной, негодный’, *Сасык* ‘вонючий’, *Сарымсак* ‘чеснок’. Аналогичные личные имена в турецк. языке: *Sarımsak* ‘чеснок’, *Soğan* ‘лук’, *Aptal* ‘дурак’, *Cansız* ‘бездушный’. В башкирском языке также существовали ‘плохие’ имена: *Яман, Яманбикә, Яманкыз, Ямансура, Букай, Букаш* и др. Кроме того, для именования новорожденных использовались слова с

прямой ‘устрашающей’ семантикой: *орку* ‘пугаться, испугаться, страшиться, бояться’; ‘испуг, страх, боязнь’, *курку* ‘боязнь’ [Иванова, Хазиева-Демирбаш, 2017, с. 88]. Компоненты этих антропонимов сохранились в составе татарских фамильных онимов *Сарымсаков*, *Яманов*, *Оркуев* и др.

Вербальные действия могли подкрепляться перформативными акциями соответственного содержания. У удмуртов существовал обычай прятать новорожденного в поле и даже в мусоре, чтобы отвратить от него злые силы, при этом ему давали имя близкое к слову ‘мусор’ удм. *žag*: *Žagon, Žagbej* [Kohlheim, Kohlheim, 2009, P. 10]. В башкирской культуре новорожденного выносили из помещения и клали на место для собаки. Чтобы оградить ребенка от преждевременной смерти, на него надевали рубашку, которая называлась «көчек күлмәге» («рубашка кутёнка») и, по народным поверьям, защищала ребенка от злых сил и сглаза [Иванова, Хазиева-Демирбаш, 2017, S. 88-89]. Это связано с архаическими представлениями о собаке как о тотемном животном многих кыпчакских племен; в некоторых генеалогических легендах собака представлялась началом родоплемени. С этим связана и охранная роль имен с анималистическим компонентом. В татарской и башкирской антропонимике существуют личные имена, так или иначе коррелирующие с апеллятивом *собака*. Это антропонимы, в составе которых содержатся компоненты *эт* ‘собака’ или *көсөк / көчек* ‘щенок’: мужские – *Эткол*, *Этбай, Этембай, Эткенә*, *Этекәй*, *Этаяк, Эттеймәҫ, Көсөкбәй*, *Көсөк, Көсөккол Көчек*, *Кобәк*, *Кончак; женские – Этбикә, Эткенә, Көсөкбикә*. В антропонимиконе томских татар XVIII века было зафиксировано употребление личных имен: *Көчекбай* ← *көчек* ‘щенок’ + *бай* ‘богатый’, *Кончаугул* < *кончак* ‘собака’ + *угул* ← *угыл* ‘сын’, *Корташ* ← *корт* ‘волк’ + *-аш* уменьшительно-ласкательная форма [Там же]. Материальная связь ИС через семантику апеллятива с собакой как покровительницей, охранницей должна была обеспечить, согласно мифическим представлениям, защиту его носителю.

Среди двучленных личных антропонимов в др.-герм. языке наиболее частотными были ИС с анималистическим элементом ‘волк’ [Топорова, 1996,

с. 129]. Компонент с этим значением мог быть как первым, так и вторым в структуре имени: **Starka-wulbaz*[16] ‘Сильный волк’, **Erpa-wulbaz,* ‘Темный волк’ **Wada-wulbaz* ‘брода волк’, **Austra-wulbaz* ‘Востока волк’, **Berga-wulbaz* ‘Горы волк’, **Badwo-wulbaz / *Hadu-wulbaz* ‘Битвы волк’, **Segez-wulbaz* ‘Победы волк’, **Hrōda-wulbaz* ‘Славы волк’; **Wulba-friduz* ‘Волка защита’, **Wulba-leutaz* ‘Волку ужасный’, **Wulba-gastiz* ‘Волка гость’ и т. д. По мнению Т. В. Топоровой, в семантику компонента ‘волк’, помимо чисто анималистического первичного значения, включалось и другое, мифологическое, символическое, поскольку в этом слове отражались представления о хтоническом чудовище – волке Фенрире (‘ненавистный волк’ – **Laida-wulbaz*), об оборотничестве (ЛИ ‘человек, волк’ – **Mann-wulbaz*) и о преступнике, изгнанном из коллектива и отождествляемом с волком. Эта лексема также замещает в кеннингах мужа, воина (‘Войска волк’ **Harja-wulbaz* – ‘войска муж’). Подобные имена в силу семантики их апеллятивных компонентов могут быть отнесены к защитным, охранным. Удвоение семантики устрашающей силы в именах с двойным анималистическим компонентом должно было, по-видимому, обеспечить усиление защитной функции: **Arnu-wulbaz* ‘Орел, волк’, **Bernu-wulbaz* ‘Медведь, волк’, **Erbu-wulbaz* ‘Кабан, волк’, **Hunda-wulbaz* ‘Собака, волк’.

В архаических представлениях об ИС кроется и другой мотив имянаречения, когда этот акт выполнял функцию пожелания, предрекал будущее, и само имя должно было наделить ребенка соответствующими качествами: *Бат, Батуха* (ср. монг. *бат* ‘устойчивый, крепкий, надежный’); *Урак-Тимур, Эсэн-Тимур*, где *Тимур* – монг. *тумэр* ‘железо’, *урак – ураг* ‘родственник, свойственник’, *эсэн* – монг. *эсэн-мэнд* ‘здоровье; благополучно’; *Арслан* ‘лев’; [Жапова, 2004, с. 216].

Посредством имени ребенку предрекалось быть крепким, как камень или железо. В др.-герм. языке также были распространены ЛИ, в составе которых были компоненты с вещественной семантикой ‘железо’ (**Eisarna-gardjō*

[16] Примеры здесь из [Топорова, 1996, с. 94-96, 129]

‘Железная ограда’), ‘камень’ (**Staina-harjaz* ‘Камня войско’ – ‘твердое, непоколебимое войско’), а также с семантикой атрибутов военной сферы – ‘меч’ (**Heldjo-brandaz* ‘Битвы меч’), ‘копье’ (**Gaiza-stainaz* ‘копья камень’), ‘копье, меч’ (**Gaiza-brandaz* ‘копьё, меч’) и др. [Бледнова, 2010; Топорова, 1996]. Интересно, что у сибирских татар встречались имена с подобным вещественным компонентом значения – *тимер* ‘железо’, *таш* ‘камень’: *Тимергали, Тимербай, Тимерхан, Тимербәк, Таштимер, Ташпулат* и др. [Иванова, Хазиева-Демирбаш 2017: 89].

Отождествление имени и его носителя отображается и в таких личных именах, содержание которых можно передать как отсутствие имени или же отсутствие души. Бытовой культуре мифологического вообще свойственно избегать упоминания того, что может навредить. Охранительный, защитный мотив ономатетического обычая кроется в представлении архаического языкового сознания о том, что только тот, кто наделен именем, имеет душу, которой может быть нанесен вред через вредоносное обращение с именем. Тот же, кто объявляется «не имеющим имени» (и соответственно души), не может быть обнаружен силами зла, уязвлен / похищен / умерщвлен и т. д. ими. Отсюда наречение, к примеру, именем *Атсыз* ‘безымени’ (татарск.) [Там же. С. 88], лишало злых духов возможности навредить его носителю. Подобные установки стали предпосылками существования во многих традиционных обществах запрета на произнесение вслух имени недавно умершего человека (пересекшего границу между тем и этим миром), нарушение которого равноценно серьезному преступлению [Леви-Строс, 1994, с. 252-253]. Исторически длительно существовало у многих народов табу на произнесение имени божества наряду с исключительным правом отдельных избранных называть бога по имени при отправлении особо значимых ритуалов, религиозных и культовых обрядов. Известно существование такого запрета в древнем Израиле, где считалось, что произнесение имени бога равнозначно установлению власти над ним. В древнем Египте также существовало представление о том, что знание имени предоставляет власть над его носителем. Если фараон выдавал имена богов людям, то после

смерти боги отказывались переправлять его через Священную реку. Поэтому боги имели целый ряд защитных имен-перифраз. Например, *Озирис* звался *Тот, чьи имена многочисленны* [Kohlheim, Kohlheim, 2009, p. 7]. Под запрет попадали имена не только богов, но и императоров. Известно, что в древнем Китае никто не смел носить одно с императором имя. Если же оказывалось при вступлении на трон нового императора, что находились подданные с таким же личным именем, то они должны были сменить его на другое. Не только произнесению, но и написанию имен придавалось магическое значение. Известно, что автор словаря «Zi Guan» Ванг Ксихоу, нарушив существовавший запрет, записал в своем словаре несколько полных имен императоров, якобы для того, чтобы по казать, как не следует этого делать, и был казнен за это [Ibid. P. 8].

Все эти и множество других фактов подтверждают мысль В. Н. Топорова о том, что «в архаичных традициях действует принцип Nomina sunt odiosa, «Имена одиозны» (в смысле: не подлежат оглашению)» [Топоров, 1980, с. 510].

В этом контексте узнавание имени мыслилось как отождествление имени и референта – ‘идентификация’ субъекта через установление / оглашение его (истинного) имени. Назвать имя при определенных обстоятельствах означало вызвать к жизни, заставить материализоваться именуемый объект. Ситуации угадывания и произнесения имени врага для мифологического сознания равнозначны победе над этим врагом: ‘эффект Румпельштильцхен’. Персонаж с таким именем (злой дух *Rumpelstilz/ Rumpelstilzchen*), согласно содержанию одной из сказок братьев Гримм, исчезает, растворившись в воздухе, когда героиня сказки угадывает и называет его имя[17] («Heißt du etwa *Rumpelstilzchen?»*). К. Леви-Строс считал, что сказки – это «мифы в миниатюре, где те же самые оппозиции транспонированы в меньшем масштабе» [Леви-Строс, 1985, с. 24]. Принимая во внимание, что «в сказках содержится история, но эта история практически недоступна, поскольку мы очень мало знаем о предысторических цивилизациях, откуда сказки берут начало» [Там же. С. 22], следует предположить глубокие

[17] RUMPELSTILZ, *m. lärmender, spukender kobold.* SCHM. 2, 100. *s.* rumpelgeist, poltergeist *theil* 7, 1990. FISCHART *Garg. bietet* rumpelstilt. *vgl. myth.*[4] 418. *dimin.* rumpelstilzchen: heiszt du etwa rumpelstilzchen? *kinder- u. hausm. nr.* 55*;* [DWG, Bd. 14, Sp. 1492].

корни представлений о значимости имени, отразившихся в этом сюжете.

‘Эффект Румпельштильцхен’ демонстрирует также особое значение для мифологического мышления самого акта произнесения и характера звучания имени. Он коррелирует с таким существенным моментом во взглядах древних индийцев, как положение о том, что человек есть «сочетание речи и дыхания, кои суть жертвоприношение» [Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 187]. В этой связи имеет значение, что ритуальные, магические и колдовские действия, как необходимая составляющая архаического общества, обязательно включали в себя манипуляции с именем. Например, рассыпая снадобье на пороге с целью отравления определенного лица, колдун произносил имя того, кого оно должно было поразить. При этом для других, переступивших через этот же порог, колдовство было безопасно [Четыркина, 2005, с. 90].

Свидетельства представлений древних о магической силе звучания имени [богов] содержат старинные сказания и предания. В них встречаются истории, когда повторение имени божества с целью призвать божественную помощь помогало в трудной жизненной ситуации. Например, древнеиндийское сказание о риши Шупашхене, который, будучи предназначенным в жертву, обратился за помощью к богам. По мере того как он произносил имена богов, с него спадали путы, и герой, благодаря вмешательству богов, призванных путем произнесения их имен не только получил освобождение, но был вознагражден счастливой судьбой [Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 152].

Отголоски унаследованных от древних представлений о магических свойствах имени и его звука сохранялись в разных культурах длительное время и, вероятно, до сих пор окончательно не преодолены. Показательны не только разнообразные табу, накладываемые на употребление ИС, но существующее параллельно табуирование имен нарицательных, обозначающих, например, животных, болезни и т. д. Примером служат старинные поверья, подобные тому, которое существовало на севере Германии вплоть до начала XX в. Оно предписывало не говорить в декабре о волке, называя его по имени (англ. *werewolf,* нем. *Werwolf*), чтобы не растерзали оборотни [Тайлор, 1989, с. 148]. В

древнем Китае люди, страшась «призраков лихорадки», старались не произносить название этой болезни *хань-же ‘холод и жара’*, предпочитая обозначение *ци ши а бин ‘болезнь нищего’*, стремясь таким образом отогнать ее [Четыркина, 2005, с. 90]. У сванов и абхазов во время коллективной охоты, не обходящейся без обмена сигналами звуковой речи, ни один предмет не мог быть назван его обычным названием, для этого использовались специальные слова, т. н. ‘охотничий язык’ [Альтман, 1937, с. 128]. Н. Я. Марр указывал на обычай, существовавший в Гурии, не называть напрямую в обычной беседе змею: «змея называется не словом *gwel-c ‘змея’*, а словом *uqsenebel-i*, означающим *‘неупоминаемая’*» [Приводится по: Альтман, 1936, с. 18]. В подобных ситуациях, как считал Ю. М. Лотман, соответствующие названия осознаются и функционируют в мифологической модели мира именно как ИС, и приведённые факты определенно указывают на это.

Из сказанного следует, что главными признаками мифологического отождествления являются, с одной стороны, всевозможные табу, запрещающие определённые действия по отношению к имени, с другой же – ритуальное использование и изменение ИС. Подтверждается историческое существование внутри языкового сообщества такого отношения к ИС, при котором совершенно естественно отождествление имени и его носителя, реализующегося через произнесение, озвучание.

3.3.2 От мифологизма к метафорике.

3.3.2.1 В мифологии разных народов присутствуют мотивы, свидетельствующие о том, как первобытное сознание олицетворяло гром и связанные с ним явления. Небесному богу *Индре* посвящались хвалебные гимны древнеиндийских вед [Тайлор, 1989, с. 400]. Он считался высшим божеством атмосферы, вооруженным молнией победителем демонов засухи *Вритры* и *Шушны* [Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 178; Топоров, 1980, с. 509], отсюда его другое имя – др.-инд. *Vrtrahan* (*Вритрахан*, букв. ‘убийца (демона) *Вритры’* [Там же]). Древние славяне-язычники почитали небесного бога – *Перуна Громовержца,* который в пантеоне древней Руси почитался как высший бог. Общеславянский культ *Перуна* (древнерусск. именование *Перунъ*, общеслав.

Perunъ), восходит к культу бога грозы, грома в индоевропейской мифологии **Per(k*^{w}*)-un-o-s* и, как установлено более ранними исследованиями [Иванов, Топоров, 1974; Мифы, 1987; Судник, Цивьян, 1980], имеет много общих черт с аналогичным культом *Перкунаса (Перконса)* в балтийской мифологии. Наиболее очевидной интерпретацией мифа о *Перуне* является его истолкование как этиологического мифа о происхождении грома, грозы, плодородного дождя. Основной миф славянской мифологии повествует о поединке бога грозы *Перуна* (*Perunъ*) с его демоническим противником *Велесом (Velesъ*) (оба персонажа относились к высшему уровню мифологии), который завершается победой *Перуна* и дождём, приносящим плодородие [Мифы, 1987, с. 450]. Этому мифу соответствуют старинные общеславянские ритуалы, сами названия которых указывают на связь с культом *Перуна* (например, болг. *переруна* с многочисленными табуистическими и звукоподражательными вариациями типа *переруга, препаруда*; сербохорват. *прпоруша, додола*). Здесь следует вспомнить о белорусском *пярун* ‘гром’, о связи корня **dhu* в балтийских и других мифологиях с персонажем, родственным *Перуну* (напр., *Дундер*), а также об эпитете *Перкунаса 'Dundulis'* [Там же. С. 307]. Древняя германская и скандинавская религии отождествляли гром с неким божеством по имени *Донар* (*Donar*) или *Тор (Thor*), пускающим свой сокрушительный молот по воздуху. Этот бог грома, бури и плодородия представлялся в виде богатыря, защищавшего богов и людей от великанов и страшных чудовищ. В областях географического распространения германских языков Донару был посвящён тот же день недели, что в Риме Юпитеру (т. е. четверг) [Там же. С. 519]. В современном языке отголоски этих мифологических представлений сохраняются в этимологии таких наименований как топоним *Доннерсберг* (*Donnersberg*) или в названиях дней недели (*Donnerstag, Thursday*). *Донар-Тор* сопоставим с индоевропейскими богами *Индрой, Таранисом*, с описанными выше *Перуном, Перкунасом*, а также с финно-угорскими богами грома и неба *Укко, Гаара*. В мифологии Центральной Америки упоминается бог бури, грома и молнии *Гуракан* (ср. русск. ‘ураган’) и его посланница птица *Вок*.

Специфической особенностью в характере именований перечисленных выше мифологических образов является сходство звучания. В различных лингвокультурах именования бога-громовержца отмечено присутствием ‘угрожающе-устрашающих’ звуков, напоминающих раскаты грома и другие естественные звуки, сопровождающие грозу, бурю, ураган и подобные им явления природы: *П-Р, П-Р-К, Г-Р, К-Р, Д-Р, Т-Р, Г-Р-К*. Случайно ли это? С большой степенью вероятности можно предположить, что в основе этих именований лежат звукоподражательные мотивы, бессознательное стремление повторить звуки раскатов грома и самим звучанием вызвать в представлении образ соответствующего божества и исполняемые им функции. По-видимому, именно в силу присущего мифологическому мышлению свойства отождествлять имя с его носителем и ему присущей атрибутикой, в языках разных народов в качестве обозначений для их референтов – мифических персонажей – закрепились звуковые комплексы с соответствующим фоносемантическим содержанием.

Согласно заключению Э. Б. Тайлора, важнейшими двигателями мифологического развития послужили два фактора: олицетворение младенческой философией всей природы вообще и «ранняя тирания слова над человеческим умом» [Тайлор, 1989, с. 141]. Из изложенного видно, что использование имени как концентратора смысла и как инструмента воздействия, зафиксированное в ранних мифологических текстах, подтверждает особенное, как правило, магическое значение звучащего имени для древних. Возможно, это и обусловило исторически длительное существование у многих народов запрета на произнесение имени божества наряду с исключительным правом отдельных избранных называть бога по имени при отправлении особо значимых религиозных и культовых обрядов.

Мифологическое сознание склонно мультиплицировать мифический объект, в том числе путем умножения его языковых номинаций. Это подтверждается исследованиями основного мифа в литовской традиции, в результате которых был зафиксирован ряд ИС, содержащих характерные звуковые комплексы в онимах, выполняющих специальную, магическую функцию в фольклорных текстах, особенно в заговорах против болезней, заклинаниях, касающихся хтонических

животных (змей, жаб и проч.): лит. *Mortė, Magdė, Mentė, Kotrė.* Специфические именования отличаются повторением определенных созвучий или полным совпадением звучания (ср. *katrýtė* – фитоним, название болотной незабудки, и *katrýtė* – ʹбожья коровкаʹ). В белорусских заговорах представлен целый список nomina propria для обозначения «женских злокозненных существ» и змей: *Арина, Марина, Кацярина, Ягина, Солопея, Солонида, Шкуропея-Прасковея, сестра Палагея, дива Марея, дзива Мацi, царица Елена, Малаха*, а также *Уляна, Ульяница* (ср. «*Водица царица Ульяница; матка волняница* <…>») [Судник, Цивьян, 1980, с. 277]. Семантически устойчивое смысловое ядро мультиплицируется в многочисленных и разнообразных по форме (хотя часто и созвучных) онимных единицах, материализующих соответствующий образ во множестве фольклорных текстов. Отзвуки мифологического освоения действительности, отражённые в традиционно народных именованиях растений, животных, в фольклорных формах текстов (песни, загадки, пословицы, заговоры и проч.), сохраняются вплоть до наших дней, хотя их экспликация требует порой семантической, этимологической и культурологической расшифровки.

3.3.2.2 Несмотря на одноранговость и единичность предметов мира мифологического сознания, в нем присутствует некое подобие абстракции, возникновение которой обеспечивается как раз благодаря специфическим свойствам этого мира как «мира собственных имен». Как выяснилось, «язык собственных имен», обслуживая архаические коллективы, оказывается вполне способным выражать понятия, соответствующие современным абстрактным категориям (Ю. Лотман). В связи с этим уместно вспомнить о параллельных явлениях в древнеисландском языке, которые А. Я. Гуревич относит к «весьма архаическому пласту сознания», в частности, так называемых партативных определениях [Гуревич, 1984]. Эти специфические фразеологизмы, встречающиеся в архаических скандинавских текстах, построены по принципу соединения местоимения и онимной единицы: *vit Gunnar, Þeir þóri* и тому подобных. Эти обозначения называют группу людей по имени одного из них, по-видимому, главного, старшего, и должны переводиться как ‘*оба мы с Гуннаром*’,

‘*Торир и его люди*’. По мнению ученого, ИС в оборотах этого типа служит грамматическим атрибутом, функция которого состоит в уточнении коллектива, расплывчато обозначаемого местоимением. Близкими к этим онимным комплексам являются однословные обозначения родственной группы по названию одного из компонентов: *feðgin ‘отец и мать’, feðgar ‘отец и сын’,* ‘*отец и сыновья*’, *maeðgur ‘мать и дочь’, ‘мать и дочери’, maeðgin ‘мать и сыновья’, siskin ‘братья и сестры’* [Гуревич, 1984, с. 92]. Несомненно, речь идет об обозначении сочетаниями с ИС устойчивых родовых групп. Соглашаясь с С. Д. Кацнельсоном, автор полагает, что отношения внутри такой группы представлялись сознанию той эпохи столь тесными, что отдельные лица, входящие в нее, не мыслились обособленно, а лишь в отношении к главе [рода], так что упоминание одного имени ее главы вызывало мысль о группе в целом [Гуревич, 1984, с. 73-74, 93].

О важности самоидентификации путем (само)обозначения именем рода свидетельствует один из первых стереотипных вопросов, взаимно задаваемых незнакомыми алтайцами при первой встрече – *сөөгинне* ‘*какого рода*’. Этот же вопрос задают друг другу также герои эпических поэм Гомера. Это важнейшее значение онима как имени рода восходит к стадии разложения родового строя [Альтман, 1937], но остается существенным в длительной исторической перспективе. Тот факт, что ИС, являясь знаком единичного, знаком отдельного человека, выполняет роль родового наименования, Лотман считал следствием нерасчлененности уровней непосредственного наблюдения и логического конструирования, при которой ИС, оставаясь собой, повышались в ранге, исполняли функции наших абстрактных понятий [Лотман, 2000, с. 542].

Хронологически принято соотносить мифологический этап с очень ранней стадией развития, которая в принципе не может быть наблюдаема и не является зафиксированной непосредственно ни в каких текстах, но базируется лишь на реконструкциях, воссоздающих период глубокой хронологической удаленности. Вследствие этого сложившееся в науке понимание процессов перехода от мифологического сознания к метафорическому в значительной мере гипотетично

[Там же. С. 534, 541]. Однако рано или поздно наступает время, когда миф начинает терять свою безраздельную и безграничную власть над сознанием людей. Мифологическое мышление начинает разрушаться с появлением механизма сравнения. Сопоставление предметов и явлений друг с другом по определенным признакам в конце концов приводит к развитию зачатков метафорического мышления. Принято считать, что дальнейшее развитие человека идет именно по линии разрушения мифологического сознания, постепенного преобразования мифологии в метафорику. Предполагаемое переосмысление мифологических текстов как метафорических сопровождалось изменениями в языке, в частности, развитием синонимии за счет создания перифрастических выражений, что вело к резкому росту «гибкости языка» и тем самым создавало условия развития поэзии [Там же. С. 541]. Подчеркивая принципиальное отличие мифа от метафоры, Лотман последовательно отрицает возможность существования поэзии на мифологической стадии, считая, что возможность существования «языка собственных имен» и связанного с ним мышления как мифогенного субстрата несовместимы с поэтическим (т. е. метафоричным и синонимичным) мышлением, из чего следует «утверждение *невозможности поэзии на мифологической стадии*» [Там же. С.540]. Оспаривая традиционное представление о движении человеческой культуры от мифопоэтического первоначального периода к логико-научному – последующему, исследователь в то же время подчеркивает, что поэтическое мышление «и в синхронном, и в диахронном отношении занимает некоторую срединную полосу». Учитывая вышеизложенное, логично предположение, что и поэзия, и наука сопутствовали человечеству на всем его культурном пути, этапы развития имеют весьма условные границы, и следует говорить лишь о доминировании определенных культурных моделей в разные периоды или о субъективной ориентации на них культуры как целого, так, что определённые эпохи культурного развития могут проходить «под знаком» семиозиса того или иного типа [Там же. С. 542-543].

‘Номинационность’ мифологического мира с исчисляемостью населяющих его сущностей первоначально предполагала, что акта номинации удостаивались

лишь объекты, наиболее зна́чимые с точки зрения мировосприятия данного сообщества людей. По мере освоения мира и, соответственно, расширения номенклатуры познаваемых объектов возникала необходимость и распространения на них акта номинации. Развитие метафорического способа мышления в недрах мифологического детерминировало способность к сравнению и сопоставлению, что создало предпосылки к началам научного познания. Так или иначе, эволюция процессов мыслительной деятельности постепенно привела к длительному и сложному процессу преобразования метафоричного сознания в научное мышление. Характерной чертой этих изменений является то, что соответствие между структурами знака и обозначаемого им все чаще оказывалось сугубо номинальным. Например, преобразование заимствованного из древнефиникийской письменности начертания стилизованного иероглифа 𐤀 – знака головы быка (*алеф* – ‘*бык*’, ‘*телец*’ по-финикийски) в греческом алфавите в букву/слог ‘α’ (‘*альфа*’) [Троицкий, 1979, с. 56-58], где этот знак символизируется, переосмысливаясь. В алфавите христианской эры имя этой буквы начинает связываться с евр. ‘alliph’=‘учись’, а затем, в раннехристианской литературе, с именем библейского Авраама, считавшегося изобретателем букв [Степанов, 1993, с. 78]. Так имя буквы вместе со структурно-формальными признаками трансформировало соотнесённость с референциально-коннотативным содержанием под влиянием культурных факторов нелингвального характера, при этом номинативное значение оставалось неизменным.

Перемены в сознании людей отразились в трудах античных философов – первом опыте критического анализа, теоретического осмысления и обобщения сформированных в мифологических текстах воззрений.

3.3.3 Имя, традиция и бытовая культура. Ранее (Глава 1) рассматривалась эволюция взглядов на собственное имя в процессе познавательной деятельности человека. Эти взгляды, будучи первоначально разрозненными и часто научно не оформленными, инспирировали возникновение в научном мире устойчивого интереса к феномену имени, из которого в конце концов сформировалось направление языкознания, известное сегодня как

ономастика. Другим источником внимания к ИС и стимулом к его научному изучению является сама практика многовекового употребления имён в разных сферах – деловой, культурной, бытовой, духовной. В данном разделе идёт речь о русских языковых традициях, связанных с именованием и имяупотреблением.

Поскольку языковые закономерности, традиции и нормы опираются на сформированные веками культурные традиции и установки говорящего на этом языке народа, это отражается в особенностях языкового сознания, характерных для конкретной эпохи. С точки зрения диахронии онимия языка отражает этапы становления народов, их быт, верования, мифологию и художественное творчество, исторические контакты, особенности социального устройства и государственности. Вследствие отмечаемой многими особой консервативности ИС переживают эпоху, в которой были созданы, сохраняя свидетельства как нелингвальных явлений культуры, так и старинного состояния языка.

И сегодня встречаются архаичные по своей сути устойчивые представления, свидетельствующие о непосредственной связи предметов и явлений с обозначающими их именами, которые «ведут свое начало еще от того времени, когда личность человека слабо отделялась от окружающего мира» [Лихачёв, 1985, с. 45]. Но в те времена, когда традиция была едва ли не единственным средством отражения духовной жизни этноса и сохранения её в виде основных социальных норм, способом трансляции морально-этических предписаний от поколения к поколению, она обладала поистине неограниченными возможностями устного хранения и передачи коллективного знания.

В эпоху, когда у славян была распространена устная форма существования законов [Трубачёв, 1998, с. 6]), традицией, консервативной по своей сути, регулировались и правила функционирования имени как важного элемента жизни социума: наречение именем, употребление имён в семейном быту, изменение формы ИС в связи с изменением социального статуса его носителя, соблюдение правил называния имён в обрядах и ритуалах, табу на произнесение имени – всё это регламентировалось существовавшими внутри социума нормами и предписаниями.

Особенности именования лиц на Руси

Практика использования ИС на Руси в дохристианскую эпоху ограничивалась личными антропонимами, которые, как правило, имели двухсоставную структуру. Вторыми элементами чаще всего были *-слав* ‘славный’ (*Ярослав* ‘сильный и славный’), *-мир* , от *-мѣр* ‘большой, славный’ (*Остромйр* ‘острый и славный’), или *-волод* ‘владеющий, богатый’ (*Всеволод* ‘все и владеющий’). Встречались также несколько личных имен (ЛИ) скандинавского происхождения *Рюрик* (Hrörekr), *Олег* (Helgi ‘святой’), *Игорь* (Ingvar ‘молодой’), *Глеб* (Gudleifr, эквивалент нем. Gottlieb), *Рогволод* (Rag(n) valdr) [Унбегаун, 1989, с. 11]. После крещения Руси стало обязательным давать крестильные имена, которые соответствовали именам святых. Эти христианские антропонимы имели греческое происхождение, поскольку заимствовались вместе с церковным ритуалом и соответствующим церковославянским языком из Византии через Болгарию. В церковнославянской форме крестильные/ личные имена могли кметь также древнееврейское или латинское происхождение. В практике же долгое время бытовала традиция в дополнение к официальному крестильному давать неофициальное, мирское имя [Унбегаун, 1989; Чичагов, 1959]. Таким образом, каждый мог иметь два имени – крестильное и второе, которое могло даваться родителями, соседями и быть самого разного происхождения. При наличии второго имени первым в именной формуле всегда стояло крестильное. Б. Унбегаун приводит в качестве примера такой факт: в первом написанном на Руси тексте («Евангелие»), достоверность которого не вызывает сомнений, относящемся к 1056-1057 гг., значилось имя новгородского посадника, для которого этот текст был переписан: *в крьщении Иосиф, а мирьськы Остромиръ* [Унбегаун, 1989, с.12].

Истоки традиции художественного использования ИС.

Использование имен с целью звукового воздействия на слушателя имеет глубокие исторические корни и восходит к ритуальному произнесению в культовых действиях, заговорах и заклинаниях, направленных на установление связи с явлениями природы, на укрощение стихии, обращение к могущественным

силам, способным своим вмешательством повлиять на жизнь людей.

По наблюдениям Д. С. Лихачёва, в летописях и житиях, в исторических повестях славян были распространены признаки ораторского жанра, поскольку многие произведения в Древней Руси были предназначены для обрядов и торжеств, то есть «требовали громкого произнесения» [Лихачёв, 1985, с. 60]. Сориентированность на чтение вслух, для большого числа присутствующих, определяло особый слог, своеобразный стиль ранних славянских текстов. Немаловажное художественное значение в них имели разные приёмы, основанные на употреблении онимной лексики.

Памятник славянской литературы – «Слово о полку Игореве» – демонстрирует художественные приёмы с включением проприальной лексики. Наиболее часто встречаются следующие.

Онимные вокативы.

В период раннего средневековья мировосприятие характеризовалось тем, что переживаемые человеком эмоции – печаль, горе, тоска или веселье – казались как бы разлитыми в природе, охватывающими не только его самого, но и окружающий мир. На Руси это отображалось в культуре «плача». Как пишет Д. С. Лихачёв, «в период перехода к личностному сознанию стало обычным или даже обязательным обращаться в плаче к окружающей природе – горам, рекам, удолиям – с просьбой принять участие в горе, плаче совместно с человеком» [Лихачёв, 1985, с. 45].

Обращение к ветру, солнцу, земле, горé и проч. было подобно тому, как обращаются к способным сопереживать одушевленным существам, часто, подобно человеку, наделённым именами (ср. *О Днепр Словутич!*). Эта традиция, свойственная дописьменной форме языка, была продолжена и в первых документах письменности. Оставаясь в фольклорной традиции, такие формы ‘называния’ природных явлений именами переносились в «Повести», «Летописи» и другие тексты.

ИС в заглавиях письменных произведений.

На Руси с принятием христианства и принятием единой системы алфавита

появились богослужебные, исторические, библейские книги, проповеди, «жития» святых, переводы византийских хроник и греческих жизнеописаний, многие из которых назывались по именам авторов или персонажей: «Топография» Козьмы Индикоплова» (т. е. «плавателя в Индию»), «Александрия» – роман из жизни Александра Македонского, «Девгениево деяние» – повесть о жизни и приключениях византийского богатыря Дигениса Акрита и др. [Лихачёв, 1961, с. 15-17], «Слово о полку Игореве…».

Онимные перечисленя.

(1) Перечисления разного рода ИС были распространенным способом создания особой ритмики. Подобно вокативам, топонимные ‘переклички’ ранних литературных текстов, помимо выполнения художественных задач, отражают присущее славянам мировосприятие: сознание громадности мира, ощущение широких географических пространств. Отголоски архаичных проявлений слышатся, например, в перечислении топонимов в следующем фрагменте: «*…Дивъ, кличет верху древа – велитъ послушати – земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тьмутораканьскый болванѣ!*» [Слово о полку…].

Можно говорить об определённых соответствиях между художественным приёмом онимного перечисления как одним из способов формирования образа мира, с одной стороны, и представлениями о мире, существовавшими у славян того времени, с другой. Эмоциональные потрясения, переживания людей принимают в текстах такого рода пространственные формы, «воспринимаются в крупных географических пределах почти как нечто материальное и ландшафтное» [Лихачёв, 1985, с. 44].

(2) Перечисление создает ощущение огромных пространств, монументальности происходящего:

Повествование постоянно связано с переходом из одного географического пункта в другой, с воспоминаниями о прошлых событиях и участвовавших в них исторических лицах. При этом упоминаются названия рек, городов, стран, отстоящих друг от друга на большие расстояния. На *Дунаи Ярославнын глас* ся

слышит, зегзицею незнаема рано кычеть: "Полечю – рече – зегзицею по *Дунаеви*, омочю бебрян рукав в *Каяле* реце";

… *Игореви* князю бог путь кажет из *земли Половецкой* на *землю Рускую*, к отню злату столу. Погасоша вечеру зари. *Игорь* спит, *Игорь* бдит, *Игорь* мыслию поля мерит от великаго *Дону* до малаго *Донца* [Слово о полку …].

Повторы поэтонимов-топонимов и антропоэтонимов

В приведённом фрагменте наблюдаются такие художественные приёмы:

Троекратный повтор личного имени *Игорь*, который, по-видимому, имел целью привлечь внимание слушателя к личности князя, подчеркнуть его значимость, сделать центром происходящего.

Парное употребление онимной лексики

(1) Употребление в локативном значении гидронима (потамонима) *Дунай* в связи с поссесивным антропонимическим словосочетанием *Ярославнын глас* должно было указать на удаленность местонахождения героини.

(2) Попарное упоминание рек, протекающих на большом расстоянии друг от друга: *Каяла – Дунай, Дон – Донец.* Такой приём способствовал созданию образа огромных пространств как непреодолимых препятствий, разделяющих Игоря и Ярославну, и вместе с тем должен был произвести впечатление масштабности происходящего.

Развитие традиции имянаречения и имяупотребления

После XVII в. доминирующими в традиции имянаречения стали христианские антропонимы; прозвища, а также языческие имена славянского и скандинавского происхождения исчезли, за редким исключением. Своеобразное преломление традиции двуимённости отражает факт, который описывает Б. Унбегаун, касающийся имён князей, канонизированных православной церковью в XI-XII вв. Они были канонизированы под христианскими именами: *Владимир* как *Василий*, *Борис* как *Роман*, *Глеб* как *Давид*, *Всеволод* как *Гавриил*, *Игорь* как *Георгий,* что свидетельствует о существовавшей в этот период традиции параллельного использования для одного лица двух имен – обиходного, мирского (языческого по происхождению) и крестильного, церковного (православного).

Примечательно, что довольно скоро христианские имена упомянутых князей были забыты, и сейчас они известны как святые только под исконно языческими именами. Впрочем, со временем эти ИС были признаны православной церковью и введены в церковный календарь, также как и дохристианские антропонимы *Ярослав, Мстислав, Ростислав, Святослав, Вячеслав* и скандинавский *Олег* [Унбегаун, 1989, с. 12].

В практике ещё длительное время сохранялся древнерусский традиционный способ именования. Со временем неофициальное, мирское имя затем стали называть *про́звище* или *прозва́ние*, а также *приро́к*. Большинство прозвищных имен были мотивированы либо профессией (родом занятий) либо местом жительства. Система именования предполагала также добавление патронима к личному и/или второму имени, либо к тому и другому вместе, что делало имя более специфичным [Там же. С. 13]. Сохранявшиеся вплоть до конца XVII в. прозвища в именованиях были неофициальными и необязательными, число их могло быть неограниченным. Это позволяло дифференцировать и более точно идентифицировать индивида в массе носителей христианских имён, многократно повторявшихся из-за их ограниченной численности.

С социокультурных позиций роль имени велика еще и потому, что в нём отражаются семейные и общественные традиции. С использованием личных имён, прозвищ, фамильных имён, изменениями в личном имени, формированием топонимии и других категорий онимов связано множество представлений, привычек, обрядов практической жизни, выступающих регуляторами отношений в социуме. Исследования обрядовой жизни русского народа показывают, что употребление ИС, и, в частности, личных имен, было четко регламентировано в обществе еще и в XIX – начале XX в. [Агапкина, 2000; Бернштам, 1988]. Помимо официальных и общеупотребительных имён существовали ‘уличные’ прозвища, которых у каждого взрослого бывало несколько. Любые значительные изменения в жизни индивида – переход в иную возрастную категорию, изменение социального статуса – сопровождались изменениями в личном имени. По данным исследований, в русской традиции было использовать данное ребёнку при

рождении и крещении имя лишь с середины или пика подросткового возраста, да и то в форме полуимени – *Машка*, *Ванька*. К рубежу совершеннолетия появлялось право на имя – *Машуха*, *Ванюха*; но только после совершеннолетия могли называть полным именем – *Марья*, *Иван*[18]. «Право на величание», получение полного имени и имени-отчества появлялось по достижении полного совершеннолетия и являлось важным показателем признания соответствующего статуса [Бернштам,1988, с. 40-41].

Замечено, что изменения, а особенно искажения формы имени нередко болезненно воспринимаются его носителями: насмешка над именем равнозначна насмешке над его обладателем. Такая чувствительность генетически близка самоотождествлению с именем. Кроме того, её причина может скрываться и в другом: как замечает Б. Успенский, в давние времена отношение к собственным именам было сродни отношению к словам из сакральных текстов, где форма и содержание принципиально отождествляются, и всякое отклонение от правильного обозначения может связываться с изменением в содержании, так что неточно передаваемые слова (например, в церковных текстах) могли быть даже признаны еретическими [Успенский,1996].

Несмотря на многообразие сложных изменений, претерпеваемых онимными системами в течение веков, именно традиция обеспечивает преемственность поколений национального онимикона. Благодаря существованию традиции возможно формирование, сохранение и существование в исторической перспективе именника каждого из национальных языков.

Противоположно традиции действует мода на имена, проявляющаяся в тенденциях на определённом синхроническом срезе. В современном русском языке И. В. Крюкова выделяет три модные тенденции: «возвращение древних славянских дохристианских имён; возвращение забытых имён из святцев; заимствование западных имён, не зафиксированных в святцах» [Крюкова,2018, с. 76]. Развитие ономастикона, прежде всего антропонимикона, происходит в диалектическом

[18] Курсив наш (Н. У.)

единстве и противоположности традиции и тенденции к её преодолению, реализуемой модой.

В условиях синхронии укоренившееся в культуре имя зачастую приобретает новое звучание, может выйти из активного употребления и вновь вернуться в него. Сегодня, под влиянием процессов размывания межкультурных границ, взаимопроникновения (лингво)культур нередко происходит наложение культурных кодов в сфере ономастики. В таких случаях следует говорить о явлении интеркультурности и об интерлингвальности онима.

Основные материалы главы опубликованы: [Усова, 2009(3); 2014(1); 2018(3), с. 16-55; 2018(4)].

Выводы к главе 3

1. Рассмотрение феномена ИС с онтологических позиций показывает, что гипотеза о звукоонтологической природе nomen proprium базируется на определенной совокупности знаний о возникновении языка, мышления и речи в антропогенезе как о важнейших факторах формирования человека. Одной из составляющих, обусловливающих такой взгляд на природу ИС, являются свойственные человеку от природы психофизические предпосылки к возникновению отношений мотивированности между явлениями и их звуковыми сопроводителями. Обобщение существующей научной информации позволяет предположить, что истоки зарождения идей, связанных с ‘взаимозависимостью’ звука и смысла в имени, скрыты в свойствах архаического мышления, в особенностях первобытного восприятия мира на раннем этапе развития человеческого общества и обусловлены присутствием звукоонтологического значения имён в мифологическом сознании, в пользу которого говорят многочисленные факты.

2. Развитие человеческой речи и мышления, а также совершенствование речевого аппарата стимулировали появление интеллектуального поведения с употреблением знаков – голосовых сигналов, формирующихся на основе корреляций между акустическими характеристиками и типами языковых

значений. В зарождении мысли и слова вычленением из речевого потока определенных последовательностей звуков проявилось начинающееся сознание, а имя (вероятно, сформировавшееся из вокатива) своим появлением знаменовало начало самосознания.

3. Особо ценными для дальнейших ономастических исследований в русле лингвокультуры являются полученные путем реконструкций и структурно-семиотического анализа сведения относительно представлений древних о происхождении имен. Индоевропейский мифологический мотив об установлении имён, подтвержденный рассмотренными в данном разделе исследованиями, представляется тем фактором, посредством которого в определенную эпоху совершается «вступление человека в сферу смыслов».

4. Глубокий сакральный смысл ИС, как и значимость самого акта именования, уходит корнями в недра мифологического и мифопоэтического сознания, о чём свидетельствуют сходные черты в теософии разных культур: Демиург выступает как создатель материального мира и творец первых имён; творение имён и присвоение их вещам происходит одновременно с творением самих вещей; человек подобно Демиургу и вслед за ним выступает в роли имядателя.

5. Суть ономатетического акта состоит в том, что, закрепляя конкретный звуковой сигнал (а затем и его графическое соответствие) за определённым предметом или явлением, он порождает особый вид семиозиса, который открывает выход на уровень культуры.

6. Использование имени как концентратора смысла, инструмента воздействия, зафиксированное в ранних мифологических текстах, свидетельствует об особенном, часто магическом значении имени, а также акта его произнесения. Множественные примеры подтверждают основные признаки мифологического отождествления имени и его носителя. Таковыми являются, с одной стороны, табуирование определённых действий по отношению к имени, с другой же – ритуальное использование и магические манипуляции с ИС. Отношение к имени в мифе как средоточию смысла, соединяющему чувственный

образ и восприятие звукового воздействия, связывало впоследствии специфические свойства архаического мышления с актом именования и самим именем, что создало основу для длительного сохранения традиционной мировоззренческой ориентации на общепринятые сакральные установки и архетипы.

7. Несмотря на многообразие сложных изменений, претерпеваемых онимными системами в течение веков, ИС сохраняют благодаря традиции определённую консервативность, которая обеспечивает сохранение и преемственность поколений национального онимикона. Диалектика развития онимных систем состоит в единстве двух противоположных начал – традиции имянаречения, имяупотребления и т.д. и новаторстве модных тенденций в сфере имён.

8. Все вышесказанное позволяет заключить, что ИС, являющееся сегодня неотъемлемой частью языка, номинативной единицей, одновременно остаётся и чем-то значительно бóльшим, сохраняющим в глубинных слоях сознания свойства, исторически результирующие из акта имянаречения. Рассмотрение онтологии имени вскрывает его лингвоментальную природу, подводит к пониманию его специфики при лингвистическом анализе.

Материалы и заключения, представленные в главе, создают необходимые предпосылки для осуществления последующих этапов исследования.

ГЛАВА 4

ФЕНОМЕН ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

4.1 Коннотонимизация онима

4.1.1 Коннотативность онима как вопрос ономастики.

4.1.1.1 Понятие ‘коннотация’ обсуждается в разных аспектах лингвистики в течение нескольких десятилетий (Н. Ф. Алефиренко, И. В. Арнольд, Ю. Д. Апресян, О. С. Ахманова, В. И. Говердовский, А. А. Залевская, Н. Г. Комлев, А. А. Леонтьев, В. Н. Телия, В. И. Шаховский и др.). При этом содержание термина имеет неоднозначное толкование, однако оно всегда связывается с экспрессивно-оценочной стороной языковых единиц. Спорными до сих пор остаются вопросы природы и механизмов возникновения коннотаций, которые объясняются по-разному в зависимости от точек зрения. Как пишет Н. Ф. Алефиренко, «Семиотический подход к пониманию коннотации ориентирует нас на прагматику речевой деятельности (на выбор «субкода» и отношение говорящего к языковым знакам). Психолингвистический подход основывается на понятиях ассоциативной и эмоциональной структур речемыслительных процессов, в частности на их национально-культурологических аспектах» [Алефиренко, 2005, с. 163]. В. Н. Телия считает коннотацию особым макрокомпонентом значения, которое является результатом вторичной номинации [Телия, 1986, с. 15]. Она первой среди исследователей указала на семантическую сущность коннотации, которая узуально или окказионально входит в семантику языковых единиц и выражает эмотивно-оценочное отношение говорящего к обозначаемой действительности. В. И. Шаховский считает, что коннотация - это аспект лексического значения единицы, с помощью которой кодированно выражается эмоциональное состояние говорящего и обусловленное им отношение к предмету речи [Шаховский, 1983, с. 14]. Коннотативный аспект значения, по мнению Шаховского, состоит из семантических микрокомпонентов, с помощью которых реализуется эмотивная

функция слова. Неясным остаётся вопрос, какие именно микрокомпоненты (семы) следует относить к коннотации том, какую совокупность сем следует считать коннотациями. Например, Э. Г. Ризель считает, что стилистический микрокомпонент значения нельзя причислять к коннотации, считая, что он поскольку является составной частью семантической структуры слова, тогда как коннотации являются лишь реакцией на денотативные и стилистические компоненты значения [Ризель, 1978, с. 12]. В. Н. Телия определяет коннотацию как «продукт исторического развития значений слов (и выражений), следующих <….> не только за развитием сознания человека в процессе познания им действительности, но ещё и за теми сведениями, которые ассоциативно сопровождают знание о мире и которые неявно выражаются в тексте, а коннотация, вбирая их в себя в виде внутренней формы, эксплицирует с тем, чтобы подготовить соответствующий прагматический (экспрессивный) эффект» [Телия, 1986, с. 98]. Такое понимание связывает семантику слова с неязыковой сферой, что существенно для ономастики. Представляется интересным и трактование коннотации В. И. Говердовским,который считает её промежуточным звеном между употреблением и значением, понимая коннотацию как явление динамическое, стремящееся от окказиональности к узуальности [Говердовский, 1987].

4.1.1.2 Мотивы, которые позволяют идентифицировать определённую звукобуквенную последовательность как ИС, вероятно, можно считать универсальными. Соотнесенность с определенным единичным объектом, однако, не является постоянным, раз и навсегда закреплённым свойством, что подтверждается исследованиями. В ходе длительного пребывания в определённой лингвокультуре, приспособления к нуждам социума оним претерпевает трансформации, которые могут приводить к глубокому преобразованию его внутренней формы. Эта сторона онимной лексики привлекала внимание лингвистов, но справедливо представлялась столь же сложной, как и интересной. По этому поводу В. В. Виноградов писал: «История собственного имени и процессы его превращения в нарицательное с определенным значением и яркой экспрессивной окраской очень сложны» [Виноградов, 1981, с. 21]. Именнно в силу

сложности задачи описания коннотации СИ, сопряжённой с решением проблемы лексического значения в ономастике, а также с методиками квалификации ‘дополнительной информации’ в имени некоторые лингвисты видят основания вывести ее рамки значения языковой единицы [Бурцев, 2007]. Именно в силу чрезвычайной сложности изменяющегося характера семантики онимов как предмета изучения, требующего дополнительного привлечения смежных дисциплин, специальные исследования в этой области стали успешны лишь в последние десятилетия, когда Е. С. Отин заметил и описал способность ИС в течение своего бытования в речи приобретать созначения или коннотемы. Длительная работа по изучению динамической семантики онима привела в результате к установлению исторической перспективы развития в ней созначений «– от „чистого“ (имеющего лишь первичное референтное значение) собственного имени к такому его состоянию, когда в нём возникает коннотативный компонент» [Отин, 1997(2), с. 284]. Это новое ее качество – между проприальным и апеллятивным состоянием лексемы – было определено как коннотоним, а процесс перехода в это качество – как коннотонимизация [там же. С. 279-280].

Анализируя процессы преобразования онимов, которые Е. С. Отин определяет как явление коннотонимизации, В. М. Мокиенко пишет: «Предельная конкретность, единичность – главные признаки имени, они выделяют из ряда, индивидуализируют именуемое. И вдруг имя, которое было у всех на слуху, из-за своей популярности, «видности» или по другим причинам теряет своё главное свойство и вливается в мощный поток слов, которые обозначают не единичные, а общие, коллективные свойства, признаки, качества. Вместо индивидуума вырастает «типичный представитель», вместо уникального объекта – общее наименование признака, вместо точного ориентира – масштабное, но трудно определяемое явление. Так, популярное у русских имя *Иван* стало общим обозначением русского человека, *Гюльчатай* – восточной девушки, *Эльдорадо* – наименованием земель, богатых полезными ископаемыми (в том числе золотом) или даже земного рая, а *донкихотство* – символом великодушия, благородства, способности к самопожертвованию во имя благородной идеи. Словом, имя

собственное перевоплощается в имя нарицательное. Метаморфоза эта, однако, не остаётся бесследной: в бывшем имени продолжает теплиться след единичности, индивидуальности. Этот теплый след и создает особую экспрессию, оценочность или, говоря лингвистическим языком – *коннотативность*» [Мокиенко, 2010, с. 5].

В основе механизма коннотонимизации, как правило, лежит своеобразный прием вторичной (‘иносказательной’) номинации посредством СИ с метафорическими, или символическими, значениями, весьма активно используемый в языке художественной литературы и публицистики, в народно-разговорной речи, территориальных диалектах и жаргонах. Эти ОЕ обладают сильным эмоционально-экспрессивным зарядом, что мотивирует к использованию их в ‘переносном’ значении для именования того, что при нейтральном стиле выражения могло бы быть обозначено посредством нарицательных имён существительных (апеллятивов).

С точки зрения семантической структуры, референтная, денотативная и сигнификативная отнесенность онимов образуют ядро ономастического значения, а его периферию – коннотативные смыслы (социально-оценочные, эмотивные, культурно-исторические, региональные, эстетические) [Алефиренко, 2005, с. 210]. Как считает Н. Ф. Алефиренко, доля и значимость каждой составляющей в семантической структуре онима связаны с его словообразовательной структурой (простые однословные онимы, композиты, составные имена) и принадлежностью к определенному ономастическому разряду и местом в оппозиции: антропонимы – топонимы (гидронимы), топонимы – урбанонимы, антропонимы – зоонимы, реальные антропонимы – мифонимы (теонимы) и т. д». [Там же].

Примечательно, и это точно заметил В. М. Мокиенко, что, употребляемые в функции апеллятивов, такие слова в то же время продолжают оставаться онимами, то есть не теряют своей способности восприниматься параллельно, в других речевых ситуациях, как ИС. Остаётся загадкой, каким образом слово, претерпевая преобразования, не прекращает своё ономастическое существование, но, многократно «умноженное» в деривативных вариантах онимных и апеллятивных лексем, в трансформациях референтной и коннотативной

семантики, в одном и том же синхроническом срезе сохраняется и в своем первоначальном виде. Так, в русском языке личный антропоним *Ио(г)анн*, преобразовавшись в *Иван*, *Ивашка*, *Иванушка*, *Ваня*, *Ванюша, Ванёк, иванить, Ваньку валять* и проч. дериваты, гипокористические и диминутивные формы, не прекратило существовать в своём первоначальном виде, хотя из повседневного ономастикона переместилось в сферу церковных, крестильных имён и возвышенно-поэтическую сферу.

Согласно словарю коннотативных собственных имён Е. С. Отина, в диалектной русской речи простака, разиню, глупца могут назвать *Агафоном*, *Филей* (или *Филькой*), *Анохой, Васей, Тимохой*, неряху – *Акулькой* или *Вавилой*. Место заточения, тюрьму иногда именуют *Бастилией*, честолюбивого диктатора – *Бонапартом*, а скопление людей многих национальностей – *Вавилоном*. Отдалённое захолустное селение, “медвежий угол” – это *Тмутаракань*, *Хацапетовка, Конотоп*, а в последнее время *Урюпинск* (“столица” российской провинции). Этот ряд можно продолжать. Следовательно, заключает Е. С. Отин, «онимы не только способны выполнять функцию – быть именами объектов окружающего нас мира, но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имён нарицательных. Они обогащаются понятийными, или референтными, коннотациями, органично слившимися с коннотациями эмоционально-экспрессивного плана» [Отин, 2010, с. 11].

Имена общеизвестных образов – персонажей народных сказок, вызывают в сознании членов одного лигвокультурного сообщества устойчивые, а значит, предсказуемые ассоциации и представления [Блинова, 2007; Чикаткова, 2010]. *Колобок*, *Курочка Ряба*, сестрица *Аленушка* и братец *Иванушка, Кащей, Баба Яга* так же неотъемлемо присущи русской языковой культуре, как, например, имена *Hänsel* и *Gretel* связаны в сознании любого немца с образом детей из одноимённой сказки, которые попали к ведьме, а затем удачно спаслись от нее (см. п. 4.2.3). Такие имена, история которых с детства хорошо знакома большинству членов социума, становятся символическими обозначениями сущности их носителей.

Коннотативная семантика сегодня является одной из наиболее обсуждаемых тем в ономастике. Н. Ф. Алефиренко назовет главной проблемой современной теории ономастической семантики динамику соотношения денотации и коннотации онимов в языке и речи (тексте) [Алефиренко, 2005, с. 210]. Коннотативной ономастике посвящаются специальные работы [Зубкова, 2009(1), (2); Канна, 2009; Филатова, 2005 и др.]. Современные лингвисты сходятся во мнении, что коннотация, в том числе антропонимическая, обладает двойственной природой: лингвистической и экстралингвистической. Коннотативное значение онима может быть социально обусловлено. Особенностью социальных коннотаций является их ситуативный характер, т.е. антропонимическая форма сама по себе может лишь информировать об официальности либо неофициальности ИС, но употребление определенной формы в конкретной речевой ситуации может содержать информацию о соотношении социальных позиций участников коммуникации, о характере их взаимоотношений и общей атмосфере события [Щумарина, 1988, с. 50]. Вполне убедительной представляется мысль, что антропонимическая коннотация принадлежит и языку, и речи, поскольку отражает и «внеязыковую действительность и психическое восприятие человека» [Зубкова, 2009, с. 65]. Это мнение созвучно взглядам Ю. А. Карпенко относительно разницы в семантике ИС на уровне языка и речи и особенностей функционирования имен в речи [Карпенко, 2008, с. 221-235]. В этой связи не вызывают возражений утверждения о том, что граница между коннотациями в языке и речи не является строго установленной и «статус языковых приобретают только массово употребляемые, устоявшиеся во времени речевые коннотации, принятые представителями всех слоев лингвокультурного общества» [Зубкова, 2009, с. 65].

Именно таким установившимся со-значениям, закрепленным за определенными именами, или коннотонимами, посвящён словарь Е. С. Отина. Ценность этого труда заключается не только в солидном количестве обработанного материала, но в тщательности подходов к описанию семантических трансформаций СИ, с которой автор, по выражению

В. М. Мокиенко, «создает новую модель их словарной интерпретации» [Мокиенко, 2010, с. 10]. По мере того как отслеживаются семантические сдвиги, приводящие к коренной перестройке смысловых и функциональных связей ИС, вырисовывается «замкнутый круг превращений» (В. М. Мокиенко) онимов – от имени нарицательного к имени собственному, а от имени собственного – к имени нарицательному. Но, как справедливо замечено, завершение этого круга никогда не смыкается с его началом. Динамику [коннотативной] семантики онимов можно представить себе в виде спирали, где каждый новый виток означает еще один круг развития значений на новом уровне.

Различные коннотации личных, фамильных, географических имен могут возникать в процессе их переосмысления в фольклоре, литературе, публицистике, в речи определенных социальных групп. Накапливая в течение своего пребывания в лингвокультуре новые слои коннотативной семантики, одно и то же имя может развить не одно, а целый ‘пучок’ созначений. При этом оно всегда готово к реализации конкретного коннотативного значения, которое призвано ‘выстрелить’ в нужный момент. И тогда, озвученное в конкретной коммуникативной ситуации, имя обязательно эксплицирует свой коннотативный потенциал.

Думается, что говорить о коннотонимизации ИС, а также об апеллятивации, или же о трансонимизации, как о завершённом, необратимом процессе, не вполне корректно именно в силу природной ‘готовности’ всякого ИС к новым вариативным состояниям. Утверждение об окончательном переходе онима в иное качество, будь то разряд апеллятивов или коннотонимов, не может быть истинно, так как не соответствует факту множества состояний, возможных для формально одного и того же имени-знака, выраженного одним и тем же звукобуквенным набором.

4.1.2. Звучание онима и культурные коннотации. Этнокультурная маркированность антропонимов, как справедливо замечает О. И. Быкова [Быкова, 2005, с. 37], является их коннотативным потенциалом во вторичной номинации. Какова же роль звучания имен в возникновении коннотативных связей и созначений? Механизмы этого процесса хорошо показан

на примерах из фольклора, описанных в работе [Судник; Цивьян, 1980], реконструирующей мифологический текст о Перуне-Громовержце и его семье. В ходе рассмотрения круга персонажей и их имен были реконструированы, зафиксированы и подтверждены звуковые комплексы для имени Громовержца *Перкунаса/Перконса* (**Per(k^{w})unos*), его жены и его противника *Велеса* (*Velesъ*) (*per(k)-, *mar-/mor-, *vel-), кодирующие соответствующие семантемы. Примечательно, что при этом младший сын Громовержца, остается безымянным, не имея инвариантного названия. Однако по мере установления звуковых, ассоциативных связей и семантических соответствий выясняется, что он представлен в архаичных текстах целым набором имён, прежде всего диминутивных, связанных с мотивами дождя, солнца и в целом с темой погодных условий, благоприятных для плодородия. Интересно, что в этой ситуации не персонаж опознают по определенной звуковой кодировке, т.е. по имени, а, наоборот, имя, всякий раз иное, приписывается персонажу, который идентифицируется по ряду признаков как младший сын Громовержца и Хозяйки низа. Имена эти, как считают авторы исследования, «подбираемые по ономатопеическому, ритмическому или рифменному принципу, сами по себе являются носителями семантической информации, но, так сказать, информации иного уровня абстракции» [Там же. С. 270]. Если для других персонажей «звуковая кодировка оторвалась от сохраняющегося в памяти значения (т.е. они как бы «деэтимологизировались»), то имя младшего сына находится in statu nascendi[19]». Оно более непосредственно связано с конкретными признаками и мотивами, мультиплицировано и рассеяно по текстам разных жанров и сфере употребления, но «тяготеющих к единому мифологическому контексту». Круг имён младшего сына Громовержца включает антропонимы *Макар, Кондрат* с диминутивами, *Іванька, Андрейка* и др. Персонаж опознается по ряду признаков в диминутивных именах, составляющих мотивы архаичных текстов, отображающих определённые ритуалы, в частности, ритуалы предсказания и вызывания дождя. В этом контексте с младшим (истинным) сыном Громовержца соотносится

[19] в состоянии зарождения, возникновения; в момент образования (лат.)

диминутив *Макарка*[20]. Соотнесение онима с младшим сыном Громовержца подтверждается звуковыми и семантическими ассоциациями этого антропонима. В этой связи отмечается его значение ‘блаженный’, в первоначальном смысле ‘принадлежащий к иному миру’. Очевидное фонетическое сходство антропонима *Макарка* с апеллятивом *мокрый*: [m-k-r] ведет к их семантическому сближению, к паронимии, когда случайное сходство в звучании служит проводником возникающих смысловых связей [Усова, 2008(2)]. С учётом ассоциативных механизмов вполне убедительно звучит утверждение, что «Макарка выступает как мужской детский вариант Мокоши» [Судник; Цивьян, 1980, с. 271]. Звуковая, анаграмматическая близость с апеллятивом *мак* позволяет функционирование имени *Макар* и его дериватов в других контекстах, прежде всего фразеологических и паремических, ср.: *Иван Иванович, Макар Макарович, из земли выходит, на себе огонь выносит* (загадка о маковом цвете). Намёк на таинственную и зловещую удаленность некоего места содержится в угрозе *«Я тебя туда спроважу, куда Макар телят не гонял».* Звукосмысловые ассоциации лежат в основе коннотативной семантики этого ИС, употребляемого в поговорках *На бедного Макара все шишки валятся; Вчера Макар гряды копал, ныне Макар в воеводы попал* [ДАЛЬ, 1881, с. 290]. Этот оним включается в каламбуры, построенные на анаграмматическом сходстве онима и апеллятивов, ср. *Комар да мошка, Макар да кошка.* В растительном коде имя опознаётся в названиях растений «*макаршá, макаршино-коренье*» (другое название змеин-корень, горец змеиный – Polygomnum Bistorta). В результате множественного употребления в мифологических, фольклорных, фразеологических контекстах, а также вследствие звуковых ассоциаций, паронимических, звукосемантических соответствий и звуковых перекличек происходит возникновение и переплетение значений и новых созначений антропонима. Обращает на себя внимание рифменное расположение ИС в синтагматике апеллятивно-онимных последовательностей.

На примерах из фольклорных, идиоматических и паремических текстов

[20] ср. голошение по сыночку *Макарке* в полесском обряде вызывания дождя у колодца: <…> *Макаарко сыночок, да вулезь из воды, розлей сълёзы по съветуй земли* [Судник, Цивьян, 1980].

можно увидеть механизмы, когда на основе звукосмысловых связей онимной лексики и апеллятивов возникают новые смыслы на уровне межлексемных комплексов, фразы или целого текста, которые затем вполне вероятно могут находить распространение в речи и закрепляться в языковой системе [Усова, 2008(2)]. Уже в словаре В. Даля отмечены коннотации этого антропонима как простака, незадачливого малого, но одновременно и плута (ср. *подпустить Макарку* ‘сплутовать’; *макарьевский нищий* ‘наглый, безотвязный попрошайка’) [ДАЛЬ, 1881, 290]. В «Словаре коннотативных собственных имен» Е. С. Отина зафиксированы такие коннотативные значения антропонима *Макар*: 1) Имя всякого незаконнорожденного ребёнка. 2) Товарищ по откупу. 3) Лицемер, плут. *Смотреть макаром*, т. е. лицемерить, притворяться. 4) Простак, глупец. 5) Тот, кто занимается отхожим промыслом. 6) Целовальник, кабатчик; торговец в питейном заведении. 7) Завзятый рыболов; в жаргонном употреблении – ‘неизвестный преступник’ [Отин, 2010, с. 282]. Как видим, налицо расширение коннотативной семантики антропонима.

Еще один антропоним – *Кондрат, Кондратка / Кандратка*, – связывается с мотивами основного мифа, прежде всего с образом младшего сына Громовержца, на основании его функционирования в ритуальных заговорах, приговорах, загадках и проч., ср.: *Кандратка, мой братка, нашто ты нам дарогу перапяў?*[21] (в восточнополесском ритуальном заговоре дождя). Допущение мифологических истоков вокативного именования *Кондратка-братка* подтверждается и фольклорными текстами, где это имя соотносится с упомянутым персонажем через сюжет основного мифа о превращении сыновей Громовержца в грибы, например, белорусские загадки о грибах: *Кандрат, мой брат, цераз зямлю прайшоў, чырвону шапачку найшоў;* а также Русск.*: Маленький, удаленький сквозь землю прошёл, красну шапочку нашёл.* Еще одна из ипостасей того же персонажа может угадываться в тождестве имени и белорусского диалектного названия божьей коровки *братка-Кондратка.* В этой связи достаточно логичным представляется предположение, что «за тождеством имени кроется первоначальное представление

[21] Здесь и далее приводятся примеры из: [Судник, Цивьян 1980, с. 240-285].

об исходном единстве различных ипостасей его носителя – т.е. младшего сына громовержца» [Судник, 1980, с. 274]. Амбивалентность онима (*Кондратка* – гриб, *Кондратка* – божья коровка), совмещая противоположные признаки персонажа, кодирует и разные элементы сюжета (пребывание под землей – связь с небом). Усматривается мифологическая подоплёка и в употреблении ИС *Кондрат, Кондратий, Кондратка* в значении ‘(апоплексический) удар, лихорадка’ и т. п. (ср. выражение *Кондратий / Кондрашка хватил*) [Там же. С. 275]. Хотя в других источниках возникновение этого выражения связывается с значительно более поздними событиями[22], думается, что лингвистические предпосылки развития соответствующих коннотаций всё же коренятся в древнейших культурных кодах (растительном, энтомологическом), к которым впоследствии присоединились фонетические ассоциации с личным именем предводителя крестьянского восстания.

Показательной является образная составляющая ‘этноконнотата’, шифруемая духовным и ономастическим кодами, существенная для вербализации антропонимами концептов культуры (О. И. Быкова). Как считает Быкова, духовный код складывается на основании существующего в лингвокультуре стереотипного образа, связанного с именем. При этом вторичные номинанты-антропонимы обозначают принадлежность человека к этносу (*Lieschen, Müller, Lotte, Michel* в немецком языке, *Jack and Jill* в английском). Исследователь утверждает существование в культуре ономастического кода, который восходит к фамильному или личному имени, наряду с акциональным, антропоморфным и другими коды [Быкова, 2005, с. 37-38]. Хотя представленный взгляд не кажется бесспорным, нельзя не признать значимость образной составляющей, ассоциативно-образного признака как актуализатора коннотативного содержания онима. Не вызывает возражений и утверждение, что в процессе вторичной семиотизации складывается определенная знаковая, символическая ситуация, которая предполагает «наличие устойчивой связи между символизируемым и

[22] ср. : «Выражение возникло от имени Кондратия Булавина, который в одну ночь перерезал человек двести – князя, офицеров и солдат [Кондратьева, 1983, с. 61].

символизирующим в сознании индивида, в котором просвечивают коллективные представления, опосредованные культурой как глубинные структуры бессознательного» [Там же, с. 35]. Как для теоретического знания, так и для практики владения языком важна коннотативная составляющая, т. к. «знание того, какими референтными и эмоционально-экспрессивными коннотациями обладают собственные имена, способность адекватно понять и употребить их в своей речи – одно из слагаемых речевой культуры» [Отин, 2010, с. 13].

Выводы ученых относительно коннотонимизации онимной лексики часто носят предварительный характер, т.к. само понятие и осмысление его относительно недавно вошли в предмет языкознания и ономастики, и нуждаются в верификации дополнительными исследованиями.

4.1.3 Интертекстуальность коннотирующего онима

4.1.3.1 В разделе решается задача установление семантических связей проприальной единицы (поэтонима) с другими компонентами пространства русского языка, прежде всего онимного. Так как лингвистический анализ затрагивает взаимодействие языковых единиц не только в рамках одного текста, но и в межтекстовом пространстве, потребуется нарушить границы отдельно взятого поэтического произведения.

Анализируются семантически и семиотически значимые составляющие стихотворения А. Блока «Ночь на Новый год», важнейшей из которых представляется поэтический оним, женский антропоэтоним *Светлана.* Значение этого ИС раскрывается в полной мере только к моменту завершения произведения. До этого в процессах семантизации оказывается задействованным и материальный, и формальный, и семантический компонент имени, и его контекстуальное окружение. Но для раскрытия содержания этого поэтонима с позиций лингвокультуры этого недостаточно. Поскольку культурно-информационный багаж этого ИС отсылает к более ранним литературным текстам, требуется привлечь их к анализу. Это баллада В. А. Жуковского «Светлана» и фрагмент романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

4.1.3.2 В рассматриваемом произведении А. Блока поэтоним появляется в первой и последней строфе, ‘окольцовывая’ стихотворение и придавая ему композиционную цельность. Семантическое окружение рисует картины новогодних святочных обрядов, отсылая читателя к произведениям русской классической литературы XIX века. С первых стихов возникает ассоциативная связь с широко известной балладой В. А. Жуковского «Светлана», имя героини которой звучит у А. Блока реминисценцией: *Лежат холодные туманы, / Горят багровые костры. / Душа морозная Светланы / В мечтах таинственной игры* [Блок, 1981, с. 48-49]. Стихотворение наполняют реминисценции и аллюзии на образы, мотивы и сюжеты баллады: 1) святочные праздники, зимняя ночь, обряды гадания: *Раз в крещенский вечерок / девушки гадали: / за ворота башмачок, / сняв с ноги, бросали; / Снег пололи; под окном / Слушали* [Жуковский, 1982, с. 53-154]). 2) луна, туман: *Тускло светится луна / В сумраке тумана – / Молчалива и грустна / Милая СВЕТЛАНА* [Там же, с. 154]. Тот же тематический ряд с семантическим центром-поэтонимом – у А. Блока: *Лежат холодные туманы, / Бледнея, крадется луна. / Душа задумчивой СВЕТЛАНЫ / Мечтой чудесной смущена…* [Блок, 1981, с. 49]. Сюжет стихотворения аллюзивно соотносится также с мотивами из пушкинского «Евгения Онегина» (сцена гадания поздним зимним вечером по имени случайного прохожего): / *Морозна ночь, всё небо ясно; / Светил небесных дивный хор / Течет так тихо, так согласно… / ТАТЬЯНА на широкий двор / В открытом платьице выходит, / На месяц зеркало наводит; / Но в темном зеркале одна / Дрожит печальная луна… / Чу… снег хрустит… прохожий; дева / К нему на цыпочках летит, / И голосок ее звучит / Нежней свирельного напева: / Как ваше имя? Смотрит он / И отвечает: Агафон. /* [Пушкин, 1986, с. 262-263]. Отзвук этих строк явственно слышится и у А. Блока: *Скрипнет снег – в морозной дали / Тихий, крадущийся свет. / Чьи-то санки пробежали … / «Ваше имя?» – Смех в ответ…* [Блок, 1981, с. 48]. Сопоставление соответствующих фрагментов трёх авторов представлено в таблице 2.

Таблица 2. Фрагменты сопоставляемых произведений с включением поэтонимов

В. Жуковский	**А. Пушкин**	**А. Блок**
	О, не знай сих страшных снов *Ты, моя* ***Светлана!***	
Лежат холодные туманы, *Горят багровые костры.* *Душа морозная* ***Светланы*** *В мечтах таинственной игры*	*Морозна ночь, всё небо ясно;* *Светил небесных дивный хор* *Течет так тихо, так согласно…* ***Татьяна*** *на широкий двор* *В открытом платьице выходит,* *На месяц зеркало наводит;* *Но в темном зеркале одн* *Дрожит печальная луна…* *Чу… снег хрустит…*	*Лежат холодные туманы,* *Бледнея, крадется луна.* *Душа задумчивой* ***Светланы*** *Мечтой чудесной смущена…*
	И я, при мысли о ***Светлане…***	

Общеизвестно, что тема и образы пятой главы «Евгения Онегина» навеяны балладой Жуковского. Об этом говорит и эпиграф к ней – цитата из баллады (*О, не знай сих страшных снов / Ты, моя СВЕТЛАНА!*), прямое сопоставление Татьяны со Светланой [Пушкин, 1986, гл. 5, X], а также многие другие черты, намекающие на произведение Жуковского. Сознательное введение Пушкиным в произведение коннотирующего поэтонима – необходимый стилистический приём, эффект которого невозможно было бы создать никаким другим поэтическим средством.

Подобным же образом использует Блок интертекстуальный коннотативный ‘багаж’ этого антропоэтонима. Использование коннотирующего поэтонима – не просто дань традиции, начатой литературными предшественниками Блока. Каждый оним «является своего рода “транспортным средством”, доставляющим в текст набор аккумулированной исторической, этнографической, географической, коннотативной и иной сопутствующей информации, и потому участвует наравне с другими средствами в ‘конструировании’ хронотопа литературного произведения» [Калинкин, 2001, с. 95]. Со времён Жуковского и Пушкина созданные ими образы и персонажи, как и их имена, прочно вошли в общенародный язык и приобрели свойства знаков, наполненных определённым

содержанием, распознаваемых носителями общей культуры.

В расположенной ниже таблице 3 приводится поэтоним *Светлана*, входящие в его ‘сферу’ сементически связанные с ним апеллятивы, соотносящийся с ним поэтоним *Татьяна* из романа А. Пушкина, а также космопоэтонима *Луна,* их контекстное окружение в названных произведениях. Из баллады Жуковского для таблицы взяты не все употребления поэтонима, а лишь те, которые, на наш взгляд, могут быть интерпретированы как отразившиеся у Блока реминисценции, навеянные невольным или преднамеренным заимствованием образов.

Таблица 3. Соответствия ключевых слов анализируемых произведений А. Блока, В. Жуковского и А. Пушкина

Ключевые слова	**А. Блок**	**В. Жуковский**	**А. Пушкин**
Светлана	*Душа морозная Светланы;* *Душа задумчивой Светланы*	*Молчалива и грустна / Милая Светлана*; *Чуть Светлана дышит…;* *Степь в очах Светланы;* *Вот Светлане мнится;* *Светланин дух / смутен сновиденьем.*	*Но стало страшно вдруг Татьяне… ;* *И я – при мысли о Светлане / Мне стало страшно*
Свет	*Тихий, крадущийся свет*	*Он глядит на лунный свет, / Бледен и унылый;* *Яркий свет паникадил / тускнет в фимиаме;* *Слабо свечка тлится, / то прольет дрожащий свет, / то опять затмится…*	*Свет блеснул;* Дериваты: *Светил небесных дивный хор;* *Сияет луч светил ночных*
Луна	*Бледнея, крадется луна*	*Тускло светится луна*; *На луне туманный круг*	*Дрожит печальная луна*
Туман	*Лежат холодные туманы*; *Но туман не шелохнётся*	*В сумраке тумана*	-
Имя	*«Ваше имя?»*	*(под окном / Слушали)*	*Как ваше имя?*
Снег	*Скрипнет снег* (употреблено дважды); *Вихорь снежный*	*Снег пололи*; *снег глубокий…;* *Снег валит клоками;* *Снег взрывая;* *Снег на солнышке блестит,*	*Чу… снег хрустит*; *Отягчены их ветви все / Клоками снега;* *Кусты, стремнины / Метелью все занесены, / Глубоко в снег погружены.;* *Снег рыхлый* *по колено ей*

Прозрачная семантика ИС *Светлана* символична, в этническом сознании оно восходит к семантике апеллятива, от которого образовано – слова *свет*. Она не сводится к лексическому значению, поскольку в культурной традиции многих народов понятие ‘свет’ с древних времён имело особый смысл. В христианской философии свет – первое творение Бога. Он связан с началом и концом, он существовал в Золотом Веке, а после грехопадения его сменила тьма. Свет и тьма являются двумя аспектами Великой Матери: жизнью и любовью, смертью и погребением, творением и разрушением. В большинстве философских учений свет и тьма считаются составляющими единства противоположностей, проявлениями добра и зла, где свет – синоним добра и Бога. Так, Иисус Христос – Свет мира, Гаутама Будда – Свет Азии, Кришна – повелитель Света, Аллах – Свет неба и земли [ЭС, с. 320-321].

Созданный в литературно-художественной традиции романтизма образ героини баллады В. А. Жуковского – светлый, позитивный (см. об этом – Гл. 6). Однако значение слова *свет* представляется двойственным: с одной стороны, оно связано через имя и образ героини (а также образ голубя: *«Белоснежный голубок / С светлыми глазами»*) с христианским пониманием святости, чистоты, духовного просветления (Богородицу называют светоносной, свет изображается в виде нимба), с другой – с противоположным значением, которое реализуется через семантический ряд *свет луны – ночь – тьма* (см. таблицу 3).

Образ Светланы у Блока – более сложный, в то же время более абстрактный. Стихотворение «Ночь на Новый год» – не простая зарисовка с натуры или череда сменяющих друг друга образов, напоминающая вихрь, текст его скрывает ‘тайный’ смысл, продиктованный влиянием символизма. Символичное использование поэтонима и включённых в его сферу апеллятивов отображает авторское восприятие дуальности мира, представляющей собой взаимодействие полярностей (света и тьмы, добра и зла и т.п.). Оппозицию поэтониму *Светлана* и апеллятивам *свет, снег* составляют присутствующие в тексте *ночь* (как воплощение тьмы), *туман* и *луна* как атрибуты ночи и тьмы. В заданном поэтическом контексте ключевой поэтоним отображает единство

противоположностей, анаграмматически связанных в один звукобуквенный ряд имени: *свет +луны ↔ Свет-лана*

Словосочетание складывается из синтагматической послетовательности, которая представляет собой, за исключением одной звукобуквы *а / у*, фонографическую контаминацию лексем *свет* и *луна*. Противоречивость образа, отражённая в имени, проявляется в переразложении имени на составляющие. Звукобуквенная структура поэтонима *Светлана* ‘задает тон’, определяя ритм и размер стихов, изменяя содержательность звучания стиховых структур. Подбор апеллятивной лексики контекстного окружения антропоэтонима поддерживает тональность, заданную именем, семантическая аура которого распространяется на контекст. Поэтоним вовлекает в коннотативно-аллюзивную игру апеллятивы, призванные вместе с ним выполнять роль ключевых слов. Можно сказать, что поэтоним здесь хранит некий семантический код-ключ к пониманию авторской идеи.

4.1.3.3 Особенную роль в поэтике произведения оним приобретает, участвуя в композиционной организации. Он употреблён в позиции рифмы, которая является элементом инструментовки и выполняет композиционную функцию. Стихотворение состоит из трёх частей: начальная и финальная части представляют собой четверостишия, связанные анафорическим повтором первого стиха, почти полным повтором третьего стиха (за исключением эпитета) с употреблением поэтонима, повторами апеллятивов *душа, мечта*. На фоне такого параллелизма контрастом звучит ритмически (и графически) отличающаяся средняя часть стихотворения, самая продолжительная (двадцать стихов), которая имеет совсем другие особенности ритма, размера, звуковых повторов, что создаёт отличный от начальной и финальной части ритмико-интонационный рисунок.

4.1.3.4 Анализируя качество звукового состава второй части стихотворения А. Блока, обнаруживаем насыщенность стиховых рядов звукобуквами поэтонима *Светлана*, хотя сам поэтоним не появляется в этой части ни разу. Согласные *С / З, Т / Д, В, Л, Н* дополняются метатезами и сочетаниями *ТН / ДН, СН / ЗН, НСТВ, СВ, ТЛ, ТС, ВЕТ*. Эти звуки пронизывают все

произведение и достигают максимальной концентрации в поэтониме: *СкрипНет СНЕГ – СерДЦА зaймуТСя / СНоВа Тихая ЛуНа. / За ВороТами СмеюТСя, / ДаЛьше — уЛица* ТемНа. *// Дай ВЗгЛяНу На праЗдНик СМЕХА, / ВНиЗ Сойду, покрыВ Лицо!*

Очевидно, что качество, частотность и способы распределения звуков стихотворного текста в значительной мере определяются фонетическим составом ключевого слова-поэтонима. Повторы звукосочетаний составляют звукопись, соответствующую семантике изображаемого. Так, звукоподражание, имитирующее скрип снега, вызывает представление о снеге, а через него световые представления, ассоциируемые с именем *Светлана*. Фонетическое сходство подчеркивается, усиливается сходством семантических компонентов (белый = предельно светлый): цвет снега ассоциируется со светом. Звуковые средства этого стихотворения не ограничиваются инструментовкой ‘ради самих только звуков’. Наряду с аллитерациями повторы звукосочетаний составляют звукопись, соответствующую семантике изображаемого, в частности, звукоподражание, имитирующее скрип снега, вызывает представление о снеге и через него световые представления, ассоциируемые с именем *Светлана*. Звуковые и световые ассоциации закрепляются парономастическим эффектом вследствие сходства звучания слов *свет – снег*.

Необходимо сказать ещё об одном апеллятиве, который можно причислить к ключевым словам – апеллятиве *смех*. Это слово, а также его дериваты – *За воротами смеются; Смех в ответ; праздник смеха; Кто-то шепчет и смеется* – звукосимволически связано со сферой поэтонима и продолжает семантический ряд *Светлана – свет – снег – смех*. Созвучия слов *снег – смех* образуют семантические связи, основанные на переносе сходства на смежность. Анализ взаимодействия звуковой структуры онима и текста подтверждает мысль о том, что в поэтическом языке, где звук имеет особенную значимость, звуковой символизм актуализируется и создает нечто вроде аккомпанемента означаемого [Якобсон, 1985]. Поэтоним и компоненты его структуры осуществляют связи между коннотативным содержанием стихотворного текста и его суммарным фонетическим значением.

4.1.3.5 Анализ динамики ИС *Светлана* эксплицирует его последовательное перемещение из онимного пространства русского языка в произведение художественной литературы – поэтонимизация (баллада В. Жуковского «Светлана»); промежуточное пребывание в качестве коннотативного поэтонима в другом литературном произведении (А. Пушкина «Евгений Онегин»); погружение в онимное пространство языка уже в новом качестве (вместе с приобретённым ‘шлейфом’ созначений); затем проникновение в новый поэтический текст – стихотворение А. Блока – и функционирование в нём. Поэтоним выполняет структурно-семиотическую и конструктивную роль в формировании художественного пространства произведения. Введённый в стихотворение Блока коннотоним наполняет текст дополнительными смыслами, делает узнаваемыми образы и мотивы.

Стихотворение относится к раннему периоду творчества поэта, но уже в нём проявились черты, которые будут определять лейтмотивы его поэзии в дальнейшем. Это символические образы снежной стихии, притягательной тайны, женственности, противоборства света и тьмы. Стремление осмыслить дуалистичность мира через игру и взаимодействие противоположных начал получит развитие в лирических циклах «Снежная маска», «Фаина», «Кармен», где найдут своё место другие поэтонимы.

Можно допустить, что поэтонимосфера произведения и реализованные оппозитивные отношения между ее компонентами, воспринятые «сквозь призму “вошедшей в плоть и кровь” читателя семиотической системы онимии языка» [Калинкин, 2001, с. 95], могут быть интерпретированы не столь однозначно, поскольку каждый из компонентов семиосферы произведения представляет собой многомерное явление.

4.2 Динамическое развитие онима в контексте лингвокультуры

4.2.1. Трансонимизация как этап онимогенеза.

4.2.1.1 Современная наука допускает различные взгляды на процесс трансонимизации как на один из путей развития СИ в процессе онимогенеза (см.

работы [Карпенко, 1992; Сапожникова, 2011; Чуб, 2006]. Предпосылкой усиленного интереса к этому аспекту онимии является ряд существенных заключений ученых в области теоретической ономастики, значительно изменивших представления о характере семантики онима. Ю. А. Карпенко рассматривал трансонимизацию с точки зрения словообразования, считая ее синхронным лексико-семантическим способом словообразования, связанным с явлениями полисемии и омонимии [Карпенко, 1992, с. 3]. При полисемии сохраняются отношения мотивации и отсутствует деривативный акт, при омонимии речь идет об образовании новых лексем, утрачивающих отношения мотивации с производящим словом. Существует еще и «переходный тип» отношений от полисемии к омонимии, при котором сохраняется отдалённая мотивационная связь в семантике производящего и производных слов – «мезонимия». В ономастике возникновение мезонимов считается следствием перенесения ИС с одного объекта на другой на основании определенного сходства или смежности денотатов (референтов). По Ю. А. Карпенко, мотивирующее слово играет главную роль в акте трансонимизации, в результате которого от мотивирующего онима образуется производное, мотивированное ИС, сохраняющее форму производящего слова [Карпенко, 1990; 1992]. Онимы активно выступают в роли мотиваторов в деривационных процессах, в результате которых образуются новые как онимные, так и апеллятивные единицы.

Наряду с определением трансонимизации как ‘чистого’ перехода слова из одного класса в другой [Теория и методика …, 1986, с. 48] существуют и иные взгляды на это явление. С точки зрения словообразования трансонимизация (по Ю. А. Карпенко) – это «яркий образец синхронного лексико-семантического способа словообразования» [Карпенко, 1992, с. 3]. Эти процессы Ю. А. Карпенко связывает с явлениями полисемии и омонимии, причем существенную роль в размежевании этих явлений играет степень сохранения отношения мотивации между производящим и производным словом. При полисемии сохраняются отношения мотивации и отсутствует деривативный акт, при омонимии речь идёт об образовании новых лексем, утрачивающих отношения мотивации с производящим словом. Однако в реальности существует ещё и ‘переходный тип’

отношений от полисемии к омонимии, при котором сохраняется отдалённая мотивационная связь в семантике производящего и производных слов. Явление, промежуточное между полисемией и омонимией, по инициативе Ю. А. Карпенко было обозначено термином ‘*мезонимия*’, лексико-семантический способ словообразования – ‘*мезонимизация*’. Определение ‘мезоним’ означает лексему, возникающую вследствие перехода семемы в отдельное слово на основе метафорического или метонимического переноса. В ономастике возникновение мезонимов – следствие перенесения ИС с одного объекта на другой на основании определённого сходства или смежности референтов. По Ю. А. Карпенко, мотивирующее слово играет в акте трансонимизации главную роль. В результате акта трансонимизации от мотивирующего онима образуется производное, мотивированное ИС, сохраняющее форму производящего слова. До тех пор, пока в языке сохраняется мотиватор этого словообразовательного акта, трансонимизация считается синхронической. С исчезновением из языка мотивирующего слова отношения мотивации утрачиваются и трансонимизация получает диахроническое значение [Там же]. Онимы активно выступают в роли мотиваторов в деривационных процессах, в результате которых образуются новые как онимные, так и апеллятивные единицы. По мнению Н. Д. Голева, эти мотивирующие ИС «во многом обусловливают также различные типы образности, нередко возникающие у производных единиц» [Голев, 1991].

Итак, представляется убедительным определение трансонимизации как процесса, при котором «внешняя форма имени остаётся неизменной, но меняются и денотативно-сигнификативный комплекс, и референт» [Калинкин, 2006, с. 87]. Такой процесс перехода онима из одного разряда в другой без его переоформления называют «абсолютной трансонимизацией». Если же трансформация ИС сопровождается присоединением новых формантов, добавлением определительных слов или новых онимов, то этот процесс называют «смешанным» типом трансонимизации [Чуб, 2006, с. 122].

Трансонимизация может быть как одноступенчатой, так и многоступенчатой. Второе означает, что процесс трансонимизации может

проходить в несколько этапов. При ‘многоступенчатой’ трансонимизации онимообразовательная цепочка может иметь в себе ИС различных разрядов (межвидовая трансонимизация) или же состоять из онимов, принадлежащих одному виду (внутривидовая трансонимизация) [Отин, 2000, с. 46].

Трансонимизация актуализирует динамическую сущность ИС, при этом проявляется *континуальность онима,* которая отражает как непрерывность изменения внешней и внутренней формы онима, обусловленные его функционированием в (лингво)культуре, а также изменчивую динамическую сущность не только онима, но и его среды. Онимный континуум, как цепь последовательностей, составляющих бесконечное множество разнообразных проявлений онима, коррелирует с понятием ‘культурный континуум’, которое в ономастическом понимании означает среду адаптации имени и собственно развитие.

ИС может полностью и окончательно деонимизироваться и перейти в разряд апеллятивов. Полная апеллятивация представляет собой процесс транспозиции онима в апеллятив, который используется для обозначения нового денотата в результате развития нового лексического значения с соответствующими денотативными связями. Вследствие исторических изменений имя может совершенно исчезнуть из онимикона этноса.

4.2.1.2 Реконструируя исторический процесс топонимизации антропонима, Е. С. Отин наглядно показал механизмы преобразования, перехода имени из одного состояния в другое. «Абсолютный антропоним» *Иван* в его плюральной форме со временем стал употребляться в топонимической функции в качестве именования слободы *Иваны* (ойконим), по личному имени основателя сотника Ивана Неменущего (XVIII в.). Затем он составил основу наименования населенного пункта *Новые Иваны,* распространился и закрепился в качестве словообразовательной базы других ойконимов бассейна реки Дон: гидронимов-потамонимов *Иваны, Иван* (названия реки), а также лимнонима *Иван* (или *Иван-озеро*). В результате был зафиксирован определенный цикл развития онима: «*Иван* (Неменущий) → *Иваны* (его потомки) → *Иваны* (название населенного

пункта) → *Иваны* (название протекающей рядом реки) → *Иван* (название той же реки, возникшее благодаря обратному формообразованию, вызванному тенденцией к расподоблению гидронима и ойконима)» [Отин, 1997 (1), с. 177]. Таким образом было установлено, что имя может претерпевать определенные словообразовательные, фономорфологические изменения, давая жизнь разнообразным дериватонимам (например, *Иваново*, *Иван-город* и проч.), которые начинают функционировать параллельно. Процессы семантического преобразования происходят одновременно с формально-структурными (морфолого-грамматическими, лексическими и фонетическими) изменениями ИС, расширяя его словообразовательные возможности.

4.2.2. Явление трансонимизации в диахронии (на примере личного антропонима немецкого языка *Johannes)*. Используя метод реконструкции исторического процесса топонимизации антропонима Е. С. Отина, проведём реконструкцию процесса трансонимизации на примере немецкого ИС. Рассмотрим, используя сравнительно-сопоставительный анализ, механизмы семантических изменений в ониме *Johannes*, стимулирующих процессы перехода nom. pr. в новое качество. В данном разделе эмпирический материал ограничивается одним исходным (инвариантным) онимом немецкого языка. Это необходимо для того, чтобы наиболее полно продемонстрировать в динамике, всесторонне описать и подробно проанализировать предмет и связанные с ним явления. Однако учитываются языковые единицы, онимные и апеллятивные, лингвистически так или иначе связанные с исходным онимом, включая их вариативные формы. Процессы генезиса этого ИС в немецком языке описывались в опубликованных ранее работах [Усова: 2011;Usova: 2012 (7)].

Исходным моментом будем считать первоначальное появление ИС *Johannes* на территории современной Германии, которое хронологически относится ко времени франков и начала распространения христианского религиозного мировоззрения. Закономерным представляется предположение о проникновении ИС-этимона (восходящего к ветхозаветному агиониму, в древнееврейском варианте Iōḥānān, Iĕhōḥānān) вместе с текстами Священного писания.

Первоначально это агионим, который обозначает ближайшего предшественника Христа, Иоанна Крестителя (нем.: *Johannes der Täufer;* лат.: *Io[h]annes Baptista*). Словарь Я. и В. Гримм даёт такое разъяснение имени *Johannes*: «der name der heiligen, unter denen Johannes der täufer der hervorragendste ist, erscheint nie gekürzt[23]» [DWG Bd. 10, Sp. 456]. Уже на этапе появления первых письменных библейских текстов в немецкоязычном пространстве можно констатировать изменение семантики онима: употреблённый в Ветхом завете, он соотносится с образом того же святого, Иоанна Крестителя, однако уже как персонажа Библии. То есть меняется сигнификативное значение ИС, а значит, происходит межвидовая трансонимизация (переход агионима в разряд библионимов):

Johannes (der Täufer) (агионим) → *Johannes (der Täufer)* (библионим).

В Новом Завете оним *Johannes* соотносится с образом другого святого – его референтом является Апостол и Евангелист Иоанн (*Apostel Johannes, Evangelist Johannes*), а его личное имя является мотивирующим для соответствующего библионима, – но механизм аналогичен первому случаю (межвидовая трансонимизация):

Apostel / Evangelist) Johannes (агионим) → *(Apostel / Evangelist) Johannes* (библионим).

Дальнейшее развитие имени связано с укоренением его в культуре и быте народа, прежде всего в религиозно-культовой сфере, непосредственно связанной с семантикой этимона. ИС играет роль мотивирующего слова на последующей ступени трансонимизации: переход из разряда агионимов в разряд геортонимов (сигнификативное значение – ‘*День святого Иоанна’*): *Johannes (der Täufer)* (агионим), *(Apostel / Evangelist) Johannes* (агионим) → *Johannistag / Johannis / Johanni / Johanne; Johannisfest* (геортоним / хрононим, образованный на основе генитивной формы агионима). Констатируется межвидовая трансонимизация «смешанного типа».

[23] «*имя святых, среди которых* Иоанн Креститель *самый выдающийся, никогда не встречается в сокращеннм виде*». Здесь и далее сохранена орфография первоисточника. Перевод – Н. У.

После укоренения в лингвокультуре этого ИС в качестве агионима происходит следующий этап трансонимизации, состоящий в переносе имени на предметы, объекты и атрибуты христианского религиозного культа. В результате меняется референт и сигнификативное значение онима, можно также говорить о семантической деривации, в основе которой лежит механизм трансонимизации. Здесь наблюдается два направления.

1. Изменение семантики на базе усиления семы ‘святость’ в сторону значения ‘архитектурное сооружение, специальное строение, место отправления религиозных ритуалов’ ведёт к образованию многочисленных экклезионимов. В качестве мотивирующего имени здесь может быть реконструирован как агионим, так и геортоним, перенесённый в качестве обозначения на объекты храмовой архитектуры – соборов, церквей, монастырей и т.п.:

(1) *Io[h]annes Baptista* (агионим) → *St. Johann Baptist* (Кёльн) (экклезионим) – межвидовая трансонимизация;

(2) *Johannes (der Täufer)* (агионим) → *Johannes der Täufer* (Эссен-Альтенштадт); *Johannes der Täufer* в Ольденштадте (и др. экклезионимы) – межвидовая трансонимизация;

(3) *(Apostel / Evangelist) Johannes* (агионим) → *St. Johann Evangelist* (Кёльн); *St. Johann* (Бремен) (и др. экклезионимы); – межвидовая трансонимизация;

(4) *Johannis* (геортоним) → *Johanniskirche* в Хагене, *Johanniskapelle* в Кведлинбурге (экклезионимы) – межвидовая трансонимизация по смешанному типу.

В случаях *Johannes-Basilika* в Берлине, *Sankt-Johann-Baptist-Kirche* в Магдебурге, *Basilika St. Johann* в Заарбрюкене, *Johanniskloster* в Ростоке и под. следует говорить о межвидовой трансонимизации по смешанному типу агионим → экклезионим или геортоним → экклезионим. Следует сказать, что приведённые здесь в качестве примеров составляют лишь малую часть обнаруженных в немецкоязычном пространстве экклезионимов с мотивационной базой *Johann(es)*, число которых составляет более 150.

2. Пути развития онима *Johannes* по способу трансонимизации связаны с традиционным укладом жизни и быта народа в эпоху средневековья: с верованиями, земледелием, виноделием. Возникают новые именования объектов материальной и духовной сферы человеческого бытия, многие из которых сохраняют отношения мотивации с агионимом. Трансонимизация проходит преимущественно по смешанному типу, поскольку оказываются задействованными и другие способы словообразования, прежде всего словосложение:

(1) *Johannes* (агионим) → *Johannesminne, Johanneswein* ‘вино св. Иоанна’ (хрематонимы);

(2) *Johannes* (агионим) → *Johannestrunk* ‘напиток Иоанна’ – вино, которое завершает период пробы молодого вина, а также вино, которое выпивается на прощание (хрематоним)[24] [DWG];

(3) *Johannes* (агионим) → *Johannesevangelium* ‘Евангелие от Иоанна’ (идеоним);

(4) *Johannes* (агионим) → *Johannesbriefe* ‘письма св. Иоанна’ (идеоним).

Переход агионима *Johannes* в состав эргонима путём трансонимизации по смешанному типу, дополненной словосложением:

(5) *Johannes (der Täufer)* (агионим) → *Johannisorden* ‘Орден св. Иоанна’, *Johannislogen* ‘Ложа св. Иоанна’, (эргоним); круг ближайших сторонников св. Иоанна, членов общества *Johannesjünger, Johanniterorden, Johanniter* [ВК].

Трансонимизация по пути перехода агионима в разряд антропонимов наблюдается на фоне активного вытеснения языческих имён христианскими, вначале среди представителей духовной аристократии, затем – светской знати, зачастую по принципу наречения именем в честь святого (от агионима через идольное имя). Переход из разряда в разряд происходит без участия словообразовательных средств, имплицитно (путем конверсии) [Басыров, 2016, с.

[24] *der zum abschiede getrunkene wein hiesz auch* sanct Johannis wein – Вино, выпиваемое ‘на посошок’.

46]. Так появляется и получает распространение личный антропоним (ЛА) *Johannes*:

Johannes (агионим) → *Johannes* (ЛА представителей аристократии) → *Johannes* (ЛА простолюдинов) – межвидовая, затем внутривидовая трансонимизация.

Традиция давать имена новорожденным в честь почитаемых святых или общественно значимых личностей, выбирать имена согласно церковному календарю, распространившаяся в народе по мере укоренения христианства, способствовала функционированию на определённом этапе этой онимной единицы как мезонима со значением ‘имя-идол’, ‘крестильное имя’:

Johannes (ЛА) ↔ *Johannes* (ЛА, идольное, крестильное имя) – внутривидовая трансонимизация, а также внутривидовая трансонимизация по смешанному типу ЛА → ЛА с результатом вновь образованных онимных лексем *Johann, Hannes* (*Hans*) (нач. XIV в.).

Трансонимизация в топонимы происходила большей частью по смешанному типу: *Johannes* (агионим) → *Sankt Johann*; *Johannisburg* (астионимы); *Johanngeorgenstadt* (ойконим).

Итак, в результате анализа установлены механизмы семантических изменений в ониме, ведущие к трансонимизации: агионим → библионим → геортоним → экклезионим → хрематоним → идеоним → эргоним → антропоним → топоним / ойконим.

Всесторонний анализ антропонима *Johannes* выявляет длительный эволюционный путь этого ЛИ через разнообразные состояния к современному его статусу. В дальнейшем мужской личный антропоним *Johannes* совершенно интегрировался, и в синхронии СНЯ не воспринимается более как иноязычный [Hellfritzsch, 1973, с. 67].

4.2.3 Поэтонимизация антропонима как этап трансонимизации. Используя метод реконструкции Е. С. Отина, рассмотрим процесс трансонимизации в одной из её форм – поэтонимизации антропонима *Hans*, в немецкоязычной лингвокультуре.

В исторической перспективе это ИС представляет собой гипокористическую форму личного мужского антропонима *Johannes*[25]. В период с XIV по XVII в. имя приобретает чрезвычайную популярность, фиксируется как самое распространённое мужское имя [DWDS; DWG]. Документально подтверждается, что, к примеру, в Киле середины XIII века антропоним *Hans* – наиболее частое крестильное имя[26]. О популярности этого личного имени свидетельствуют и сведения о некоторых средневековых предрассудках (см. раздел 4.3.3). Одновременно с территориальным распространением и повышением частотности употребления происходит апеллятивация имени. По-видимому, чрезвычайная популярность этой лексемы в качестве мужского ЛА, распространенность его в народной среде предопределили как процесс деонимизации, ʻобнуленияʼ идентифицирующей референта семы, так и переход его в качество поэтонима. И одному, и другому процессу предшествовала стадия мезонимизации. Именно размывание референтного значения, а затем полная деонимизация и аппелятивация онима обусловили такое существование имени, когда оно стало использоваться не для идентификации лица, а, напротив, для нивелирования его идентичности, не-выделения из массы, для подчеркивания принадлежности [низшему] социальному классу. Употребление онима в функции апеллятива было зафиксировано уже в словаре Я. и В. Гримм[27], который приводит также цитаты из источников раннего нового времени, в частности, у М. Лютера: das die schreiberei so feindselig ist bei *vielen Hansen*, denn sie wissens oder achtens nicht, das ein göttlich ampt und werk ist. (Luther 5, 183a;[28]) [DWG, Bd. 10, Sp. 456].

Деонимизация онима послужила мотивационной основой для развития в нём семантики поэтического имени. Переход в качество поэтонима проходил первоначально в устном народном творчестве, когда деонимизированная единица стала активно использоваться в разнообразных формах фольклора. На этой стадии

---

[25] *HANS*, die volksmäszig gekürzte form des taufnamen Johannes. [DWG, Bd. 9, Sp. 456].

[26] er findet sich z. b. im stadtbuche zu Kiel von 1264—1268 als häufigster aller dort vorkommenden kirchlichen namen (Weinhold pers. namen des Kieler stadtbuchs s. 3) [DWG, Bd. 10, Sp. 456].

[27] Von hier aus tritt Hans fast völlig in die reihe der appellativa ein und steht oft geradezu für mensch, mann mit verschiedenem nebensinne [12, Bd. 10, Sp. 456].

[28] … что письмо у многих Хансов вызывает враждебность, так как они не знают или не обращают внимание на то, что это богоугодное дело Перевод наш – Н. У.

промежуточного состояния уместно определить ИС как *фольклороним,* т. е. уже не оним, но ещё и не поэтоним. Имя становится базовым компонентом для образования множественных идиоматических сочетаний: *der blanke Hans (Blanker Hans) (Северное море), die grossen Hansen (важные персоны), Hans Guckindieluft (ротозей)* и т.д. [см. Усова 2010 (2), 2011 (2), 2012 (8)], а также сложных слов (композитов) с идеоматизированным антропонимным компонентом[29] *Prahlhans* ‘хвастун’, *Gaffhans* ‘зевака’, *Saufhans* ‘пьяница’, *Schnarchhans,* ‘храпящий человек’, и т.п., см. также в разделе 2.3.2.1. Антропоним часто встречался в песнях, присказках, поговорках, пословицах, где имел значение ‘парень’, ‘тип’, ‘малый’, ‘жених’: *«Wenn das nicht wahr ist, so heiß mich Hans» oder «… so will ich Hans heißen» («Если это неправда, то назови меня Гансом»* или *«… тогда меня зовут Ганс»), «dastehen wie ein hölzerner Johannes» («стоять как истукан»), «Hans Dampf in allen Gassen» («Наш пострел везде поспел»), «Was Hänschen nicht lernt, lernt Hans nimmermehr («Чему не учится Генсхен, тому никогда не научится Ганс»); «Jeder Hans findet seine Grete» («Каждый Ганс находит свою Грету»), «Hans ist seiner Grete wert») («Ганс достоин своей Греты»; «Муж да жена – одна сатана»).*

Со временем использование онима *Hans* как средства номинации персонажей фольклорных произведений (сказок, легенд, преданий и т.п.) стало традицией. За этим ИС закрепились определенные коннотации, поскольку он отвечал требованию соответствия типичному характеру, внешности, поведению типичного, рядового, обычного лица мужского пола среднего, небогатого (крестьянского) сословия, с которым и могли происходить все вероятные и невероятные истории, описанные и передаваемые из поколения в поколение в устном народном творчестве. В сказках встречается более подходящий для детского образа уменьшительно-ласкательный вариант поэтонима с диминутивным суффиксом el- *Hänsel* («Hänsel und Gretel»). В этих контекстах указанные проприальные единицы можно рассматривать, на наш взгляд, как отконнотонимные поэтонимы, так же как и в известной детской песенке:

[29] В терминологии некоторых лингвистов – полусуффиксом.

HÄNSEL und GRETEL verliefen sich im Wald. / Es war so finster und auch so bitterkalt. / Sie kamen an ein Häuschen von Pfefferkuchen fein. / Wer mag der Herr wohl von diesem Häuschen sein? // HÄNSEL war hungrig, stibitzt ein Stück vom Dach. / Und auch die GRETEL macht es dem Bruder nach [Volkslied].

В обобщенном значении ‘человек’, ‘(любой) мужчина’, ‘муж’ имя *Hans* появляется и в авторских текстах. Так, в известном произведении С. Бранта «Корабль глупцов» (1494), высмеивавшем пороки современного ему общества, семантика поэтонима балансирует на грани оним-апеллятив, поскольку степень генерализации значения приближают его к апеллятивной лексике[30].

Определенным этапом в процессе поэтонимизации стало функционирование исследуемой единицы в качестве имени персонажа балаганного театра *Hans Wurst,* затем *Hanswurst* (XV–XVII вв.). Популярность этого образа способствует частому использованию его именования вне художественного контекста в пейоративном значении и развитию в семантике антропонима коннотативного значения ‘шут’, ‘болван’, ‘глупец’, ‘дурак’ [Усова, 2012(8)]. С этого периода начинается функционирование в языке этой лексемы как отпоэтонимного коннотонима. Закреплению коннотативных свойств способствует и появление в изданном виде собранных и обработанных Я. и В. Гримм народных сказок, в которых часто фигурирует персонаж по имени *Hans* («Der starke Hans», «Der gescheite Hans», «Hans im Glück» и др.).

В дальнейшем изменения в семантике онима происходят через этап коннотонимизации поэтонима. Именования персонажей, популяризуясь распространением фольклорных произведений, фигурируют в ментальности носителей немецкоязычной культуры уже как отпоэтонимные коннотонимы, ассоциируясь с известными персонажами. ‘Шлейф’ накопленных коннотаций тянется за новыми употреблениями этой лексемы в качестве поэтонима. Так, фольклорные мотивы Г. Гейне не обходятся без описываемого здесь онима. В стихотворении «Der arme Peter» [Heine, 1983, с. 62-64] результат творческих

[30] sie (die ehebrecherische frau) bring ouch im den rörroub (beute) hein, sprech zu im, Hans, myn gutter man kein liebern will ich, wen dich han. Brant narrensch. 33, 45 [DWG Bd. 10, Sp. 456]

усилий автора выражается в оригинальном «решении поэтонимосферы» [Калинкин, 2001, с. 97], которое представляет собой лингвопоэтический эффект от соединения культурно-языковой и эстетической информации, аккумулированной в онимах, со свойствами литературного произведения как художественной целостности. Поэтонимосфера этого стихотворного произведения ранее анализировалось нами с помощью метода оппозитивности [Усова 2010 (2)], потому остановимся здесь лишь на моментах, важных для освещения затрагиваемой здесь темы. Поэтонимосферу составляют ОЕ *Hans*, *Peter* и *Grete*, среди которых центральное место занимает поэтоним *Hans*. Он, как впрочем, и две остальных проприальных единицы, вполне может быть отнесён к типу т. н. ‘семантически обогащённых’ собственных имен, таких, в основе созначений которых лежат фрагменты связанной с ними энциклопедической и культурной информации, «этнокод» (О. И. Быкова). Особенности семантики проприальных единиц, безусловно, сыграли свою роль в конструировании художественного пространства произведения, в первую очередь в стилизации его под народную песню, в типизации изображаемых сцен. Приведем здесь первую строфу:

Der HANS und die GRETE tanzen herum, / Und jauchzen vor lauter Freude.
Der PETER steht so still und stumm, / Und ist so blaß wie Kreide

[Heine, 1983, с. 62].

Внутри классического ‘любовного треугольника’ выстраиваются оппозиции: *Hans – Grete (парень – девушка, жених – невеста)*;

Hans – Peter (избранник – отвергнутый, счастливый – несчастный, радостный – печальный);

Peter – Grete (отвергнутый влюблённый – чужая невеста).

Кроме того, в антитетических отношениях находятся, с одной стороны, *‘бедный Петер’* (*der arme Peter*), а с другой – *Ганс* и *Грета* (*Der Hans und die Grete*): несчастный одиночка – счастливая пара (*Der Hans und die Grete / sind Bräut’gam und Braut*). Образ счастливых молодожёнов, обозначенный парой антропоэтонимов *Hans* и *Grete,* дополняется интралингвальными коннотациями, возникающими на базе фольклорных реминисценций (см. приведенные выше

паремии), и ассоциативно связывается с другой парой – персонажами из сказки «Hänsel und Gretel». Символически обозначая сущность их носителей, любимых с детства персонажей, история которых хорошо известна для большинства членов социума, эти имена в тексте стихотворения выступают уже в качестве интертекстуальных отконнотонимных поэтонимов, хранителей фоновых знаний, которые в значительной мере определяют семантику и поэтику произведения.

Завершая анализ эволюции ИС *Hans* от бытового имени к поэтическому по пути поэтонимизации, можно заключить, что рассмотренные явления представляют собой ‘многоступенчатую’ трансонимизацию, как межвидовую, так и внутривидовую. В результате устанавливается онимообразовательная цепочка, итогом которой на определенном этапе становится поэтоним. В современном немецкоязычном пространстве *Hans* – это уже не только коннотирующий, но и символический поэтоним, ставший таковым в результате исторических семантических преобразрваний, закреплённых в культурных стереотипах.

Следует заметить, что два остальных поэтонима рассмотренного ПТ – *Grete* и *Peter* – также не являются случано выбранными, поскольку обладают определённым спектром коннотаций, связанных с историко-языковыми и речевыми особенностями их функционирования. Эти ‘предзаданные’ коннотации имплицитно присутствуют в тексте, чтобы эксплицироваться при восприятии языковым сознанием, способным распознавать соответствующие культурные коды. Каждый из этих антропонимов имеет свой ‘жизненный путь’ в лингвокультуре, который реконструируется посредством анализа, применяемого здесь к ИС *Hans.* Лингвокультурные коннотации и другие детали культурной и лингвистической содержательности этих онимов намеренно не излагаются здесь. Как указано выше, в данном разделе целесообразно ограничить анализируемый материал, чтобы сфокусироваться на разных аспектах лингвистического описания одного ИС, с целью максимально подробного объяснения имени как лингвокультурного феномена и проиллюстрировать динамические процессы в нем.

4.3 Имя собственное и процессы деривации

4.3.1 Общие замечания. Лингвистический анализ антропонима как единицы языка и мотиватора деривационных процессов, а также отдельных его формантов и произведенных лексических единиц (ЛЕ) базируется на современных методах исследования в области ономастики [Ермолович, 2001; Супрун, 2008; Супрун, 2014; Ganzer, 2008; Hengst, 2011], словообразования [Калиущенко, 2016; Пелашенко, 2016; Харитончик, 2008; Ягупова, 2007; Elsen, 2011] и на данных, представленных в классических трудах этих отраслей лингвистики (см. напр. [Вашунин, 1981; Курилович, 1962; Кубрякова, 1981; Fleischer, 1974; Fleischer; Barz, 1995; Henzen, 1965; Stepanova; Černyševa, 2003]). Исходным в данном рассмотрении деривативных процессов является постулат о том, что основной задачей словообразования как области исследования является установление правил и ограничений (закономерностей) соединения элементов в свободные комбинации, модели, и всестороннее описание признаков возникших в результате продуктов [Fleischer, 1971, с. 17; Lemnitzer, 2010, с. 127].

Как имена существительные с категориальными признаками существительных того языка, к которому принадлежат, проприальные единицы подлежат общеязыковым правилам, морфологическим и словообразовательным закономерностям, в соответствии с которыми входят во взаимоотношения с другими элементами языковой системы, в том числе и в деривативные отношения. Онимы, составляющие значительную часть субстантивной лексики, обладают достаточно высокой деривационной активностью, что подтверждается исследованиями (см. Д. И. Ермолович: «Особенностью личных имён является то, что они обладают большой способностью к образованию вариантов, или **дериватов»** [Ермолович, 2001, с. 43]). Вслед за Д. И. Ермоловичем, дериватами здесь называем все производные имена: сокращённые, ласкательные, уменьшительные и фамильярные, не поддающиеся чёткой дифференциации, вне зависимости от способа словопроизводства. Источниками эмпирического

материала, а также некоторых данных об особенностях семантики и функционирования исследуемой проприальной единицы служит информация из лексикографических изданий[31]. Важным считаем принцип необходимости учитывать особенности и тенденции развития словообразования при анализе синхроничного состояния ЛЕ [Ягупова, 2007, с. 36]. Следовательно, основным методом является всесторонний синхронно-диахронный анализ СИ с учетом процессов их возникновения, развития и функционирования.

Деривация рассматривается на примере ЛИ *Johannes / Hans.* Первые обобщения автора относительно функционирования этого ЛА в немецкой лингвокультуре, его словообразовательного потенциала относятся к 2011 году [Usova, 2011]. Затем были сделаны некоторые выводы о динамике развития этого ИС в исторической перспективе [Usova, 2012]. Рассматривалось влияние лингвальных и нелингвальных факторов на семантические и ономасиологические изменения антропонима в культурно-историческом контексте средневекового периода [Usova, 2016].

4.3.2 Личный антропоним *Johannes* как деривационная база. Сфера функционирования СИ как языковых знаков включает, помимо прочего, и область словообразования, поскольку онимы, так же, как и другие единицы языка, проявляют свойство быть произведенными и производить другие слова. Этот аспект онимной лексики остается недостаточно исследованным, в частности, отсутствуют работы по системному изучению деривационных отношений СИ в немецком языке. Задача выявления и всестороннего описания словообразовательных деривационных отношений, в которых производящей основой выступают проприальные единицы, имеет целью рассмотрение деривационных процессов в диахронии конкретного языка. В данном случае базовым элементом выступает ИС *Johannes,* анализу подвергаются и образованные в результате слова. Процедура лингвистического анализа предполагает комплексное использование компонентного анализа, семантико-синтаксического анализа,

[31] См. Список лексикографических источников.

описательного метода. Для установления способа организации производимых от онима лексем используется морфемно-деривационный метод изучения словообразовательной структуры, выявляющий как отношения между формальными компонентами, так и семный состав вновь образованных единиц.

Термин ‘деривация’ (Е. Курилович) не имеет однозначного толкования. Традиционно считают деривацию одним из основных видов словообразования наряду с композицией, префиксацией, конверсией и сокращением. В лексикологии немецкого языка рассматривается «образование дериватов путём суффиксации или внутренняя (имплицитная) деривация» [Schippan, 1992, с. 117], а также образование производных единиц путем аффиксации (Ableitung*)* [Fleischer, 1971, с. 12]. В современной лингвистике закрепилось использование термина для описания словообразовательных отношений производящей и производной основ, подразумевающих образование новых слов как при помощи аффиксов, так и безаффиксным способом [ТСО 2000-2016; Розенталь; Теленкова]. Понимаемый в широком смысле, этот термин включает также словоизменение и вообще процессы образования в языке любых вторичных знаков, а также некоторые типы трансформационных отношений [Кубрякова, 1990; Голев]. Это представление восходит, бесспорно, к воззрениям В. Гумбольдта, утверждавшего, что в словообразовательных отношениях и процессах отображается способность языка к его безграничному и непрерывному саморазвитию, обновлению [Гумбольдт В. Фон, 1984]. Основополагающее значение деривационных отношений не только для морфологического или синтаксического уровней, но и для всей системы языка в целом подтверждает постулированный Е. С. Кубряковой «принцип деривации», который пронизывает весь процесс синтеза речи и ее восприятия [Кубрякова, 1974, с. 184]. Эти идеи находят развитие в теоретических работах последних лет. Так, в рассуждениях о непрерывном деривационно-мотивационном процессе в лексике (Н. Д. Голев) речь идет о «деривационном функционировании слов», предполагающем их создание по деривационному принципу, т. е. «речевое (а вслед за ним и системно-языковое) развитие исходных элементов, бесконечно трансформирующихся в производные элементы» [Голев]. Эти идеи близки идее

континуальности онима, (см. 5.3.1 монографии, а также [Усова, 2013 (1), с. 110-111]. Здесь принимается общепринятое широкое понимание термина ‘деривация’ как обозначающего процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные [ЭЯ]. Отсюда деривация в ономастике понимается как отношения, в основе которых лежит образование новых лексических единиц (вторичных знаков) от исходной онимной единицы. Для обозначения вновь образованного от проприальной единицы онима предлагается термин *дериватоним*.

Вслед за Т. Шиппаном считаем возможным говорить о диахроническом словообразовании, имея в виду развитие словообразовательных элементов, образование и изменение словообразовательных моделей [Schippan, 1992, P. 118]. Именно эти аспекты находятся в центре последовательного анализа языкового материала, представленного языковыми единицами, имеющими в качестве словообразовательного компонента СИ *Johannes.*

Как известно, к основным видам словообразования в немецком языке относятся композиция (словосложение) и деривация (эксплицитная и имплицитная) в узком смысле этого слова [Römer, 2005, P. 61; Elsen, 2011, P. 79 и др.]. Участие этих видов в конструировании отонимных словообразовательных моделей проявляется в описанных ниже способах и структурных типах, выявленных путем морфемно-деривационного комплексного анализа.

1. Модель безаффиксного (имплицитного) словопроизводства характеризует хронологически первоначальные отношения производности СИ *Johannes.* Они реализуются при образовании от агионима гипокористических имен *Johann* и *Hann(e)s* путем имплицитной деривации. Поскольку формальной операцией в появлении вторичных образований, как считает Е. Кубрякова, «может явиться не только присоединение нового сегмента, но и усечение имеющегося или же внутриморфемные изменения» [Кубрякова, 1974, с. 185], то можно говорить здесь именно о таком способе деривационных отношений. Отношения производности *Johannes* → *Jóhann* реализовались уже в древнесаксонском [DWG] и нашли выражение в утрате окончания *-es* при сохранении первого слога и переносе на

него ударения *Johann(es) → Jóhann*.

Иной способ имплицитной деривации – путём утрачивания первого слога и сохранения окончания – привел к образованию дериватонима *Hann(e)s*, который затем, претерпев редукцию и выпадение гласного в финальном слоге, преобразовался в современную форму: *(Jo)hannes → Hann(e)s → Hans.* В обоих случаях реализуется словообразовательная модель безаффиксного (имплицитного) словопроизводства: базисный (онимный) компонент + нулевой аффикс *Ø*. В. Н. Супрун называет такой способ «гипокористической деривацией» и считает его «специфической формой словообразования в антропонимии» [Супрун, 2014, с. 149]. К этой же модели можно отнести дериватоним, образованный от генитивной латинской формы агионима – геортоним *Johannis* ‘День святого Иоанна’, а также его вариативные формы *Johanni, Johanne.* Деривационная цепочка здесь выглядит следующим образом: *Johannes* (исходная форма агионима) → *Johannis* (генитивная латинская форма агионима) → *Johannis / Johanni / Johanne* (производный геортоним): *Johannes → Johannis* (Gen. lat) + *Ø*. С точки зрения смысловых отношений здесь можно говорить о семантической деривации (трансонимизация агионим → геортоним). Следует заметить, что в ходе адаптации антропонима *Johannes* в территориях распространения немецкого языка сформировались и другие локальные отонимные дериваты (*Jannes, Jan, Jen, Jens* и др.), не рассматриваемые здесь, в производстве которых возможно реконструировать механизмы, аналогичные установленным в случае образования *Jóhann* и *Hans.*

2. Суффиксальная модель представляется наименее продуктивной. Выявлен лишь один дериватоним с исходной единицей *Johannes.* Это эргоним *Johanniter*, имеющий значение *‘Иоанниты, члены Ордена иоаннитов’*. Производящей основой служит, также как и в рассмотренных выше случаях, генитивная (лат.) усеченная форма ИС-агионима, прибавляющая суффикс *-ter*, не являющийся продуктивным в синхронии современного немецкого языка [Fleischer, 1971, P. 172]: *Johannes → Johanni(s)* (Gen. lat) + *-ter → Johanniter.*

3. Модель словосложения (композиция / Komposition). Не раз отмечалось, что

немецкому языку присущи неисчерпаемые способности композитообразования [Ganzer, 2008, P. 25; Fleischer; Barz, P. 1995, с. 84-85; Römer, 2005, P. 72 и др.]. Не удивительно, что эта модель преобладает и в отонимных отношениях производности с ИС *Johannes* в качестве мотиватора. Как справедливо замечалось ранее, многие «продукты словообразования», в особенности композиты, только тогда становятся понятны и [правильно] интерпретируемы, если увидеть контекст, в котором конкретное слово употреблено [Lemnitzer, 2010, P. 128]. Установить лингвистические особенности в мотивации конструирования слов от СИ также помогает обращение к культурному контексту. Тем самым выявляется семантическая связь этимона-агионима *Johannes [der Täufer]* ‘Иоанн Креститель’ (lat.: *Io[h]annes Baptista*) с геортонимом, означающим дату празднования этого святого (24 июня), и соответственно с другими апеллятивными и онимными единицами, семантически связанными с ним (как подробнее показано далее). В то же время композиты *Johannestrunk, Johanniswein* и др. (см. ниже) соотносятся с датой почитания святого Иоанна Евангелиста / Апостола Иоанна как католической, так и протестантской (евангелистской) церковью (27 декабря), а также с завершением сельскохозяйственного периода пробы молодого вина: «an Johannes des evangelisten tag, dieweil er on schaden gift trank, trinkt man den Johanssegen, einen wein ob altar beschworn» [DWG Bd. 10, Sp. 456].

В ходе комплексного анализа механизмов отонимной деривации выявлены различные структурные типы словосложения (композитообразования).

1. Отагионимные композиты структурного типа агионим + апеллятив.

1а. Отагионимные композиты структурного типа агионим + апеллятив, в которых исходной единицей является агионим *Johannes der Täufer* ‘Иоанн Креститель’: *Johannesjünger (Johannes* + *Jünger)* ‘последователи Иоанна, Иоанниты, члены Ордена иоаннитов’; *Johannisorden (Johanni(s)* (Gen. lat) + *Orden)* ‘Орден иоаннитов’; *Johannislogen (Johanni(s)* (Gen. lat) + *Logen)* ‘Орден иоаннитов’.

1б. Отагионимные композиты структурного типа агионим + апеллятив, в которых мотиватором композитообразования выступает агионим *[Apostel]*

Johannes (Johannes der Evangelist) ‘Апостол Иоанн’, ‘Иоанн Евангелист’: *Johannesbriefe (Johannes + Briefe)* ‘письма / послания [святого] Иоанна’; *Johannestrunk* (*Johannes + Trunk*) ‘напиток Иоанна’; *Johannissegen* (*Johanni(s)* (Gen. lat) + *Segen*) ‘благословение [святого] Иоанна’; отагионимный топоним *Johannesburg* (*Johannes + Burg*) и др.

2. Отагионимные композиты структурного типа агионим + оним / отонимный дериват: (1) *Johanneschristen (Johannes + Christ / Christen[kinder])* ‘последователи Христа и Иоанна, члены Ордена иоаннитов’, где мотивирующее ИС – агионим *Johannes* [*der Täufer*] ‘Иоанн Креститель’ соединяется с библионимом *Christ;* (2) *Johannesevangelium (Johannes + Evangelium)* ‘Евангелие от Иоанна’, где одним из составляющих композита выступает агионим [*Apostel*] *Johannes (Johannes der Evangelist)* ‘Апостол Иоанн’, ‘Иоанн Евангелист’, а другим – идеоним *Evangelium* ‘Евангелие’.

3. Отгеортонимные композиты структурного типа геортоним + апеллятив.

3а. Отгеортонимные композиты, в которых МИ является геортоним, означающий День святого Иоанна Евангелиста / Апостола Иоанна: *Johanniswein (Johannis + Wein)* ‘вино св. Иоанна’; *Johannisweihe (Johannis + Weihe) / Iohannisminn(e) (Iohannis + Minn(e) / Johannissegen* (*Johanni(s)* (Gen. lat) + *Segen*) ‘благословение, причащение путем принятия вина св. Иоанна’.

3б. Отгеортонимные композиты, в которых мотиватором является геортоним, означающий День святого Иоанна Крестителя: *Johannisfest (Johannis + Fest)* («Fest am Johannistag» [WAHRIG, 1986, с. 708]) ‘праздник святого Иоанна [Крестителя]’; *Johannistag (Johannis + Tag)* ‘День святого Иоанна’; *Johannisnacht (Johannis + Nacht)* ‘ночь Дня святого Иоанна’; *Johannisfeuer (Johannis + Feuer)* («Sonnwendfeuer in der Johannisnacht» [Там же]) ‘огонь, зажигаемый в ночь св. Иоанна’ [Крестителя]; *Johanniswürmchen (Johannis + Würmchen) / Johanniskäfer (Johannis + Käfer)* («Läuchtkäfer, der um den Johannistag schwärmt» [WAHRIG, 1986, с. 708]) ‘светлячок’, ‘светляк обыкновенный’; *Johannisbeere (Johannis + Beere)* («weil sie um den Johannistag, 24. Juni, reift» [KÜPPER, 1997, с. 315]; «nach der Reifezeit der Beere um den Johannistag (24. Juni) herum») [WAHRIG, 1986, с. 708]

‘смородина’.

4. Ряд имен существительных с затемненной этимологией, где ИС *Johannes* выступает в качестве определительного слова – *Johannistrieb* ‘летние побеги’, *Johannisblut* ‘зверобой’, *Johannisvöglein* ‘божья коровка’, *Johannislaub* ‘тополь’, *Johannishändchen* ‘папоротник’, *Johannisgleimchen* ‘светлячок’ *Johannisholz* ‘райская яблоня’, *Johannisgans* ‘альбатрос’и др. Вопрос о значении МИ – является ли он агионимом или же геортонимом в композитах такого рода – остается до конца не выясненным. В каждом отдельном случае для установления словообразовательных отношений необходимо исходить из семантики компонентов и целого. Композит *Johannisbeere* ‘смородина’ интерпретируется как отгеортонимный дериват, поскольку онимный компонент содержит указание на время созревания ягоды, близкое Дню святого Иоанна Крестителя. В случае дериватонимов *Johannisgleimchen / Johannisfünkchen / -fünklein* ‘светлячок’, ‘светляк обыкновенный’ мотиватором словообразования определенно является тоже геортоним, т.к. эти лексические единицы содержат сему временнóго соотнесения с концом июня, когда наблюдается появление жучков, излучающих свечение. Отгеортонимная деривация подтверждается и отношением синонимии с вышеуказанными лексемами *Johanniskäfer*, *Johanniswürmchen* [Там же].

В то же время значение лексемы *Johannisbrot* ‘сладкий рожок, плод рожкового дерева’ Г. Вариг объясняет лишь как плод соответствующего дерева с этимологической ссылкой на ИС *Иоанн Креститель*: «getrocknete, süßschmeckende Frucht des Johannisbrotbaumes [nach *Johannes dem Täufer*]» [Там же], тогда как Г. Пауль обосновывает мотивационную связь компонентов этого композита отношением посессивности *Johannis* + *Brot,* где *Brot* – ‘хлеб’ = ‘пища Иоанна’: «hat Johannes der Täufer nach der Legende als Kost gedient» [PAUL, 1959, с. 315]. Тем самым утверждается отагионимная словообразовательная природа этого композита. С точки зрения структурно-деривационных отношений здесь наблюдается такой вид композитообразования, который Т. Шиппан считал результатом синтагматического соединения сочетаний слов типа *des Tages Licht → Tageslicht* [Schippan, 1992, с. 118].

Следует заметить, что анализ словообразовательных конструкций

определенных дериватонимов актуализирует сложное содержание их внутренней формы. Семный состав не всегда поддается полному разложению, экспликация сем особенно затрудняется в случаях, когда процесс деривации сопровождается идиоматизацией смысла. К примеру, дериватоним *Johannistrieb* содержит набор сем, соответствующий семантике компонентов *Johannis* + *Trieb:* ‘летний период около Дня святого Иоанна’ + ‘побег, росток’, но кроме того, наличие сем апеллятива ‘движение’, ‘порыв, побуждение, импульс’, ‘склонность, стремление, инстинкт’, послужило, вероятно, основанием для возникновения образности и переосмысленного употребления его в значении ‘поздняя любовь’ («späte Liebesregung [nach dem *Johannistag* (24. Juni)]» [WAHRIG, 1986, c. 708]).

5. С точки зрения семантико-синтаксической связи между компонентами можно выделить отонимные сложные слова с сочинительной связью (Kopulativkomposition) между компонентами. ИС (агионим либо геортоним) выступает базовым компонентом множества дериватонимов, которые относятся к разряду экклезионимов. Среди них выявляются различные варианты структурной организации: *St. Johann Evangelist* (Кёльн), *Klosterkirche St. Johannes der Täufer* (Ольденштадт), *Sankt-Johann-Baptist-Kirche* (Магдебург), *Johanniskapelle* (Кведлинбург), *Johannisfriedhof* (Нюрнберг), *St. Johannes Baptist* (Хаген), *Johanniskloster* (Росток), *St.-Johannes-Basilika* (Берлин) и др. Количество приведенных примеров ограничено, но достаточно для демонстрации основных структурных типов. Ввиду того что эта группа отонимных композитов достаточно многочисленна и неоднородна с точки зрения задействованных словообразовательных механизмов, не ставится задача их детального рассмотрения в рамках монографии, но целесообразно специальное рассмотрение этого аспекта.

Образованные от ИС *Johannes* дериваты проявляют способность производить новые слова. Так, эргоним *Johanniter* становится, в свою очередь, компонентом детерминативных композитов: эргонима *Johanniterorden (Johanniter* + *Orden)* ‘Орден иоаннитов’, хрематонима *Johanniterkreuz (Johanniter* + *Kreuz)* ‘мальтийский крест’. Фитоним *Johannisbeere* выступает в качестве исходного компонента для новых композитов: *Johannisbeere* → *Johannisbeerstrauch; Johannisbeere* →

Johannisbeerwein. Ойконим *Johannisberg* становится производящей основой для хрематонима *Rheinwein Schloß-Johannisberger* [BK, 0943] (наименование известной марки вина).

Изучение деривационных процессов на основе онима *Johannes* показывает, что в диахронии немецкого языка этот агионим активно выступает в роли мотиватора деривационных процессов, образуя различные словообразовательные модели: 1) модель безаффиксного (имплицитного) словопроизводства; 2) суффиксальная модель 3) модель словосложения как с детерминативной, так и с сочинительной связью между компонентами. В результате не обязательно появляется проприальная единица, но возможен и апеллятив. Отонимный дериват, в свою очередь, может стать производящей основой новой ЛЕ.

4.3.3. Антропоним Hans – результат и мотиватор деривационных процессов. ЛА *Hans* принадлежит к числу СИ, которые занимают особое место в онимной системе языка, мы называем их *репрезентативными* онимами [Усова, 2012]. В предыдущих разделах анализировались механизмы изменений в семантической структуре онима *Johannes* в связи с процессами трансонимизации и деривации [также см. Усова, 2015, 2016]. Однако следует заметить, что антропонимы *Johannes* и *Hans* рассматриваются здесь как разные ОЕ, хотя и сохраняющие общую этимологически-мотивационную базу, что будет показано далее. СИ *Hans* анализировалось подробно только в связи с поэтонимизацией. Рассмотрим эту ОЕ с точки зрения семантических, структурных, ономасиологических, количественных, словообразовательных и функциональных особенностей. В задачи входит анализ процессов лексикализации исследуемой единицы с момента ее семантической дифференциации, грамматического и фонографического оформления, а также особенности ее функционирования в исторической перспективе и в СНЯ, в том числе как продукта деривации и как мотиватора процессов онимообразования.

4.3.3.1 Семантическая дифференциация. Появление именной формы *Hans* как диминутива в немецком языке относится к эпохе Средневековья, предположительно к XII–XIII вв. Словообразовательной базой явилось ИС *Johannes*,

к тому моменту уже укорененное в ономастиконе немецкого языка и функционирующее в этом периоде не только как библионим и агионим, но и в качестве крестильного имени, полного мужского ЛА. В фонетике ОЕ на тот момент сохраняется иноязычное ударение *Jehánnes*. В дальнейшем безударный первый слог утрачивается при сохранении окончания *-es.*[32] – *(Je)hánnes.* Эти трансформации происходят, согласно словарю Я. и В. Грим [DWG], не позднее начала XIV века. Таким образом возникает гипокористическая форма: *Jehánnes → (Je)hánnes → Hannes → Hann(e)s → Hans*[33]. Произведенный ЛА выявляет изменения семантики: по сравнению с базисным онимом он отличается сужением спектра проприальных значений. Семантическое ‘расщепление’ проприальной единицы *Johannes / Hans* закрепляется функциональной дифференциацией отныне параллельно существующих форм антропонима: официального, полного имени *Johannes*, с одной стороны, и бытового, ‘звательного’, гипокористического имени *Hans* – с другой.

4.3.3.2 Функциональная дифференциация непосредственно связана с семантической и происходит параллельно. Это проявляется в закрепленности имени *Johannes* в возвышенном стиле религиозной сферы (библионим, агионим, крестильное имя), в имянаречении членов аристократических семей, в то время как образованный от него дериватоним *Hans* характеризуется отнесенностью к сниженному стилю: бытовой, разговорной, простонародной речи. В связи с этим он приобретает уменьшительные, пейоративные коннотации и начинает функционировать в качестве прозвища. Следует отметить тот факт, что, несмотря на обособление, быстрое распространение и популяризацию вторичного антропонима *Hans,* этимон не вышел из употребления, не был вытеснен или заменен дериватонимом. Продолжалось параллельное сосуществование и функционирование в лингвокультуре обеих лексем как вариантов одного исходного антропонима. Эта ситуация сохраняется и в СНЯ, что, на наш взгляд,

[32] mit beibehaltung der fremden betonung Johánn, eine form die im niederdeutschen in Jehann mit tonlos gewordener erster silbe (min Jehann. Groth Quickborn s. 2) verläuft; und endlich mit abfall der ersten silbe und beibehaltung der endung Hannes, gekürzt Hans [DWG, Bd. 10, Sp. 456].

[33] По предположению В. И. Супруна, имманентная антропонимам способность образовывать от полного имени гипокористики, возможно, объясняется тем, что гипокористика соотносится с древними вокативными формулами, отражая звуковую природу языка [Супрун, 2008].

объясняется именно перераспределением между ними функциональных значений. Например, в качестве агионима никогда не употреблялась сокращенная форма имени *Johannes*[DWG Bd. 10, Sp. 2333], тогда как в качестве бытового, ‘звательного’ (Rufname) имени (вокатива), фамильярного обращения, как правило, использовалась форма *Hans*.

4.3.3.3 Социолингвистический аспект. Антропоним *Johannes / Hans* был чрезвычайно популярен в период с XIV по XVII вв., как в дореформационной Германии, так и позднее, в равной мере у католиков и протестантов [Kohlheim 2011]. Исследования подтверждают, что, к примеру, в католическом Мюнстере на первом месте по частотности среди имен для мальчиков был антропоним *Jo(ann)e/-i/-s,* в евангелистском *Версмолде (*Versmold) *Joh(an/n)* [Там же. С. 115], т.е. региональные варианты производных от *Johannes* ЛА. Это имя длительное время занимало первую позицию по количеству употреблений и составляло в разных регионах от 24,1% до 29%. Так, по данным исследования Р. Кольхайм, в Нюрнберге в период с 1581 по 1589 год личное имя *Hans / Johannes* составляло 26,5% всех мужских имен, в период с 1600 по 1608 его частотность выросла до 29%. Носителями имени были в основном состоятельные люди, представители высших и средних слоёв населения: члены городского совета, юристы, теологи, купцы [Там же. С. 117]. Если в аристократической среде, у духовенства, в высших социальных кругах отдавалось предпочтение полной форме имени *Johannes,* то антропоним *Hannes*/*Hans* был чрезвычайно популярен среди простого люда, в особенности у крестьян, использовался для именования ‘маленьких людей’. Д. Ганцер упоминает поверье, по которому в дом, среди обитателей которого есть обладатель имени *Hans*, не попадает молния, и видит в этом одну из причин столь широкой его популярности, что в каждой семье был как минимум(!) один *Hans* [Ganzer, 2008, c. 60]. Вследствие особой распространенности в качестве ЛА низших сословий за этой ОЕ закрепились коннотации ‘человек из народа’, ‘грубый мужик’, ‘мужлан’ (‘kerl’). Эти факторы способствовали деонимизации онима. Начиная с 14 в. *Hans* все чаще используется как обращение, оклик лиц мужского пола, персональное

имя которых не имеет значения[34]. Апеллятивация антропонима происходит вместе с развитием коннотативного, чаще пейоративного, значения.

Однако уже в XIV веке дериватоним *Han(ne)s* выходит за рамки фамильярности, «прозвищности» и начинает функционировать как самостоятельное мужское личное имя. Он встречается в грамотах и других документах начала XIV века, где именует не только простых бюргеров, но и представителей благородного сословия (см. грамота графа Бурхарда из Мансфельда, датированная 1307 годом; магдебургская грамота от 1315 г.)[35]. С этого периода оним приобретает постоянный статус самостоятельного полного мужского личного антропонима и функционирует в этой роли наряду с антропонимом *Johannes.*

Социальная актуализация имени, его распространение в обществе и частота употребления, процессы деонимизации и апеллятивации – факторы, которые предопределили его идиоматическое функционирование.

4.3.3.4 Лингвистические характеристики. Формальной операцией в обособлении от производящего онима и решающим моментом в оформлении вторичного образования в самостоятельную ОЕ стали фонетические изменения в структуре ЛА. Как сказано выше, в результате аферезиса возникает сокращённая форма крестильного имени: *Johannes – Hannes.* Вследствие редукции и элизии гласного в финальном слоге диминутив получает более привычную сегодня форму *Hans.* Грамматическое оформление происходит вместе с модификацией фономорфемной структуры онима, которая завершается переходом от двусложного к односложному составу ОЕ: *Han-nes – Hans.*

[34] das häufige erscheinen des namens veranlaszt, dasz derselbe (ähnlich wie Heinz, Hinz, Kunz, vgl. auch die weiblichen namen Grete, Trine), über den engern kreis des nomen proprium hinaustritt und zunächst als anrede, anruf, bezeichnung männlicher personen gilt, deren specialnamen man nicht kennt oder nicht nennen will, die man daher mit einem auf viele personen gehenden namen bezeichnet und so gewissermaszen mehr ins allgemeine malt» [DWG. 16 Bde. Bd.10, Sp. 456].

[35] gekürzt Hans. die letzteren kürzungen sind gewis sehr alt, erscheinen wenigstens in urkunden aus dem anfange des 14. jahrhunderts als gewöhnlich, nicht nur in bezug auf personen aus dem bürger-, sondern auch aus edlem stande: eine urkunde des grafen Burchard zu Mansfeld von 1307 (bei Höfer urkunden s. 73) führt als zeugen auf her Hannes von Hartefrode, her Hannes von Crendorp; eine magdeburgische urkunde von 1315 (bei Dreyhaupt Saalkreis 1, 51 f.) hat die namen Hans von Borch der goldsmede mester, Hans von Haldesleve der messewerker meister, her Hansz und her Thilecke von Gronenberge, her Hans borchgreve zu Louburch [DWG, Bd. 10, Sp. 456].

Таким образом, закрепление сформировавшегося личного имени *Han(ne)s* в именнике происходит посредством лексикализации его как личного мужского антропонима, полностью встроенного в систему онимов немецкого языка.

4.3.3.5 *Hans* в современном немецком языке. Анализ современного статуса исследуемого антропонима с точки зрения количественной представленности на основе данных лексикографических источников показал, что это имя не имеет в пространстве немецкой лингвокультуры той популярности, которую имело прежде. В последние годы личный антропоним *Hans* (также как и *Johannes*) даже не входит в десятку самых популярных мужских личных имен Германии [NL; OVL], что свидетельствует о перемещении этого ЛИ на периферию проприального пространства немецкого языка. Сегодня он не утратил мотивационную связь с основой производящего онима. Его часто относят к так называемым ‘повседневным’ (ср. ‘бытовое’ имя) именам (die ‘alltäglichen’ Namen [Fleischer, 1971, c. 108]), считая гипокористикой СИ *Johannes*. В то же время этот оним фигурирует в ономастиконе и как самостоятельное полное официальное личное имя, что характеризует его как оним с ‘двойным’ статусом.

4.3.3.6 Онимная деривация на базе *Han(ne)s.* ЛА проявил себя как мотиватор онимной деривации, в результате которой в немецкоязычном онимном пространстве со временем возникли другие варианты исследуемого онима. Их появление было обусловлено различными факторами как лингвального, так и не лингвального характера, рассмотрение которых здесь не предусмотрено. Нас интересует степень продуктивности онима в словообразовании, т.к. она является количественным фактором, свидетельствующим о популярности и значимости имени для определённой культуры. Не рассматриваются отонимные дериваты типа *Joann – Johann – Jannes – Jan – Jen*, поскольку компонент *Han(ne)s* не является для этих дериватов производящей основой. Не принимались во внимание также композиты с идиоматизированным значеним (типа *Fabelhans* и т. п.).

Исследуемый оним является мотивирующим словом в деривационной цепочке, словообразовательной базой для новых ОЕ, их вариантов и форм. Установлено 38 ЛИ, произведенных от корневой базы *Han(ne)s*[36] (см. табл. 3).

Таблица 4. Словообразовательные модели проприальных дериватонимов СНЯ с компонентом Han(ne)s

Безаффиксное словопроизводство	**Суффиксальное словопроизводства**	**Словосложение**
	Hansel	Hansbernd
Hannis (устар.?)	Hänsel	Hansbert
Hanno	Hansele	Hans-Gert[37]
Hanns (Nebenform)	Hanni	Hans-Christoph
Henno	Hänsi / Hansi	Hans-Christian
Hennes	Hänslein	Hans-Dieter / Hansdieter
	Hanjo (Neubildung aus Johann od. Hans)	Hans-Dietrich / Hansditrich
	Hannecke	Hansferdinand
	Hasse	Hansgeorg / Hans-Georg
	Hasso	Hansgerd
	Hänschen	Hansheinz
	Henning	Hansjakob
	Hennig	Hansjoachim, Hansjoachem, Hansjochen
		Hansjörg
		Hansjosef, Hansjoseph
		Hansjürgen
		Hanspeter / Hans-Peter
		Hansrolf
		Hansruedi (schweiz.)
		Hanswerner

Анализ словообразовательных механизмов выявляет три способа производства отонимных дериватов от исходного антропонима*:* безаффиксный способ словообразования, суффиксальный способ и композицию. Производные имена с базовым онимным компонентом *Han(ne)s* выявляют морфологические, структурные и семантические особенности.

Как следует из таблицы 3, группа произведённых безаффиксным способом онимов самая немногочисленная и насчитывает всего пять единиц. Морфологическим показателем словообразования является при этом аблаут

[36] Там, где словари личных имен не содержат прямых указаний на исходный оним, мы руководствуемся принципом фонографического сходства для установления в отношениях производности МИ.
[37] *Hans-Gert, Hans-Christoph, Hanswerner* – онимы из: [Fleischer 1995:131].

Hannes – Hennes, фонографическое изменение финального слога *Hannes – Hannis, Hanno* или то и другое *Hannes – Henno.* В этих случаях следует рассматривать в качестве словообразовательной базы более раннюю форму исходного онима *Hannes.*

Вторую группу составляют дериватонимы, произведённые по модели суффиксации (13 единиц). Инструментами словопроизводства выступают суффиксы *-el, -ele, -i, -chen, -lein, -o, -e, -ig, -ing, -(e)cke.* Суффиксы *-i (Hänsi, Hansi, Hanni), -el (Hänsel), -chen (Hänschen), -lein (Hänslein)* привносят диминутивное значение вследствие своей собственной семантики уменьшительности, ласкательности. Остальные дериватонимы, образованные по модели суффиксального словопроизводства, не выявляют ярко выраженных диминутивных признаков.

Часть производных дериватов сохраняют исходную основу без изменения, но в ряде случаев вместе с суффиксацией наблюдается изменение корневого гласного *(Hans – Hänsi, Hänschen, Hänslein, Hennig, Henning, Henno, Hennes)* и вариативное чередование корневых гласных *a / ä (Hansi / Hänsi).*

Третью группу дериватонимов, наиболее репрезентативную в количественном отношении (20 единиц) составляют сложные слова-композиты. Анализ словообразовательных особенностей произведённых на базе ИС *Han(ne)s* дериватонимов позволяет констатировать исключительную продуктивность в отношении моделей композитообразования, что выражается в возможности создавать по этой модели новые онимные единицы от исходного антропонима путём комбинирования с другими проприальными единицами. Речь идёт о соединении двух личных имен в одном слове в слитном написании либо альтернативном написании через дефис. В структурном отношении обращает на себя внимание участие базового онима в композитообразовании в качестве первого компонента при вариативности второго.

Таблица 5. Количественная характеристика проприальных дериватонимов с компонентом *Han(ne)s* в немецком языке

Способ словообразования	**Количество единиц**	**Процентное соотношение**
Безаффиксный	5	13,2
Суффиксальный	13	34,2
Словосложение	20	52,6
Всего	***38***	***100***

Следует сказать и о деривационной активности некоторых образованных от ЛА *Hans* дериватонимов. Так, диминутив *Hänsel* становится МИ для ЛЕ *Hänselmann* ‘ванька-встанька’. Образованный безаффиксным способом, в семантическом плане он соотносится с МИ *Hänsel* отношением тождества, обозначая признак, свойственный лицу, обозначенному МИ. На основании проведенного анализа ЛА *Hans* можно заключить следующее:

Возникновение в немецком языке ЛА *Hans* произошло посредством деривации, обусловленной семантической и функционально-стилистической дифференциацией исходного ИС *Johannes.* Дериватоним выявляет сужение спектра проприальных значений по сравнению с исходным МИ.

Социальная актуализация имени, частота употребления дериватонима *Han(ne)s* приводят, с одной стороны, к апеллятивации, с другой – к тому, что это ИС выходит за рамки диминутивности, фамильярности, ‘прозвищности’ и начинает функционировать как самостоятельное ЛИ параллельно с ЛА *Johannes.*

В процессе обособления от производящего онима происходят лексикализация и грамматикализация дериватонима *Han(ne)s*, сопряжённые с формальными фонетическими и морфологическими изменениями (аферезис, редукция, элизия, переход к односложной структуре).

4. Анализ современного статуса исследуемой единицы показывает утрачивание в СНЯ антропонимом *Hans* былой популярности, перемещение этого онима на периферию проприального пространства немецкого языка.

5. Дериватоним *Hans* не утратил полностью мотивационную связь с основой производящего онима, однако фигурирует в ономастиконе СНЯ как

самостоятельное полное официальное личное имя, что обеспечивает ему ‘двойной’ статус.

Несмотря на семантическую вторичность, ИС *Hans* проявляет значительную словообразовательную продуктивность. Если ЛА *Johannes* реализует способности МИ главным образом в производстве апеллятивной лексики, то словообразовательная база *Hans* демонстрирует наибольшую мотивационную активность в сфере производства онимных единиц.

Словообразовательный анализ выявляет такие способы словопроизводства от исходного ЛА*:* безаффиксный, суффиксальный и композицию. Наиболее продуктивным в СНЯ является композиционный способ онимообразования (словосложение) на базе исследуемых ЛА, при этом наблюдается наличие альтернативных фонографических форм.

Материалы главы отражены в публикациях: [Усова, 2008(1); 2009(5); 2011(2); 2012(2); 2012(5); 2015(2); 2016(1); 2017(1); 2018(3); 2018(6); 2018(8); Usova, 2011; 2012(1); 2016].

Выводык главе 4

1. Существование проприальных единиц невозможно вне культуры. Потенциальные возможности онимов реализуются во всех сферах жизни общества – от обозначения объектов реальной действительности до участия в создании ‘виртуальной’ реальности (поэтоним).

2. В современной ономастике тема коннотации является актуальной, но не имеющей законченной оценки. Механизмы коннотонимизации основаны на вторичной (‘иносказательной’) номинации посредством ИС с метафорическими, или символическими, значениями. Это свойство ономастики используется в разных видах речи. Коннотативные ИС обладают сильным эмоционально-экспрессивным зарядом, что мотивирует к использованию их в ‘переносном’ значении для именования того, что при нейтральном стиле выражения могло бы быть обозначено посредством апеллятивов. Коннотативность онима обладает

двойственной природой: лингвистической и экстралингвистической (социальные, этнические, исторические коннотации).

3. Проблема семантики связана с вопросом о взаимосвязи звучания и значения в ИС и с проблемой актуализации того или иного компонента содержательного наполнения онима. Содержательная и формальная сторона в ониме неразрывны. Содержательность ИС может актуализироваться звучанием (*Макар, Кондратка* и т.п.).

4. В процессе лингвистического наблюдения и анализа устанавлена структурно-семиотическая и конструктивная роль поэтонима *Светлана* в формировании не только художественного пространства произведения, но и лингвокультурного пространства эпохи. Выявленная динамика этого ИС обнаруживает его последовательное перемещение из онимного пространства языка в произведение художественной литературы, промежуточное пребывание в качестве коннотативного поэтонима в другом литературном произведении, погружение в онимное пространство языка уже в новом качестве (вместе с приобретёнными созначениями), затем проникновение в новый ХТ (в иную эпоху) и функционирование в нём. В тексте произведения отконнотонимный поэтоним влияет на организацию звукосмыслового пространства, придаёт особое значение образам и мотивам, которые воспринимаются как знакомые и узнаваемые благодаря интертекстуальности ИС.

5. Изучение ИС в динамике обнаруживает сложность предмета исследования, которая характеризуется *коннотативностью* онима, а также его способности к разным способам трансонимизации, что устанавливается диахроническим рассмотрением ИС *Johannes*: агионим → библионим → геортоним → экклезионим → хрематоним → идеоним → эргоним → антропоним → топоним / ойконим. Этапы трансонимизации ИС не следует рассматривать как завершённые, необратимые процессы, так как это не соответствует динамической сущности онима и характеру множества состояний, возможных для внешне одного и того же языкового знака.

6. ИС способно адаптироваться к языковым и неязыковым реалиям иной культуры, попадая в которую и регулярно возобновляясь в новой среде, наполняется ассоциациями и коннотациями, становится неотъемлемой частью ранее чуждой национальной культуры. Всесторонний анализ антропонима *Johannes* выявляет длительный эволюционный путь этого ЛИ через разнообразные состояния к современному его статусу. Войдя в культурное пространство немецкого языка как заимствованный из чужой культуры этимон-агионим *Johannes*, ИС адаптировалось к языковым реалиям, встроилось в культурный континуум и не воспринимается сегодня как иноязычное.

7. Как можно увидеть из материалов главы, социальная актуализация имени, его распространение и частота использования в обществе под влиянием традиций и моды являются факторами, которые во многом предопределяют изменения в сементике ИС: деонимизацию, апеллятивацию, поэтонимизацию, идиоматическое употребление. Это объективный процесс, обусловленный рядом социальных, исторических, политических, демографических и других нелингвальных факторов. Преобразование внутреннего содержания онима происходит в непрерывном развитии семантики, перетекании из одного состояния в другое: из онима в апеллятив, из апеллятива в поэтоним, коннотоним и т.д. одновременно с формально-структурными (морфолого-грамматическими, лексическими и фонетическими) изменениями ИС.

8. Изучение деривационных процессов на основе онима *Johannes* показывает, что в диахронии немецкого языка это ИС активно выступает в роли мотиватора словообразовательных процессов. В отношениях производности, исходной единицей которых служит исследуемый оним, выявляются различные словообразовательные модели: 1) модель безаффиксного (имплицитного) словопроизводства; 2) суффиксальная модель 3) модель словосложения как с детерминативной, так и с сочинительной связью между компонентами. Выводимый из этих отношений дериват не обязательно является проприальной единицей, но может обогащать состав апеллятивной подсистемы языка. Произведенный дериватоним, в свою очередь, может стать производящей основой

новой ЛЕ. Если исходное имя *Johannes* проявляет способности мотивирующего слова главным образом в производстве апеллятивной лексики, то словообразовательная база *Hans* демонстрирует наибольшую мотивационную активность в сфере производства онимных единиц.

10. Претерпевая преобразования, имя не прекращает своё ономастическое существование. Мультиплицированное в деривативных вариантах, трансформируясь семантически, давая жизнь новым лексемам, ИС, как правило, не растворяется в них, а остаётся в онимиконе лингвокультуры. ИС *Hans* и сегодня продолжает жить в антропонимиконе немецкого языка не только как гипокористическое звательное имя, но и как альтернатива полного официального личного имени. То же касается ИС *Ио(г)анн* в русском языке, которое, при наличии его модифицированных вариантов, не прекратило существовать в своем первоначальном виде, хотя переместилось в социостиль религиозных, церковных отношений и возвышенно-поэтическую сферу.

ГЛАВА 5
ПОЭТОНИМ КАК ЯВЛЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СФЕРЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

5.1 Вводные замечания

В семиотическую систему художественного произведения (речь идёт о системе образной и знаковой) ‘погружена’ система онимов (поэтонимов) этого произведения, будучи, в свою очередь, включённой в систему онимного пространства языка как часть целого. Таким образом, онимия художественного произведения является существенной составляющей двух систем одновременно: языковой системы определённой монокультуры (включающей в себя подсистему онимного пространства языка) и художественной системы произведения (цикла / наследия) конкретного автора, т. е. единственного в своём роде, неповторимого мира, созданного творческим авторским сознанием. Изучение соотношения этих систем можно было бы определить как одну из основных задач современной ономастики и основную задачу поэтонимологии. Задача эта настолько глобальна, что решение её возможно лишь путём объединения усилий учёных, работающих в разных направлениях и методиках исследования поэтонимов как явления языка художественной литературы.

При решении указанной задачи необходимо учитывать, что любые формы расхождений между реальной и литературной онимией всегда воспринимаются только сквозь призму смысловой системы конкретного национального языка данной эпохи. «Каким бы воображением и силой фантазии ни обладал писатель, собственные имена в его произведении будут восприниматься и пониматься читателем только в связи с тем, в какой мере и как отражена или преобразована ономастическая система общенародного языка» [Калинкин, 2001, с. 94-95].

В подлинно художественном произведении все элементы объединены участием в формировании его содержательной стороны. Сложность подобных

исследований состоит в необходимости учитывать одновременно ряд важных факторов: и многогранность явления ИС как такового, и специфику текста художественной речи как многоуровневой системы, и мировосприятие каждого конкретного автора, отражающееся в особенностях его индивидуального стиля, и своеобразие изображаемой эпохи – преломлённое авторским сознанием видение определенного культурного среза. Именно поэтому анализ содержательности конкретного произведения «требует не изолированного, автономного рассмотрения отдельных частей, а исследования стиховой организации в целом как системы взаимосвязанных элементов, каждый из которых значим не сам по себе, а лишь во взаимодействии с другими» [Гиршман, 2002, с. 132].

5.2 Художественная ценность поэтонима в совокупном звучании целого

В современной лингвистике сложилось научное понимание текста, выработанное усилиями многих учёных (И. В. Арнольд, М. М. Бахтин, В. В. Виноградов, И. Р. Гальперин, М. М. Гиршман, В. П. Григорьев, В. А. Кухаренко, О. И. Москальская, А. А. Потебня, Л. И. Тимофеев, Ю. Н. Тынянов). Текст рассматривается как целостное образование, сложно устроенная система, компоненты которой объединены в единое целое, иерархически организованное замыслом автора. Отсюда художественный текст (ХТ) – это своеобразная система, характеризующаяся интегративными качествами, не присущими его отдельным компонентам, но возникающими в результате творческого процесса. ХТ является не просто структурированно упорядоченной системой, но системой, управляемой внутренней связностью, согласно определению В. Н. Топорова, «совокупность элементов, организованных таким образом, что изменение, исключение или введение нового элемента закономерно отражается на остальных элементах» [Топоров, 1962, с. 9-10]. В диссертации придаётся значение художественной целостности, одного из базовых принципов, которому подчинены механизмы создания гармонического единства формы и содержания художественной, в особенности стихотворной, речи. В его

основе лежит принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и невыводимость из последних свойств целого; зависимость каждого элемента, свойства, отношения от его места, функций внутри целого. Понимаемая в этом, классическом, смысле целостность характеризует качественное своеобразие объектов, «обусловленное присущими им специфическими закономерностями функционирования и развития» [Блауберг; Юдин, 1978, с. 480]. Теоретико-литературная концепция целостности литературного произведения определяет её как сущность, обусловленную единством содержания и ‘задающая’ системную взаимосвязь частей произведения друг с другом и с целым, не сводимую в своей идейно-образной содержательности к простой сумме структурных компонентов. Единство формы и содержания стихотворения достигается, когда «Образ-переживание находит для себя язык, интонацию, ритм и только благодаря им приобретает свою художественную весомость, и в свою очередь звук, ритм, интонация, слово приобретают свой художественный смысл именно тогда, когда мы ощущаем их органичную связь с образом» [Тимофеев, 1962, с. 78]. Естественно, что целостность истинно художественного текста создаётся иерархией его внутренней организации, динамикой многообразных связей его частей [Гиршман, 2002, с. 55]. Из сказанного следует, что поэтическое произведение как текст – это сложная система языковых средств, все уровни и элементы которой взаимосвязаны и взаимообусловлены, организованы таким образом, чтобы максимально полно служить выражению авторского замысла. это относится и к звуковой стороне текста в целом, и имени, которое не существует вне звука. В связи с этим уместно вспомнить определение Р. Якобсона: «стих – это прежде всего повторяющаяся “звуковая фигура”», но «отнюдь не единственно звуковая» [Якобсон, 1975]. Так же как имя – не только звук, но ещё и смысл, и звучание входит в общий смысл, который не может быть полным без фонетической составляющей.

Художественная речь рассматривается нами как одна из форм существования языка, с учетом отношений эквивалентности между фонетическим, диахронным и индивидуальным, образующим сферу речи, и грамматическим, синхронным и

коллективным, относящимся к сфере языка. Еще раз фокусируя внимание на том, что поэтическая речь – невероятно сложно устроенная, многоуровневая форма реализации языка, заметим, обращаясь к мысли А. Ф. Лосева, что «чем сложнее речь, тем более интенсивно функционируют в ней структурные и модельные принципы», которые могут формировать порой совершенно неожиданные значения и смыслы, «далеко выходящие за рамки непосредственного содержания и формы» [Лосев, 1982, с. 94].

В лингвистическом анализе принцип отношения к тексту как к целому реализуется прежде всего в изучении языковых явлений от общего – к частному, от системы – к ее элементам. Взаимодействие составляющих всех уровней в процессе создания художественного текста состоит в единстве двух противоположных процессов: распаде на элементы и структурировании этих элементов в единство. Применительно к поэтонимологии это означает, что конкретное звуковое и графическое, а вместе с тем и лексико-семантическое выражение ‘явления’ имени в произведении должно рассматривать как органично присущую неотъемлемую часть, взаимодействующую с художественным контекстом. В то же время конкретный текст представляет собой частное, индивидуальное выражение определённой языковой системы. Невозможность разделения слова, в особенности поэтического, на внешнее выражение (форму) и внутреннее содержание (значение) осмысляется современной филологией через понятие художественной целостности. Цельность (системность, завершённость, связность) текста и идея целостности человеческого бытия, по М. Гиршману, сосуществующие в литературном произведении как единство и борьба противоположностей, во многом определяют его смысловую многомерность и структурную сложность. Целостность должна соотноситься „с началами“ и „концами“, с „первой“ и „последней“ мировой целокупностью, <…> во внутренней связи природной органичности и сверхприродного, культурно-творческого общения и созидания» [Гиршман, 2002, с. 55]. Эти современные мысли соотносятся с размышлениями О. Мандельштама о том, как возникает стиховой текст, подобно тому как «звукоборствует симфония войны», в единстве

смысла и звукового оформления, когда «вещь возникает как целокупность в результате единого дифференцирующего порыва, которым она пронизана» [Мандельштам, 1987, с. 113]. Здесь ценен сам процесс творчества как явление рождения смысла из определённым образом организуемых материальных звуков. «Еще если б мы слышали Данта, мы бы нечаянно окунулись в силовой поток, именуемый то композицией – как целое, то в частности своей – метафорой, то в уклончивости – сравнением, порождающий определения для того, чтобы они вернулись в него, обогащали его своим таяньем и, едва удостоившись первой радости становления, сейчас же теряли свое первородство, примкнув к стремящейся между смыслами и смывающей их материи» [Мандельштам, 1987, с. 114].

Единство и цельность содержания текста достигаются различными внутритекстовыми связями, называемыми И. Р. Гальпериным когезией [Гальперин, 1981, с. 27]. Она обеспечивает логическую последовательность и взаимозависимое единство частей текста, находящихся друг от друга на значительном расстоянии. Существует ассоциативная когезия, благодаря которой возникают ретроспекции, коннотации, субъективно-оценочная модальность, композиционно-структурные формы когезии, благодаря которым реализуетс я структурный параллелизм: зачины, идентичность структур предложений, сверхфразовых единств и абзацев, а также фонетическая когезия [Там же. С. 27].

5.2.2 Статистические данные показывают, что в любом тексте (кроме особых видов текстов, например, списков избирателей и т. п.) собственные имена не составляют, как правило, более 5% его объема [Карпенко, 2000, с. 68]. Но, как оказалось, без анализа этих 5% настоящее понимание текста, его глубинных, подтекстовых смысловых слоев, является невозможным. Существует мнение о том, что личное имя до такой степени укоренено в социальных классификациях и парадигматизме, что вообще не может органично вписаться в синтагматическое измерение [Ямпольский, 1998]. Во многих языках его отличает заглавная буква в начале, а также такое свойство, как отсутствие артикля, «как бы выталкивающее личное имя из синтагматической решетки» [Ямпольский, 1998, с. 26]. Возможно, и в

этом прявляется изначальная ‘особенность’ ИС, ценная для литературы, поскольку выразительность, ёмкость и образность поэтической речи в определенной мере формируется той лексикой языка, которая обладает особой образностью, ‘поэтичностью’. В то же время «образность отдельных слов и постоянных сочетаний, как бы ни была она заметна, ничтожна сравнительно с способностью языков создавать образы из сочетания слов, все равно, образных или безóбразных» [Потебня, 1990 (2), с. 153]. Это закономерно относится и к тому обширному и богатому пласту языка, каким является онимикон. При всей справедливости мнения В. В. Виноградова о том, что «любое языковое явление при специальных функционально-творческих условиях может стать поэтическим» [Виноградов, 1981, с. 129], заметим, что оним как таковой обладает невероятной ‘комбинаторной гибкостью’, а отсюда – поистине безграничным художественным потенциалом, что было показано (отчасти) в предыдущих параграфах. Ещё более убедительным доказательством исключительной значимости онимов для художественного произведения является тот факт, что использование ИС свойственно поэтической речи разных лингвокультур, а следовательно – явление универсальное.

Опыт лингвистического анализа сквозь призму ономастического наблюдения подтверждает, что одарённость мастера слова проявляется именно в его уважительном отношении к разнообразным языковым средствам, мельчайшим подробностям и нюансам плана выражения, подбором которых и создается текст с многомерным художественным содержанием. В исследованиях было замечено, что у настоящего мастера слова онимы становятся мощным выразительным, характеризующим средством [Горнакова, 2010; Зайцева, 1973; Калинкин, 1999 (1); Калинкин, 1999 (2); Калинкин, 2002 (2); Карпенко, 1986; Карпенко, 2000; Ковалёв, 2002; Ковалёв, 2005; Магазаник, 1978; Михайлов, 1966; Ничик, 2008; Сивцова, 2008; Усова, 2010 (1); Усова, 2011 (1); Флоренский, 2000; Фонякова, 1990 и др.]. Подбирая имена, автор, осознанно или неосознанно, ‘подгоняет’ их к создаваемым персонажам, добиваясь гармонии образа и поэтонима [Debus, 1998]. Гармонизации целого способствует и то обстоятельство, что языковой онимный

инвентарь обширен и разнообразен, а в случае необходимости параметры художественной речи предоставляют возможности для имятворчества.

В последнее время в научном мире уже признаётся существенная роль ИС в литературном произведении, способность поэтонима выступать не только конституирующим элементом структуры текста, но и нести определенную семантическую нагрузку. Отмечается, что в художественном произведении имя и образ, параллельно создающиеся в творческом воображении автора, дополняя и уточняя друг друга, работают друг на друга [Суперанская, 1973, с. 133; Карпенко, 1986, с. 39; Калинкин, 1999]. Взаимодействие каждой онимной единицы (ОЕ), включенной в ХТ, не только с онимной, но и с образной системой произведения, с авторским замыслом, с художественным целым, связи с жанром и стилем детерминируют, прежде всего, онимию литературы, существенно сужая ее субъективное начало [Карпенко, 1986, с. 36]. Именно поэтому «адекватное объяснение поэтики онима возможно только с учётом фактора контекста» [Калинкин, 1999, с. 121]. ИС, став компонентом произведения (и превратившись таким образом в единицу иного качества – поэтоним), претерпевает разнообразные трансформации. Оно семантизируется в ходе взаимодействия с другими составляющими ХТ, и в результате, к концу произведения, наполняется новым содержанием, зачастую становится совсем другим словом, нежели в начале. Такая трансформация является следствием соединения свойств как самого имени, так и контекстуальных условий [Иванова, 2000, с. 173; Калинкин, 1999, с. 121; Косиченко, 2015, с. 214; Михайловская, 1978, с. 187 и др.].

Но существует и обратный процесс, когда семантическая глубина и многослойность ИС становятся источником стилистически релевантного потенциала всего произведения, где «стилистически значимой оказывается и речевая, и энциклопедическая, и языковая информация» имён, поскольку «они вносят дополнительные сведения, порой недоступные для понимания при первом прочтении произведения» [Суперанская, 1973, с. 328]. При этом особенно важны «вопросы взаимодействия поэтонима и его “культурной памяти”, рассредоточенной в межтекстовом пространстве, с поэтикой данного

художественного произведения» [Калинкин, 1999, с. 279]. Сказанное применительно и к прозаическим, и к стихотворным произведениям. Естественно, что в процессах семантизации оказывается задействованным и материальный, и формальный, и семантический компонент ИС, его ‘ближайший’ контекст (В. М. Калинкин) и полный поэтический контекст произведения. Такой подход помогает увидеть, как имя и контекст выступают равноправно, являясь одновременно и «органом» и «полем» смыслотворения» (М. Гиршман). Истинная же роль поэтонима в создании художественного мира может быть определена только с позиций произведения как целого, с учетом широкого культурного контекста, поскольку только в этих условиях ИС разворачивает свою многоплановую выразительность, заложенную в различных его свойствах.

В современном отечественном и зарубежном языкознании становится всё более распространённым комплексный, системний подход, который пришёл на смену атомарному рассмотрению отдельно взятых аспектов языковых и речевых явлений. В связи с этим онимний слой лексики становится одним из главных объектов лингвистических исследований. Однако в комплексе особенности структуры, семантики и употребления этих единиц на всех уровнях – фонетическом, морфологическом, семантическом, художественном и в широком культурном контексте изучаются ещё недостаточно полно.

ИС поэтических текстов подлежат лингвистическому анализу, с одной стороны, как языковые знаки, принадлежащие системе конкретного языка; с другой стороны, как элементы художественной речи, интегрирующиеся в структуру текста и проявляющие свои свойства на разных его уровнях: звуковом (в том числе на уровне дифференциальных фонетических признаков); морфемном; лексико-семантическом; просодическом; смысловом (в создании разного уровня смыслов). Исследование проприальных единиц как реальных составляющих поэтических структур не является полным без установления роли звуковой формы поэтонимов для становления не только эвритмической и эвфонической стороны стихотворного произведения, но и для формирования смысла.

Художественная значимость поэтонимов проявляется, в частности, в процессе экспликации семантико-стилистических свойств их фонетической структуры, которая становится одним из источников поэтической образности. Посредством символического содержания, ассоциативных аспектов разного рода, звуковых признаков онимы формируют характер образов, колорит эпохи или места действия. Отдельные имена настолько ‘вплавлены’ в вымышленные образы, что, выступая своеобразной ‘визитной карточкой’, одновременно обозначают и представляют своих референтов. Зачастую поэтоним становится символом своего персонажа, материальным воплощением его образа. Преобразуясь в структурные элементы ритмически упорядоченной речи, nom. pr. неизбежно образуют взаимосвязи со всей системой лексико-семантических и стилистических средств, встраиваясь в звуковую и просодическую канву произведения.

Способы реализации возможностей ИС как определённого класса слов зависят от конкретных контекстуальных условий. Следует заметить, что фонетическая структура *любого* имени может рассматриваться как потенциальной источник содержательности звуковой формы поэтонима (см. раздел 5.4). Более того, как показывают результаты проведенных ранее исследований, контекст может полностью менять семантику слова [например, Карпенко, 2005, с. 14-15], или же сходство звучания слов оказывается дополнительным фактором объединения их по значению. В этой связи весомая роль принадлежит проприальным единицам, если они удачно употреблены в произведении, «звучат в унисон» с другими элементами идиостиля, не нарушая гармонии целого, а поддерживая её. Естественно, что особенности экспликации фонетического потенциала поэтонима обусловлены, с одной стороны, его конкретно-материальным выражением, а, с другой стороны, спецификой контекстуальных условий. Оставаясь скрытым, неясным вне семантики произведения, значение фонетической формы эксплицируется только по мере углубления в фоносемантические связи с художественным контекстом (а иногда требуя раскрытия и осмысления семантических связей, выходящих за рамки произведения).

Всестороннее исследование поэтонимов подразумевает внимание и к таким проявлениям специфики ХТ: звуковой состав, архитектоника, композиция, а также область взаимодействия поэтонимосферы и не-онимных элементов художественного пространства. Если, являясь элементом речевой структуры, «известный комплекс звуков накладывает на каждый входящий сюда звук свою определенную печать целого, так что звук речи оказывается не частью речевого отрезка, но уже его элементом, то так же и комплекс звуков, который является цельностью для каждого входящего в нее звука, тоже отражается на каждом отдельном звуке и тоже является в известном смысле его моделью. Речевой звук есть элемент речевой структуры, а речевая структура есть модель для каждого входящего в нее звука» [Лосев, 1982, с. 53]. Так и звуки поэтонима в структуре произведения как целого, частично утрачивая свою автономность, наполняются новым качеством, ибо оказываются вовлечёнными в процесс передачи плана содержания, а в конечном итоге – в стратегию достижения художественной цели. Диалектика взаимодействия поэтонима и ПТ, подобно взаимосвязи части и целого, состоит в единстве двух противоположных процессов: распаде на элементы и структурировании этих элементов в единство, благодаря чему и становится возможным звучание, наполненное смыслом.

5.3 Поэт и имя: рефлексии на звучание

Вопрос о месте и значении nom. pr. в индивидуально-личностном авторском сознании непосредственно связан с вопросом о значении и смысле поэтического слова, по мнению Ю. Н. Тынянова, самым значащим вопросом в области изучения поэтического стиля [Тынянов, 1965, с. 22]. Несмотря на то, что эта тема дискутировалась с момента возникновения лингвистической поэтики, она и сегодня не потеряла своей актуальности.

Рассмотрим отношения между ИС и поэтом, основываясь на авторских рефлексиях об имени, которые обнаруживаются при внимательном прочтении поэзии. В них можно заметить основные линии взаимодействия ‘культовых’

участников процесса словесного творчества, которыми являются, с одной стороны, ПОЭТ, а с другой – ИМЯ.

(1) ПОЭТ – ИМЯ. Поэт выступает в роли субъекта, оперирующего именем как словесным материалом, по своему усмотрению определяя меру значимости того или иного онима в целом произведении. Он выбирает (или создаёт) имя, вводит его в поэтический контекст, в систему образов, выстраивает сложную структуру фонетических, семантических и синтаксических взаимодействий поэтонима с другими компонентами текста с помощью системы поэтических средств, т.е интегрирует в синтагматику и парадигматику произведения.

(2) ИМЯ – ПОЭТ. В этих отношениях ведущим, доминирующим началом выступает ИМЯ. Дело здесь не в том, что ОЕ в поэзии часто более значимы, чем апеллятивы (что не раз доказывали ономастические исследования). Речь пойдет не об именах, создаваемых специально для поэтического благозвучия, не о законах стихотворчества, которые постулировал еще Н. Буало в своем известном трактате. Не имеются в виду и лингвистические характеристики СИ, предопределяющие специфичность nom. pr., о чем речь пойдет ниже. Скорее здесь можно вспомнить П. Флоренского, по которому имена есть «духовные сущности» [Флоренский, 2000, с. 19]. Тогда неудивительно, если в какой-то момент в отношениях между ПОЭТОМ и ИМЕНЕМ начинает доминировать ИМЯ, иногда даже устанавливая свой диктат. Оно оказывается связанным с чем-то глубоко личным, интимным, само слово ‘ИМЯ’ и упоминание о нем затрагивает в рефлектирующем сознании художника тончайшие струны, связанные с сокровенными душевными переживаниями и размышлениями. Но наиболее достоверно и откровенно говорят об этом сами поэты.

В лаконичном четверостишии Анны Ахматовой слово *имена*, выдвинутое в сильную финальную позицию двустишия, рифмуется со словом *тишина*. Оно становится тем семантическим центром, благодаря которому формируется смысл стихотворения, написанного в военный год в эвакуации, передаются чувства и душевное состояние – горечь утрат, печаль одиночества: *Когда я называю по*

привычке / Моих друзей заветных ИМЕНА[38]*, // Всегда на этой странной перекличке / Мне отвечает только тишина* [Ахматова, 1990, с. 301].

Арсений Тарковский выразил свое вйдение роли ЛИ в стихотворении «Имена» так: *И можно кожу заживо сорвать, / Но ИМЯ к нам так крепко припечатано, / Что силы нет переименовать, / Хоть каждое затёрто и захватано. / У нас не зря про имя говорят: / Оно / – Ни дать ни взять родимое пятно* [Тарковский]. В начале этого стихотворения поэт приводит ИС знаменитых людей, как пример неслучайности, взаимообусловленности имени и личности*: А ну-ка, Македонца или Пушкина / Попробуйте назвать не Александром, / А как-нибудь иначе! / Не пытайтесь! // Еще Петру Великому придумайте / Другое ИМЯ! / Ничего не выйдет* [Тарковский]. Создаваемая таким образом антиципация подводит к имплицитно выраженной мысли о том, что перемена имени равносильна перемене судьбы, а затем – к эксплицируемой далее основной идее о нерасторжимой связи имени и его носителя.

Осип Мандельштам оставил ряд замечательных свидетельств того, чем имя может являться для поэта. Настоящим откровением звучат строки из vers libre «Нашедший подкову». Описывая состояние поэта в момент рождения стиха, еще только зреющего, ищущего форму, автор провозглашает равенство всех слов: *С чего начать? / Все трещит и качается. / Воздух дрожит от сравнений. / Ни одно слово не лучше другого, / Земля гудит метафорой.* И вдруг противоречит себе сам, выделяя ИМЯ в особенный род слов: *Трижды блажен, кто введет в песнь ИМЯ; / Украшенная НАЗВАНЬЕМ песнь / Дольше живет среди других — // Она отмечена среди подруг повязкой на лбу, / Исцеляющей от беспамятства, слишком сильного одуряющего запаха* — <…> [Мандельштам, 1992, с. 43]. Имя – «повязка на лбу» – роднит поэтов разных эпох, в частности, Мандельштама с Пиндаром, в одах которого эта «повязка на лбу, исцеляющая от беспамятства» (mitra) – атрибут Муз и Мнемосины. Эти строки выдают почти сакральное отношение поэта к ИМЕНИ, которое сродни отношению к ритуальному слову. Но ИМЯ еще – это

[38] Здесь и далее выделение прописными буквами – наше. Н.У.

первоначальный, первичный языковой материал, то, что даёт начало последующим словесным образованиям, воплощающим художественный образ, оно – пра-модель слова, если угодно, матрица. ИМЯ в этом смысле диктует тему, ритм, рифму (см. п. 5.6.4).

Иначе звучат рефлексии Марины Цветаевой на имя возлюбленного кумира: *ИМЯ твое — птица в руке, / ИМЯ твое — льдинка на языке. / Одно-единственное движенье губ. / ИМЯ твое — пять букв. / Мячик, пойманный на лету, / Серебряный бубенец во рту* [Цветаева, 1991, с. 68]. Это стихотворение – загадка, ребус на тему имени. Как будто не решаясь нарушить табу на произнесение имени, но не в силах сдержать страстное, вырывающееся наружу желание произнести его, М. Цветаева играет созвучиями, звукоподражательными и синэстетическими эффектами, призывая имя обожаемого поэта, но не называя его: *Камень, кинутый в тихий пруд, / Всхлипнет так, как тебя зовут. / В легком щелканье ночных копыт / Громкое ИМЯ твое гремит. / И назовет его нам в висок / Звонко щелкающий курок.* Неназванное имя *Блок* предвосхищается, подсказывается аллитерациями звуков *б, л, к*, ассонансами на *о* и рифмой *глоток – глубок*: *ИМЯ твое – ах, нельзя! – / ИМЯ твое – поцелуй в глаза, / В нежную стужу недвижных век. / ИМЯ твое – поцелуй в снег. / Ключевой, ледяной, голубой глоток… / С ИМЕНЕМ твоим – сон гЛуБОК.* В последней строке завершающее слово звучит как финальный аккорд, состоящий из четырех звукобукв *Л, Б, О, К/Г* – из которых складывается имя *Блок,* имплицитно присутствующее в предыдущем тексте. В другом стихотворении (2 мая 1916 г.) М. Цветаева определяет свою жизненную цель, своё предназначение именем кумира: *Зверю – берлога, / Страннику – дорога, / Мёртвому – дроги. / Каждому – своё. // Женщине – лукавить, / Царю – править, / Мне – славить / ИМЯ твоё.* [Цветаева, 1991, с. 70][39]. И о Р. -М. Рильке: *«Ведь вы – воплощенная поэзия, должны знать, что уже само Ваше имя – стихотворение. Райнер Мария – это звучит по-церковному – по-детски – по-рыцарски. Ваше ИМЯ не рифмуется с современностью, – оно – из прошлого или будущего – издалека. Ваше ИМЯ*

[39] Здесь не приводятся, но заслуживают отдельного внимания поэтические рефлексии М. Цветаевой, О. Мандельштама и других поэтов на свое собственное имя.

хотело, чтоб Вы его выбрали. (Мы сами выбираем наши имена, случившееся – всегда лишь следствие)». (9мая 1926 г.) [Рильке, 1990].

Есть и еще один, третий тип отношений:

(3) ИМЯ – ПОЭТ – ИМЯ. Отношение отражает обоюдное воздействие, взаимовлияние ПОЭТА и поэтического ИМЕНИ. Часто называние, именование предметов реального мира как вокруг ПОЭТА, так и в мире внутри ПОЭТА приводит к преобразованию сущности ИМЕНИ, его содержательного значения. Помещённое в ПТ ИМЯ чудесным образом преобразуется, взаимодействуя с контекстом. Его звукобуквенное материальное воплощение осталось прежним, но сигнификативное, образное, содержательное наполнение изменилось, и часто это принципиально иное содержание, чем то, которое было в нем до ПТ. То, что вложено было ПОЭТОМ, коренным образом изменило суть nom. pr. Это – новое уже – ИМЯ может остаться таковым для автора; ПОЭТ, следовательно, меняет и свое отношение к нему. Это отношение сообщается читателю, и, может статься, что, при большой популярности литературного образа, закрепляется в лингвокультуре. Так было, к примеру, с именем *Светлана*, опоэтизированном литературой XIX в. (см. 4.1.3). А имя *Нина*, по мнению Б. Пеньковского, стало «культурным мифом ‘золотого века’ русской литературы» [Пеньковский, 2003].

Но вернемся к пункту (1). ПОЭТ, «сочинитель» – в концепции А. Блока – это *«Человек, называющий всё по ИМЕНИ, / Отнимающий аромат у живого цветка».* Здесь заявлена базовая установка, артикулируется сущность ПОЭТА как такового и смысл его дела, квинтэссенция которых отражена в определении С. Аверинцева: «элитарный индивидуализм, сопровождающий творческий акт» [Аверинцев, 2006, с. 28]. Если перевести эти стихи на язык рациональный, то получим заключение, отражающее вѝдение Блоком отношений между ПОЭТОМ, с одной стороны, процессом создания поэзии с другой и ИМЕНЕМ как инструментом художественного творчества – с третьей. Логически и структурно это высказывание подразделяется на две части. Первая: *Ведь я – сочинитель, / Человек, называющий всё по ИМЕНИ,* – переводится на язык логики и прагматики так: суть деятельности ПОЭТА («сочинителя») в том, чтобы называть все по

имени, т.е давать всему сущему ИМЯ. Вторая: *Отнимающий аромат у живого цветка* – следуя той же логике, имеет такой смысл: то, что именовано поэтом (т.е. перенесено из реального мира в художественный), перестает обладать свойствами, присущими ему от природы (подобно тому как цветок утрачивает аромат). Так, цветок в поэзии не обладает чертами и свойствами цветка из живой природы. В частности, он больше не обладает ароматом, перестаёт им обладать, включаясь в художественный текст. Став достоянием художника, материалом и инструментом которого является слово, цветок становится элементом виртуальной художественной реальности. Названный цветок получает ИМЯ, но лишается аромата (а заодно и прочих свойств живого растения), и потому он уже не цветок, а образ цветка. Зато он является носителем других признаков и свойств – характерных для знака, символа, образа.

Так, вследствие действий сочинителя, все названное по ИМЕНИ [поэтом] перестаёт быть самим собой, а переходит в категорию сущностей другой реальности – языковой, преобразуясь в ЗНАК (обозначение цветка в данном случае) в системе знаков. Отделяясь от самого себя, становясь отпечатком, образом, символом, наречённый именем предмет входит в контекст таких же, как сам, виртуальных предметов, запечатлённых в слове, лишённых аромата, объёмных форм и конкретных размеров, становясь частью общего ВПЕЧАТЛЕНИЯ, (одним из впечатлений) Человека Называющего / Именующего.

Строки А. Блока о ПОЭТЕ «*Человек, называющий всё по имени, / Отнимающий аромат у живого цветка»* содержат отчётливое сопоставление, в котором ПОЭТ уподобляется Демиургу, совершающему ономатетический акт — нарекает именем всё, что образует состав мира. При этом он, с одной стороны, приобщается к божественному, продолжая доверенное человеку дело имянаречения; с другой стороны, он осуществляет посредством акта именования преобразование предметов реального мира в мир вещей виртуальных, мир художественных образов. В. Н. Топоров определял суть и значимость акта наречения именем тем, что «весь материальный состав мира оказался как бы знаково продублированным: имя удвоило и усилило его, обозначив в каждой

вещи некое внутреннее место, предназначенное для помещения в нём образа этой вещи» [Топоров, 1989, с. 125-126], что знаменовало начало нового этапа развития человека, «семиологию», «жизнь в знаке».

Итак, для Блока ПОЭТ, «называющий всё по имени», оперируя именем, использует его как инструмент смыслостроительства. Процесс называния как преобразования охватывает не только мир предметов вокруг ПОЭТА, но и – прежде всего – его собственный внутренний мир. Манипулируя именами, ПОЭТ создаёт другую реальность – реальность языковых знаков, объединяющихся в общий смысл. Таким образом, А. Блок в лаконичных строках сформулировал свое понимание сути поэтического творчества как семиозиса особого рода. Можно заключить, что в приведённых стихах А. Блока содержится программное высказывание, включающее 1) самоидентификацию поэта, 2) отношение его к сущности поэтического творчества, 2) понимание сути и значения ИМЕНИ как знака, посредством которого осуществляется переход человека в иное качество – ʻчеловек созидающий, творящий свой собственный мирʼ.

5.4 Реальное имя как источник содержательности звуковой формы поэтонима

5.4.1. При выборе автором средств номинации для объектов художественной реальности эксплицируется та часть семантики ИС, которая связана с существованием онима в контексте культуры до момента его вхождения в художественное произведение. Контекст в толковании М. М. Бахтина: «Область литературы и – шире – культуры (от которой нельзя оторвать литературу) составляет необходимый контекст литературного произведения и авторской позиции в нем, вне которого нельзя понять ни произведения, ни отражённых в нём авторских интенций» [Бахтин, 1975].

Принимая разграничение понятий материальной реальности и реальности художественного вымысла (виртуальной), а значит, разделяя сущностные характеристики реального онима и виртуального поэтонима, следует учесть

другие связанные с этими положениями обстоятельства. Писатель/поэт не может игнорировать реальность в смысле действующих в языке ономастических норм, даже в том случае, если сознательно к этому стремится. Литературную (поэтическую) онимную лексику Ю. А. Карпенко определил как «субъективное отражение объективного, как осуществляемую писателем ‘игру’ общеязыковыми ономастическими нормами» [Карпенко, 1986, с. 34]. Правила этой игры определяются, в частности, и фонетическими нормами и закономерностями конкретного языка, которые гораздо чаще, чем это принято считать, обусловливают фонетические свойства проприальных единиц и вариативные возможности реализации их стилистического потенциала в условиях ХТ. Поскольку нас интересует проблема значимости звуковой формы поэтонимов как компонентов структуры художественного целого, онимные единицы рассматриваются независимо от их лексического типа, от принадлежности их к тому или иному разряду проприальной лексики. Заметим, однако, что рассматриваемые онимы представляют собой разнообразные единицы речи по принадлежности к лексико-семантическим классам, по грамматической и морфологической структуре и по другим немаловажным признакам, из которых в значительной мере и складывается их способность проявлять свои фонетические свойства в произведении.

5.4.2. Системное рассмотрение способов реализации стилистических свойств поэтонимов в комплексе художественных приемов предполагает выявление и описание фонетических характеристик онимов, составляющих потенциал средств выразительности поэтонимов. Существующий опыт систематизации онимии художественной литературы с учетом особенностей фонетической структуры рассматривает фонетические признаки поэтонимов лишь как второстепенные [Зайцева, 1973; Фонякова, 1990]. Фонетические функции поэтонимов, как одной из сторон поэтики онима, в общих чертах представлены в работах В. М. Калинкина [Калинкин, 1999, 2000]. Целесообразность использования таксономических подходов в описании ИС обусловлена необходимостью всестороннего и полного определения характеристик каждого из

типов онимов. Несмотря на то, что таксономические категории непосредственно характеризуют не конкретные объекты, а лишь логические принципы их типологизации, квалификации и способы построения классификаций, именно они открывают такие перспективы, как и возможности для дальнейшей онимографической обработки. Однако в существующей систематике онимных пространств строгое описание таксонов с точки зрения теории классификации сложноорганизованных систем невозможно, так как этому препятствует множество случаев промежуточных состояний описываемых единиц, такое явление, например, как переход онимов одного разряда в другой (В. М. Калинкин). В то же время, несмотря на то, что каждая проприальная единица обладает множеством признаков и свойств, осложняемых ситуацией конкретных употреблений, попытки системных описаний возможны и необходимы.

5.4.3. Свойственная онимным единицам способность служить фонетическим средством выразительности художественной речи, в особенности же ритмически упорядоченной речи стиховых форм, ‘предзаданная’ самой природой поприальных единиц, имплицитно (а иногда и эксплицитно) присутствует в самой их структуре. Вариативность реализации фонетических качеств того или иного имени как поэтонима обусловливается особенностями формальной и смысловой стороны ХТ. Конкретное звуковое и графическое выражение ‘явления’ имени в произведении, следовательно, должно рассматривать как органично присущую неотъемлемую часть семиотики поэтонима. В диссертационной работе [Усова, 2006] впервые была представлена систематизация поэтонимов с точки зрения особенностей их звучания. В доработанном, более конкретизированном виде она представлена ниже.

В основе систематизации лежит признак, обусловленный *природой значимости звуковой формы* ИС, потенциального или реализованного *поэтонима*. Систематизация осуществляется путем группировки онимных единиц на типы, группы и подгруппы на основе обобщенных парадигматических и синтагматических семантических и структурных признаков, вычленяемых из

лексико-семантического, фономорфемного и фонетического аспектов. Исходя из этого, могут быть выделены поприальные единицы двух типов:

(1) ИС, звуковая форма которых обладает выраженной семантической нагруженностью безотносительно к художественному контексту, что можно отнести к *парадигматике*;

(2) ИС, звучание которых приобретает значимость только внутри определённого художественного целого, т.е. в процессе *синтагматического* развертывания текста.

(1) Онимы первого типа входят в структурно-семантическую и образную систему художественного произведения, уже обладая фоносемантическим потенциалом, наличие которого обусловлено рядом причин, связанных с их функционированием в лингвокультуре до употребления в качестве поэтонима конкретного произведения.

(2) К онимам второго типа относятся имена, звучание которых приобретает значимость только внутри определённого художественного целого, т.е. в *синтагматике*. Не останавливаясь на дальнейшей детализации этой категории онимов, заметим, что к ней потенциально могут быть причислены любые ИС, поскольку попадание в художественный текст уже само по себе делает оним художественно значимым, а мера и степень реализации его эстетически значимых потенций определяется художественными задачами и талантом автора.

Среди онимов первого типа (1) , потенциально обладающих широкими возможностями для использования звукобуквенного состава при трансформации их в поэтонимы, что обусловлено компонентным составом их семантики, соответственно выделяется две группы и ряд подгрупп.

1) онимы с ‘богатой’ этимологией, активизирующейся всякий раз в виде коннотаций при употреблении конкретной онимной единицы в художественном тексте. Здесь различаются нескольких подгрупп:

а) мифонимы, составляющие определённый пласт онимной лексики, связанный с культурной памятью народов.

Поэтическая значимость подобных явлений неоспорима уже сама по себе, вне

контекста. И. В. Гендлер, например, резюмирует, что символическая значимость мифонимов не зависит от контекста их употребления [Гендлер, 2002]. Общепринятым является мнение, что «мифонимы вместе с обозначаемыми ими феноменами глубоко коренятся в духовной культуре народа и ее отражают» [Сталтмане 1989, с. 93]. При использовании мифонима в поэтическом произведении автор активизирует в сознании и подсознании читателя ассоциации, связанные с генетически закодированной информацией тысячелетнего опыта поколений. Особое значение имеют мифонимы, вынесенные в заглавие [Джанджакова, 1979, с. 208; Фонякова, 1990, с. 69]. Если «в ономастическом пространстве любого произведения его центром является именно заглавие» [Карпенко, 1986, с. 39], то мифоним в заглавии оказывается тем более весомым, часто символично значимым. Возникающие звуковые ассоциации, неотчетливые аллюзии при более близком знакомстве с текстом произведения проявляются и закрепляются воздействием всей его звуковой и ритмико-интонационной структуры. Механизм действия подобных явлений основан на ассоциациативно-аллюзивных свойствах звуковой или графической стороны мифонимов. Особенно эффективны в стилистическом плане онимы из библейских легенд (*Соломея, Иоанн, Мария* и др.), из античной мифологии (*Орфей, Эвридика, Паллада, Зевс*), из фольклора (*Lorelei* у Г. Гейне, *Lureley* у К. Брентано, *Лель* у А. Островского и т.п.).

б) исторические имена (историонимы), представляющие собой класс собственных имен реально существующих (или существовавших) людей, географических объектов, событий и т.п. Они выступают в произведениях литературы как коннотонимы, уже одним только называнием ассоциативно связываясь в воображении или сознании читателя с определённым признаком или качеством (*Рим, Юлий Цезарь, Наполеон, Бородино, Schiller, Сталинград, Жанна д'Арк, Пушкин; Троя, Везувий, Днепрогэс, Куликово поле, Мессина* и т.п.). Нередко коннотонимы, возникающие на базе исторических собственных имен, приобретают целую систему значений в результате семантизации в активном речевом использовании. В каждом конкретном случае может актуализироваться то или иное значение, как положительное, так и отрицательное, в зависимости от

замысла автора. Только контекст или содержание произведения в целом позволяют точно определить, какое именно коннотативное значение несет в каждом конкретном случае данный исторический поэтоним. По точному замечанию Ю. А. Карпенко, «Светясь отраженным светом – историческим (от реального денотата) и художественным (от созданного писателем образа), реально-историческое имя приобретает в художественном произведении собственное ономастическое сияние» [Карпенко, 1986, с. 39].

в) коннотирующие литературные имена с яркой индивидуально-художественной семантикой, закрепленной культурной традицией. Среди поэтонимов этой группы можно выделить в зависимости от способа их воздействия на восприятие читателя / слушателя имена-аллюзии, имена-реминисценции (например, *Lenore* у Э. По*, Кармен* у А. Блока,), имена-символы (*Орфей* у Р.-М. Рильке, *Авель, Каин* у Г. Гессе и др.). К числу таких поэтонимов относятся также литературные имена, вторично или многократно используемые одним и тем же писателем в разных его произведениях. С этими ‘мигрирующими’ из текста в текст «фонетически эквивалентными» именами часто оказываются связанными повторяющиеся мотивы, ситуации, образы. При этом вторичное имя, как правило, обладает бóльшей смысловой насыщенностью в сравнении с онимом, впервые употребленным писателем [Кравченко, 2005, с. 164-166].

2) онимы, стилистическая релевантность которых обусловлена особенностями их звукобуквенной структуры, действием фонотактических законов[40].

Здесь выявляется несколько групп поэтических имён.

а) поэтонимы, отличающиеся особенной акустической выразительностью фонетической формы. Характерным примером образности на основе

---

[40] Действие в языках ‘звуковых законов’ основано на том, что в каждом конкретном языке сложились определенные закономерности соединения соседних звуков [Зубкова, 1977; Пересада, 2003; Crystal, 1995; Meinhold, Stock, 1980; Potapowa 1988]. Фонетическая структура слова в различных языках существенно отличается вследствие различий в комбинаторике звуков. Поскольку одним из средств сегментной организации слова служит преимущественная закрепленность определенных классов фонем за определенными позициями [Зубкова, 1977, с.7; Пересада, 2003, с.127], закономерности сочетаемости гласных и согласных фонем, их взаимодействие в пределах слога и слова воспринимаются носителями языка неосознанно как норма. Нарушение же законов фонотактики приводит к возникновению определенного экспрессивно-стилистического эффекта. Эта особенность нередко используется писателями при имятворчестве и подборе проприальной лексики для литературных произведений.

акустических свойств звуков поэтонима является фамилия *Хлестаков* (Гоголь), *Фердыщенко* (Достоевский) и др.

б) имена, воспринимаемые как благозвучные в определённой языковой системе благодаря эвфонии фонетической структуры: таковы, например, *Лель*, *Адель* (А. С. Пушкин), *Eulalie* (Э. По), *Lili* (И. В. Гете) и мн. др.

в) поэтонимы, звуковые последовательности которых воспринимаются данной системой языка как неблагозвучные: *Ламврокакис* (М. Салтыков-Щедрин); *Свидригайлов,* (Ф. Достоевский). Нередко поэтонимы этой группы служат созданию комического эффекта (иронического, сатирического, пародийного).

г) ИС, главным образом, антропонимы, формальная (морфонологическая или фонетическая) структура которых содержит намек на социальный статус. Как известно, в художественной литературе онимная лексика широко используется для социальной и экспрессивной дифференциации [Магазаник, 1978; Успенский, 1996 (2), 1996 (3)]. Достаточно вспомнить в качестве примера ‘аристократичные по звучанию’ имена героев романа Л. Толстого «Война и мир»: *Болконский, Волконский, Друбецкой.* По мнению некоторых исследователей, в немецком языке фамилии с компонентом *-ke* (например, *Fatzke*, *Piefke*) исторически связаны с принадлежностью к низким слоям общества, что часто используется писателями при наречении именем персонажей произведений [Hellfritzsch, 1973, с. 72].

д) поэтонимы, построенные с нарушением законов фонотактики. Если фонетическая структура онимных единиц не соответствует словообразовательным моделям и законам фонетической сочетаемости данного языка, это наполняет их экспрессией ‘чужого’ – *Тивисса* (Н. Ефремов), ‘экзотичного’ *Грэй* (А. Грин), *Ulalume* (Э. По) или ‘враждебного’ – *ЫрЛ, ЫтрэЧ* (А. Андреев) имени. Сознательной имитацией писателем ‘иноязычных’ фонетических или словообразовательных построений для именования объектов художественной реальности достигается эффект сатирического, иронического или гротескного изображения. Так, И. Во использует вымышленные поэтонимы, пародирующие уэльские топонимы, включая характерные для валлийского языка сочетания букв *CWM, DD, YG,* например:

Cwmpryddyg, а также образованные по аналогии с валлийскими топонимами на *Llan*[41], например: *Llanabba Castle* [Во, 1980, с. 405, 408].

е) имена-ономатопы, создаваемые путем звукоподражания или с опорой на него: *Бам-Гран*, *Уы-Фью-Эой* (А. Грин)].

Очевидно, что число онимных единиц, звуковая форма которых обладает экспрессивными качествами в силу тех или иных причин уже на уровне определенной языковой системы, довольно ограничено. Тем более эффектным становится появление их в ХТ.

В последовательнм развёртывании текста приобретают значение внутриименные фонетические взаимодействия. Это значит, что возможна актуализация фоноэмы в синтагматике, что манифестируется на разных уровнях взаимодействия поэтонима и контекста:

1) в рамках онимного микроконтекста[42];

2) в рамках макроконтекста фрагментов разного объёма и целого произведения.

Изучение сложных форм актуализации фоноэмы второго типа (в поэтическом макроконтексте) предполагает последовательный поэтапный анализ лингвистических механизмов взаимодействия фоноэмы с другими элементами и художественными средствами конкретного произведения. В количественном отношении они представляют собой неограниченно бесконечное множество форм и вариантов реализации фонетического потенциала поэтонимов, исследование которых – задача поэтонимологии. В последующих разделах настоящей монографии будут предложены примеры детального анализа таких взаимоотношений.

Фонетические свойства поэтонимов могут реализоваться в рамках первого типа отношений (ограниченных онимным микроконтекстом) как *внутриименные фонетические взаимодействия*, которые могут быть систематизированы путем

---

[41] валл. *церковь*

[42] Под микроконтекстом имеется в виду имя или расширенный состав именной формы – это формулы, различные по структуре: двухкомпонентная (имя + имя, имя + отчество, имя + фамилия, двойная фамилия), трёхкомпонентная (имя + отчество + фамилия), – а также ближайшее синтаксическое окружение.

вычленения в ряде поэтонимов и именных комплексов механизмов, действующих на основе фонетических принципов. Таким образом, установлены четыре основных вида взаимодействий с соответствующими подвидами:

1) инверсии имени и фамилии: *Кифа Мокиевич – Мокий Кифович* (Н. В. Гоголь);

2) повторы: а) гласных (ассонансы): Mr *Cholmondley* (И. Во) – внутри имени; *Agatha the Angular* (Ст. Ликок) – в анафоре имени и фамилии; б) согласных звуков (аллитерации) – явление, свойственное в особенности английской ономастике [Зайцева, 1973, с. 34], но также распространённое как стилистический прием в других языках. Аллитерации могут присутствовать в структуре однокомпонентной номинации, например, личного имени: *Lurelei* (К. Брентано), повторять начальные звуки имени и фамилии: *Paul Pennyfeather* (И. Во), повторять один и тот же звук на стыке имени и фамилии, тем самым удлиняя его звучание: *Annabel Lee* (Э. По);

в) повторы двух- и трёхзвучий (метатезы): *Лазарь Елизарыч Подхалюзин* (Н. Островский); *Dean Dron* (Ст. Ликок);

г) аллитерация слогов: *Родион Романович Раскольников* (Ф. М. Достоевский), *Nicholas Nickleby* (Ч. Диккенс), *Цинциннат* (В. Набоков);

д) полное или почти полное повторение фонетического состава имени в фамилии: *Гумберт Гумберт* (В. Набоков) или в отчестве: *Акакий Акакиевич* (Н. Гоголь);

е) анаграмматическое повторение имени в фамилии: *Евгений Онегин* (А. Пушкин), *Арлекин Тарелкин* (А. Вознесенский). Этот нечасто используемый прием ‘конструирования’ поэтонима может быть продиктован различными художественными задачами. Если выбор имени А. С. Пушкиным «не в последнюю очередь обусловлен заботой о благозвучности сочетания *Евгений Онегин,* в котором 4 звука семибуквенного имени с переменой расположения повторены в шестибуквенной фамилии, а звук ***н*** присутствует в сочетании трижды», то А. Вознесенским качество звуков для именования *Арлекин Тарелкин* подобрано таким образом, чтобы обеспечить воздействие, близкое эффекту

каламбура.

3) использование паронимов:

а) как именных пар: *Добчинский и Бобчинский* (Н. Гоголь); *Lord Boodle и Lord Goodle* (Ч. Диккенс); *Урус-Кучум-Кильдибаев* и *Урус-Кугуш-Кильдибаев, пан Кшепишцюльский, пан Кшепшицюльский* (Ф. Салтыков-Щедрин). Пара имён встречается, как правило, в тексте одного и того же произведения, всегда рядом, что тоже важно для их стилистической выразительности;

б) создание паронимов на основе реальных имён и фамилий с использованием их фонетико-орфографических видоизменений: *Волконский > Болконский, Трубецкой > Друбецкой* (Л. Толстой); *J. C. Squire > Mr Spire* (И. Во). Такие поэтонимы содержат, как правило, достаточно ‘прозрачный’ намек на реально-историческое лицо или известный именуемый объект, и, таким образом, не нуждаются в расшифровке;

4) имена, ‘сконструированные’ специально для конкретного произведения и связанные звукосмысловыми отношениями с системой его художественных средств – достаточно редкий приём, характерный для творчества писателей и поэтов, пользующихся методом ‘звукописи’.

а) с целью вызвать фонетические ассоциации или аллюзии – поэтонимы, ‘намекающие’ своей звуковой формой на характеристику его носителя: *А. П. Шерер* – от *мон шер, ма шер* (Л. Толстой);

б) криптоним[43] – зашифрованная онимная номинация : *Aidenn* (Э. По), *Адам VON ЛиБриКОВ* (В. Набоков), *Туч вороной таБУН, И НИВА Неба* рвётся (Б. Гринберг).

в) анаграмматическая зашифровка звуковой структуры известного поэтонима в ониме другого произведения. Примером такого явления может служить поэтоним *МЕФодий ИСаевич ТОФФЕЛЬ*, которым поименован герой

[43] Думается, что считать криптонимами стоит поэтонимы, действительно представляющие собой звукобуквенные последовательности, смысл которых зашифрован и может быть ‘декодирован’ только посредством глубокого проникновения в структурно-семантические связи элементов разных уровней художественного целого, а в некоторых случаях – лишь после привлечения широкого контекста;

повести А. Куприна «Каждое желание», из которого очевидно проступает анаграмма *Мефистофель*.

Эффектным приёмом является ‘зашифровывание’ в стихе имени известного реального лица, как это делает Б. Гринберг, создавая свои «стихи с секретом» (цикл «Классики»): *Ни белизне лиСТА, НИ СЛАВЕ / ЖИЛЕЦ вселенной шанса не оставил.* (Станислав Ежи Лец); *Англия – Европа… / для Азии. Маяк / чертополоху – тоПОЛЬ, / ЭЛЮ – АРманьяк*. (Поль Элюар); *Чем перить диоптрии в тележуткости, / И гадать куда заВЕЛИ МИР, / ХЛЕБНИ КОВарной, проверенной жидкости / И верную, сквернyю обними.* (Велимир Хлебников) и т.д.

Следует заметить, что автор может добиваться максимальной мобилизации всех потенциальных возможностей выразительности звучания именования, используя не один, а целый комплекс приёмов в одном имени. В итоге оно получается не только фонетически эффектным, но и семантически многогранным, особенно, если состоит из нескольких компонентов. Например, имя персонажа романа И. Во «Упадок и разрушение» («Decline and Fall») *Alastair Digby-Vane-Trumpington.*

Представленная систематизация поэтонимов и видов внутриименных взаимодействий с точки зрения особенностей звучания не претендует на исчерпывающую полноту и, возможно, нуждается в уточнениях и дополнениях. Однако она создает основу для более детальных частных исследований поэтонимов с точки зрения фонетики.

5.5 Онимные средства актуализации ‘смыслов’ звучания

Ранее уже говорилось, что для поэзии в целом первостепенное значение имеет организация художественного пространства, «содержательная форма», в которой заключены разные уровни поэтических смыслов. Если в текст включены онимы, то источником стилистически релевантных признаков, расширяющих семантический потенциал и поэтонима, и целого произведения, может быть содержательность его фонетической формы (см. 5.4). Это отчасти отмечалось в

ряде лингвистических работ [Буштян, 1984; Зайцева, 1973; Калинкин, 2002 (3); Карпенко, 1986; Михайлов, 1966; Отин, 1981; Петренко, 2004; Таич, 1973; Усова, 2004 (1), 2004 (2), 2006, 2008 (2), 2008 (4), 2011 (1)].

Реализация фоноэмы в условиях конкретного ПТ предполагает ее взаимодействие со звуковым и просодическим ‘устройством’ целого стихотворного произведения, поскольку поэтоним функционирует в условиях всякий раз по-особенному складывающегося параллелизма, проявляющегося, в частности, в особенностях ритма, размера, рифмы, разного рода повторов и проч. Фонетические стилистические средства могут строиться с разной степенью участия поэтонимов. Релевантность определённых механизмов взаимодействия всех участников организации стихового пространства обусловливается в каждом произведении конкретными художественными задачами. Стилистические средства включают в себя как ‘звуковое поведение’ поэтонима, так и его участие в формировании смысла.

Для дальнейшего анализа лингвистических явлений необходимо прояснить значение некоторых терминов. Под стилистической функцией в данной работе, вслед за И. В. Арнольд, понимается «зависимость информации второго рода от структуры произведения». Под информацией второго рода имеется в виду информация, возникающая «из взаимодействия предметно-логической информации с информацией оценочной, эмоциональной, экспрессивной и эстетической» [Арнольд, 2014(3), с. 59].

Лингвистический анализ стилистически релевантных фонетических средств поэтонимии обязательно учитывает роль заглавия. Значимость поэтонима, вынесенного в заглавие, подчеркивалась неоднократно [Карпенко, 1986, с. 39; Фролова, с. 160], поскольку оно является не просто сильной позицией, но центром произведения [Джанжакова, 1979; Карпенко, 1986, с. 39], «именем текста», которое «индивидуализирует тот текст, которому принадлежит, выделяет его в ряду всех других текстов» [Арнольд, 2014 (3), с. 225]. Вот только небольшой список рассмотренных поэтических произведений, заглавия которых включают поэтоним или состоят исключительно из него: *«Евгений Онегин»* (А. Пушкин), «*К*

Нисе», «*На юбилей Карамзина», «Рим», «Рим ночью»* (Ф. И. Тютчев), *«Данте», «Петроград, 1919»* (А. Ахматова), циклы «*Кармен», «Фаина»* (А. Блок), «*Die Sonette an Orpheus»* Р.-М. Рильке, цикл *«An Lili»* (И. В. Гёте), *«Don Ramiro», «Der Phönix»* (Г. Гейне), *«Lenore»* (А. Бюргер), *«Lenore», «Israfel», «Annabel Lee»,* «*Eulalie*» (Э. А. По), «*Lureley»* (К. Брентано), *«Маяковскому», «Стихи к Блоку», «Федра», «Орфей»* (М. Цветаева), *«Hiroshima»* (М. Л. Кашнитц), *«Оза»* (А. Вознесенский), цикл «Мцыри», «Демон», «Валерик» (М. Лермонтов) и др.

Использование поэтического имени в качестве заглавия стихотворения является композиционным приёмом. В смысловом отношении вынесенное в заглавие ИС заявляется как ключевое слово, информационный и тематический центр произведения. При этом часто создается «эффект скрытой цитаты, аллюзии, неразгаданного читателем намёка» [Джанжакова, 1979, с. 208]. Тем самым складывается ситуация интриги, в которую вовлекается читатель, стремясь разгадать ‘загадку’ (см. о мифониме *Орфей* у М Цветаевой и у Р. -М. Рильке в разделе 6.2, о поэтониме *Кармен* у А. Блока ниже и др.).

В литературных произведениях стандартные для собственных имён функции, каковыми традиционно считаются номинативная, дейктичная, дополняются другими, сугубо художественными функциями, среди которых основной является характеризующая. Обычно поэтоним считают информационным элементом речи. Он привносит дополнительную информацию, содержащую указание на определённые черты персонажа, а зачастую и явную или скрытую оценку его. С другой стороны, его следует рассматривать и как эмоциональный (эмотивный) элемент речи – вторичный, но важный фактор, которым нельзя пренебрегать (Р. Якобсон). Обе эти составляющие имеют непосредственное отношение к стилистической функции в поэтических произведениях, где передача богатства мыслей, чувств и образов обусловлена, с одной стороны, параллелизмом в его многообразных формах, с другой – ‘теснотой ряда’ (Ю. Тынянов), т.е. выделяющимися на общем звуковом фоне близко расположенными повторами. Различают три основные функции звуковых повторов: эвфоническую, ритмическую, смысловую.

Среди стилистически релевантных повторов следует назвать аллитерации и ассонансы. Аллитерация является одним из распространённых способов звуковой инструментовки и представляет собой повтор одинаковых или однородных согласных в близко расположенных словах. Ассонансом считается повтор или созвучие гласных (преимущественно ударных) внутри стиха или в рифме. Как известно, аллитерация близка ассонансу и нередко с ним сочетается [Лингвистический энциклопедический…, с. 27]. Важным в поэзии является значение рифмы как звукового и метрического фактора, однако в поэтике не раз отмечалась и ее семантическая роль [Маяковский, 1959, с. 253; Тынянов, 1965, с. 156]. Придерживаясь традиционного взгляда, считаем рифмой одинаковость звучания (или созвучие) двух или более групп звуков [Arndt, 1984, P. 110]. Участие поэтонима в формировании разных видов, рифмы является распространённым приёмом использования фоноэмы в звуковой и ритмико-интонационной структуре стихотворений.

Одним из ключевых является понятие ‘выдвинутости’ или ‘выдвижения’ в стихе, охватывающее разные типы контекстной упорядоченности, которое определяется как «наличие в тексте каких-либо формальных признаков, фокусирующих внимание читателя на некоторых чертах текста и устанавливающих смысловые связи между элементами разных уровней или дистантными элементами одного уровня» [Арнольд, 2014, с. 206].

Под экспрессивностью понимают такое свойство текста или его части, «которое передаёт смысл с увеличенной интенсивностью <…> и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление, которое может быть, а может и не быть образным» [Там же]. Одной из особенностей стилистической функции является иррадиация, которая проявляется в том, что, «возникнув на одном участке текста, стилистическая функция может сказываться или отражаться на другом, в котором она отсутствует, но на который воздействует как макроконтекст» [Там же. С. 160]. В поэтонимии явление иррадиации – означает влияние даже однократно употреблённого онима на весь текст художественного произведения [Калинкин, 1999(2), с. 123]. Даже если употребление онима

единственно и приходится на начало текста (или даже только на заглавие), то его значение раскрывается в полной мере только к моменту завершения произведения.

Таким образом, в звуковой периодичности поэтических текстов, в различных ее проявлениях участвует и характер звучания поэтонимов. Их роль в общей звуковой и композиционной организации стихотворного произведения, механизмы интеграции фонетической структуры поэтонимов на разных уровнях стиховых структур, качество интегративных процессов, как и степень участия в них фонетической стороны поэтических имён, в полной мере устанавливаются лишь в ходе детального анализа конкретного произведения. Помимо перечисленных стилистически релевантних средств, при анализе учитывается динамичный характер семантики поэтонима, обусловливающий переосмысление, полисемантизацию или, напротив, конкретизацию поэтических наименований в ХТ.

5.6 Поэтонимия как художественное средство в русскоязычной поэзии

5.6.1 Имена и контрапункты поэмы М. Ю. Лермонтов «Демон». В ряду художественных средств имеет значение выбор имён, которые автор предполагает включить в произведение в качестве поэтонимов, их исходная семантика, характер звучания, порядок следования и расположение в стихах. В ходе лингвистического анализа поэмы «Демон» применяется термин ‘контрапункт’ как наиболее точно отражающий композиционное своеобразие произведения, канву которого составляют линии, с самого начала намеченные и выдержанные в параллельном развитии именно благодаря участию собственных имён. Контрапункт – музыкальный термин, который обычно употребляется для характеристики музыки и подразумевает искусство одновременного сочетания нескольких мелодических линий. Контрапунктический стиль характеризуется таким подбором голосов, чтобы они «контрастировали друг другу ритмически и чтобы каждая из них имела при этом свой мелодический облик» [ЭК], причём ни один из голосов не должен доминировать. Ведущие голоса в поэме Лермонтова,

естественно, принадлежат Демону и Тамаре, и звучат они попеременно, обозначаясь соответственными поэтонимами, дескрипциями, перифразами и иными средствами художественной номинации. Поскольку в фокусе внимания находятся звуковые (фонетические и мелодические) аспекты ИС и их окружения, обращение к музыкальному термину представляется оправданным.

Некоторые нелингвистические факты помогают проникнуть в содержание произведения. Хотя поэма «Демон» считается одним из центральных произведений в творчестве М. Лермонтова, и поэт возвращался к работе над ней в течение десяти лет, но при его жизни она так и не вышла в печати. Эти обстоятельства дают повод усматривать в ней что-то особо «личное» для Лермонтова, так, многие современники предполагали в Демоне романтический автопортрет поэта.

В поэме употреблены 15 ИС, главная роль отводится поэтонимам *Демон* и *Тамара*. То, что *Демон* – оним, а не апеллятив, ясно уже по начальной заглавной букве[44]. Можно, однако, сомневаться в квалификации этого ИС – мифо- или антропоэтоним? По строгим признакам, думается, первое.

Хотя речь о контрапкнктуре, но всё же следует признать доминирующую роль поэтонима «Демон», об этом свидетельствует следующее:

1) вынесенность в заглавие; 2) количество употреблений (употреблён в поэме 8 раз, это наибольшее число среди поэтонимов).

Не абсолютизируя количественный признак в системе лингвистических средств, следует всё же признать этот показатель объективно значимым. Приведённая ниже таблица содержит количественные данные употреблённых в поэме поэтонимов (таблица 6). Ожидаемо максимальное число показывает поэтоним *Демон*: 7 раз в тексте поэмы и заголовочное употребление. Поэтонимы *Тамара* и *Гудал* насчитывают по 7 употреблений. В количество не всчитывались авторские указания на речь *Демона* и *Тамары* в части поэмы, оформленной как

[44] Это не случайный факт, т.к. в ранних редакциях это слово начиналось со строчной буквы, но в дальнейшем написание было изменено.

диалог. Если всё же учесть их, то оказывается, что в этом качестве Лермонтов употребляет оба ИС по 8 раз.

Таблица 6. Поэтонимы поэмы «Демон» в количественных данных

поэтонимы	вид поэтонима	значение в поэме	кол-во употреблений	Расположение в композиции поэмы		
				заглавие	1 часть	2 часть
Демон	мифо поэтоним	главный персонаж	8	1	4	3
Тамара	антропо этоним	главная героиня	7		2	5
Ангел	мифопо этоним	посланник небес	(8)/2			2
Гудал	антропо этоним	отец Тамары	7		4	3
Арагва	гидро поэтоним	река на Кавказе	2		2	
Кавказ	поэтоним-хороним	горный массив	5		3	2
Карабах	поэтоним-хороним	область на Кавказе	1		1	
Грузия	поэтоним-хороним	страна на Кавказе	3		1	2
Дарьял	микротопо-поэтоним / ороним	Дарьяльское ущелье	1		1	
Терек	гидропоэ тоним	река на Кавказе	1		1	
Казбек	поэтоним-ороним	гора	4		1	3
Персия	поэтоним-хороним	восточная страна	1		1	
Синодал	антро поэтоним	князь Синодал, жених Тамары	1		1	
Аврора	космопо этоним	небесное тело, звезда	1			1
Койшаурская долина	микротопо-поэтоним	место в горной местности	1			1

Говоря о способах номинации, нельзя обойти вниманием дескрипции и перифразы, которые во множестве встречаются в тексте и выполняют характеризующую функцию. Если в первой части *Тамара* именуется нейтрально как *дочь Гудала*, *наследница Гудала*, *княжна Тамара молодая*, *свободы резвая дитя*, то во второй части используются атрибутивные сочетания *бедная Тамара*, *бедная дева*» *(слёзы бедной девы)*, *грешница,* с эпитетом *прекрасная* (ср. также:

ангел – *Хранитель грешницы прекрасной; душу грешную* и под.), что даёт понять читателю грехопадение Тамары, ответившей Демону взаимностью.

Для Демона в первой части используются номинации *печальный Демон, дух изгнанья*; *чистый херувим, счастливый первенец творенья*; *отверженный*; *изгнанник рая*; *изгнанник* (*в груди изгнанника*), а во второй – *лукавый Демон*, *злой дух; дух беспокойный, дух порочный*. Так система номинаций противопоставляет невольность злого начала в Демоне, даже его ‘несчастность’, в первой части – осознанному коварному злу как его сущности во второй.

Топонимы в поэме являются средством создания, изображения природы, на фоне которой происходит действие: *Казбек, Грузия (холмы Грузии), Кавказ (снега Кавказа), Синодал (Князь Синодал, жених Тамары; властитель Синодала)*. Хоронимы называют большие регионы: *Грузия,Карабах* или служат сравнению *(Персия)*. По поводу *Синодала* И. Андроников замечал неточность, поскольку выяснилось, что в Грузии нет такого места. И. Андроников установил, что имелся в виду *Цинандали/ Цинундалы*: «В Грузии нет Синодала, а есть Цинундалы (так! — *И. А.*), старинный замок в очаровательном месте в Кахетии, принадлежащий одной из древнейших фамилий Грузии, князей Чавчавадзе» [Андроников, 1977, с. 605]. Микротопонимы *Койшаурская долина, Дарьял* способствуют передаче местного колорита. Местные названия, также как наименования кавказских рек *Арагва, Терек*, создают эффект достоверности, уточняя место происходящего. Гидронимы, а также оронимы, дополняют картины природы.

Поэтонимические средства создают оппозиции, формирующие сеть отношений контрапунктуры, но важных с точки зрения смысла произведения. Оппозиции составляют: *Демон - Тамара, Демон – жених Тамары, Демон – Ангел, Тамара – Ангел.*

Поэтонимы отличает акцентная выделенность, ИС *Тамара* отличается анафорическим расположением в стихах: *Так разноцветен и богат ТАМАРЫ праздничный наряд.* Для поэмы не характерно использование ключевых поэтонимов в концевой рифме, хотя отмечено такое расположение у поэтонимов, второстепенных для смысла, в немногих стихах:

При блеске утренней АВРОРЫ; Питомец резвый КАРАБАХА (о коне);

Он сам, властитель СИНОДАЛА (о женихе Тамары)*; Вился излучистый ДАРЬЯЛ; И над вершинами КАВКАЗА; ; скоро меж снегов КАЗБЕКА.*

Но трижды в концевой рифме употребляется ИС Гудал, всегда в родительном (притяжательном) падеже.

Один из праотцев ГУДАЛА, / Грабитель странников и сёл;

Её, наследницу ГУДАЛА; славном имени ГУДАЛА.

Зато внутренние рифмы с ключевым словом-поэтонимом отзываются созвучиями, например: *ДЕМОН – побежДЕнный – наДМЕнный – во всеЛЕнной*

И проклял ДЕМОН побежДЕнный / Мечты безумные свои, / И вновь остался он, наДМЕнный, / Один, как прЕжде, во всеЛЕнной <…>

Что касается звуковых явлений, то, как правило, обнаруживается увеличение частоты звуков ключевых поэтонимов в их окружении.

Таким образом, можно констатировать соединение семантических и фоностилистических средств поэтонимии: звуковые повторы, рифменное и анвфорическое употребление поэтонимов, акцентное выделене; семантические оппозиции, заложенные уже в теме произведения. Поэтонимы объединяются одной темой – темой Кавказа.

5.6.2 Фоноэма как средство поэтики Ф. И. Тютчева.

5.6.2.1 Безусловно важным является участие звуков поэтонима в инструментовке; однако, если качество его звучания не ограничивается эвфоническими функциями, а обнаруживает связь со смысловым уровнем, это говорит об особой значимости такого поэттонима для автора и произведения. В стихотворении Ф. И. Тютчева «Великий день Кирилловой кончины» поэтоним, употреблённый в начальном стихе произведения и в последней его строфе, оказывает определенное влияние на организацию звукового пространства. Ассонансы, диктуемые гласными поэтонима, усиливаются рифмами, созвучными доминирующему гласному онима *К**И**Р**И**ЛЛ – И*: *кончИны – простЫм – годовщИны – Им – РИм – святЫе – РоссИя*. Воздействие фоноэмы на вокализм стихотворения не ограничивается чисто эвфоническим эффектом, а способствует

проявлению цепи ассоциативно-смысловых связей. Не случайно выдвинутыми в рифмующуюся позицию оказываются поэтонимы *Рим* и *Россия* (с ударным *И*), имеющие для поэта глубоко символическое значение. Употреблённые в стихотворении онимы выстраиваются в один ассоциативный ряд, продолжающийся апеллятивами *родимый край, славяне*. Такое соположение представляет собой символическое осмысление имени просветителя *Кирилла*, дополняет его семантическими нюансами. Суммарное значение этого звукового комплекса можно передать как ‘великий человек, подаривший славянам письменность, сыгравший неоценимую роль в истории России, связанный с вечностью’.

Приведённый далее анализ лирического стихотворения демонстрирует, как гласные поэтонима играют определяющую роль и в звуковой организации художественной речи, и в композиции произведения[45]:

О, этот Юг, о, эта НИЦЦА!.. / О, как Их блеск мЕ[и]*ня трЕ*[и]*вожИт! / ЖИзнь, как подстрЕлЕ*[и]*нная птИца, / Подняться хочЕ*[и]*т – И нЕ*[и] *можЕ*[и]*т… // Нет нИ полета, нИ размаху – / ВИсят поломаннЫе крЫлья, / И вся*[а] *онА, прИжАвшИсь к прАху, / ДрожИт от болИ И бЕ*[и]*ссИлья…* Звуковой контраст, построенный на противопоставлении качественных характеристик ударных гласных первых двух строк — лабиализованный *О,* созвучный ему *У* (*Юг*) и противоположный им по артикуляционным свойствам *И* (*Ницца*) – становится заметнее на фоне семантической близости, контекстуальной синонимии, онимов. Звучание топопоэтонима приобретает дополнительное стилистическое значение в результате метрической выделенности, достигаемой выдвижением его в первом стихе в позицию рифмы. Заданный поэтонимами в начале стихотворения звуковой ритм переходит в разнозвучия, а завершается контрастным расположением стихов, в ударном вокализме одного из которых образуется ряд повторяющихся гласных *А*, тогда как в другом преобладает повтор гласных *И*. Такой контраст обостряет пронзительность звучания ассонанса в финале стихотворения. Ритмическая завершённость произведения в значительной

[45] Стихи приводятся по: [Тютчев, 1986].

мере строится на соотнесённости финальных частей первого и последнего стихов, созвучных в ударных слогах, а также на фонетическом сходстве, прежде всего, вокализма опорных слов *НИцца – жИзнь – птИца*. Вследствие объединения семантических, фонетических и ритмико-интонационных средств (сравнение *жизнь – птица;* вокалический повтор в анафоре, повторение онимного компонента в рифме), достигается сближение значений этих лексических единиц, что наполняет поэтоним новой семантикой.

Благодаря ‘приращению смыслов’ топонима *Ницца*, помещенного в соответствующее звукосемантическое окружение, звуковые соответствия трансформируются в смысловые. В результате ритмической выделенности и особенностей вокализма происходит перераспределение внимания с обстоятельств внешних (впечатления от города) на мир внутренних переживаний (боль и бессилье). Анализ поэтонимов и контекстов эксплицирует ведущую роль гласных онимной единицы в звуковой организации стихов.

Однако не всегда гласные звукобуквы поэтонима определяющим образом влияют на вокализм стиха. В ряде стихотворений наблюдается обратный процесс: поэтические имена демонстрируют ‘встроенность’ своей фонетической формы в систему ассонансов стиха, подчиняясь общему звуковому ритму. Так, в стихотворении «Небо бледноголубое» выбор номинации *Петрополь* (вместо принятого в то время топонимического обозначения *Петербург*) очевидно диктуется созвучием его гласных элементов *Е* и *О* с другими компонентами звуковой структуры контекста: *НЕбО блЕднОгОлубОЕ / ДЫшИт свЕтом И тЕ*[и]*плОм / И прИвЕтствуЕт ПЕ*[и]*ТРОПОЛЬ / НЕ*[и]*бЫвалЫм сЕ*[и]*нтябрЁ*[о]*м* [Тютчев, 1986, с. 245]. Выбор звуковой последовательности онима *Петрополь* оказывается предрешённым: вплетаясь в звуковую канву стихотворения, оним дополняет и оживляет ассонансы первого четверостишия, которые естественным образом переходят во второе: *ВОздух, пОлный тё*[о]*плОй влаги...*

Как видим, гласные поэтонима, с одной стороны, определяющим образом влияют на звуковую организацию контекста, ‘диктуя’ ассонансы, а, с другой,

встраиваются в вокализм стиха. Звуковой фон, создаваемый ассонансами и повторами, может а) дополнять, ‘поддерживать’ поэтоним, оттеняя его эвфоничность созвучиями или б) быть контрастным гласным имени, тем самым ‘выталкивая’ поэтоним из звукового строя, делая более заметным и значимым, усиливать его экспрессию.

5.6.2.2 Переходя к рассмотрению содержательности звуковой формы поэтонимов в консонантизме ПТ, приведем здесь лишь несколько наиболее выразительных примеров.

Способы взаимодействия согласных звуков поэтонима с фоникой произведения разнообразны. Это может быть регулярный повтор одного согласного звука поэтического имени, чаще всего начального или расположенного в ударном слоге, повторное употребление нескольких согласных или сочетаний согласных из фонетической структуры онима. Нередко акцент на звучании имени создаётся полным его повтором и поддерживается соответствующими аллитерациями окружения. Стихотворение Ф. И. Тютчева «К Нисе» начинается и заканчивается одним и тем же стихом с двойным употреблением поэтонима *Ниса*: Первый стих – *НИСА, НИСА, Бог с тобою! /* Финальный стих – *НИСА, НИСА, Бог с тобой! /* Такое ‘обрамление’ стихотворения поэтическим именем обеспечивает соотнесённость начальной и финальной частей и тем самым придаёт ему ритмическую завершённость. Звуковая ткань контекста, отдавая предпочтение звукобуквам поэтонима, наполняется аллитерациями согласных *Н, С*. В последнем четверостишии появляется ‘спровоцированная’ поэтонимом фоническая анафора, усиливающая яркость и выразительность поэтического текста:

***Н**ашу верНоСть промеНяла / **Н**а НеверНый блеСк, пуСтой, – / **Н**аших чувСтв тебе, знать, мало, – / **НИСА, НИСА**, бог С тобой.*

В маленьком по объему стихотворении «Как он любил родные ели» аллитерации контекста заданы тремя согласными *С, В, Й* топопоэтонима *СаВоЙя*:

Как он любил родныЕ[йэ] *Е*[йэ] *ли / **СВоей САВОЙИ** дорогоЙ!. / Как мелодичеСки шумели / Их ВетВи над еГ*[в]*о глаВоЙ! / Их мрак торжеСтВенно-*

угрюмый / И дикиЙ, зауныВныЙ шум / КакоЮ[йу] *СладоСтноЮ*[йу] *думоЙ / ЕГ*[в]*о обВорожали ум!*

Характер рифм двух чётных строк явно продиктован звучанием онима. Смежный повтор, почти полностью отражающий звукобуквенный состав поэтонима во втором стихе, усиливает выразительность и образность всего стихотворения. ‘Иррадиация’ аллитерирующих звуков заметна не только в пределах второго стиха, но и во всех последующих.

Так, вплетаясь в материю стиха и распределяя свой консонантизм на контекст, поэтоним участвует в звуковом и мелодическом его построении, гармонизируя стиховое пространство.

5.6.2.3 В поэзии ономастический стилистический эффект не всегда достигается только за счет количественного увеличения повторений формантов поэтонима; этой цели служит и предельно близкое, например, смежное, расположение поэтонима и схожих по звучанию апеллятивов.

Рассмотрим стихотворение Ф. И. Тютчева «На юбилей Карамзина». В первой его строфе компонент антропонима *Карамзин -ЗИН-*, включающий соединение двух согласных и одной гласной звукобуквы, обыгрывается соответствующими звуковыми комплексами (с переменой расположения гласного) в апеллятивах:

Великий день КАРАМЗИНА / Мы, поминая братской трИЗНой, / Что скажем здесь перед отчИЗНой, / На что б откликнулась она?

Соположенность повторяющихся сегментов вместе с их выдвижением в сильную рифмующуюся позицию во втором и третьем стихах обеспечивает закрепление звукового образа поэтонима. В то же время созвучия, многочисленные переклички с именем в виде консонантной и вокалической аллитерации в последующем тексте актуализируют фонетическую сторону поэтонима. Фонемы и сочетания, созвучные ударному слогу имени, рассредоточены по всему стихотворению: *какИм – жИвЫм – почтИм – праЗдНИк – чИстый генИй – (смесИ) беЗобраЗНой – дерЗкой (лжИ).* Звуковые

соответствия трансформируются в смысловые, способствуя увеличению смысловой ёмкости антропоэтонима.

Ритмическое, синтаксическое и графическое выдвижение онима в сочетании с фонетическими повторами амплифицирует звуковое воздействие поэтической речи. Этот пример подтверждает слова Р. Якобсона о звуковом символизме, который эксплицируется, как только возникает соответствие между внутренней значимостью различительных признаков и значением данного слова, «нашей эмоциональной или эстетической позицией относительно этого слова» [Якобсон, 1985, с. 89]. В данном случае сочетанием лексических и фонетических средств актуализируются любовь и почитание великого поэта, восхищение его талантом. Здесь срабатывает механизм, благодаря которому звуковая интерференция антропонима и созвучного ему фонетического окружения актуализирует ту группу фонем в поэтониме, которая наиболее интенсивно распределена по тексту или входит в состав повторяющихся или рифмующихся непроприальных компонентов стиха [Калинкин, 1999 (2), с. 311].

В сихотворении «Опять стою я над Невой…»[46] поэтоним *НЕВА* употреблен дважды (в косвенном падеже) в позиции конечной рифмы. Однако ударные слоги рифмующихся с онимом апеллятивов по звучанию полностью повторяют сегменты поэтонима: (*Не)**вой*** **–** *(жи)**вой,*** ***Неве*** **–** *(си)**неве***. Вслед за Ю. Н. Тыняновым, который полагал, что «для осознания ритмической роли инструментовки достаточно самых общих признаков фонетического родства звуков» [Тынянов, 1965, с. 147], учитываем фонетическое сходство согласных *В/Б*. В этом случае правомерно определить как онимную внутреннюю рифму созвучие в сочетании слов *в небесной синеве* (пятый стих):

*Опять стою я Над **НЕВОЙ,** / И сНоВа, как В Былые годы, /*
Смотрю и я, как Бы жиВОЙ, / На эти дремлющие ВОды. //
Нет искр В НЕБЕсНой сиНЕВЕ, / Все стихло В БледНом оБаяНье, /
*Лишь по задумчиВОй **НЕВЕ** / Струится луННое сияНье.*

[46] Примеры из: [Тютчев, 1984, с. 213].

В контексте обнаруживается скопление фонем, повторяющих согласные звукобуквы названия реки. Аллитерирующие звуки рассредоточены по тексту всего стихотворения. Выдвинутость этих элементов в рифме, а также частота повторяемости сообщает им ритмическую роль и одновременно обеспечивает связь с фонетической структурой поэтонима. Таким образом, выявляется ‘иррадиация’ звучания поэтонима на звуковой ритм и влияние на формирование рифмы двух (из трех) строф.

Как видим, значимыми в структуре стихов оказываются согласные поэтонимов, их сочетания и расположения, взаимосвязи с фонетической и семантической содержательностью стихов.

5.6.3 Реализация фоноэмы в цикле А. Блока «Кармен».

5.6.3.1 Прежде чем перейти к непосредственному анализу фонетической составляющей структуры стихов А. Блока, обратим внимание на вариативность поэтического именования женского персонажа, являющегося центральным образом произведения. Если в заглавии поэт обозначает вдохновляющий его женский образ проприальной единицей *Кармен*, то уже в первом стихотворении цикла он использует поэтическую номинацию *Карменсита*, которую вновь заменяет, возвращаясь в дальнейшем к антропоэтониму *Кармен.* Возможно, этим приёмом предваряется характеризация образа, который раскрывается в ходе художественного развертывания как перменчивый, своенравный, непокорный (ср. далее сопоставление в рифме *Кармен – грусть измен*).

Рассмотрим функционирование фоноэмы на уровне вокализма в первом, седьмом и восьмом стихотворениях этого цикла.

В звуковой структуре имени и контекста гласные звуки поэтонима *Карменсита* создают ассонансную рифму с традиционно-поэтической формой *ланиты*, гармонично завершая звуковой ритм всего стихотворения. Выбор именно этой звуковой последовательности для номинации определённо задан звуковым ритмом предыдущих стихов, построенных на противопоставлении качественных характеристик ударного гласного поэтонима *И* и созвучного ему *Е,* с одной стороны, и преобладающих в ударном вокализме восьмистишия лабиализованных

О и *У* с другой.

Как Океан мЕняет цвЕт, / КОгда в нагрОмождё[О]*ннОй тУче /*

Вдруг полыхнё[О]*т мигнУвший свЕт,– / Так сЕрдце пОд грОзОй певУчей /*

Меняет стрОй, бОясь вздОхнУть, / И крОвь брОсается в ланИты, / И слёзы счастья дУшат грУдь / Пе[И]*ре*[И]*д я*[JA]*влЁньЕм КАРМЕНСИТЫ.*[47]

Поэтоним *Карменсита* контрастирует с синонимичным ему антропоэтонимом *Кармен* и по длительности звучания (4 слога – 2 слога), и по тональности. Если *Кармен* – порыв, стремительность, страсть, то *Карменсита* – лёгкое, игривое дуновение. В соответствии с закономерностями организации поэтической речи ассонансы выступают здесь в соединении с аллитерацией согласного *с* и сонорных *М, Н*. Возникающие ассоциации распространяются на сонорные и создают основу для эмоциональной окраски звукового фона. Лёгкость произнесения этих звуков связывает их с представлением о чём-то лёгком и нежном, а согласный *с* ассоциирует световые представления – свет, блеск, сверкание [Томашевский, 2001, с. 95-96]. Подчёркнутая лёгкость и изящество этого имени усиливается звуковым ритмом, выдвигающим в шестой и восьмой строке гласный *И*, а в первой и третьей – созвучный ему *Е* в сильную рифмующуюся позицию. Выделение этого гласного становится ещё более заметным, с одной стороны, на фоне повторяющегося звукового окружения концовок шестого и восьмого стихов, а, с другой стороны, благодаря звуковому контрасту, усиленному противопоставлением ударного вокализма последней строки (*Е–И*) гласному звукоряду предыдущего стиха, где очевидно предпочтение ударных гласных *О – А – У*.

Как следует из вышеизложенного, вокализм стихотворного текста может быть основан не только на уподоблении, созвучии гласных поэтонима и контекста, но и на их противопоставлении. Так, на контрасте ударного гласного антропоэтонима *Е* и звуков *А* и *О* построен вокализм седьмого стихотворения этого же лирического цикла А. Блока. Имя *Кармен* завершает цепь созвучий,

[47] Здесь и далее : [Блок, 1981, с. 222-229].

повторяющих гласные поэтонима и пронизывающих все строфы. Таким образом, ассонансами как бы предопределяется появление поэтонима и ‘подготавливается’ его ритмическая выделенность. Наблюдая игру ассонансов в начальной и финальной его частях, можно заметить, как на фоне общего разнозвучия выделяется звуковой контраст ударного гласного поэтонима Е (а также созвучных ему *И* и *Э*) и гласного *А*, преобладающего в сильных позициях всего стихотворения. Этот контраст намечается уже в первой строфе:

ВЕрбы – Это[а] *ве*[и]*сЕнняя тАль, / И че*[и]*го-то*[а] *нам свЕтло*[а]*го*[а] *жАль, / ЗнАчИт – тЕплИтся*[а] *гдЕ-то*[а] *свечА, / И мо*[а]*лИтвА мо*[а]*я[А] го*[а]*рячА, / И це*[и]*лую те*[и]*бя*[А] *я*[а] *в пле*[и]*чА*.

Особенности вокализма определяют противоположенность начальной и финальной частей стихотворения. На фоне соотнесённости и соизмеримости, ритмического равенства первой и последней строк ещё более отчетливо слышится звуковой контраст:

Это – музыка тайных измЕн? / Это – сЕрдцЕ в плЕну у КАРМЕН?

Излишне напоминать, что вокалические повторы, контрасты и созвучия становятся действенными не сами по себе, а включаясь в стиховых рядах в систему повторов всех конструктивных элементов, в том числе эвфонических и метрических. Ведь звуковой подбор в поэзии «совершается не ради самих только звуков, но и с целью оформить звуковыми соответствиями распадение речи на ритмические единицы» [Томашевский, 2001, с. 94]. В первой строфе следующего, восьмого стихотворения, повторение ударного гласного в концевой рифме способствует закреплению звукового образа имени, так как связывает слова *в судьбе – о тебе* по созвучию с антропоэтонимом *Кармен*:

ТЫ – как отзвук забЫтого гИмна / В моЕй черной И дИкой судьбЕ. //

О, КАРМЕН, мнЕ пе[и]*чально И дИвно, / Что прИснИлся мнЕ сон о тЕбЕ.*

Благодаря особенностям употребления (риторическое обращение, выделенное просодически и синтаксически) и расположению (анафора) поэтоним соотносится с личным местоимением второго лица в начале первой строки и в конце четверостишия. Возникающий семантический параллелизм закрепляется

звукобуквенным: *О, КАРМЕН – о тебЕ*. Таким образом, ритмическое завершение строфы оформляется семантическим и звуковым кольцевым повтором во втором двустишии. Ассонансы с гласными антропоэтонима распространяются и на следующую строфу:

ВЕшний трЕпет, и лЕпЕт, и шЕлЕст, / <...> прЕлЕсть <...>

Многократно повторяющиеся звуковые переклички с именем обеспечивают ассоциативную связь с ним.

Таким образом, взаимодействие ударных гласных поэтонимов с вокализмом окружения осуществляется путём включения двух типов механизмов: с одной стороны, созвучие, повторяемость конструктивных элементов поэтонимов в линейном плане, ‘по горизонтали’; с другой стороны, контраст, противоположенность ударных гласных онимов и целых звукорядов соседних стихов ‘по вертикали’.

5.6.1.2 Способность произведений разных стиховых форм к передаче богатства мыслей и образов обусловлена в значительной мере параллелизмом в его многообразных формах, и прежде всего в рифме. В поэзии важно значение рифмы как ритмического фактора, однако не раз отмечалась и ее семантическая роль [Маяковский, 1959, с. 253; Тынянов, 1965, с. 156]. Двойная природа рифмы (и как звукового, и как метрического приема) обусловливает использование звуковой формы зарифмованных поэтонимов, с одной стороны, в качестве эвфонического повтора как фактора инструментовки, и, с другой стороны, как регулярного повтора в структуре рифмы, выполняющего композиционную функцию. Если вопрос о ритмической структуре стиха и о рифме вообще изучен довольно подробно, то вопрос об онимной рифме, её формальный, функциональный, семантический аспект нечасто привлекает внимание исследователей. Как показывает анализ, участие поэтонима в образовании разных видов рифмы является наиболее распространенным приемом использования онимии в формировании звуковой и ритмико-интонационной структуры стихотворений.

Онимная рифма строится на том, что поэтическое имя, являющееся в произведении ключевым, опорным словом, выделяется на фоне других элементов

стиховых структур выдвижением в сильную рифменную позицию. Таким образом, оно становится наиболее заметным и функционально нагруженным элементом текста. Так как связанные рифмой стихи или полустишия соотносятся друг с другом в большей степени, чем с остальными стихами, и соизмеримость их ощущается больше [Гаспаров, 1974, с. 17], то и поэтоним в этих стихах приобретает дополнительное стилистическое значение, оказываясь метрически выделенным.

В лирическом цикле А. Блока «Кармен» из семи употреблений поэтонима *Кармен* в шести из них – это позиция рифмы. В пятом стихотворении поэтоним выдвигается в ритме первого стиха, завершая его ударным слогом, образующим охватную рифму с четвёртым стихом. Созвучия зарифмованных слогов усиливаются цепью ассонансов четвертой строки и внутренней рифмой:

Среди поклонников ***КАРМЕН****, / Спешащих пёстрою толпою, /*

*Её зовущих за собою, / Один, как тЕнь***,** *у сЕрых стЕн***.**

Звуковой фон зарифмованных строк дополняет и ‘поддерживает’оним. Взаимодействие звукового состава имени и контекста ведёт к их взаимоусилению и выявлению экспрессивных особенностей поэтонима. В седьмом стихотворении имя *Кармен* завершает цепь созвучий, повторяющих гласные онима и пронизывающих все строфы. Следует отдельно сказать о появляющейся здесь рифме с апеллятивом *измен*: *Это – музыка тайных изМЕН*? / *Это – сердце в плену у КАРМЕН?*

Она не случайно повторяется затем в предпоследнем (дважды) и последнем стихотворениях цикла. Употребление в девятом стихотворении цикла на фоне подчёркнутой метрической соотнесённости и соизмеримости создаёт ощущение не только фонетического и психологического равенства рифмующихся стихов, но и семантической близости этих лексических единиц. Во второй и последней строфах поэтоним рифмуется с обозначающим единое понятие словосочетанием *грусть измен*:

Да, в хищной силе рук прекрасных, / В очах, где ГРУСТЬ ИЗМЕН, /

Весь бред моих страстей напрасных, / Моих ночей, КАРМЕН!

<…>

За бурей жизни, за тревогой, / За ГРУСТЬЮ всех ИЗМЕН, – /

Пусть эта мысль предстанет строгой, / Простой и белой, как дорога, /

Как дальний путь, КАРМЕН!

Повторяющаяся онимная рифма здесь не только организует звуковое пространство, но имеет смысловое значение, так как возвращает нас к предыдущим стихам, «заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе» [Маяковский, 1959, с. 253]. Возникающая посредством звуковых ассоциаций связь имени и семантики апеллятива *измена* вызывает аллюзии на образ героини П. Мериме.

В десятом, финальном, стихотворении цикла онимная рифма вновь возвращает внимание к ассоциативно-аллюзивному ряду *измен – Кармен,* закрепляя связанность апеллятива и поэтонима и довершая образ:

Всё – музыка и свет: нет счастья, нет ИЗМЕН… / Мелодией одной звучат печаль и радость… / но я люблю тебя: я сам такой, КАРМЕН.

Итак, фоноэма встроена в ритмическую канву стиха таким образом, что принимает участие в создании рифмы разных видов: концевая, внутренняя; смежная, перекрёстная. Внутренняя рнмная рифма связывет стихи по вертикали, в то же время фокусируя внимание на поэтониме. Акцентируемый и выдвигаемый в концевых рифмах поэтоним *КАРМЕН* рифмуется с апеллятивом *измен;* возникающий параллелизм вучания создаёт параллелизм значений, связывая в смысловое целое ассоциативно-аллюзивный ряд оним – апеллятив.

5.6.4 Фонетика и семантика поэтонимов у О.Э. Мандельштама. Для О. Э. Мандельштама звучание поэзии и есть ее смысл, а фонетическая сторона языка существует нераздельно с морфологией и словообразованием. Высоко ценя звучание, он в то же время видел ценность для поэзии взаимодействия всех аспектов языка – грамматического, лексического и фонетического. При ближайшем рассмотрении его стихов выявляются не только аллитерации, но и более сложные формы и способы перераспределения компонентов поэтонимов на фонетическом уровне поэтических структур. Вот лишь некоторые примеры.

Фрагмент демонстрирует повтор двух согласных звуков из фонетического состава поэтонимов в соседних с ними апеллятивах-эпитетах[48]:

Ты, гоРЛовой ***УРАЛ***, *ПЛечистое* ***ПОВОЛЖЬЕ***

Звуковой ряд *РЛ – Р, Л – ПЛ – П, Л* придает строкам особенную выразительность и дополнительную образность. Возникающая звукоизбразительность поддерживается неудобной артикуляцией, как бы ‘спотыкающейся’ на препятствиях, создаваемых консонантизмом, что синестезирует ощущение гористой местности.

Есть ИС, звучание которых имеет отношение к шуму в природе, к подсознательному, инстинктивному вслушиванию, пугающим и настораживающим звукам. Включение их в текст неизбежно повышает звукоизобразительный и звукосимволичный эффект. Учащение звукобуквы *К*, а также *Щ* в фонетическом составе нижеприведенного стихотворения очевидно продиктовано наличием этих звуков в структуре поэтонима *Кащей.* Аллитерации согласных *К/Г* поддерживают связь с поэтонимом, который начинается с *К:*

Там, Где оГненными Щами УГоЩается ***КАЩЕЙ,*** */ С ГоворяЩими Камнями / Он на СЧ[щ]астье Ждет Гостей – / Камни троГает КлеЩами, / Щиплет золото Гвоздей. // У неГо в поКоях спяЩих / Кто Живет не для иГры – / У тоГо в зрачКах ГоряЩих / Клад заЖмуренной Горы – / И в зрачКах тех леденяЩих, / УмоляюЩих, просяЩих – / Шароватых исКр пиры…*

Обращает на себя внимание насыщенность стихов звукобуквой *Щ*. В русском языке по частоте употребления она занимает 29-е место из 33-х букв, её частотность в норме составляет 0,00361, т.е. 0,361 %[49]. В рассматриваемом стихотворении она встречается 12 раз, что составляет 8,2 %. Таким образом, частотность употребления этой звукобуквы увеличена в 22,768 раз по сравнению с нормой. А если учесть акустически близкие *Ж* и *Ш*, то соответственно процент увеличивается до 10,959. Не удивительно, что при таком качестве консонантизма характер звучания этих стихов напоминает вспышки, шипение и потрескивание

[48] Примеры приводятся по: [Мандельштам 1992].
[49] По данным НКРЯ. См**.** [DPVA].

огня, – звуки, сопровождающие работу в кузнице.

В стихотворении О. Мандельштама «Зверинец» рифменное употребление гидропоэтонима *Волга* обеспечивает противопоставление двустиший строфы, связываемых смежной схемой рифмования:

В зверинце заперев зверей, / Мы успокоимся надОЛГО, / И станет полноВОдней ***ВОЛГА****, / И рейнская струя светлей –*

Стыковое сопоставление гидропоэтонима *Волга* и образованного от онима апеллятивного комплекса *рейнская струя* сопоставляет две великие реки (*Волга – Рейн*), закрепляет семантическим сходством эффект, сходный по действию с анадиплозисом.

Приведённое ниже шутливое стихотворение О. Мандельштама содержит сопоставление двух мифопоэтонимов, создаваемое параллелизмом анафорической и концевой рифмы с одной стороны (что само по себе обращает на себя внимание как крайне редкое явление в поэзии), и их фонетическим сходством с другой:

*ЗЕВ****Е****С всех должностей лишил ГЕРМ****Е****СА – / В кузнечном деле ни бельм****Е****са, / Оказывается, он не понимал… / Но,* ***громовЕржец****, ты ведь это знал*!

Эпентеза, появляющаяся в середине проприальной единицы *Зевс* → *ЗевЕс* в угоду созвучию с другим мифопоэтонимом – *ГермЕс*, обеспечивает также фонетическую связь с рифмой смежного стиха, что в сочетании с семантикой апеллятива создаёт комический эффект каламбурной рифмы.

Отношения смысла и звучания в стихах для О. Мандельштама – это отношения фонетического и грамматико-лексического, причем особая роль отводится согласным: «Поэтическую речь живит блуждающий, многосмысленный корень. Множитель корня – согласный звук – показатель его живучести. Слово размножается не гласными, а согласными. Согласные – семя и залог потомства языка. Пониженное языковое сознание – отмиранье чувства согласной» [Мандельштам, 1987, с. 69]. В связи с этим показательно обыгрывание фонетического и морфонологического состава поэтонима в приведенном ниже стихотворении О. Мандельштама. Включенное в него ИС – топоним *Воронеж*, а также окружающие его апеллятивы, используются в максимально действенном

соединении звукового и смыслового: *Пусти меня, отдай меня,* ***ВОРОНЕЖ****: / УРОНИШЬ ты меня иль проВОРОНИШЬ, // Ты ВыРОНИШЬ меня или ВЕРНёшь, / ВОРОНЕЖ – блажь, ВОРОНЕЖ – ВОРОН, НОЖ.*

Переплетение всех возможных способов фонетической организации стихов происходит на основе обыгрывания звукового сходства поэтонима и апеллятивов, паронимичных, парономастических, омофонических повторов и перекличек. Всё это нашло свое место в одном четверостишии. Структурные компоненты топонима интегрированы в контекст разными способами – от многочисленных повторов и аллитераций согласных *В, Р, Н, Ж/Ш* до глагольных лексем, парономастически связанных с именем города: *уРОНить, проВОРОНить, ВыРОНить, ВеРНуть.* Учитывая, что звукобуква *Ж* реализуется в конечной позиции как *Ш*, глагольные формы 2-го лица единственного числа омофонически повторяют топоним. Лишь один из глаголов имеет нейтральную семантику (вернуть), три остальных содержат в значении сему потери, утраты чего-либо. Звукобуквенные комплексы из первой части поэтонима *ВОР, РОН, ВЕР, ВЫР, РН,* а также из второй его части – *НИШЬ, НИШЬ, НИШЬ, НЁШЬ, НЕЖ, НЕЖ,* рассредоточенные по тексту, непрерывно возвращают к названию города, создавая образ замкнутого круга, который невозможно разомкнуть. Из фономорфемного состава поэтонима оформляются субстантивы с характерной негативной семантикой: *ВОР*, (*У)РОН*, *ВОРОН, НОЖ.* Переразложение звукового и морфемного состава поэтонима в последнем стихе вскрывает всю смысловую глубину топопоэтонима *ВОРОНЕЖ*, ‘зашифрованного’ в семантике двух апеллятивов – *ворон* и *нож*. Поэтическое слово здесь нашло максимально полное выражение, оказавшись, по выражению самого поэта, «чудовищно уплотнённой реальностью».

Особая организация стиховых структур, их ‘ёмкость’, позволяет вмещать художественную информацию в максимально сжатой, сконцентрированной форме. Как видно из примеров, одним из способов ‘уплотнения’, ‘сгущения’ эстетической информации является использование фонетики и семантики поэтонимов и контекстов во взаимодействии.

5.6.5. Трансформации ‘звукосмыслов’ в поэтическом контексте. Материалы предыдущих разделов показывают, что эстетический эффект каждого стихотворения создаётся звуками и просодическими средствами в единстве с семантикой входящих в него лексических единиц. ИС в структуре произведения ‘работает’ на художественный образ, создаваемый автором, взаимодействуя с контекстом. Однако для полноценного адекватного прочтения художественного ‘материала’ бывает недостаточно эксплицированного таким образом знания. Ещё одним обязательным условием полноценного прочтения произведения является направленность исследования, его обращённость к личности художника, учитывающая его онтологические взгляды и устремления, а также, говоря словами М. М. Бахтина, то, «из какой временно-пространственной точки смотрит автор на изображаемые им события». И поскольку художник, принадлежа определённой культуре и эпохе, видит мир из своей «незавершенной современности во всей ее сложности и полноте» [Бахтин], он сам говорит с читателем от имени своей эпохи, передавая посредством глубоко личных откровений свойственные его времени сложности и противоречия.

Интерпретация литературного произведения имеет дело прежде всего со смыслами, вложенными в него авторским художественным мышлением. В связи с этим актуальное звучание приобретает вопрос о месте и значении того или иного ИС в индивидуально-личностном авторском сознании, непосредственно связанный с главным вопросом поэтики – вопросом о значении и смысле поэтического слова.

Есть имена в наследии поэтов, отмеченные особой значимостью, определяющие основные темы и мотивы творчества. В исследовании поэтических онимов очень важно не пройти мимо таких проприальных единиц, иначе понимание смысла как отдельных произведений, так и всего творчества писателя или поэта будет значительно затруднено или искажено. Говоря об этом, В. М. Калинкин пояснял: «У Мандельштама Петербург и Рим – это и повторяющиеся темы, и любимые образы, и притягательные слова. Привлекательные не только в смысле привлекательности для поэта, но и в плане

“заряженности“ культурно-историческими коннотациями, и в смысле способности вести за собой вереницу других поэтонимов, связанных с ними ассоциативно» [Калинкин, 2002 (4), с. 78].

5.6.5.1 ‘Звукосмыслы’ О. Мандельштама. В художественных произведениях можно наблюдать различные виды трансформации семантики, основанные на звуковом сходстве онимной и апеллятивной лексики, непосредственно связывемые со смыслом (фонетико-семантических преобразований). Исследовательские процессы в этой области имеют богатую традицию, начиная с ‘патриарха’ ономастической науки В. Н. Михайлова, который первым обратил внимание на значимость фонетических и морфонологических особенностей литературных имён [Михайлов, 1954, 1965, 1966] (см. глава 1). Эти начинания были подхвачены и продолжены исследованием литературных онимов в произведениях разных стилей и жанров, на разных языках.

Показательным в плане соединения звукового и смыслового является обыгрывание фонетического, морфонологического и семантического в онимно-апеллятивном взаимодействии в поэзии О. Мандельштама. Индивидуальный стиль этого автора во многом строится на принципе нераздельности смысла и формы его выражения при их равноценности. «Словесное представление — сложный комплекс явлений, связь, „система“. Значимость слова можно рассматривать, как свечу, горящую изнутри в бумажном фонаре, и обратно, звуковое представление, так называемая фонема, может быть помещена внутри значимости, как та же самая свеча в том же самом фонаре» [Мандельштам, 1987, с. 228]. И в стихах Мандельштам продолжает настаивать на таком понимании сущности слова: *Значенье – суета, и слово только шум, / Когда фонетика – служанка серафима.* Иначе говоря, тот, для кого ценен смысл, ценит и звучание. Ориентиром, образцом поэтического мастерства для Мандельштама является поэзия великих мастеров прошлого: Пиндара, Данте, от них у Мандельштама особое отношение и к собственным именам.

Не все поэтонимы равнозначны, не все из них играют одинаково важную роль, не всякое имя определяет замысел, тему или лейтмотив стихотворения. Можно было бы разделить поэтонимы в поэзии Мандельштама на группы. В одну из них вошли бы имена поэтов *Батюшков, Тютчев, Пушкин, Блок.* Эти антропоэтонимы выстраивают череду образов, создающих синхроничность мира, культурный контекст, в котором живет и творит поэт, например:

И БАТЮШКОВа мне противна спесь: / Который час, его спросили здесь, / А он ответил любопытным: вечность![50]

Показательна несколько фамильярная манера, в которой поэт совсем не лестно характеризует одного из своих знаменитых предшественников, выделяя особым образом одну из его черт. Онимный комплекс *Батюшкова спесь* (антропоним в грамматической форме родительного падежа + сущ. *спесь*, имеющее негативно-оценочное значение, зафиксированное в словаре), усиленный эксплицитно выраженным негативно-оценочным словосочетанием *мне противна,* содержит имплицитную само-характеристику Мандельштама, поскольку недвусмысленно выдаёт его отношение к поэтам прошлого как равного к равным. Имя Пушкина присутствует в поэзии Мандельштама часто в неоформленном виде, явно читаясь в ассоциативных рядах, возникающих то на основе прямых реминисценций (*Царское Село*, перстень, талисман), то возникая из звуковой и звукосмысловой соотнесенности образов и мотивов, создаваемых парономасией, аллитерациями, ассонансами, анаграмматическим переразложением, вроде *«голубой пунш»*. И если один из поэтов (Тютчев) называется прямо (в стихотворении «Дайте *Тютчеву* стрекозу…»), то образ другого лишь обозначается намеком (*перстень)*[51].

«Особенные» топопоэтонимы, являющиеся пространственными ориентирами и одновременно средоточием глубинных смыслов – это символы личных переживаний и впечатлений – *Рим*, *Петрополь*, *Воронеж* – можно объединить в другую группу онимов.

---

[50] Приводится по : [Мандельштам, 1987, с. 74].
[51] Здесь идалее примеры по: [Мандельштам, 1993, III].

Мне холодно. ПРозРачная весна / В зеленый Пух ПЕТРОПОЛЬ одевает; <…>
В ПЕТРОПОЛЕ ПРозРачном мы умрём, / Где властвует над нами ПРОЗЕРПИНА

Подбор мифопоэтонима *Прозерпина* (а не *Персефона*!) здесь явно продиктован не общими с топопоэтонимом аллитерациями *Р, П,* а ассонансами с *О;* парономастическая связь закрепляется фонетикой эпитета *прозрачный,* семантически соотносящимся как с именем города, так и с временем года: *ПЕТРОПОЛЬ – ПРОЗЕРПИНА - ПРОЗРАЧНЫЙ.*

Слово, вызывающее рефлексии поэта на тему имени, часто балансирует на грани оним – апеллятив, постепенно, шаг за шагом, высвечивая разные грани своего не сразу постижимого смысла. Так происходит со словом *соломинка*, которое из апеллятива, постепенно онимизируясь в контексте стихотворения, превращается в вариации на тему имени возлюбленной:

Когда, СОЛОМинКА, не спишь в огромной спальне <…> / СОЛОМКА звонкая, СОЛОМинКА сухая, / Всю смерть ты выпила и сделалась нежней, / СЛОМАЛась милая СОЛОМКА неживая, / Не САЛОМЕЯ, нет, СОЛОМинКА скорей!

Завершение смыслового оформления происходит ‘нанизыванием’ поэтонимов – символических имён возлюбленных, воспетых поэтами, ряд женских имен, синонимичных для поэта слову ‘любовь’ – имён-образов, говорящих многое посвященным, тем, кто вхож в мир поэзии:

Я научился вам, блаженные слова: / ЛЕНОР, СОЛОМИНКА, ЛИГЕЙЯ, СЕРАФИТА

Два поэтонима из этого ряда – *Ленор* и *Лигейя,* символично связанных с темой любви и смерти, – определённо отсылают сведущего читателя к образам, воспетым Э. По. Так устанавливается ассоциативно-аллюзийная связь с романтическим женским образом, кроме того, обеспечивается семантическая когезия с предыдущим стихом: *Всю смерть ты выпила и сделалась нежней,* в котором тематизируется взаимосвязь любви и смерти, заложенная в поэзии Э. По.

В результате анализа устанавливается, что обычным для поэтики О. Мандельштама является включение и материального, и формального, и семантического компонента ИС, его ближайшего контекстуального окружения и

полного художественного контекста, а также интертекстуальные и экстралингвальные коннотативные связи.

5.6.5.2 Ф. Тютчев и Рим. Для исследователя поэтического слова трудно найти более роскошный материал, чем стихи Ф. И. Тютчева, которые являют собой ярчайший пример присутствия в поэзии живой мысли. Это важнейшее качество, отличающее его от множества других авторов, отмечалось уже его современниками. Биограф поэта И. С. Аксаков, высоко ценивший как первейшее преимущество Тютчева «всегда неразлучный с его поэзией элемент мысли», писал: «У него не то что мыслящая поэзия, – а поэтическая мысль; не чувство рассуждающее, мыслящее, – а мысль чувствующая и живая. От этого внешняя художественная форма не является у него надетой на мысль, как перчатка на руку, а срослась с нею, как покров кожи с телом, сотворена вместе и одновременно, одним процессом: это сама плоть мысли» [Аксаков].

Непосредственное рассмотрение поэтонимов стихотворений Тютчева в разделе 5.6.2 уже продемонстрировало основные характеристики функционирования поэтонимов с позиции лингвистики. Однако более глубокое понимание отдельных ИС для поэта и связанных с ними заложенных в стихи смыслов требует подключения культурологического подхода, с тем чтобы получить сведения, расширяющие и дополняющие лингвистическое знание знанием о поэте и его времени и найти в тексте произведения преломление этих нелингвальных фактов, воплощение их в материальную словесную форму. В данном случае следует вспомнить о существенной черте поэта, предопределившей свойственное ему «дыхание мысли» в стихах – соединение необыкновенного поэтического таланта и блестящей образованности, которая питала талант мыслителя, рождала глубокие размышления о законах мироустройства, о взаимоотношении человека и бытия. В лучших образцах поэзии Тютчева, и сегодня не потерявших свою актуальность и свежесть звучания, прочитываются личностные качества человека, самостоятельность нравственных, философских и политических воззрений, виден Тютчев-поэт, «неповторимо и органично сочетающий в ней [поэзии] “злободневное“ и “непреходящее“, оценивающий острые проблемы современности sub spesial

aeternitatis[52], в контексте первооснов человеческого бытия и “исполинского размаха“ мировой истории» [Тарасов, 2003-2010]. В поэтической системе Тютчева, и, безусловно, в его поэтонимосфере, особенную роль играет топопоэтоним *Рим*. Он принадлежит к числу поэтонимов, происходящих от топонимов, значимость которых для поэзии невозможно переоценить, поскольку «в любом языке их имена буквально “до краев“ наполнены культурно-исторической информацией, насыщены коннотациями» [Калинкин, 2002 (4), с. 79].

Наименование «Вечного города» встречается в заглавии двух стихотворенийФ. И. Тютчева: «Рим ночью» (1850) и «В Риме» (1866). Кроме того, этот топопоэтоним, а также его дериваты присутствуют в тексте стихотворения «Цицерон», относящегося к началу 1830-х годов. Это произведения малых форм, написанных, по определению Тынянова, «в художественной форме *фрагмента*» [Тынянов, 1977, с. 42], что вообще характерно для поэзии Тютчева. Действительно, стихотворения напоминают зарисовки с натуры или кадры кинофильмов, настолько ‘зримы’ их образы. Написанные в разное время, они отражают определённую динамику во взглядах поэта. Если сравнивать их по композиции, то можно отметить следующее: первое в хронологической последовательности, стихотворение «Цицерон», состоит из двух восьмистиший, следующее за ним «Рим ночью» – из двух четверостиший, третье – «В Риме» – из восьмистишия, не разделённого на строфы. Это простое наблюдение позволяет заметить возрастающее стремление к уплотнению формы, даже на фоне обычной краткости стихотворений Тютчева[53].

В стихотворении «Цицерон»[54], написанном Тютчевым в молодом возрасте, уже проявилась отличительная черта его поэтического стиля – лапидарность. Эта краткость, сжатость, точность слога, когда «фрагмент как *средство* конструкции <…> становится определяющим художественным принципом» [Тынянов, 1977, с. 43], придаёт стихам выразительность, граничащую с афористичностью,

[52] под знаком вечности
[53] И. С. Аксаков писал: «лучшие его стихотворения – короткие; они цельны, словно отлиты из одного куска чистого золота [Аксаков].
[54] Здесь и далее тексты приводятся по: [Тютчев, 1986].

усиливает ёмкость, концентрацию смыслов. Одним из средств создания лапидарности служит поэтонимия, представленная антропоэтонимом *Цицерон* и топопоэтонимом *Рим*. К онимным лексическим средствам следует отнести и отонимное аттрибутивное словосочетание в стихе «с *Капитолийской* высоты».

Поэтоним *Цицерон*, вынесенный в заглавие, антиципирует содержание стихотворения, заявляет тему, отсылающую к размышлениям о судьбах мира и человека через обращение к личности выдающегося оратора и исторической эпохе, в которую тот жил. Центральным, ключевым тематическим словом здесь является, безусловно, топопоэтоним *Рим*. Он определяет и семантику, и звучание всего стихотворения, и его ‘конструкцию’. Образ Рима создаётся не только благодаря прямому употреблению поэтонима в словосочетании «ночью *РИМа*», но и посредством косвенного обращения к поэтониму в составе дескрипции «оратор *РИМ*ский», перифразе с отпоэтонимным дериватом «прощаясь с *РИМ*ской славой». Косвенное упоминание «Вечного города» содержит также перифрастическое сочетание «с *Капитолийской* высоты», имеющее значение ‘с *Капитолийского холма*’[55]. То есть в данном контексте это словосочетание, символизирующее Рим, является семантическим заместителем поэтонима. Обращает на себя внимание звуковая окраска стихотворения, организованная на основе фонетики центрального поэтонима. Так, в консонантизме явно преобладает *Р* – начальный согласный топопоэтонима, в особенности заметна концентрация этого звука в первых строках:

*ОРатоР **РИМ**ский говоРил / СРедь буРь гРаждански и тРевоги:*

Вокализм стихотворения построен на повторах и увеличении частотности гласного *И* – единственного гласного топопоэтонима *Рим*, присутствующего также в антропоэтониме *Цицерон*. Ономастический приём повтора гласного поэтонима и выстраивания соответствующих ассонансов (*ЫI, е*, звучащего в безударной позиции как *И*) лежит в основе рифм второго восьмистишия, где каждый стих зарифмован на *И* либо *ЫI*:

[55] Конкретное место в Риме – Капитолийский холм – один из семи холмов, на которых расположен Рим, считается самым центром Рима. Это место с древнейших времен являлось центром религиозного культа, свидетелем самых основных событий в истории города.

БлажЕн, кто посЕ[и]*тИл сЕй МИР / В Его мИнутЫ роковЫе! / Его прИзвалИ всЕ*[и]*благИе / Как собЕ*[и]*сЕднИка на пИр. // Он Их вЫсокИх зрЕлИщ зрИтЕ*[и]*ль, / Он в Их совЕт допущЕ*[и]*н бЫл – / И зажИво, как нЕ*[и]*божИтЕ*[и]*ль, / Из чашИ Их бЕ*[и]*ссмЕртьЕ пИл!*

Что касается звуковой инструментовки второй строфы, то очевидно насыщение текста повторами гласного поэтонима *И*, а также ассонансами вторящих ему гласных звуков. Количественный анализ подтверждает доминирование гласного поэтонима в вокализме приведённого фрагмента, представленного 68 гласными звукобуквами. Наибольшее количество раз употреблён гласный *И* – 20, в том числе 7 раз – в ударной позиции (ударение равносильно удвоению, т.о. данное число равно семикратному употреблению гласного). Гласные, созвучные доминанте, в количественном отношении представлены следующим образом: *Ы*I – 4 употребления; *Е*, звучащее как *И* – 7, *Е* – 12 употреблений. Более подробно результаты количественного анализа представлены в таблице 7.

Таблица 7. Количественный анализ вокализма 2й строфы стихотворения Ф. Тютчева «Цицерон»

Гласные	**Количество**					
	всего		в ударной позиции		в рифме	
	в числовом выражении	в %	в числовом выражении	в %	в числовом выражении	в %
гласный *И*	20	29,4	8	11,8	6	8,8
гласный *Ы*	4	5,9	2	2,9	2	2,9
гласный *Е*[и]	7	10,3	-	-	-	-
гласный *Е*	12	17,6	5	7,4	-	-
гласных поэтонима и ассонирующих	43	63,2	15	22,1	8	11,7
всего гласных	68	100	20	29,4	8	11,7

Обращает на себя внимание, что первый стих второй строфы заканчивается ‘отзеркаленным двойником’ именования города *РИМ – МИР*. Этот приём поэт использует и в других стихотворениях с ‘римской’ тематикой.

Проведённый анализ позволяет определить компоненты семантики топопоэтонима *Рим* как составляющие значения города-мира, портрет которого раскладывается на такие составляющие: 1) столица южной страны, 2) город с древней историей, 3) некогда столица могущественной империи, 4) колыбель европейской цивилизации, 5) центр и символ католицизма.

В более поздние периоды своей жизни Тютчев вновь обращается к образу ‘вечного города’. В стихотворении «Рим ночью» удивительным образом сочетаются конкретно-зримое описание ночного города и выражение состояния души автора, субъективного впечатления от внешнего мира:

*В ночи лазурной почивает РИМ. / Взошла луна и овладела ИМ, / И спящий град, безлюдно-величавый, / Наполнила своей безмолвной славой… // Как сладко дремлет РИМ в ее лучах! / Как с ней сродн**и**лся РИМа вечный прах!.. / Как будто лунный МИР и град почИвший – / Все тот же МИР, волшебный, но отжИвший!*

Оживляется звукопись, проявляющаяся в ‘разложении’ фонетического состава поэтонима *Рим* на звуковые (и образные) ассоциации: *РИМ – ИМ* (эхо-рифма) *– в ночИ – сроднИлся – мИр – почИвший – мир – отжИвшИй.* Если в первой строфе стихотворения выделенный просодическим ударением топопоэтоним выдвигается в рифмующуюся позицию, то во второй сфера влияния его звукового состава распространяется на все четверостишие. Возникающий при этом синтаксический параллелизм (восклицательные предложения с одинаковой структурой) создаёт фон для ритмического выделения поэтонима. Особенности расположения, делающие онимную единицу интонационным центром, выдвигают в ритме его гласный сегмент, что определяющим образом влияет на характер ударного вокализма строфы. Употребление онима в конце полустиший смежных стихов (первого и второго) второй строфы образует внутреннюю рифму, усиливающую звучание поэтонима. Весь комплекс художественных средств не только обеспечивает гармоничное звучание, но и делает имя ‘смысловым ключом’ стихотворения. Параллелизм, построенный на разных уровнях повторов: звуковой повтор концовки стихов с онимным компонентом в первой строфе; звуковой и графический повтор поэтонима

Рим на фоне синтаксического повтора первого и второго стихов второй строфы; двойной повтор звукобуквенного комплекса [рим] в инверсивной анаграмме в последних стихах [мир], создает эффект семантической игры. Звуковые соответствия выходят за рамки произведения, расширяя поэтическое пространство. Образ вечного города, погружённого в сон, символизирует мир людей, погружённый во мрак вечности. Это продолжение ‘космической’ темы Тютчева.

Развитие темы пространственно-временных отношений находим в стихотворении Ф.И. Тютчева «В Риме» (декабрь 1866). Оно изображает фрагмент истории в один из её драматических моментов. И здесь имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом, составляющем литературно-художественный хронотоп[56]. Время уплотняется, становится ощутимым, художественно-зримым. Здесь раскрывается, по мнению Б. Тарасова, свойственное Тютчеву «стремление заглянуть «за край» культурного, идеологического, экономического и т.п. пространства и времени и проникнуть в заповедные тайники мирового бытия и человеческой души, постоянно питающие и сохраняющие ядро жизненного процесса при всей изменяемости в ходе истории (до неузнаваемости) его внешнего облика [Тарасов, 2003-2010]. Пространство интенсифицируется, втягивается в развитие сюжета, в ход истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Хотя художественный хронотоп здесь обозначен временными и пространственными маркерами, в роли которых выступают поэтонимы, он характеризуется пересечением рядов и слиянием примет.

*С**р**едь РИМА д**р**евнего соо**р**ужалось зданье – / То НЕРОН воздвигал дво**р**ец свой золотой. / Под самою дво**р**ца г**р**анитною пятой / Былинка с кеса**р**ем вступила в состязанье: / “Не уступлю тебе, знай это, ца**р**ь земной, / И ненавистное твое я сб**р**ошу б**р**емя”. – / “Как, мне не уступить? МИР гнется подо мной!” – / “Весь МИР тебе слугой, а мне слугою – **Время**!”*

Противопоставление жизни человека и жизни вечной, власти человека, пусть

[56] Термин М. М Бахтина [Бахтин 1975].

даже самого могущественного, и власти вечности присутствует не только в описании состязания былинки с кесарем. Оно скрыто в звуковых и семантических обертонах поэтонима. С самого начала стихотворения становится заметной инструментовка с начальным звуком топопоэтонима *р***.** Цепь ассонансов, созвучных гласным *и* и *е,* рассредоточенных в поэтическом тексте, завершается жизнеутверждающим аккордом финала, парономастически связанного со звучанием топопоэтонима в заглавии: *В РИМЕ – ВРЕМЯ*. Но истинная художественность этого стихотворения – не в одном внешнем сочетании звуков и рифм, но в гармоничном соответствии формы и содержания. Все стихотворение является одним сложным метафорическим образом, искусно выстроенным от начала до конца.

Как верно заметил о Ф. Тютчеве однажды Ю. Тынянов, «философская и политическая мысль была той прозаической подпочвой, которая питала его стих» [Тынянов, 1977, с. 37]. Как поэт он никогда не переставал быть мыслителем, а поэзия служила одной из форм выражения его общественных и политических взглядов. Рассматриваемое стихотворение вскрывает диалектическое единство, в основе которого лежит борьба между добром и злом, составляющая основу мира. В сюжете ‘фрагмента’ скрывается «вечная война меняющего свои обличья Кесаря со Христом» [Аксаков]. Былинка олицетворяет собой силу слабости, такое нежное и робкое, но вместе с тем всесильное и вечное движение жизни; слабость и беззащитность добра, которое неустрашимо и неуклонно берёт верх над сильным и могущественным злом. Как человек мыслящий, высокообразованный и истинно верующий, поэт никогда не отрешался от сознания своей человеческой ограниченности, но всегда отвергал самообожание человеческого Я. Самовлюблённое тщеславие Кесаря оказывается бессильным против слабого ростка именно потому, что былинка – это проявление самой жизни – воплощение божественного начала. Господство Кесаря – лишь миг в вечности. Оппозитивные отношения: слабость – сила; добро – зло; человек – бог; быстротечный момент – вечность заложены в систему взаимодействий поэтонимов *Рим – Нерон* и поэтоним – апеллятив *Нерон /кесарь,* с одной стороны, и *былинка* и

персонифицированный апеллятив *Время* – с другой. Жизнеутверждающий финал отражает непреложные законы и основополагающие смыслы бытия. «Самовластие человеческого Я», по Тютчеву, ведёт к самообожествлению человека с его эгоцентрической природой и утратой им подлинного источника власти, что поэт не мог принять. «Поклонение своему Я было ему ненавистно, а поклонение человеческому Я вообще представлялось ему обоготворением ограниченности человеческого разума, добровольным отречением от высшей, недосягаемой уму абсолютной истины, от высших надземных стремлений, – возведением человеческой личности на степень кумира, началом материалистическим, гибельным для судьбы человеческих обществ» [Аксаков]. Мотив величия Рима вытесняется мотивом его неизбежного упадка, гибельности для человека принципов миропорядка, проповедуемых Римом в период его максимального величия. Если посмотреть шире, в этих отношениях противопоставленности заключается одно из основных положений историософии и ‘поэтософии’ Тютчева, сформулированное И. С. Аксаковым: «Овеществление духа, безграничное господство материи везде и всюду, торжество грубой силы, возвращение к временам варварства, – вот к чему, к ужасу самих Европейцев, торопится на всех парах Запад, – и вот на что Русское сознание, в лице Тютчева, не переставало, в течение 30 лет, указывать Европейскому обществу» [Аксаков]. Символическому образу Рима как воплощению духа западной цивилизации противопоставляется Россия по дихотомическому признаку «Восток – Запад». В России поэт видит целый мир, единый в своем основном духовном начале, «более искренне-христианский, чем Запад», мир, сориентированный еще первой империей византийских кесарей, «империю Востока» [Аксаков], для которой византийские основы служили лишь смутным предначертанием и за которой Ф. И. Тютчев твердо видел будущее. Не так явно как в публицистике, но художественно оформленно, в поэзии отображаются концептуально значимые моменты мироощущения и миропонимания Тютчева. ‘Опорными пунктами’ при этом становятся включенные в текст произведения поэтонимы. В соединении поэтонима с остальным текстом произведения, и – шире – с культурно-

историческим контекстом воплощается поэтическое выражение его взглядов на судьбы мира и человека в мире; на предназначение России, её роль в будущем миропорядке; опорные пункты его историософской мысли. Как и в стихотворении «Цицерон», тема Рима раскрывается через ассоциативные образы, создаваемые поэтонимом *Рим* в соединении с антиквонимами[57] и апеллятивами, хронотопически связанными с античными мотивами.

Анализируя топопоэтоним *Рим*, мы попытались проследить его связь не только с семантикой и звучанием стихотворений, в которых он употреблён, но с тематикой и содержанием поэзии Тютчева в целом, с его личным внутренним миром, с кругом волнующих его вопросов, интересов, образов и впечатлений. Как теперь видно, всё это отражается в словах, так или иначе ‘включенных’ в сферу поэтонима *Рим* и являющихся маркерами судьбоносных, ‘роковых’ моментов истории.

Поэтоним *Рим* в проанализированных поэтических текстах не служит идентификатором определённого топонимического объекта, а именно, города, столицы Италии. *Рим* Тютчева можно считать свёрнутой метафорой Римской империи, некогда процветавшего, известного своим величием государства, но потерпевшего бесславный конец. Топопоэтоним наполнен смыслами, которые превращают его в символ западной цивилизации, он стоит в одном ряду с онимной единицей *Запад*, а порой синонимически замещает её. Этот образ и мотив упадка былого величия передают одно из основных концептуальных положений историософии Тютчева, построенном на дихотомии – Восток – Запад. В них – поэтическое выражение его взглядов на мироустройство, на судьбы мира и человека в мире.

5.6.6 Поэтонимы как средство создания комического

5.6.6.1. Одной из стилистических задач, которая решается использованием близкозвучия, является юмор, языковая игра, в том числе каламбур, часто используемые для достижения комического эффекта. По

[57] Термин В. Н. Михайлова.

наблюдению В.З. Санникова, вторым по употребительности видом каламбура является такой, где активизируются механизмы парономасии или паронимии [Санников, 2002, с. 491-492]. Паронимическое сходство имён собственных с апеллятивами как основа для онимной игры, каламбура рассматривалось на примере произведений Н.С. Лескова, Л. Кэрролла [Мудрова, 2012, с. 68; 87].

Комичность может входить в само наименование – его значение и звучание (см. отмеченное Ю. А. Карпенко «невозможное сочетание нового заимствования с украинским фамильным суффиксом» в фамилии *Оптимистенко* у Маяковского, а также «несоответствие “бодрой” фамилии образу законченного бюрократа» [Карпенко, 1986, с. 37]), которые создают комический эффект, придают фамилии пародийное звучание, может создаваться перекличкой имён, сочетанием имени и фамилии, возникать из соответствия / несоответствия имени образу и т.п. Онимная игра, каламбурные построения с использованием омофонии, какофонии, паронимии, многозначности, ономатопеи – вот неполный перечень средств, на которых основано включение тех или иных лингвистических механизмов возникновения комического эффекта онимными средствами.

Для приобретения новых, комичних аллюзий имя может и трансформироваться: *Veronica* > *Veruca*, (ср. veruca “бородавка“); *Angelina* > *Angina* [Петренко, 2004, с. 7-8]. В научной литературе описаны приёмы использования авторами звуко-экспрессивных имён, ср. *Ламврокакис, Пшекшицюльский*, а также именные пары: представители «польской интриги» пан *Кшепшицюльский* и пан *Кшепшицюльский* у Салтыкова-Щедрна; *Урус-Кучум-Кильдибаев* (российский дворянин, «дикий помещик») и *Урус-Кугуш-Кильдибаев* (градоначальник) [Таич, 1973, с. 11]; *Ляпкин-Тяпкин*, *Люлюков*, *Куку* у Гоголя, *Оболт-Оболдуев* у Некрасова [Михайлов, 1966, с. 60; 62] и т.п. Но есть и менее заметные, имплицитно присутствующие механизмы онимных средств создания комического.

Явление парономасии, т.е. близости звучания контекстуально связанных слов, часто относят к звуковой инструментовке. В то же время целенаправленное сближение в речевой цепи слов, характеризующихся формальным подобием, приводит к неожиданному сопоставлению их по семантическим признакам. Нередко

встречается прием намеренного создания поэтонимов, паронимически сходных с именами реально существующих людей. Близко парономасии явление паронимической аттракции, которое состоит в появлении семантической контаминации между коррелятами, ведущей к неожиданной смысловой связи, не заложенной в парадигматике языка [Григорьев, 1976, с. 66]. Использование онимных единиц, насыщение их смыслом путем сближения с апеллятивами – типичный приём создания паронимической аттракции в поэзии. Она может строиться с участием паронимов – узуальных языковых единиц, или же это могут быть слова, окказионально созданные по звуковому подобию с другими компонентами текста, что создаёт основу для возникновения коннотативных созначений.

5.6.6.2. Фрагмент поэмы А. Вознесенского «Вечное мясо» содержит выстроенные в один ряд поэтонимы-окказионализмы, ‘изобретённые’ на основе паронимии с узуальными языковыми единицами – реальными ИС известных советских писателей *Ваксенов (В. Аксенов), Прохоров (Шолохов), Макгибин (Нагибин)*:

<…> я явился в Дом литераторов. / там в сиянии вентиляторов / заседало большое ***Лобби****: /* ***Ваксенов, Прохоров, Олби, / Макгибин*** *с мелкокалиберкой / и отсутствующий* ***Лоуэлл****, / бостонец высоколобый, / что некогда был* ***Каллигулой***[58].

Такое сопоставление имён вместе с объединяющим их ироническим наименованием *Лобби* служит созданию сатирического изображения руководства писательской организации. Усиливает сатирический эффект упоминание в перечислении искажённых реальных имён американских литераторов Э. Олби и Р. Лоуэлла, которое производит впечатление мнимой реальности происходящих событий. Стилистически релевантными оказываются парономастические сопоставления *Макгибин – мелкокалиберка*, *Олби – Лобби* (паронимическое сходство имени собственного с онимизированной лексемой подчеркивается еще и соединением обоих поэтонимов рифмой), *Лоуэлл – Каллигула* (фонетическое сопоставление с коннотонимом *Каллигула* и семантическое их приравнивание

[58] Здесь и далее поэма цитируется по изданию: *Вознесенский А*. Соблазн: Стихи. – М.: Советский писатель, 1979.

обеспечивает возникновение негативно-оценочного созначения вследствие неожиданных ассоциаций). Поэтоним *Ваксенов* представляет собой каламбурное построение на основе паронимии с реальным фамильным онимом *Аксёнов,* соединенному с инициальной буквой *В* (Василий): *В+Аксёнов*. Эффект каламбура дополняется и омофонией с однокоренной лексемой *вакса*, что сообщает изобретенному поэтониму пейоративную экспрессию.

Завбазой *Дмитрий Прохоров* – центральный персонаж поэмы – наделён обычным именем, звучание которого естественно для заурядной, ничем не примечательной личности. Актуализация звукобуквенной структуры поэтонима *Прохоров* как ключевого слова происходит путем семантизации ее в контексте всего произведения. Обычное имя становится стилистически отмеченным, особо значимым в предложенных художественных условиях. Этому способствует звуковое окружение, богатое аллитерациями со звуками поэтонима и ассонансами на *О*. Многократное повторение в структуре частей всей поэмы основных сегментов фамилии персонажа *П-Р-Х* и их сочетаний создает эффект звуковой аттракции в пределах произведения, ‘паронимии на расстоянии’[59]. Параллельно развитию действия в поэме проходит сопоставление по фонетическим и семантическим признакам поэтонимов *Дмитрий (Прохоров)* и *Дима* (мамонт). Соединение в именную пару полной и гипокористической формы одного и того же имени противопоставляет образы и одновременно объединяет их на основе общего компонента референтной семантики онимов в ‘побратимов’. В результате ряда трансформаций, претерпеваемых *Дмитрием Прохоровым* на протяжении действия произведения, автор приводит его к встрече с ‘побратимом’ *Димой* в трагикомическом финале:

Но этаж обвалился с ***грохотом****, / и с небес какой-то скот****и****на, / подражая печному гулу, / **проор**ал: “**Побратим** мой **Прохоров**, / я – **Дима**!” / И добавил: “**Олохолу**у!” / Больше не видели **побратимо**в.*

[59] Термин В.П. Григорьева [Григорьев, 1973, с. 131].

Обыгрывание фонетического состава антропоэтонимов созвучиями в апеллятивах *Прохоров – грохотом, Дима – побратимов, Дима – скотина,* междометном восклицании *Олохолуу!,* а также аллитерациях и ассонансах на основе звукобукв поэтонимов усиливает действенность фонетической экспрессии.

Другой персонаж поэмы – гротескная фигура – носит имя *Арлекин Тарелкин*. Личное имя *Арлекин* относится к именам с выраженной этимологией, ироничным, особенно ярким по остроте своей сатирической семантики. В сочетании с простовато-заурядной фамилией *Тарелкин,* которая сама по себе нейтральна, эксцентричность имени производит впечатление нелепости. Намеренное нарушение законов благозвучия русского языка при создании имени персонажа также приводит в результате к негативной коннотации экспрессивного плана. При именовании используется соединение разных способов звуковой организации самого поэтонима (анаграммматическое повторение имени в фамилии и их парономастическое сходство) и его взаимодействия с текстом при первом представлении персонажа: частичная анаграмма его в лексеме *аллергик*, концентрация в поэтическом контексте единичных звуков онимного комплекса и их сочетаний *ТР, КЛ, КР*. Связь *звучание* ↔ *значение* осуществляется соотнесением повторяемых элементов с образом на основе звукового сходства и смежности:

ТрубАч Арлекин Тарелкин, / аллергик, / трубА миро[а]*вого*[а] *клАсса, / не взяАл на базАре мяАса. / [7 р. по*[а]*казАло*[а]*сь ему стрАнным.] / О*[а]*ско*[а]*рбился*[а] *трубАч ресто*[а]*рАнный, / по*[а]*крутил ключом о*[а]*т “мерседеса”, / и задумал трубАч паскуду: / “Мо*[а]*и легкие – безразмерны. / Я вдую в себя*[а] *атмо*[а]*сферу, а выдувАть не буду.”*

Экспериментируя со словом-онимом, обыгрывая звучание и значение поэтонимов и апеллятивов, через звуковые и смысловые ассоциации автор приводит читателя к трагикомическому финалу и эпилогу:

Там в мерзлоте коричневой / севернее Тюмени / спят ПРОХОРОВ и ТАРЕЛКИН, / друг друга обняв, как грелки.

Намеренное снижение стиля посредством звукового и рифменного параллелизма в сравнении онимная пара *Прохоров и Тарелкин* – приземлённый

апеллятив *грелки* достойно, в духе всей поэмы, завершает произведение. Ироничное отношение к поэме и её персонажам самого автора выражено в следующих его словах: «В поэме, как и в жизни, понятно, фантастика и шутейное граничит с серьёзным» [Вознесенский, 1979, с. 10].

Употребление стилистически релевантных фонетических средств поэтонимии авторами рассмотренных поэтических произведений на русском языке отображено в таблице приложения А.

5.7 Онимные средства поэтики в немецкой поэзии

5.7.1 Средства поэтонимии в идиостиле молодого Генриха Гейне. Остановимся на некоторых особенностях функционирования проприальной лексики в поэтических текстах Г. Гейне, прежде всего на их фонетической составляющей. Речь пойдёт о произведениях периода становления поэтического мастерства, относящихся ко времени 1817 – 1821 г.г., т. е. о первых опытах стихотворства юного поэта. Это циклы стихов, вошедшие в сборник «Buch der Lieder» («Книга песен») под объединяющим заголовком «Junge Leiden» («Юные страдания / Страдания юности»). Несмотря на то, что сам поэт был невысокого мнения об этих стихах[60], они безусловно заслуживают внимания. Начальный этап творческой биографии художника слова всегда очень важен для последующего раскрытия его таланта. Ранние произведения отражают процесс становления личности, динамику поиска форм и средств выражения для волнующих воображение поэта образов. Подбор поэтонимов и выбор способов их встраивания в ‘звуковую плоть’ стиховых структур может многое подсказать исследователю.

Произведения рассматриваемого цикла обнаруживают разнообразные формы и способы актуализации фонетических свойств поэтонимии, которые становятся стилистически релевантными в определённой фонографической

[60] Посылая томик издания 1822 года И.В. Гёте, поэт писал: «Meine Poetoreien, ich weiß es, haben noch wenig Wert; nur hier und da wär manches zu finden, woraus man sehen könnte, was ich mal zu geben imstande bin» [Erler 1985, c. 370]

структуре стиха.

5.7.1.1 Актуализация фоноэмы осуществляется прежде всего в воздействии гласных звукобукв (в особенности ударных) поэтонимов на вокализм контекста, а также согласных звуков, через повторы структурных элементов поэтонимии. Например, в стихотворении «Zwei Brüder»[61] следующий за поэтонимом апеллятив повторяет корневой гласный-дифтонг ***au***, гармонизируя звучание стиха: *Gräfin L**au**ras **Au**genfunken / Zündeten den Brüderstreit.* Возможно, здесь возникает явление гармонической дистактной ассимиляции [Стериополо, 1986], при которой фонетически сильный гласный уподобляет себе слабые гласные близко расположенных слогов, роль гласного поэтонима не вызывает сомнения.

Гласные ключевого поэтонима по-разному проявляют способность определяющим образом влиять на характер вокализма в стихотворении. Звуковой фон, создаваемый повторами гласных поэтонима и звуковыми перекличками с ними в ассонансах, ‘поддерживает’ оним, расширяет его звуковое воздействие. В других случаях звуковой фон создается по контрасту с гласными имени, ‘выталкивая’поэтоним из звукового строя, тем самым подчеркивая, усиливая его значимость. Наряду с этим поэтонимы обнаруживают способность ‘встраиваться’ в систему ассонансов, обеспечивая благозвучие. В одном из «Романсов» – «Die Fensterschau» – употреблены два антропоэтонима для именования персонажей: *Heinrich* и *Hedwi*g, фонетическое сходство которых очевидно – начала и концовки их звукобуквенных структур совпадают: [haenriç] – [he:tviç]. Поэтика стихотворения, навеянного романтическими настроениями, не в последнюю очередь определяется структурой поэтических имён, что заметно уже с первых строк. Поэтический контекст обнаруживает насыщенность повторами ударных гласных онимов [ae] и [e:] и ассонансами: *D**e**r bl**ei**che H**ei**nr**i**ch g**i**ng vorb**ei**, / Schön H**e**dw**i**g lag am F**e**nst**e**r.*

Консонантизм стихов также формируется с уподоблением согласным звукобуквам поэтонимов *H, CH* [ç], *V/W* [v], *N, R, T/D*. Во второй строфе

[61] Здесь и далее текст приводится по: [Heine, 1985].

наблюдаются аллитерации этих и сходных с ними звукобукв: *De**r** u**n**te**n** e**rh**ub sei**n** Aug' i**n** **d**ie **H**ö**h**', / **H**i**n**schma**ch**te**nd** **n**a**ch** **H**e**dwig**[ç]s Fe**n**s**t**er. / Schö**n** **H**e**dwig**[ç] e**r**griff es **w**ie Liebes**weh**, / A**uch** sie **w**a**r**d blei**ch** **w**ie Gespe**n**s**t**er.*

5.7.1.2 Стилистический эффект достигается в ряде случаев не только за счет количества повторений онимных комплексов в контексте, но и вследствие предельно близкого, например, смежного, расположения поэтонима и соответствующего сочетания звукобукв апеллятива (см. пример *Gräfin L**au**ras **Au**genfunken*). Такой способ актуализации звучания поэтонима представлен и в 9- м стихотворении «Песен»:

*Hier s**ind***[nt] ***nun d**ie Lie**d**er, **d**ie e**inst** so wi**ld***[t], / Wie e**in** Lavas**t**rom, der dem ÄTNA ENTquil**lt**, / Hervorge**st**ür**zt** aus **d**em **t**ief**sten** Gem**üt**, / U**nd***[nt] r**in**gs viel bl**itzen**de F**unk**en** versprü**ht**!*

Повтор фонемокомплекса поэтонима с перестановкой согласных [ɛtn – ɛnt] в следующем за ним глаголе (*ÄTNA ENTquil**lt***) усиливает экспрессивное воздействие звучания имени вулкана. Использование метатез и аллитераций *nt, tn, n, t* как элементов, обеспечивающих фоническую связность текста, в то же время поддерживает ассоциативно-звуковую связь с поэтонимом. Очевидная звукопись с эффектом звукоподражания вместе с семантикой точно подобранных слов передает образ извергающего лаву вулкана. Соединение фонетических свойств поэтонима с особенностями звукового и лексического состава четверостишия придает оригинальность и художественную изобразительность поэтическому сравнению процесса рождения поэзии с извержением вулкана.

5.7.1.3. Полное повторение фонетического состава имени. Стихотворное произведение «Don Ramiro» («Дон Рамиро»), принадлежащее к романтическому циклу «Romanzen», демонстрирует многократное повторение звукобуквенной структуры собственных имен главных действующих лиц, составляющих ‘любовный треугольник’: *Don Ramiro (Дон Рамиро) – Doña Clara (Донья Клара) – Don Fernando (Дон Фернандо).* Эти поэтонимы участвуют в разнообразных средствах фонетической и композиционной организации. Первые семь четверостиший начинаются вокативной формой ОЕ, что имитирует стиль

испанских серенад:

*„Doña **Clara**! Doña **Clara**! / Heißgeliebte langer Jahre! / <…>;*

*Don **Ramiro**! Don **Ramiro**! / Deine Worte treffen bitter, / <…>* ;

*„Doña **Clara**! Doña **Clara**! / Ja, ich schwör es, ja, ich komme! / Will mit dir den Reihen **tanzen**; – / Gute Nacht, ich komme Morgen“*

Анафорический онимный вокатив *Doña **Clara**!* (удвоенный) открывает произведение, повторяется затем во второй строфе (дважды) и в третьей. Онимная группа *Don **Ramiro**!* ведёт себя точно так же в последующих трёх строфах. Всего же на протяжении произведения поэтоним *(Doña) **Clara*** употреблён 15 раз, поэтоним *(Don) **Ramiro*** – столько же и ещё раз – в заглавии, поэтоним *(Don) **Fernando*** – четыре раза. Повторы поэтонимов обеспечивают лексико-семантическую и композиционную цельность частей произведения. Поэтика онимов, встраиваемых в стиховые ряды, отличается богатством стилистических средств, эксплуатирующих их фонетические свойства. Онимная рифма, ассонансы и аллитерации, повторяющие звуки поэтонима, – средства поэтики, благодаря которым фоноэма становится выдвинутым, эстетически действенным элементом текста произведения. Все это в комплексе создает звукосмысловые ассоциативные связи и способствует экспликации коннотативной семантики. Выявляется взаимодействие всех ОЕ как между собой, так и со всей системой художественных средств.

5.7.1.4 Отметим разнообразные онимные рифмы. В вышеупомянутом произведении «Don Ramiro» это организованная система рифм, которые не являются простыми повторами звуков / букв ради благозвучия, а составляют основу композиции стихотворения. Кроме простых концевых рифм (как в приведённом выше отрывке *CLARA – Jahre*), здесь встречаются приблизительные рифмы, среди них – достаточно редкие *диссонансные рифмы*, или *консонансы*. Участие поэтонимов в таких рифменных формах становится явлением заметным, так как происходит актуализация фонетических свойств согласных звуков поэтонима *Fernando – F, R, N, D* повторением их в рифме:

*„Siehst du denn nicht, **Don Fernando**, / Dort den Mann im schwarzen Mantel?“ /*

Und der Ritter lachelt ***freundlich****: / „Ach! das ist ja nur ein Schatten“*

Г. Гейне традиционно использует излюбленную в немецком фольклоре рифму с гидропоэтонимом *Rhein (Рейн)* что придает поэтическим образам национальный колорит:

Berg’ und Burgen schaun herunter / In den spiegelhellen ***Rhein****, / Und mein Schiffchen segelt munter, / Rings umglanzt von Sonnen****schein.***

Начальная рифма, а также акромонограмма встречается у раннего Гейне довольно редко (как, впрочем, и в современной европейской поэзии). Тем более значимым в метрической и фонической организации стихотворения становится зарифмованный поэтоним. В одном из стихотворений цикла «Lieder» анафорически соположенные мифопоэтонимы *Eva (Ева)* и *Eris (Эрида*) оказываются связанными не только фонетическим созвучием, но и метрической выделенностью:

Alles Unheil brachten Äpfel! / EVA bracht damit den Tod, /

ERIS brachte Trojas Flammen, / Du brachtst beides, Flamm’ und Tod.

Анафорическое соположение личного местоимения *Du* с мифопоэтонимами ставит его в один семантический ряд с ними. Одновременно синтаксический параллелизм обеспечивает противопоставленность мифических женских образов понятиям смерть (*Tod*) и огонь (*Flammen*). Таким образом, все четверостишие оказывается развернутым сопоставлением любимой девушки лирического героя с богинями, приносящими несчастья и разрушения.

5.7.1.5 Онимная рифма, ассонансы и аллитерации, повторяющие звуки поэтонима, – средства поэтики, которые в комплексе создают звукосмысловые ассоциативные связи и эксплицируют коннотативную семантику. Покажем это на примере фрагмента баллады «Der Kirchhof» (цикл «Сновидения»). Это подражание романтическим балладам в готическом стиле. Анализ вскрывает максимально полное соединение онимных средств поэтики в пределах одного четверостишия:

Den Rinaldo Rinaldini, / Schinderhanno, Orlandini, / Und besonders Carlo Moor, / Nahm ich mir als Muster vor.

В четырёх стихах, составляющих синтаксическое единство, представлены:

1) четыре поэтических имени: *Rinaldo Rinaldini, Schinderhanno, Orlandini,*

Carlo Moor; 2) поэтонимы-паронимы в именном комплексе *Rinaldo Rinaldini*;

3) онимный гомеоптон *Rinaldini – Orlandini;* 4) парономасии R.N.L.D. – R.N.L.D. – N.D.R.N. – R.L.N.D.N.; 5) аллитерации со звуками поэтонимов *d, m;* 6) повтор ударного гласного *i* в трех поэтонимах – *Rinald**i**ni, Sch**i**nderhanno, Orland**i**ni*; 7) ассонансы, повторяющие ударные гласные поэтонимов; 8) онимная рифма а) концевая рифма, соединяющая имена *Rinaldini – Orlandini,* б) акромонограмма, связывающая поэтонимы *Rinaldini – Schinderhanno*, в) концевая: *Moor – vor*, завершающая строфу онимным компонентом.

Такое соположение поэтонимов и скопление их звуковых элементов на минимальном пространстве свидетельствует о чрезвычайном внимании поэта к значимости ИС и активном их использовании. Совпадения в созвучиях создают эвфонию и усиливают эмоционально-экспрессивное воздействие. Кроме чисто фонетических эффектов, выбор и расстановка поэтонимов выполняют композиционную роль, а грамматико-синтаксическая конструкция перечисления ‘намекает’ на однородность, сходство семантических значений.

Проведенный анализ позволяет заключить, что стиль ранних произведений Г. Гейне характеризуется немногочисленным составом, но тщательным подбором онимной лексики с учетом их фонетической составляющей, обеспечивающей гармоничное взаимодействие с поэтическим контекстом. Механизмы взаимодействия сегментного состава текста и включённых в него поэтонимов состоят в ‘иррадиации’ влияния фоноэмы на качество консонантизма и вокализма контекста. Результатом этого влияния является: отражение согласных звукобукв поэтонима в аллитерациях, метатезах, повторах двух- и трехзвучий; наполнение строфы сочетаниями согласных и гласных звуков, слогов, морфем, целых поэтонимов, которое служит обеспечению связности частей целого на фонетическом уровне; регулярное повторение поэтонима в одинаковых позициях в стихе, образующее концевую, внутреннюю, начальную, акромонографическую онимную рифму.

В функциональном отношении стилистические приемы на основе звуковых свойств поэтонимии служат решению ряда художественных задач: 1) онимная

рифма придает фоническую стройность и метрическую соразмерность стихотворным строкам, подчеркивает границу между стихами; 2) особенности встроенности звукобукв поэтонимов в структуру стиховых рядов, в организованную систему рифм, звуковых повторов и контрастов часто составляют основу композиции стихотворения; 3) повторы поэтонимов обеспечивают лексико-семантическую и композиционную цельность частей произведения; 4) там, где поэтоним является особенно значимым, он отмечен комплексом фонетических средств, связанных со структурой и семантикой целого. В таких случаях звучание поэтонима эксплицирует его способность к расширению семантических и образных возможностей.

5.7.2 Символическое значение поэтонима (поэма Г. Гессе «Das Lied von Abels Tod»). В мифологиях древних народов прослеживаются типологические параллели, построенные на двоичных противопоставлениях белый – черный, свет – тьма, положительный – отрицательный, благой – злой и т. п. Универсальность дихотомий была доказана в своё время исследованиями в области структурализма и семиотики [Леви-Строс, 2000; Hocart, 1952]. Совокупность знаний о структуре общества позволила сделать выводы о том, что в основе двоичных классификаций лежат особенности архаического мышления [Там же. С. 304]. Глубокая мифологическая семантика ИС, по-видимому, и даёт возможность использовать их в качестве слов-символов, архетипически связанных с определёнными образами. Архетип, лежащий в основе общечеловеческой символики мифов, сказок и т. п., обладает устойчивостью и распространённостью внутри определённого социокультурного сообщества. Имена-архетипы, имена-символы, приобретая новый контекст после вхождения в художественные произведения, сохраняют свою ‘первичную’ семантику в виде коннотаций и приобретают новое, поэтонимическое значение в контексте. Выраженная этимология часто определяет роль поэтонимов в формировании ‘многослойности’ смысла стихотворения.

В поэме Германа Гессе «Das Lied von Abels Tod» («Песнь о смерти Авеля») тематизируется библейская легенда о прекрасном и благочестивом юноше Авеле,

убитом завистливым братом Каином [Гессе, 1981]. Рассмотрим функционирование поэтонимов и взаимодействе их в поэме с другими элементами текста.

Основой композиции произведения является параллелизм образов библейских персонажей, реализуемый, в частности, особенностями поэтики и фоники библейских антропонимов, именующих обоих братьев. Антропоэтоним *Abel* (Авель) вынесен в заглавие, чем создаётся эффект антиципации развёртываемой далее коллизии. Всего поэтоним в стихотворении присутствует семь раз (так же, как и имя *Kain* (Каин)), и еще трижды его звучание анаграмматически повторяется в апеллятиве *Schnabel* (клюв). Композиционная схема характеризуется необычностью строфической организации: стихи объединены в десятистишия (кроме третьей строфы, насчитывающей двенадцать строк).

Уже с первых стихов первой строфы возникает паронимический эффект благодаря выдвижению звукобуквенного комплекса имени в позицию концевой рифмы первого стиха и анаграмматическому повтору фонетической структуры этого поэтонима в концевой рифме третьего стиха.

(1) Tot in den Gräsern liegt ABEL, / Bruder KAIN ist entflohn. /

Ein Vogel kommt, taucht den SchnABEL / Ins Blut, schrickt auf, fliegt davon.

Так уже в первом четверостишии осуществляется семантизация онимных единиц *Abel – Kain* посредством соположения их графических структур и сравнения образов, составляющих противопоставление. Связанные рифмой поэтоним *Abel* и апеллятив *Schnabel* (анаграмматически содержащий фонетическую структуру [abel]) через цепь ассоциаций *Abel – Tod – Blut – Vogel – Schnabel* (Авель – смерть – кровь – Птица – клюв) рождают новое сопоставление. Не случайно звук имени Авеля ‘отражается’ именно в фонетике апеллятива *SchnABEL*. Это метафорическое изображение клюва воспринимается как гипертрофированное воплощение птицы, птица-клюв. Образ птицы с каплями крови на клюве, имя которой ни разу не называется (употребляется только неопределенно-обобщающее – *Der Vogel (птица),* или дескрипция: *der klagende Vogel* (жалующаяся птица), устойчиво ассоциируется с вороном [Усова, 2004(1), с. 283]. Очевидно, парономастическая функция фоноэмы [abel] заключается в том, чтобы

сходством звучания вызывать ассоциативную связь с безвинно убитым Авелем, возвращая читательское восприятие к этому образу. Парономастически связанными общими согласными *B, L* оказываются лексические единицы ***Abel*** – ***Bl****ut* – *Schna****bel***, составляющие один тематический ряд. Далее в строфе продолжается развитие противопоставления образов *Abel – Kain,* обеспечиваемое особенностями их предцезурного расположения на фоне синтаксического параллелизма смежных стихов и метрической соотнесенностью ‘по вертикали’:

Er klagt unendliche Klage: / Um den schönen ABEL und seinen Todesschmerz,

Um den finsteren KAIN und seine Seelennot, / Um seine eigenen jungen Tage.

Оба антропоэтонима связываются здесь еще и созвучием ударного гласного, выдвигаемого акцентно-ритмическим выделением в полустишиях, возникающей ассонансной рифмой. Пространственное сближение онимов фокусирует внимание на сходстве их звучания, которое усиливается отмеченным расположением, и одновременно подчеркивает противопоставленность их референтных значений. Затем оним *Abel* опять появляется в конце второго десятистишия, зашифрованный в составе апеллятива *Schn****abel*** в позиции концевой рифмы:

Der Vogel fliegt, aus seinem blutigen SchnABEL

Schreit Todesklage ***über die ganze Welt.***

В следующем двенадцатистишии в первую строку уже включены имена обоих братьев, причем в тождественных лексических и синтактических условиях: при полном повторении онимных контекстов полустиший различие состоит только в определении *der tote* „мертвый“. Параллелизм конструкций только подчеркивает противопоставление поэтонимов, а значит, и именуемых образов:

Es hört ihn KAIN, es hört ihn der tote ABEL,

Es hören ihn Tausend unterm Himmelszelt.

Апеллятив *Tod* и производные *(der)* ***tot****e, **Tod**esklage, **Tod**esschmerz,* постоянно сопутствующие библейскому поэтониму *Abel,* выполняют роль общего признака, сообщающего метафоричность развернутому сравнению сопоставляемых онимов *Abel – Kain:*

Sie wollen nichts wissen von ABELs Tod, / Nichts von KAIN und seiner Herzensnot,

Возникающие ассоциации придают определённую экспрессию онимно-апеллятивному ряду *Abel – Tod (смерть) – Kain,* родственному экспрессивному ореолу другого онимно-апеллятивного ряда *Abel – Blut (кровь) – Schnabel (клюв),* компоненты которого оказываются парономастически связанными общими признаками консонантизма: *B* и *L*. Здесь идет речь уже о системе образов, «отдельных образах, создающих в совокупности тематический образ» [Холшевников, 1991, с. 181]. Затем расположение антропоэтонимов становится всё более близким, они разделяются уже только одним словом, и в этой части стихотворения звуковой повтор [abel] отсутствует, в то время как имя *Kain* поддерживается аллитерациями на *N*:

*Für sie alle, die Satte**n** und Frohe**n**, / Die Starke**n** u**n**d die Rohe**n** / Gibt es **n**icht KAIN **n**och ABEL, / **n**icht Tod **n**och Leid, / Und den Krieg preisen sie als große Zeit.;*

<…> Und wenn der klagende Vogel vorüberfliegt, …

Наконец в финальной части звуковая структура [abel] опять дублируется, и эффект такого повтора усиливается внутренней рифмой :

Der Vogel mit seinem kleinen / Blutstropfen am SchnABEL fliegt von Ort / zu Ort, / Seine Klage um ABEL tönt fort und fort.

Через все строфы проходит лейтмотивом образ птицы с окровавленным клювом, материально выраженный апеллятивом *Schnabel,* метонимически связанным с образом смерти. Происходит отождествление семантики слов *Schnabel – Tod* (заключает в себе одновременно и эксплицируемое фоноэмой референтное значение антропонима *Abel*). В процессе смысловых и звуковых трансформаций на протяжении всего произведения закрепляется звукосмысловая связь трех ключевых слов: библейских антропонимов *Abel – Kain* и *Schnabel (= Tod).* Имя *Abel,* в первом появлении в стихотворении представляющее собой условную номинацию, наполненное только первичной семантикой библейского мифа, предстает в финале в новом качестве, символизируя трагедию не одного невинно убиенного, а всего человеческого рода.

Совокупность художественных средств, в канву которых удачно вплетаются поэтонимы, создаёт впечатляющую картину мира, представляющую собой

дуалистически соединённые противоположности : беспечно-праздных, сытых, весёлых, прославляющих войну – этот источник их благополучия, с одной стороны, и бедствующих, голодающих и погибающих – с другой. Этому расколу положило начало первое убийство, описанное в библейском сюжете. Оно лишило жизни одного из братьев и сделало несчастным другого. Как напоминание об этой трагедии, символ горя и скорби, летит над миром птица с окровавленным клювом и печальным криком тревожит живых. Аллегорическим выражением расколотого мира являются библейские онимы, трансформированные в антропоэтонимы. Семантическая структура их раскладывается на составляющие по принципу семантических оппозиций : праведный – грешный, положительный – отрицательный, благой – злой, жертва – убийца.

Проведенный анализ совокупности лингвистических средств и художественных ономастических приёмов, использованных в стихотворении Г. Гессе «Das Lied von Abels Tod», позволил эксплицировать свойства антропоэтонимов *Abel* и *Kain* как проприальных единиц и эстетически действенных символических знаков. Актуализация фонетического потенциала этих поэтонимов осуществляется в системе звуковых и смысловых отношений тематически связанных образов. Участие поэтонимов и их компонентов в композиционной, просодической и фонетической организации произведения оказывается решающим фактором в достижении художественной целостности, в передаче мироощущения и миропонимания поэта. Все стихотворение становится развернутым сравнением, приобретающим значение символа.

Ассоциативные связи с библейскими мотивами соединены здесь с картинами современного мира, что ставит главную тему вне времени.

5.8 Роль поэтонимов в разноуровневых интегративных процессах поэтического текста

5.8.1 Стилистически релевантные фонетические средства поэтонимии в немецком языке. Для изучения функционирования

поэтонима и его компонентов на разных уровнях ПТ рассмотрим стихотворение Клеменса Брентано «Lureley» [Krusche, 1992, с. 128]. Анализ стилистически релевантных фонетических средств поэтонимии целесообразно начать с заглавия. Стихотворение озаглавлено именем девушки *Lureley,* которое отсылает читателя/слушателя к немецкому фольклору, одновременно являясь реминисценцией из другого произведения Брентано – «Die Lore Lay». Фонографическая сторона мифопоэтонимов, вынесенных в заглавия соответствующих произведений, имеет отличия, тем не менее оба поэтонима ассоциируют с центральным образом известной легенды. Исходя из этого, заглавие рассматриваемого произведения можно отнести к заглавиям такого типа, «поэтическая значимость которых как бы установлена заранее», благодаря которым «создается эффект скрытой цитаты, аллюзии, не разгаданного читателем намека» [Джанджакова, 1979, с. 208]. С точки зрения семантики онима здесь идет речь о коннотирующем поэтониме, семантические связи которого первоначально эксплицируются благодаря выдвижению его в позицию *заглавия.* Поскольку «заглавие является важной частью начального стимула» [Арнольд, 2014, с. 225], роль поэтонима *Lureley* как ключевого слова становится очевидной уже при прочтении заглавия и подтверждается фонетической структурой первой строфы.

(1) Singet leise, leise, leise, / Singt ein Flüsternd Wiegenlied, / Von dem Monde lernt die Weise, / Der so still am Himmel zieht.

В составе самого поэтонима *Lureley* присутствует аллитерация – повтор согласного ***L.*** Тем самым звукобуквенная структура поэтонима ‘задает тон’, определяя качество звучания стиховых структур. Хотя далее в тексте поэтоним не употребляется, его звучание присутствует в тексте многократными повторами согласного *L.* Фонетическая окраска текста создается выделяющимися на общем звуковом фоне близко расположенными повторами (в особенности в заглавии, первом и втором стихе). Звуковой фон всего стихотворения поддерживается общим качеством консонантизма строф (сонорностью), создаваемом преобладанием звуков *L, M, N*. Выдвинутость этих элементов сообщает им роль звукового ритма.

Во второй строфе употреблены еще две ПЕ: гидропоэтоним *Rheine* (*Рейн*) в его возвышенно-поэтической двусложной форме и антропоэтоним *Ameleya* (*Амелия*). Сегментный состав онимной единицы *Rheine* содержит сонорный согласный *N*, а имени *Ameleya* – два сонорных: *M* и *L*. В строфе эти звуки аллитерируют:

Denn es schlummern in dem RHEINE / Jetzt die lieben Kindlein klein, /

AMELEYA wacht alleine / Weinend in dem Mondeschein./

Иррадиация плавных сонорных *L, M, N* распространяется и на третью строфу:

Singt ein Lied so süß gelinde, / Wie die Quellen auf den Kieseln, / Wie die Bienen um die Linde / Summen, murmeln, flüstern, rieseln.

Следует заметить, что согласный *R,* присущий фонемному составу двух поэтонимов – ***R****heine* и *Lu****r****elei,* тем не менее не определяет звучание контекста (в сильной позиции он употреблен только в топопоэтониме ***R****heine* и еще один раз – в самом конце стихотворения: ***r****ieseln*). По-видимому, это обусловлено стремлением автора избегать повторов акустических характеристик этого звука как резкого, ‘рокочущего’, чтобы не нарушать гармонию целого. Насыщенность стиховых рядов сходными по фонетическому качеству ‘плавными’ сонорными создает движение ритма, имитирующего движение волн, а также сходного с детским лепетом.

Оба поэтонима оказываются выдвинутыми ритмом: *Rheine* – в сильную рифмующуюся позицию, *Ameleya* – в анафору третьего стиха. При этом актуализируется их созвучие в ударных слогах *Rhei*[ae] – *ley*[ae]**,** повторяемое ассонансами и рифмами.

Вокализм текста отличается насыщенностью повторами ударного гласного-дифтонга ключевого поэтонима. В первой строфе звукобуквенный комплекс *lei* (идентичный по звучанию ударному слогу ИС *Lureley)* повторяется последовательно трижды в синтагматике первого стиха. Затем он оказывается выдвинутым в рифму первого и третьего стиха. Особенно значимой представляется ‘одинаковость’ ударного гласного всех трех поэтонимов, причем в

ИС *LureLEY* и *AmelEYA* совпадает не только фонетика, но и графика этих сегментов. Становится очевидным, что употребление поэтонима *Ameleya* продиктовано звуковым качеством стихов как идеально встраиваемая единица. Важной является не только количественная представленность, но и качество звучання гласных поэтонимов, выделяемых ударной позицией. Поскольку интенсивность и длительность ударных гласных ключевых слов обеспечивает различную степень их просодической выделенности [Дворжецкая, 1986, с. 8], можно констатировать доминирование дифтонга [ae] в вокализме стихов. Система ассонансов, диктуемая ударным гласным поэтонима, дополняется выдвижением соответствующих сегментов в рифме.

5. Система рифм стихотворения обнаруживает сложные сочетания конечных, внутренних рифм и акромонограммы с участием поэтонимов. Во второй строфе актуализируется созвучие в ударных слогах гидропоэтонима *Rheine* и антропоэтонима *Ameleya: Rhei*[ae] – *ley*[ae]**,** а также звуковая перекличка с мифопоэтонимом-заглавием (*Lure)lei*[ae]. Вариации сильных слогов всех поэтонимов повторяются затем концевой рифмой *Rhei*[ae]*ne* – *klei*[ae]*n* – *allei*[ae]*ne* – *Mondeschei*[ae]*n*, внутренней *Kindlein klein*, *Ameleya* – *alleine* и акромонограммами: *klein* – *Ameleya*, *alleine* – *Weinend*. Таким образом, выявляется ведущая роль звучання поэтонимов в системе рифм и в строфической композиции всего произведения.

6. Все три поэтонима анализируемого произведения оказываются выдвинутыми ритмом: *Lurelei* – в заглавие стихотворения, *Rheine* – в сильную рифмующуюся позицию, *Ameleya* – в анафору третьего стиха. Звуковой строй и система рифм строятся на созвучиях с поэтонимами. Повторы звукобукв ИС и их сочетаний служат обеспечению связности частей целого на фонетическом уровне. Онимные рифмы выполняют не только роль эвфонического повтора, но и композиционную функцию.

1. Таким образом, интегрируясь во все уровни стиховых структур, поэтонимы и их компоненты создают фонетическую, лексико-семантическую и композиционную цельность частей произведения. Звуковой состав поэтонимов с

преобладанием плавных сонорных, отраженный в фонетической организации и системе рифм стихов, определяет звуковой ритм, подобный своей напевностью ритму колыбельной песни, тем самым достигается соответствующий эмоциональный настрой.

5.8.2 Взаимодействие фоноэмы с вокализмом и консонантизмом поэтических текстов Э. По.

5.8.2.1 Поэзия Э. А. По известна вниманием автора к звуковой инструментовке. Поверхностное прочтение / или прослушивание не позволяет глубоко проникнуть в содержание стихов. Э. По умело использовал весь арсенал языковых средств для того, чтобы его поэзия приобрела наряду с завораживающим звучанием многоуровневые смыслы или, по выражению самого автора, «подводное течение смысла»[62].

Сосредоточимся на рассмотрении ассонасов, аллитераций, отдельных метрических средств, построенных на участии поэтонимов, и выявлении связанных с ними лексико-семантических, звуковых и просодических связей, а также анаграмматическом использовании поэтонимов.

Приведем наиболее показательные примеры взаимодействия фоноэмы с вокализмом стиховых структур у Э. По.

Антропоэтоним *Eulalie* [ju:ˈleili] (Евлалия) встречается в стихотворении с таким же заглавием, что является первым средством фокусирования внимания. Уже много говорилось в данной работе об этом художественном приёме, всё сказанное относится и к этому стихотворению в полной мере. Стихотворение «Eulalie»[63] является одним из немногих в творчестве Э. По, в которых гласные поэтонима отражаются в ассонансах всего произведения. Особенно заметно определяющее влияние звучания поэтонима на качество вокализма в двух последних стихах первой строфы, включающих этот поэтоним. Гласный звукоряд окружающих имя слов обнаруживает здесь уподобление по созвучию с ударным гласным поэтонима – дифтонгом [ei]:

---

[62] the under-current of meaning» [Poe, 1994, c. 1457].
[63] здесь и далее примеры приводятся по изданию [По, 1988].

Till the fair[ɛ∂] *a*[∂]*nd g**e***[e]*ntle EULA*[EI]*LIE beca*[ei]*me my blushing bride –*

Till the ye[e]*llow-haire*[ɛ∂]*d young EULA*[EI]*LIE beca*[ei]*me my smiling bride*

Общность гласного элемента поэтонима, расположенного перед цезурой, и последующего *beca*[ei]*me* обеспечивает соединение обоих полустиший в целое. Такое же расположение поэтического имени повторяется в последней строфе:

*While **e**ver to her dear EULALIE upturns her matron eye –*

*While **e**ver to her young EULALIE upturns her violet eye.*

Схема этих стихов может быть представлена следующим образом:

[первое полустишие] – [ПОЭТОНИМ] /цезура/ – [второе полустишие].

Очевидно, что параллелизм финальных стихов подчеркивается предцезурным расположением онима, ударный гласный которого (дифтонг [ei]) созвучен первому ударному слогу обоих стихов. Ассонанс поддерживается повтором дифтонга [ei] (*ma*[ei]*tron*) и гласными переднего ряда [∂:] (*her*[∂:], *uptur*[∂:]*ns,* e[e]*ver, dear*[i∂]).

Звуковые предпочтения в консонантизме произведения (или его частей) предзаданы аллитерацией в структуре самого поэтонима. Как видим, в фонетической оболочке поэтического имени *Eulalie* уже присутствует повторение согласного *L.* Поэтический текст обнаруживает при этом увеличение количества аллитерирующей звукобуквы в близко расположенных словах, а также сходных с ним по качеству сонорных *N, M.*

В анализируемых стихах наблюдается сочетание аллитерации и ассонансов, основанных на акустико-артикуляционных качествах согласного и гласного звуков ударного слога поэтонима [lei]. Звуковой подбор здесь создает тембральную окраску контекста, поддерживающую «сладкозвучность» имени. Соответствие фонетической составляющей поэтонима *Eulalie* характеру эвфонических повторов отвечает эмоциональному настрою и содержанию целого лирического стихотворения, которое современники поэта называли «песнь о красивой девушке с красивым именем» [Нестерова, 1988, с. 403].

Вторая строфа также обнаруживает взаимосвязи особенностей вокализма и фоноэмы, но несколько иные. Предпочтение гласных, повторяющих доминанту

антропоэтонима *Eulalie* или сходных с ней, проявляется уже в первом стихе (*Ah, le*[e]*ss, le*[e]*ss bright…),* но особенно заметным становится с третьего по пятый:

Than the eyes of the ra[ei]*diant gir*[ə:]*l, / And ne*[e]*ver a fla*[ei]*ke /*

Th[æ]*t the va*[ei]*por ca*[æ]*n ma*[ei]*ke.*

В отличие от первой и последней строфы, здесь финальные стихи характеризуются разнозвучием, на фоне которого еще явственней звучит проведённый лейтмотивом по всему остальному тексту стихотворения дифтонг [ei], обусловленный влиянием вокализма поэтонима. В двух финальных строках снова повторяется приведённая выше схема стиха с предцезурным расположением поэтонима. Его ударный слог выдвинут в позицию интонационного центра и созвучен с первым ударным слогом (благодаря вокалической и консонансной аллитерации), что объединяет метрически потивопоставленные пары: *While ever – Eulalie.* Отражение фонетического состава поэтонима в звуковой материи стихов в виде созвучий гласных и аллитераций согласных звуков обеспечивает фоническую связность и стройность всему стихотворению, а вместе с тем – композиционную целостность и завершённость.

Примером инструментовки с повторением всех согласных звукобукв поэтонима в одном стихе является следующий фрагмент стихотворения «Lenore» («*Линор*»): *See! o**n** yo**n** d**r**ea**r** a**n**d **r**igid bie**r** **l**ow **l**ies thy **l**ove, LENORE! /*

Фонетическая окраска стиха создаётся очевидным сходством звукобукв по качеству (сонорных). Антропоэтоним как звуковой и графический комплекс представляет собой сгущение всех аллитерирующих сегментов в одном финальном аккорде стиха. Это естественное завершение созвучий в сочетании с теснотой стихового ряда довершает яркий стилистический эффект. Благодаря частому и близкому расположению звукобукв поэтонима *L – N – R,* возникает паронимическая аттракция. Взаимодействие фоноэмы со смысловой стороной поэзии проявляется в парономастических структурах, поскольку именно в них активизируется ‘зона’ аллюзий, ассоциаций, семантических отношений. В данном случае посредством поэтонима и ‘иррадиации’ его сегментов в виде ассонансов и аллитераций устанавливается семантическая связь между композиционными

частями произведения. Кроме того, возникает тематическая и образная соотнесенность стихотворения с другим произведением Э. По – поэмой «The Raven».

Баллада «Ulalum» («Улялюм») демонстрирует фоностилистические эффекты, создаваемые вокруг поэтонимов, которыми наполнено произведение (всего насчитывается 16 поэтонимов и 37 употреблений поэтических имён). Поэтонимосфера баллады заслуживает отдельного рассмотрения, здесь приведём только некоторые фрагменты. Влияние ударного гласного поэтонима *Sibyllic* распространяется на инструментовку всего стиха, в котором он употреблен:

*Its **Siby***[i]***llic** splendor is **bea***[i:]***ming***<…>

Ассонансы на [i] (ударный гласный поэтонима) связывают концовку стиха *bea*[i:]*ming* с его анафорой, ‘закольцовывая’ стих. Звуковая перекличка дополняется аллитерациями (*S*, *B*), что в соединении придает дополнительную ‘звучность’ поэтониму и бóльшую выразительность стиху. В четвертой строфе встречается вокалическая аллитерация, (повторении в начале каждого стиха (за исключением одного) одной и той же буквы – *A*.

And nou? As the night was senescent, / And star-dials pointed to morn – /

As the star-dials hinted of morn – / At the end of our path a liquescent

Arouse with a duplicate horn – / ASTARTE´s bediamonded crescent,

Distinct with its duplicate horn.

В финальных стихах восьмой строфы поэтоним *Ulalum* повторяется трижды:

And I said – “What is written, sweet sister, / On the door of this legended to[u:]*mb?” // She replied – “ULALUM – ULALUM! – ’T is the vau*[ɔ:]*lt of thy lost ULALUM!”*

Наблюдается доминирование [u:] в вокализме последних стихов, обусловленное фонетикой поэтонима.

В других случаях ассонансы со звуками имени распространяются на соседние стихи или на строфу. Так, в поэме «The Raven» («Ворон») ударный гласный поэтонима *Lenore* оказывается тесно связанным с особенностями

вокализма второй строфы. В финальной ее части механизмы выстраивания эвфонических повторов и созвучий с гласным-доминантой поэтонима сосуществуют с противопоставлением контрастных. Если первый содержащий имя *Lenore* стих характеризуется цепью стройных ассонансов и повторов гласного *O*, тем самым предрешая звучание онима, то в вокализме следующих двух стихов преобладают гласные и дифтонги [ɛ, ei, e], контрастные доминанте имени:

Fro[ɔ]*m my boo*[u]*ks surcease o*[ɔ]*f so*[ɔ]*rrow*[ou] – *so*[ɔ]*rrow*[ou] *fo*[ɔ:]*r the lo*[ɔ]*st /*

LENO[O:]*RE – //*

For the ra[ei]*re and ra*[ei]*diant mai*[ei]*den whom the a*[ei]*ngels na*[ei]*me /*

LENO[O:]*RE – //*

Na[ei]*mele*[i]*ss here*[iə] *for evermo*[o:]*re.*

На этом фоне особенно эффектны созвучия концовок стихов, построенныеие на основе звучания поэтонима, соединяющиеся в эхо-рифму.

4. Анаграмматическое использование имени в поэзии известно с древнейших времен. Иногда её намеренно применяют как способ демонстрации соотношения звукобукв имени с определенными смысловыми компонентами поэтического произведения. В других случаях это может быть слово или словосочетание, образованное путём перестановки букв, составляющих другое слово, как криптографический приём или же как стилистический приём образно-каламбурного сближения и переразложения слов. Известно, что таким образом оказалось зашифрованным почти каждое из стихотворений поэта французского средневековья Ф. Вийона, содержащих различные сведения о жизни поэта [Квятк, с. 29]. Довольно редким композиционным приемом использования звукобуквенной структуры имени в современной поэзии является акростих, который и в прошлом был скорее игровым и редким явлением. Э. По строит акростих на анаграмматическом использовании имени. Он зашифровывает в начальных буквах стихотворения имя *Элизабет Херринг*, которой посвящает его:

***E**lizabeth it is in vain you say*

*“**L**ove not” – thou sayest it in so sweet a way:*

***I**n vain those words from thee or L. E. L.*

***Z**ANTIPPE's talents had enforsed so well:*

***A**h! if that language from thy heart arise,*

***B**reathe it less gently forth – and veil thin eys.*

***E**NDYMION, recollect, when LUNA tried*

***T**o cure his love – was cured of all beside –*

***H**is folly – pride – and passion – for he died.*

Такое использование структуры поэтонима служит главным образом композиционным целям. Однако подчинение строгим рамкам выбранной поэтической формы принуждает автора к поиску соответствующих лексико-семантических средств, какими оказываются в данном контексте историческое имя-антиквоним *Zantippe* (*Ксантиппа,* жена античного философа Сократа), мифопоэтонимы *Endymion (Эндимион)* и *Luna (Луна,* римская богиня небесной любви, у древних греков – Селена, влюбившаяся в Эндимиона). Параллелизм образов, возникающий в результате сопоставления главных по значению слов-поэтонимов, создает богатство ассоциаций и усиливает эстетическое впечатление.

Как показывает проведенный анализ, поэтонимы стихотворных призведений Э. По разнообразно участвуют в организации художественной речи, в эвфонических и метрических повторах, строфической композиции, звуковом ритме. Результатом взаимодействия фоноэмы и звуковой субстанции поэтического текста является интеграция фонетической структуры поэтонимов на разных уровнях стиховых структур. Вся звуковая и ритмико-интонационная организация произведений Э. По удивительным образом связывается в единое целое посредством сложных звукосмысловых отношений, из которых возникают образы и смыслы.

Употребление стилистически релевантных фонетических средств поэтонимии авторами рассмотренных поэтических произведений на германских языках отображено в таблице приложения Б.

Материалы главы отражены в публикациях: [Усова, 2007(2); 2008(3); 2008(4); 2009(4); 2009(6); 2010(1); 2010(2); 2010(3); 2010(4); 2010(5); 2010(6); 2011(1); 2017(2); 2017(4); 2018(3); 2018(5); Usova, 2015].

Выводы к главе 5

Применение лингвистического анализа с позиций ономастики для всестороннего изучения формо- и смыслообразующих средств индивидуально-авторской речи в их взаимодействии позволяет сделать следующие выводы:

1. В художественной речи, в особенности стихотворной, немаловажную роль играет чуткость художника к звучанию, которое в случае гармоничного объединения звуковой материи, ритмико-интонационных форм, лексической семантики, композиционных особенностей и характера образов благоприятствует наилучшему воплощению авторского замысла.

2. Проведённый анализ текстов разных авторов, как на русском, так и на немецком (а также английском) языке, подтверждает, что качество, частотность и способы распределения звуков стихотворного текста в значительной мере определяются фонетическим составом поэтонима, в особенности употреблённого в качестве ключевого слова. Формальное присутствие проприальной единицы в тексте в виде графического образа языкового знака и/или формантов поэтонима может характеризоваться разной степенью их активности в создании поэтических структур. Выбор средств поэтики с участием ИС у разных авторов не одинаков и опредеяется осбенностями идиостиля, жанром, темой, художественным замыслом. Тем не менее, выделяются наиболее часто встречающиеся онимные средства, используемые в той или иной степени практически всеми авторами исследованных текстов, как русско-, так и немецкоязычных.

3. Фонетическая структура любого имени может рассматриваться как потенциальной источник содержательности звуковой формы поэтонима. Возможна актуализация фоноэмы в синтагматике ХТ, что манифестируется на разных уровнях взаимодействия поэтонима и контекста: 1) в рамках онимного микроконтекста; 2) в рамках макроконтекста фрагментов разного объёма и целого произведения.

4. По значимости звуковой формы, как потенциальные или реализованные *поэтонимы,* поприальные единицы могут быть двух типов: (1) ИС, звуковая

форма которых обладает выраженной семантической нагруженностью безотносительно к художественному контексту, что можно отнести к *парадигматике*; (2) ИС, звучание которых приобретает значимость только внутри определённого художественного целого, т.е. в процессе *синтагматического* развертывания текста.

Онимы первого типа входят в структурно-семантическую и образную систему художественного произведения, уже обладая фоносемантическим потенциалом, наличие которого обусловлено рядом причин, связанных с их функционированием в лингвокультуре до употребления в качестве поэтонима конкретного произведения. Среди онимов первого типа выделяется две группы и ряд подгрупп. Первая группа включает онимы с богатой семантикой /этимологией, активизирующейся всякий раз в виде коннотаций при употреблении конкретной онимной единицы в художественном тексте. Вторая группа состоит из онимов, стилистическая релевантность которых обусловлена особенностями их звукобуквенной структуры.

5. Реализация фоноэмы в рамках первого типа отношений (ограниченных онимным микроконтекстом) определяется как *внутриименные фонетические взаимодействия.* Установлены четыре основных вида взаимодействий с соответствующими подвидами: 1) инверсии имени и фамилии; 2) повторы а) гласных (ассонансы); б) согласных звуков (аллитерации); 3) использование паронимов 4) имена, ‘сконструированные’ специально для конкретного произведения и связанные звукосмысловыми отношениями с системой его художественных средств (окказиональные).

6. Подтверждается рядом примеров, что поэтоним, вынесенный в заглавие, играет особенную роль, так как является центром произведения, актуализирует тему, задаёт качество стиховых структур последующего текста.

7. Как правило, обнаруживается увеличение частоты звуков ключевых поэтонимов в их окружении. На уровне звукобуквенном актуализация фоноэмы осуществляется прежде всего в воздействии гласных звукобукв (в особенности ударных) поэтонимов на вокализм контекста. Гласные поэтонима обнаруживают

способность определять характер вокализма ближайшего окружения или в целом стихотворении. Звуковой фон, создаваемый повторами гласных поэтонима и звуковыми перекличками с ними в ассонансах, ‘поддерживает’ поэтоним, расширяет его звуковое воздействие. В других случаях звуковой фон создается по контрасту с гласными имени, ‘выталкивая’ поэтоним из звукового строя, тем самым подчеркивая, усиливая его значимость. Наряду с этим поэтонимы обнаруживают способность ‘встраиваться’ в систему ассонансов, обеспечивая гармонизацию звучания стиха.

Другим характерным проявлением фоноэмы является актуализация консонантизма стиховых структур. Иногда звуковые предпочтения в инструментовке произведения (или его частей) предзаданы аллитерацией в структуре самого поэтонима. Аллитерации проявляются зачастую в сочетании с особенностями вокализма – ассонансами или вокалической аллитерацией. Повторы отдельных звуков поэтонимов или их групп служат обеспечению связности частей целого на фонетическом уровне.

8. Поэтоним в качестве тематического ключевого слова проявляет свойство в значительной мере определять такие особенности фонетической и ритмико-интонационной организации поэтического текста как звуковой ритм, просодическая выделенность, также как своеобразие звуковой и ритмической упорядоченности стихотворения способно предвосхищать появление определённой проприальной единицы.

9. Употребление поэтонима отмечено комплексом фонетических средств, не всегда чисто эвфонических, а зачастую связанных с семантикой целого. В таких случаях звучание поэтонима эксплицирует его способность к расширению семантических и образных возможностей посредством установления звукосмысловых ассоциативных связей и экспликации коннотативной семантики.

10. Повторы поэтонимов и их сегментов способствуют формированию композиционно-смысловой цельности произведения. С этой целью поэт иногда обращается к анаграмматическому использованию имени в акростихе. Интегрируясь во все уровни стиховых структур, поэтонимы и их сегменты

участвуют в осуществлении разных видов связи между элементами – от звуковой когезии до синтаксических и композиционных типов поэтического сцепления, тем самым способствуя объединению дискретных единиц в художественное целое.

Констатируется соединение семантических и фоностилистических средств поэтонимии: звуковые повторы, рифменное и анафорическое употребление поэтонимов, акцентное выделене; семантические оппозиции, заложенные уже в теме произведения. Весь набор средств может работать синергетически.

ГЛАВА 6
ФЕНОМЕН ПОЭТИЧЕСКОГО ИМЕНИ В ИНТЕРКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

6.1 Интеркультурность образа и онима

Одним из основных условий жизни и развития языковых систем является постоянная динамика составляющих их элементов, взаимодействие входящих в них подсистем – «внутренняя» динамика, а также динамические «внешние» отношения, как внутрикультурные (имеются в виду взаимодействия разных областей в сфере одной культуры), так и межкультурные. Понятие интеркультурности связывается сегодня с явлением глобализации, с вопросами межкультурной коммуникации, возникающими на фоне современного ‘размывания’ границ. Но действительно ли эта тема так нова? Ведь взаимодействие культур, как и межкультурные, межэтнические отношения, существовало всегда. Достаточно лишь вспомнить русское дворянство XIX в., когда в семьях традиционно говорили на двух языках, – русском и французском, а дети, воспитываемые гувернёрами из Франции, Англии, Германии впитывали европейскую культуру с ‘младых ногтей’. Но это тема других исследований. Для настоящей работы важно взаимодействие культур, вернее, лингвокультур, на уровне языка, и уже, на ономастическом уровне.

Каждое имя переживает в процессе своего интралингвального и интракультурного функционирования разные этапы. Но есть и другая, не менее важная сфера ‘жизни’ онима: интеркультурное функционирование. Попадая в иную лингвокультуру, ИС может изменить свою ‘судьбу’ или получить новую жизнь.

Невозможно отрицать существование слоя интеркультурной ономастической лексики, сформированной, в том числе, благодаря взаимообмену продуктами литературного творчества: *Дон Жуан*, *Ромео и Джульетта*, *Ловелас*,

Дон Кихот, *Фауст*, *Кармен*, *Макбет* – список может быть продолжен. А если оглянуться в глубь веков – *Медея*, *Горгона*, *Ахилл(ес)*, *Цербер*, *Титан, Ариадна*, *Ксантиппа*, *Эдип* и т.д. Эти ИС стали символическими воплощениями определённых признаков их носителей.

Исследовательский интерес ставит вопрос о том, каким образом ИС, попадая в иную культуру, становится её частью. Стремление к всестороннему анализу функционирования онима / поэтонима как феномена лингвокультуры вынуждает выходить за рамки текста отдельно взятого художественного произведения, преодолевать границы дискурса национальной лингвокультуры. Проследить движение ИС в иной культуре поможет рассмотрение поэтических произведений с точки зрения ономастики, предлагаемое в данном разделе.

6.2 Орфей как символический образ, мифоним и мифопоэтоним

6.2.1 *Орфей*-поэт и *Орфей*-поэтоним. Среди онимов, потенциально обладающих широкими возможностями при трансформации их в поэтонимы, следует выделить мифонимы, составляющие определённый пласт онимной лексики, связанный с культурной памятью народов. Согласно «Словарю русской ономастической терминологии» мифоним, или мифологическое имя (собственное) – это «имя вымышленного объекта любой сферы ономастического пространства в мифах и сказках» [Подольская, 1978, с. 124]. Символическая значимость, присущая мифонимам как таковым, вне зависимости от контекста их употребления, укоренённость их и обозначаемых ими феноменов в духовной культуре – свойства, чаще всего привлекающие внимание исследователей [Гендлер, 2002; Калинкин, 2002; Михайлов, 1993; Сталтмане, 1989, с. 93; Фонякова, 1990, с. 69 и др.]. Но материальная сторона и содержательные аспекты этих языковых единиц требуют более глубокого лингвистического анализа, хотя некоторые шаги в этом направлении были сделаны ранее [Усова, 2004].

Вопрос о месте и значении Орфея в творчестве двух великих поэтов 20 века – Марины Ивановны Цветаевой и Райнера Мария Рильке, является непростым,

поскольку оба поэта обращались к образу мифического поэта и в своих произведениях, и в переписке друг с другом. Символичность образа, воплощающего саму поэзию, талант, и в то же время – трагичность судьбы поэта трансформировались у обоих в обсуждение темы поэта, поэтического творчества, но вместе с тем и в очень личную тему. Стремление разобраться в содержательной наполненности этого образа и обозначающей его прониальной единицы с точки зрения ономастики, с помощью лингвистических инструментов требует всестороннего анализа мифопоэтонимов *Orpheus* и *Орфей*, с учетом средств и способов вербализации образа и связанных с ним тематических линий у обоих поэтов.

Данный раздел содержит всестороннее рассмотрение фонетики и семантики мифопоэтонима русского языка *Орфей* в поэзии Марины Цветаевой и мифопоэтонима *Orpheus* в немецком языке у Райнера Мария Рильке. Анализ учитывает взаимодействия ИС со стиховыми структурами на разных уровнях поэтического текста (ПТ); проводится анализ возникающих связей звучания и семантики поэтонима с семантикой контекста и со смыслом целого. Используются лингвистические методы и приемы, предложенные стилистикой декодирования (И. В. Арнольд), фоносемантикой (Журавлев А. П.), метод количественного анализа, а также данные, полученные в области экспериментальной фонетики (Дворжецкая М. П., Стериополо Е.И.) – для анализа сегментного состава и просодии немецкоязычного ПТ, взаимодействующего с включённой в него онимной единицей. Источником материала служат лирика М. И. Цветаевой и поэтический цикл Р.-М. Рильке «Die Sonette an Orpheus» («Сонеты к Орфею»).

Прониальная единица русск. *Орфей* / нем. *Orpheus*, относящаяся к тексту известного мифа об Орфее – фракийском певце, наделённом божественным поэтическим даром, перед искусством которого преклонялись не только люди, но и сама природа, и даже боги [Кун, 1998]. Референтом этого ИС, центральный персонаж легенды, определяется нами, вслед за Н. В. Подольской, как *мифоперсоним*. Для мифонимов, включённых в поэтическое произведение,

пользуемся термином *мифопоэтоним*. Руководствуясь утверждением, что в поэзии решающее значение имеет звучание, а не графика [Arndt, 1984, с. 110] (признаём, что графический образ тоже значим, а в поэзии проявляется их синергетический эффект), и разделяя точку зрения, согласно которой при восприятии ПТ происходит – осознанно или неосознанно – озвучивание, трансформация написанного текста в звуковые образы, «ибо художественное чтение есть внутреннее произношение» [Белый, 1988, с. 13], рассматриваем мифопоэтоним как звукобуквенный комплекс.

6.2.2 *Орфей* Цветаевой и *Orpheus* Р.-М. Рильке

6.2.2.1 *Орфей* Цветаевой. Для Марины Цветаевой, как и для Рильке, каждый поэт есть воплощение Орфея, «поющего и умирающего в каждом поэте». М. Цветаева, как и Б. Пастернак, высоко ценила творчество Рильке, который в их восприятии приблизился к Орфею как эталону поэтического мастерства. М. Цветаева писала Рильке: «Вы – воплощённая пятая стихия: сама поэзия, или (ещё не всё) Вы – то, из чего рождается поэзия и что больше её самой – Вас» [Рильке, 1990]. Она ценила в Рильке не только поэта, но и человека, его личные качества. Вот только некоторые её высказывания: «Рильке не есть ни заказ, ни показ нашего времени – он его противовес. Войны, бойни, развороченное мясо розни – и Рильке. За Рильке наше время будет земле – отпущено. По обратности, то есть необходимости, то есть противуядию нашего времени, Рильке мог родиться только в нём. В этом – его современность» [Цветаева, 1992, с. 281]. И ещё : «тот из далеких – далекий, из высоких – высокий, из одиноких – одинокий». Говоря о Рильке или с Рильке, М. Цветаева переходила на разговор об Орфее, ибо для неё Райнер Рильке был *Орфеем*, явившемся в Германии. «Вы всегда будете воспринимать меня как русскую, я же Вас – как чисто-человеческое (божественное) явление; Ведь вы – воплощённая поэзия, должны знать, что уже само Ваше имя – стихотворение» (из письма 9 мая 1926 г. [Цветаева – Рильке]).

Прислав свои «Сонеты к Орфею» ей в подарок, он тем самым начал разговор на волнующую их обоих тему предназначения поэта. Для Рильке жизнь поэта — в постоянном творческом росте, в том, чтобы, «стремясь за пределы

достигнутого», стать лучше самого себя. Поэтому его поэзия не нуждается в критике, более того, является для неё недосягаемой, и в этом уних с Цветаевой полное взаимопонимание. Для М. Цветаевой, как и для Рильке, каждый истинный поэт есть воплощение Орфея, «поющего и умирающего в каждом поэте». Рильке в её восприятии приблизился к Орфею как эталону поэтического мастерства.

К образу Орфея, теме поэта и поэзии Цветаева обращается и в стихах, и в письмах к Рильке, и в прозе. «Орфей взрывает национальность или настолько широко раздвигает ее пределы, что все (и бывшие, и сущие) заключаются в нее. И хороший немец – там! И – хороший русский!» [Цветаева – Рильке]. *Орфей* – это перевоплощающееся в поэта, певца божество. Если поэт, то *Орфей:*

…Нам незачем искать / других имён. Когда раздастся пенье, //
Раз навсегда мы будем знать – ОРФЕЙ.

Образ Орфея, мыслившийся древними в ряду умирающих и воскресающих богов, отождествляется здесь с ‘духом’ самой поэзии.

А. Блок для Цветаевой – тоже *Орфей*. Она писала возмущённо о том, как один критик высказался, что надо смириться со смертью Блока: «Если достаточно четырех лет, чтобы примириться со смертью такого поэта как Блок, то как обстоит дело с Пушкиным (†1836) . И как с Орфеем (†)? Смерть любого поэта, пусть самая естественная, противоестественна, т, е. убийство, поэтому нескончаема, непрерывна, вечно – ежемгновенно – длящаяся. Пушкин, Блок и – чтобы назвать всех разом – ОРФЕЙ – никогда не может умереть, поскольку он умирает именно теперь (вечно!). В каждом любящем заново, и в каждом любящем – вечно» [Цветаева – Рильке]. Эти слова ставят в один ряд всех настоящих поэтов, отождествляя их.

К образу Орфея отсылают уже заглавия отдельных стихотворений: «Поэт», «Орфей», «Эвридика-Орфею». Как известно, заглавие несет особую смысловую и функциональную нагруженность, «индивидуализирует тот текст, которому принадлежит, выделяет его в ряду всех других текстов» [Арнольд, 2014, с. 225]. Как правило, в заглавие выносятся поэтонимы, являющиеся смысловым центром произведения. Возникающие при этом ассоциации, неотчетливые аллюзии при более близком знакомстве с текстом произведения проявляются и закрепляются

воздействием всей его звуковой, ритмико-интонационной, лексико-семантической и синтактико-композиционной структуры. За счет звуковых ассоциаций, вызываемых поэтонимом уже на уровне заглавия, может обеспечиваться не только достижение звукового эффекта, но и увеличение «семантического веса» ИС [Некрасова, 1976, с. 202]. Если «в ономастическом пространстве любого произведения его центром является именно заглавие» [Карпенко, 1986, с. 39], то мифоним, вынесенный в заглавие, отмечается особым, часто символическим значением [Джанджакова, 1979, с. 208; Фонякова, 1990, с. 69]. Заглавие с включённым в него мифопоэтонимом осуществляет три типа связи: 1) связь с культурной памятью читателя, в которой содержится миф об Орфее; 2) связь с последующим содержанием; 3) связь с рефлектирующим авторским сознанием, устанавливающая мотив авторского замысла и модальность произведения.

Всегда в этой теме присутствует смерть. Стихотворение «Орфей» начинается со строк, воссоздающих сцену после гибели Орфея: *Так плыли, голова и лира*…. И, хотя ИС *Орфей* больше не появляется в тексте, но к нему отсылает другой поэтоним – *Гебр(а)*, а также апеллятив *голова,* с помощью которого живописуется страшная сцена. Апеллятивы и апеллятивные группы *Крово-серебряный, серебро- / Кровавый след; Не лира ль истекает кровью?* способствуют созданию образа смерти поэта на только своей семантикой, но и насыщенностью звукобукв *О, Р,* буквосочетаний *РО,* инверсивно повторяющими начальный слог мифопоэтонима *Орфей*. В стихотворении «Поэт» жизнь поэта сравнивается с мгновением летящей кометы: «*путь комет – Поэтов путь*» – эти слова повторяются рефреном. Тема бескрайности, безмерности, бессмертия поэта, возникающая в финале, отсылает к образу воскресающего бога – Орфея: *Что же мне делать, певцу и первенцу, / В мире, где наичернейший – сер! / Где вдохновенье хранят, как в термосе! / С этой безмерностью / В мире мер?!* [Цветаева, 1992, с. 249].

В стихотворении «Эвридика-*Орфею*» ИС *Орфей* повторяется в тексте в первой и последней (шестой) строфе, ‘закольцовывая’ весь текст. Анафорическое употребление в первой строфе, акцентуация междометного *О* в анафоре смежной строки, переклички и ассонансы на *О* (повторение в 1й строфе – 10 раз, в том

числе дважды – в рифменном употреблении), рассыпанные по тексту аллитерации *Р* – основные фонетические средства поэтики с участием поэтонима. Финал стихотворения возвращает упоминанием влюблённой пары к личной трагедии *Орфея: Не надо ОРФЕЮ ходить к ЭВРИДИКЕ / И братьям тревожить сестёр.* [Цветаева, 1988, I, с. 219].

Смерть Рильке была для Цветаевой страшным неожиданным ударом. Стихотворение «Новогоднее», посвящённое уходу Рильке, отражает всю невосполнимость потери. В стихотворении ожидаемо повторяется и личный антропоним *Райнер* (упоминается 13 раз!), и его фамильное имя (1 раз), и переклички с именем рассеянными звукобуквами ИС *Райнер*. Повтор первого слога личного имени *Рай* создаёт эхо-рифму и в семантическом плане отсылает к мысли о пребывании поэта в ином, лучшем мире. А следующие строки – концентрация звукосмысла, создаваемого вложенным в эти слова отношением-переживанием и звуковой избыточностью: *Что мне делать в новогоднем шуме / С этой внутреннею рифмой:* ***Райнер – умер.***

Не упоминаемое в тексте стихотворения ИС *Орфей* всё же не может не возникнуть из контекста. Но Цветаева и прямо отождествляет Рильке с поэзией, а через неё – с *Орфеем* : *Впрочем, есть ты — есть стих:* ***сам и есть ты – / Стих!*** [Русская поэзия].

В числе номинативных средств поэт использует немецкоязычный вокатив *Du Lieber,* который с полным правом можно отнести и к Рильке-поэту, и к Рильке –духу поэзии, и к Орфею как воплощению поэзии. Рильке после смерти превращается в *Эхо* и *Звук* – персонификации, через коннотативные связи соотносящиеся с обобщённым образом поэта.

Всё тебе помехой / Было: страсть и друг. /
С новым звуком, ***Эхо!*** */ С новым эхом,* ***Звук.***

В финале стихотворения возникает полная именная форма в дательном падеже*: Райнеру — Мариа — Рильке — в руки.*

Номинации для Рильке-Орфея в этом стихотворении-реквиеме: *Du Lieber – Райнер – Стих –Эхо – Звук – Райнеру – Мариа – Рильке;* все они составляют синонимический ряд для мифопоэтонима *Орфей*.

Расположенная ниже таблица 8 даёт представление о семантическом наполнении поэтонима *Орфей*, которое эксплицируется путём анализа стихов М. Цветаевой, её писем и заметок, а также с помощью изучения нелингвистической ситуации отношений двух поэтов.

Таблица 8. Семантика мифоперсонима-мифопоэтонима *Orpheus* у М. И. Цветаевой

мифопоэтоним	**Семантическое наполнение**
Орфей	Мифоперсоним – поэт и певец
	Поющий Бог
	Умирающий и воскресающий
	Божественный
	Растерзанный, расчленённый
	Каждый истинный поэт
	Воплощённая поэзия
	Сам Рильке

6.2.2.2 *Orpheus* у Р.-М. Рильке. Значение образа *Орфей* для Рильке определяется уже посвящением ему такого объемного цикла (26 стихотворений в первой части и 29 – во второй), а также тем, что для орфической темы была выбрана форма сонета – особый вид поэзии, цель которого – воспевание, прославление, восхваление предмета поэтического обращения. Для Рильке Орфей стоит в одном ряду с такими категориями как поэзия – песня – музыка – вселенная – космос – мироздание. Только уяснив это, можно понять, согласимся в этом с Д. Бассерманном, то, что кажется неясным и загадочным: «der Baum im Ohr, das Lied überm Land, – und warum es ein für alle Male Orpheus ist, wenn es singt». Орфей, ‘светлый и радостный’ (heiter), ‘предназначенный для прославления’ (ein zum Rühmen Bestellter), но в то же время – мы все это знаем – разделённый (ver-teilt – разделённый на части, но и распределённый, рассредоточенный в пространстве), призывает своей музыкой, своим пением – а он сам и есть музыка, с мольбой обращаясь к нам, нуждаясь в нас, призывает – к

закону, ибо он сам и есть закон и смысл человеческого существования, бытия: «…ist Gesetz – der zu erlebende Sinn menschlichen Seins, Da-Seins». И этот Орфей – смысл, который проходит через все творчество позднего Рильке [Bassermann, 1947, с. 38-39].

Появляясь впервые в заглавии цикла, мифоперсоним *Orpheus* апеллирует к культурной памяти читателя, активизируя аллюзии и ассоциации, связанные с легендой об Орфее. Заглавие с включённым в него мифопоэтонимом, как и у М. Цветаевой, осуществляет три типа связи:

1) связь с культурной памятью читателя; 2) связь с последующим содержанием; 3) связь с рефлектирующим авторским сознанием, устанавливающая через конкретизацию жанровой формы (die Sonette) мотив авторского замысла и модальность произведения. Все это позволяет говорить о несомненной тематичности мифопоэтонима *Orpheus,* заданной уже в заглавии.

Мифопоэтоним участвует в организации стиховых структур на фонетическом уровне. Следует отметить появление ОЕ *Orpheus*, помимо заглавия, в других сильных позициях. Таковыми являются начало произведения, концовка и его формально выделенные части [Арнольд, 2014, с. 225-238]. Сильная позиция служит особым типом выдвижения, кроме нее, выдвижением считаются сцепление, конвергенция, обманутое ожидание, семантический повтор и нек. др. [Арнольд, 2014, с. 238]. Приведем анализ наиболее показательных фрагментов «Сонетов…», в которых мифопоэтоним манифестирует, привлекая внимание как своим звучанием, так и содержанием.

Благодаря мифопоэтониму начало первого сонета 1 Части оказывается своего рода камертоном, задающим тон не только сонету, но всему циклу. Первые строки подхватывают тему, обозначенную в заглавии, задают размер, ритм. Употреблением в сильной позиции в самом начале цикла обеспечивается просодическая выделенность ОЕ как «конденсатора семантической информации текста» [Дворжецкая, 1986, с. 6]. Несмотря на то, что для немецкой речи инструментовка на *O* несколько необычна [Петрухин, 1979, с. 18-19], этот гласный оказывается здесь доминирующим, организующим определенным

образом звучание последующих строф. Будучи ударным гласным в фонетической структуре мифопоэтонима, он способствует соединению стихов в гармоничное единство звука и смысла. Появляясь дважды в заглавии *«Die S**o**nette an **O**rpheus»*, он повторяется затем восемь раз в одной только первой строфе (всего в сонете – 13 раз). При этом его сильная позиция в ключевом слове-мифопоэтониме (в заглавии и затем во втором стихе) воздействует на вокализм всего сонета, упорядочивая строй других гласных, группирующихся вокруг ударного гласного мифопоэтонима как звукового ‘центра’. Артикуляционные качества этого гласного, прежде всего лабиализованность, определяют положение органов артикуляции при фонации *О* подобно установке их во время пения, суггестируя символический образ самого пения и певца, вербализованного СИ ***O**rpheus*. Воздействие гласного *О,* усиленного повторами и ассонансами, отражается на вокализме ближайшего контекста:

(I) *Da stieg ein B**au[ao]**m. **O** reine **Ü**bersteig**u**ng! / **O O**r**pheu[ɔø]s** singt! **O** h**o**her B**au**[ao]m im **O**hr! / **U**nd alles schwieg. D**o**ch selbst in der Verschweig**u**ng / ging n**eu[ɔø]**er Anfang, Wink **u**nd Wandl**u**ng v**o**r.* [Рильке, 1981].

Из восьми случаев употребления звукобуквы (ЗБ) *О* в первом четверостишии шесть приходятся на первые два стиха, создавая ‘натиск’ звуковых повторов. Семь раз на протяжении четырехстишия она отмечена ударением, что, по Журавлёву, усиливает фонетическое значение, удваивая его [Журавлёв, 1974, с. 113]. При этом три употребления из четырёх приходятся на позицию фразового ударения, усиливая интенсивность и длительность ударного гласного ключевого слова[64] [Гавриш, 1986, с. 42], а также обеспечивая просодическую выделенность этого сегмента. Следует заметить, что первый компонент дифтонга *eu/äu*[ɔø] представляет собой ещё один вариант звука *О*, и, хотя дифтонг является единым фонетическим образованием, акустико-артикуляторные свойства, характерная огубленность артикуляции, определяемые первым компонентом, безусловно

[64]Экспериментальными исследованиями установлены некоторые особенности фонетики немецкого языка, проявляющиеся, в частности, в том, что в речевой цепи «у сонорных согласных и гласных наблюдается зависимость их временных характеристик от ударения, что находит свое выражение в увеличении их длительности под влиянием синтагматического или фразового ударения» [Гавриш, 1986: 44].

имеют вес. (То же можно сказать о дифтонге *au*[ao]: *Baum*). Артикуляционно-акустические характеристики гласного *O* в комплексе с акцентным выделением его в составе ключевого слова-онима обусловливают преобладание в ударном вокализме первого сонета лабиализованных гласных, ‘рассыпанных’ по другим строфам: первая строфа — ***O*** – ***O*** – ***O****rph****eu****s* – ***O*** – *h****o****her* – ***O****hr* – *v****o****r*; вторая строфа – ***au****s* (4 употребления) – *gel****ö****sten* – *v****o****n* – *s****o*** – ***u****nd* (3 употребления); третья строфа – *s****o****ndern* – *H****ö****ren* – *Br****ü****llen* – *Ger****öh****r* – *H****ü****tte*; четвертая строфа – ***U****nterschl****u****pf* – *d****u****nkelstem* – *Z****u****gang* – *Pf****o****sten* – *sch****u****fst d****u*** – *Geh****ö****r*. Здесь позволительно говорить о гармонической дистантной ассимиляции гласных [Стериополо, 1986], возникающей под влиянием доминанты *O*, которая, будучи фонетически сильной, подавляет и уподобляет себе слабые гласные близко расположенных слогов. Вследствие этого явления безударный *A* приобретает некоторую огубленность перед всеми лабиализованными гласными, и прежде всего перед *O* и близким ему *U*: *W****a****ndl****u****ng* – *v****o****r*[65]. Количественные характеристики доминирующего *O* и других лабиализованных гласных в вокализме первого сонета представлены в таблице 9.

Таблица 9. Количественная характеристика лабиализованных гласных в первом сонете

употребления лабиализованных гласных (ЛГ)	Всего ЛГ	**Количество**						**Примеры**
		ЗБ ***o***		Дифтонг ***eu/äu au***		Другие ЛГ		
		всего	в ударной позиции	всего	в ударной позиции	всего	в ударной позиции	
первая строфа	19	8	7	4	3	7	-	*O Orpheus singt!; O hoher Baum im Ohr!; neuer; vor*
вторая строфа	10	2	-	4	-	3	-	*aus; gelösten; von; so; und*
третья строфа	10	2	-	2	1	6	4	*sondern aus Hören; Hütte; und Brüllen; Geröhr; und wo;*
четвертая строфа	9	1	1	1	-	7	5	*Unterschlupf; dunkelstem; Zugang; Pfosten; schufst du; Gehör*
всего в сонете	48	13	8	11	4	24	9	

[65]Актуализация свойства гармонии гласных в речевой последовательности, как установлено экспериментальными исследованиями [Стериополо, 1986: 20], может приводить к смешению фонем на уровне слухового восприятия, в данном случае *O* – *U*.

Результаты статистического анализа гласных в первом сонете цикла показали следующее: из 100 % (145 гласных) 48 – ЛГ, что составляет 33,1 %, в том числе употребленный 13 раз *O* (ударного гласного мифопоэтонима) – 8,97 %. Учитывая, что нормативная частотность гласного *O* в немецком языке, по разным данным, колеблется от 2,14 % [Beobachter, 2010; StatSoft Russia, 2018] до 2,51 % [Wikipedia], встречаемость этого гласного в первом сонете цикла превышает норму в диапазоне от 3,57 до 4,19 раз. В результате статистической обработки вокализма первой строфы сонета выявлено, что количественная представленность в ней ЛГ составляет 45,2 % всех гласных, а 8 случаев употребления *O* составляют 19,05 % всех гласных четырехстишия. Сопоставление полученных данных с нормативной частотностью обнаруживает превышение нормы в этой части сонета минимум в 7,59 и максимум в 8,9 раза. Таблица 10 отражает эти данные.

Таблица 10. Частотность лабиализованных гласных

в I сонете I Части

Гласные	I сонет		1я строфа I сонета		Частотность в норме
количество	абс.	%	абс.	%	%
гласный *O*	13	8,97	8	19,05	2,14-2,51
все ЛГ сонета	48	33,1	19	45,2	-
всего гласных	145	100	48	100	-

Учитывая уподобление, а также возможное смешение на уровне слухового восприятия гласных *O – U* в результате гармонии гласных, следует заметить, что с количественным увеличением этих ЗБ создаётся ассонанс, являющийся дополнительным средством выразительности, усиливающим звуковыми ‘перекличками’ семантическую значимость мифопоэтонима *Orpheus*. Достигаемый с помощью ассонансов эффект закрепляется и усиливается компонентом *OR* в позиции рифмы: *Ohr – vor*. Лабиализованный *Ö* в сочетании с согласным *R*, рифмуясь с онимным компонентом *OR(pheus*): ***Ohr – vor –*** *Ger****öhr*** *– Geh****ör,*** вызывает при этом сходное акустическое впечатление.

Заслуживает внимания звукобуква *O в* междометии, употреблённом в первой строфе первого сонета трижды. Само по себе междометие ***O!*** является восклицанием, выражающим радостные эмоции [Stock, 1999: 86]. В сонете оно создаёт мажорный настрой, сохраняющийся затем на протяжении всего цикла. Как перманентный носитель ударения [Stock, 1999, с. 58] междометие активно включается в ритмическую организацию стиха. За счет синтагматического добавления междометного *O (O Orpheus…)* достигается удлиненность звучания *O* в поэтониме, усиливается эмоционально-экспрессивный характер звучания.

Отзвуки имени продолжают звучать лейтмотивом во втором сонете 1 Части:
(II) Und fast ein Mädchen wars und ging her***vor***[fo:ʁ] / aus diesem einigen Glück von Sang und Leier / und glänzte klar durch ihre Frühlingsschleier / und machte sich ein Bett in meinem ***Ohr*** [o:ʁ] [Рильке 1981].
Повтор звукобуквенного комплекса *OR* [o:ʁ] соотносится фонетически и графически с ударным слогом OE ***Or****pheus*. Выдвижением этого сегмента в ударную и в рифменную позицию устанавливается устойчивая связь с первой строфой первого сонета (I). Звукобуквенная последовательность *OR/OHR* выступает, таким образом, средством сцепления двух сонетов. Этот сегмент переносится из (I) как вариация рифмы в (II): если в первом случае эти звукобуквенные последовательности рифмуются во 2-м и 4-м стихе, то во втором – в 1-м и 3-м стихе. Хотя OE *Orpheus* здесь не появляется ни разу, образ имени, а через него тема певца и поэзии возникает благодаря присутствию и вариативному повторению ударного слога мифопоэтонима.

Пятый сонет I Части (V) занимает особое место в цикле прежде всего потому, что в нём поэт непосредственно обращается к идее нетленности самой поэзии. Образ Орфея, мыслившийся древними в ряду умирающих и воскресающих богов, отождествляется здесь с ‘духом’ самой поэзии, который воссоздается заново всякий раз с появлением нового Орфея – нового поэта, какое бы имя он ни носил:

(V) Errichtet keinen Denkstein. Laβt die ***Ro***se / nur jedes Jahr zu seinen Gunsten blühn. / Denn ***Orpheus*** ists. Seine Metam***orpho***se / in dem und dem. Wir sollen uns nicht mühn / *um andre Namen. Ein für alle Male / ists* ***Orpheus****, wenn es singt*. Er

kommt und geht. / Ists nicht schon viel, wenn er die ***Ro***senschale / um ein paar Tage manchmal übersteht?[66]

Фонетическая структура этого сонета формируется с помощью ряда приемов, основанных на использовании звукобуквенного состава мифопоэтонима.

1) Двойное употребление OE *Orpheus*, вопреки правилам построения классического сонета, причем в смежных строфах. Благодаря этому приёму внимание фокусируется на мифопоэтониме, а сонетный слог приобретает большую выразительность. Все вместе способствут естественно-гармоничному движению концептуально-значимой мысли, которую поэт стремится донести.

2) Оба употребления OE *Orpheus* приходятся на анафору, что усиливает и звуковую, и семантическую выделенность поэтонима, и его информационную значимость.

3) Звуковая форма поэтонима встроена в ритмическую канву стиха и принимает участие в создании рифмы. Это, во-первых, внутренняя рифма; во-вторых, на основе доминанты *O* и примыкающих согласных образуется конечная рифма ***Rose*** – Metamor***phose*** (1-я строфа).

4) Выдвинутый рифмой и акцентуацией апеллятив *Metamorphose* содержит в своей фонетической структуре почти полное анаграмматическое повторение поэтонима *(Orpheus – orpho*s*),* что создает парономастический эффект.

5) Повторяющийся в апеллятивах ***Ro****se*, ***Ro****senschale* ударный слог *RO* представляет собой зеркально повторенный первый слог мифопоэтонима *OR,* который возвращает к образу мифоперсонима. Символизм этого повтора состоит еще в особой значимости для Рильке образа розы, тесно переплетающегося с его интерпретацией предназначения и судьбы поэта.

6) Звуковая инструментовка на *O*, необычная для немецкой речи, имеет здесь особенно важное эстетико-информативное значение. Количественный анализ вокализма стихов подтверждает, что звукобуквенная структура V сонета I Части характеризуется количественным увеличением гласного *O* по сравнению с

[66] курсив наш – Н. У.

нормой в 3,55 (3, 02) в целом тексте сонета и в 4,56 (3,86) раза в первой строфе (См. Таблица 11).

Таблица 11. Частотность лабиализованных гласных в V сонете I Части

Гласные	V й сонет		1я строфа V сонета		Частотность в норме
количество	абс.	%	абс.	%	%
гласный *О*	11	7,59	4	9,7	2,14-2,51
все ЛГ сонета	33	22,76	12	29,27	-
всего гласных	145	100	41	100	-

Можно говорить о реализации в этом сонете, как и в первом, СИ *Orpheus* как тематического ключевого слова, поскольку благодаря разного рода выдвижению поэтоним приобретает статус ведущего, основного информационного сегмента [Дворжецкая, 1986, с. 8].

В тексте «Сонетов…» употребление мифопоэтонима наблюдается всего 5 раз, в частности, в следующих позициях: заглавие; I сонет Первой части; V сонет Первой части (дважды); XXVIII сонет Второй части. В остальных стихах имеет место явление умолчания имени, отказа от имени, что служит художественным приемом, требующим отдельного обсуждения. Повторы и созвучия на *О* в ассонансах и рифмах – *Ort, Ohr, vor, Gehör* и проч. – наблюдаются не только в проанализированных сонетах, но рассредоточены по всему тексту цикла.

Следующее после V сонета Первой части, и последнее в цикле, употребление мифопоэтонима обнаруживается лишь в XXVIII, предпоследнем сонете Второй Части, который по смыслу и расположению играет роль подытоживания всего ранее выраженного. Эти стихи также отличаются значительным количеством ЛГ в общем вокализме и превышением нормативной частотности употребления гласного *О*, что видно из Таблицы 12. Наибольшее превышение частотности ЗБ *О* наблюдается в 3-й строфе – в 4,67 (3,98) раза, а наименьшее в 4-й – в 1, 46 (1,23) раз. В целом сонете частотность ЗБ *О* превышена в 3,52 (3)раза.

Таблица 12. Частотность лабиализованных гласных в XXVIII сонете II Части

Гласные	XXVIII сонет II Части		1я строфа		2я строфа		3я строфа		4я строфа		Частотность в норме
Кол-во	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	%
гласный *O*	11	7,53	4	9,52	3	7,14	3	10	1	3,13	2,14-2,51
всего ЛГ	43	29,45	12	28,57	11	26,19	10	33,33	10	31,25	-
всего гласных	146	100	42	100	42	100	30	100	32	100	-

Эффект присутствия поэтонима в структуре сонета подкрепляется называнием Орфея синонимичными местоимениями *er; du/ Du*, в том числе в вокативной форме – *Du unendliche Spur!* du Schöner, местами усиленной междометием*: O du.* ОЕ часто заменяют перифразы и дескрипции: singeder Gott ‘поющий бог’; Jüngling ‘юноша’; ein zum Rühmen Bestellter ‘предназначенный для прославления’; (mein) Herr ‘(мой) господин’; Gott mit der Leier ‘бог с лирой’; Göttlicher ‘божественный’; verlorener Gott ‘потерянный бог’ и др. Через использование образной номинации происходит опосредованное обращение к ключевому слову-ониму и к центральному образу.

В расположенной ниже таблице 13 представлено семантическое наполнение поэтонима *Orpheus*, которое эксплицируется путём анализа стихов цикла.

Таблица 13. Семантика мифоперсонима-мифопоэтонима *Orpheus* у Р. -М. Рильке

мифопоэтоним	**Семантическое наполнение**
Orpheus	Мифоперсоним – поэт, музыкант и певец
	Поющий Бог
	Умирающий и воскресающий
	Божественный
	Растерзанный, расчлененный
	Каждый истинный поэт
	Воплощенная поэзия
	Космический порядок, противоположность хаосу

Подписывая «Сонеты к Орфею» и «Дуинезские элегии» в подарок Марине Цветаевой, Р.-М. Рильке написал строки, в которых не упоминалось имя Орфея,

но в тех обстоятельствах это умолчание совершенно однозначно говорило о том общем, что соединяет их троих: Рильке, Цветаеву и Орфея. Смысл этих строк заключается в мысли о бессмертии поэзии как высшего искусства, существующего вне времени и пространства:

Касаемся друг друга. Чем? Крылами. / Издалека своё ведём родство. / Поэт *один*. И тот, кто *нёс* его, / Встречается с *несущим* временами (курсив Рильке — Н. У.). Этот поэт – *Орфей* (сущность поэта), воплощающийся в новых образах.

Итак, проведённый ономастический анализ интеркультурного мифонима в роли поэтонима у М. Цветаевой и Р.-М. Рильке даёт, во-первых, подтверждение лингвистическими средствами значимость образа Орфея (лингвистически выраженного через поэтонимы *Орфей* и *Orpheus*) для творческой концепции обоих авторов, а, во-вторых, употребление обоими поэтами разнообразных средств поэтонимии для выражения в стихах идеи о воплощении поэзии в умирающем и воскресающем боге – Орфее. Мифопоэтоним участвует в реализация художественных задач различными способами.

В русском поэтическом языке обнаруживаются такие средства поэтики онима: вынесение в заглавие, рифменное употребление мифопоэтонима, повтор самого ИС и компонентов его структуры, аллитерации и ассонансы в ПТ на основе звуков поэтонима. Отмечается появление мифопоэтонима в сильной позиции и других типах выдвижения, в том числе вынесение мифопоэтонима в заглавие, тем самым устанавливается связь с культурной памятью читателя, с содержанием последующих стихов, с рефлектирующим авторским сознанием В семантике ИС определяются такие компоненты: мифоперсоним – поэт и певец; поющий Бог; умирающий и воскресающий; божественный; растерзанный, расчленённый; каждый истинный поэт; воплощённая поэзия; сам Рильке. Используются средства непрямой номинации, дескрипции и перифразы, персонификация. Прослеживается системное отождествление Цветаевой Рильке с мифическим поэтом, при этом поэтоним *Орфей* может заменяться антропоэтонимом Рильке и другими синонимичными онимами, апеллятивами.

Исследование звуковой структуры мифопоэтонима *Orpheus* в немецкой поэзии (сонетах Р.-М. Рильке) показало, что использование мифопоэтонима как ключевого тематического слова происходит на разных уровнях стиховых структур. Отмечается появление мифопоэтонима в сильной позиции, других типах выдвижения. Вынесением мифопоэтоним в заглавие создаётся основа для символизации образа и актуализации темы поэта и поэзии, устанавливается связь с культурной памятью читателя, с содержанием последующих стихов, с рефлектирующим авторским сознанием.

Сонеты, в которые включен мифопоэтоним, характеризуются повышенной частотностью гласного *О*, что обусловливает его доминирующую роль в вокализме стихов. Ударный гласный мифопоэтонима *Orpheus* оказывает влияние на подбор и частотность гласных окружения, которые, в свою очередь, усиливают звучание доминанты сходным акустическим впечатлением.

В цикле используется субституция ИС средствами непрямой номинации (дескрипции, перифразы). В семантике ИС определяются такие компоненты: мифоперсоним – поэт и певец; поющий Бог; умирающий и воскресающий; божественный; растерзанный, расчленённый; каждый истинный поэт; воплощённая поэзия; Космический порядок, противоположность хаосу.

Мифопоэтоним *Orpheus*, а также компоненты его структуры, рассредоточенные по тексту, служат моментами связности, как фонической, так и смысловой, таким образом фонетическая составляющая оказывается вовлечённой в процесс передачи плана содержания. Осуществляя связь между различными отрезками произведения, компоненты ИС тем самым способствуют объединению их в целое.

6.3 Типология ИС *Ленора* как интеркультурного феномена

6.3.1 *Lenore* (Ленор/а/) А. Г. Бюргера. Художественные достоинства произведения часто определяются количеством языков, на которые оно переведено. Происходящие в результате переноса произведения в иную

языковую и культурную среду, в иную семиосферу, трансформации ИС могут получать разное выражение. При определенной известности произведения имя может стать символом персонажа, материальным воплощением его образа не только в родной лингвокультуре, но и получить популярность в тех языковых сообществах, где будет принят образ референта. Помимо непосредственных переводов зачастую появляются подражания популярным изданиям, или же авторы используют для своих произведений имена известных литературных героев с целью привлечения внимания читателей. Тогда речь идет о т.н. ‘мигрирующих’ поэтонимах. С этими переходящими из текста в текст ‘фонетически эквивалентными’ именами часто оказываются связанными повторяющиеся мотивы, ситуации, образы. При этом вторичное имя, как правило, обладает бóльшей смысловой насыщенностью в сравнении с онимом, впервые употребленным писателем [Кравченко, 2005, с. 164], вследствие расширения коннотативных связей. Такое использование поэтических имён имеет давнюю традицию.

В главе прослеживаются трансформации поэтического имени и соответствующего литературного образа на примере поэтонима *Lenore (Ленора)*. Для этого рассмотрим его в оригинальном тексте одноименной баллады Готфрида Августа Бюргера и вариантах русскоязычных перводов этой баллады В. А. Жуковского.

Проприальную единицу *Lenore / Ленора* мы расцениваем, с одной стороны, как элемент художественной речи, с другой стороны, как языковой знак, имеющий свою фонетическую структуру и семантическую наполненность в исходном (немецком) языке и интегрирующийся в семиосферу иной (в данном случае в русской) языковой культуры.

Это произведение Бюргера (1773 г.) было признано впоследствии идеальной моделью жанра лирико-драматической баллады. Образ героини заимствован из старинной немецкой народной песни, а сюжет баллады отсылает к фольклорному мотиву о мертвом женихе. Фантастический сюжет автор встраивает в пространственно-временные рамки современной ему общественно-исторической

жизни, тем самым максимально приближая художественную реальность к действительности Европы второй половины XVIII века. Повествовательная точность деталей, указывающая на конкретное событие – Семилетнюю войну – достигается использованием в качестве временных и пространственных маркеров исторических онимов *Prager Schlacht* ‘битва под Прагой’, *König Friedrich* ‘король Фридрих’, топонима *Ungerlande* ‘Венгрия’, наряду с ними употребляется антропоэтоним *Wilhelm* (имя жениха). Поэт использует готические мотивы, важнейшим из которых является мотив соединения и причудливого переплетения черт реального и сверхъестественного миров, что создаёт эффект ‘реальности нереального’ [Романчук]. Написанная простым, грубоватым языком, стилизованным под типично народные стиховые формы, баллада в то же время наполнена динамизмом и драматизмом. Особенности произведения состоят в соединении стилистики народной песни и характерной ‘штюрмерской’ поэтики, что выражается в использовании соответствующих лексико-грамматических и фонетических средств (восклицания, обращения, звукоподражательные слова, разные типы повторов), передающих колорит времени и эпохи.

Сюжет произведения предельно прост и потому понятен каждому. Это незамысловатая история простой девушки по имени *Lenore*, которая хочет любить и любит, но военно-политические события разлучают её с любимым. Ленора страдает от тоски по любимому, и, когда тот не возвращается с поля боя, горе всецело поглощает её. Не в силах поверить страшной реальности, она проклинает жизнь и бога, продолжая призывать любимого. Её мольбы, слёзы и призывы дают результат, но какой мистически-ужасный! Прибывший в ночи жених увозит Ленору с собой в мир мёртвых. Итак, Ленора *(Lenore)* Бюргера – это несчастная влюблённая, покинувшая ради жениха мир живых, мир света, божий мир, и добровольно ушедшая в мир потусторонний.

После выхода в свет произведение, переведенное на многие европейские языки, в короткий срок стало невероятно популярным. Вместе с тем широкую известность получило имя героини баллады, как воплощение образа, постепенно превратившегося в символ.

6.3.2 *Ленор(а)* – феномен русской лингвокультуры XIX в.

На русский язык баллада была переведена В. А. Жуковским и П. А. Катениным и стала предметом литературных споров в России начала XIX в. Исследователь поэтических онимов в литературе и культуре России Б. А. Пеньковский сообщал о существовавшей в первые десятилетия XIX века в литературной и жизненной практике использования исторических, культурных и литературных имён в качестве окказиональных, а затем и постоянных масок как реальных исторических лиц, так и литературных персонажей. Основой такого рода переносов, по мнению учёного, были процессы регулярных семантических преобразований СИ, сущность которых заключается в том, что мифологическое имя (resp. имя исторического лица / культурного героя / литературного персонажа) переносится в иное культурное пространство и либо сохраняет там объём своих значений, либо поднимает их на более высокий уровень обобщения-типизации, а затем, не теряя свое типическое значение, применяется к конкретному лицу в качестве прозвища или антропонимической маски [Пеньковский, 2003, с. 399].

Однако примечательно, что оба переводчика заменили имя центрального персонажа. У Катенина героиня звалась *Ольгой*. В первом переводе В. А. Жуковского (1808) девушка носила имя *Людмила*, и так же называлась сама баллада. Оба переводчика воспользовались методом онимической замены, «когда иноязычное ИС просто заменяется на ИС, взятое из ономастического фонда принимающего языка» [Ермолович, 2004, с. 177].

Для чего Жуковскому понадобилось менять имя героини? Перевод баллады на самом деле был творческим переложением художественной идеи Бюргера. В процессе переноса в культурно-языковую среду России художественная реальность первоисточника претерпела трансформации, необходимые, с точки зрения переводчика, для адаптации к семиотической системе русской культурной реальности (не только чисто языковой, так как этого было бы совершенно недостаточно для передачи главной художественной идеи и всей системы образов). В первую очередь трансформации коснулись ключевого поэтонима,

посредством которого происходило предъявление главной героини в заглавии баллады, формирование её образа, а затем создание поэтонимосферы и всего художественного пространства произведения. Были и другие отступления от оригинала, прежде всего, изменения хронотопа: действие происходило в России XVI века. Перенос действия на российскую почву требовал определённой адаптации образа к российской действительности. А значит, переложение баллады следовало начинать с наречения героини подобающим именем. С другой стороны, наречение героини именем *Людмила* повлекло за собой ограничение инвентаря художественных средств, который не должен был диссонировать, нарушать гармонию целого. По мнению Д. И. Ермоловича, принцип использования онимических ресурсов принимающего языка состоит в том, что «переводчик стремится устранить из текста всё непривычное, ‘задевающее’ своей необычностью, ‘иностранностью’» [Ермолович, 2004, с. 177]. Для подготовки читательского сознания к восприятию образа как ‘своего’, требовалась определённая его модификация. Появление героини предвосхищалось предъявлением ее имени в заглавии, которое является не просто элементом образа, но концентратором его важнейших свойств, его сущности. Решение задачи создания образа, близкого и понятного славянской ментальности, предполагало соответствие его ожидаемому восприятию. Видимо, в системе русских имен антропоним *Людмила* показался поэту наиболее подходящим и по семантико-этимологическим характеристикам (‘милая людям’), и по ‘славянскости’, и по эвфоничности звучания. Образ Людмилы имеет много сходных черт с образом Леноры у Бюргера, но есть и существенная разница: он более лиричен, поэтичен, вызывает сочувствие.

Поэт-переводчик не был удовлетворён результатом своей работы и почти сразу же по окончании первого взялся за новый перевод баллады, который завершил только в 1812 году [Жуковский, 1982, с. 153-160]. На этот раз героиня получает имя *Светлана*. Вместе с именем кардинально меняется и образ девушки: светлый, нежный, позитивный. Трансформируется и сюжет: в отличие от Людмилы, которая наказана за богохульство, Светлана не подчиняется силам зла,

а, спасённая голубем, обретает как награду покой и счастье с милым. Путешествие с мёртвым женихом оказывается ночным кошмаром, и рождественское утро встречает героиню радостным звоном бубенцов и наполненной оптимизмом реальностью. Сказочный финал как нельзя более созвучен сказочному имени героини, определяющему семантику основного мотива: *Светлана* – ‘светлая’ – свет – покой – радость – светлая судьба – светлое праздничное утро – светлая сказка со светлым, счастливым концом. Тем не менее в семантике поэтонима сохраняются ассоциативно-образные связи с поэтонимом в первоисточнике: ИС *Ленора (← Элеонора)* означает ‘яркая’, ‘сияющая’; сияние – это яркий свет, отсюда *Светлана* – ‘светлая, излучающая свет’. Внесённые автором перевода изменения в именование героини, а, соответственно, в заглавие, систему образов и сюжет, не оставили от баллады Бюргера камня на камне. Это по сути совершенно новое произведение, лишь тематически созвучное с оригиналом.

В 1831 году В. А. Жуковский вновь обращается к балладе Бюргера. На этот раз поэт стремится приблизиться к оригиналу, с максимальной точностью передать национальный колорит. Общей цели служит и выбор имени героини – *Ленора* – ведь только оно призвано было передать как характер образа, так и соответствующий дух баллады. Видимо, эти мотивы побудили автора обратиться к передаче поэтонима способом транслитерации.

Наблюдая за сменой поэтонимов в вариантах интерпретации баллады Жуковским, можно видеть, как ИС выступают в качестве носителей, выразителей интеркультурной информации. О популярности рассматриваемого образа в России того времени свидетельствует тот факт, что А. С. Пушкин использовал имя романтической героини в романе «Евгений Онегин». В одной из строф восьмой главы, посвящённых Музе поэта, находим строки, отсылающие нас к тексту баллады: *Как часто ласковая муза / Мне услаждала путь немой / Волшебством тайного рассказа! // Как часто по скалам Кавказа / Она* ***Ленорой****, при луне, / Со мной скакала на коне!* [Пушкин, 1986 II, с. 316]

Поэтическое сравнение музы с девушкой по имени *Ленора* безусловно, не случайно. Это имя-реминисценция ассоциативно связывает два женских образа

столь разных произведений, поскольку за Музой, по мнению А. Б. Пеньковского, недвусмысленно угадывается образ Татьяны. Рассуждая о Музе А.С. Пушкина в связи с онегинской Татьяной и «анти-Татьяной» – Ниной, исследователь пишет: «Итак, М у з а Пушкина – ”ветреная подруга”, ”резвая” и ”резвящаяся”, ”Вакханочка”, отношения с которой могут поэтому рисоваться в откровенно эротических образах. <…> Но она же позднее является ему ”*в саду*” его сельского именья ”*барышней уездной, / С печальной думою в очах, / С французской книжкою в руках*” <…>. А в рамке между этими двумя воплощениями-перевоплощениями пушкинской Музы два других ее мифологических образа: ”*Ленора*”, которая естественно – через ”*Светлану*” – соотносится с ”*уездной барышней*”, и молдавская цыганка, поющая ”*песни степи ей любезной*”, в которой можно, конечно, видеть ”черты патриархальной народности, которые украшают Татьяну”, но можно усматривать и подсказываемый также соображениями симметрии образ ”*вакханочки*” – Земфиры, воплощающей мифологическую **Нину**» [Пеньковский, 2003, с. 83-385]. Предложенный ассоциативный ряд женских антропоэтонимов не бесспорен, однако показательно и интересно соотношение поэтонимов *Ленора* и *Светлана,* которые, без сомнения, отсылают к рассматриваемым произведениям. Возвращаясь к цитате из Пушкина, зададимся вопросом: какой такой Ленорой могла видеться поэту его спутница-вдохновительница? У читателя – современника поэта такой вопрос не возникал, ибо ответ был очевиден. Ленора представляла собой не просто широко известный литературный персонаж, хорошо знакомый читающей публике первой трети XIX века, но являлась элементом литературно-художественного мира, а значит, неотъемлемой частью картины мира образованных людей того времени, составлял часть фоновых знаний коллективного культурного сознания.

Как видим, женский образ с именем *Lenore* / *Ленора* многогранен и неоднозначен. В трёх вариантах переложения бюргеровской баллады на русский язык нам открывается поиск автором форм и средств поэтики для решения определённой художественной задачи, и главная роль в достижении художественной цели принадлежит поэтониму. Вместе с переименованием

героини меняются черты образа, перевоплощение даёт ему новую жизнь, наделяет новыми именами, окружает новыми контекстами.

6.3.3 *Ленор* Эдгара По. Баллада «Lenore» получила популярность не только в Европе, но также в Англии и США. Она была переведена на английский язык В. Скоттом. Считается, что Э. А. По создал романтический образ умершей девушки по имени *Lenore,* вдохновлённый этой балладой. В этом убеждают и тематическое ‘созвучие’ и перекличка сюжетов стихотворения По «Lenore» и баллады Бюргера (скорбь по умершей невесте / мёртвому жениху). Коннотации имени закрепляются ‘шлейфом’ соответствующих ассоциаций.

Этот же образ вновь вызывается появлением поэтонима *Lenore* в поэме «The Raven» («Ворон») (см. [Усова, 2004 (1), с. 2006]).

Реминисценции, связанные с именем Ленор, встречаем у А. Блока. Как уже было показано в главе 4, Блоку свойственны отсылки к его знаменитым предшественникам. В стихотворении «Осенний вечер был…» [Блок, 1981, с. 171], упоминается таинственный образ девушки-музы:

Она – всё та ж: ***Линор*** *безумного Эдгара*.

А. Блок несколько изменяет звучание поэтонима, приближая его таким образом к английскому варианту. Отсылка к Эдгару По так же естественна для поэта «серебряного века», как для Пушкина – к Жуковскому, а для Жуковского – к Бюргеру, поскольку поэзия и сам личность По были настолько популярны у молодёжи начала XX в., что смогли затмить литературный праобраз, который, однако, сохранился в ‘памяти’ поэтонима.

У О. Мандельштама также обнаруживается отсылка к описываемому поэтическому образу: *Я научился вам, блаженные слова: /* ***Ленор,*** *Соломинка, Лигейя, Серафита* [Мандельштам, 1993, с. 174] (см. об этом также п. 5.6.5.1).

В случае с поэтонимом *Lenore* / Ленор(а) мы имеем дело с мигрирующим образом, который может не только существенно меняться, но и зашифровываться, прячась под разными именами, однако, благодаря устойчивым ассоциативно-семантическим языковым и культурным связям сохраняет постоянные черты, оставаясь узнаваемым. Имя же персонажа выполняет либо маскирующую

функцию, либо, напротив, антиципирует содержание произведения с помощью хорошо известного имени-образа.

6.4 Вопросы фонетической адеквации имён в иноязычной культуре

6.4.1 Фонетические предпочтения. Конкретность звуковой оформленности имени в каждом отдельном случае его употребления обусловлена особенностями лингвокультуры, которой принадлежит человек, желающий это имя озвучить. Известно, что каждый язык имеет свою особенную фонетическую систему, тем или иным способом отображающуюся на письме. Этим объясняется тот факт, что одни и те же имена в озвучании представителей разных лингвокультур звучат по-разному, зачастую сохраняя значительную степень сходства, однако нередко изменяясь до неузнаваемости. Классический пример – фонографическая модификация ветхозаветного имени *Iōḥānān / Iĕhōḥānān* в диахронии разных языков, как правило, заимствовавших его через греческую *Ἰωάννης* (*Iōánnēs)* и лат. *Iohannes, Ioannes* форму. Пройдя длительный путь адаптации в национальных лингвокультурах, агионим трансформировался в мужской антропоним: русск. *Ио(г)анн, Иван, Ваня, Ванька, Иванушка, Ивашка*; англ. *John, Johnny*; валлийск. *Evan, Ianto, Ieuan, Ifan, Ioan*; нем. *Johannes, Johann, Hannes, Hans* (см. глава 4).

Что мотивирует носителя языка-реципиента отдавать предпочтение одним формам фиксирования иноязычных имен и отвергать другие? Что означает «Мне нравится *Уильям* Шекспир, а не *Вильям*»? Это может означать личную приверженность определенным принципам передачи имен в иную лингвокультуру, а может – кардинальное изменение основополагающих принципов перевода. Возможно, что в современной речевой практике все больше преобладает принцип сохранения фонетической аутентичности, тогда как прежде доминирующим был принцип транслитерации. Отсюда неосознанное, интуитивное предпочтение одних форм другим, мотивируемое исключительно или по большей части соображениями благозвучности или же субъективно

понимаемой фонетической близостью с онимом исходного языка. С этой точки зрения сочетания [уи], [уо], [уэ] в русском языке действительно представляются более адекватными английским Wi- [wɪ] (*Winston* [ˈwɪnst(ə)n] [БАРС, с. 829]), Wa- [wɔ] (*Warren* [ˈwɔrən] – *Уоррен* [Там же. С. 846], *Walte*r [ˈwɔ(:)ltə] [Там же]), We- [we] (*Wesley* [ˈwezlɪ, ˈweslɪ] – *Уэсли* [Там же. С. 829]), чем [ви], [во / ва], [вэ]. Тенденция к такому предпочтению в озвучании английских имен отразилась в новой экранизации популярных рассказов Конан Дойла о Шерлоке Холмсе А. Кавуна, где фигурирует доктор *Уотсон*, а не более привычный русскому уху *Ватсон*. В то же время ряд английских ИС допускает при передаче в русский два равно возможных варианта, например, *Winchester* [ˈwɪntʃestə] – *Уинчестер, Винчестер* [БАРС, с. 846], *William* [ˈwɪljəm] – *Уильям, Вильям* [Там же. С. 829].

Наряду с этим существуют ИС, при передаче которых в русский язык допустим только вариант с начальной согласной звукобуквой [в], как в топонимах *Вашингтон – Washington* [ˈwɔʃɪŋtən], *Висконсин – Wisconsin* [wɪsˈkɔnsɪn] [Там же. С. 846]. Здесь доминирующим оказывается принцип озвучания «по традиции», когда определенный вариант звучания ИС закреплен традицией длительного употребления в лингвокультуре. В связи с этим представляется вероятным, хотя и не бесспорным, влияние традиции русской речевой культуры, в которой предпочтительнее оказывалось звучание имен с начальным согласным. Так, явное стремление ‘прикрыть’ начальный слог реализуется на практике в образовании гипокористических форм личных антропонимов, начинающихся с гласного: *Иван – Ваня, Евгений – Женя, Александр – Саша, Алексей – Лёша, Анастасия – Настя, Екатерина – Катя, Авдотья – Дуня, Елизавета – Лиза, Антонина – Тоня, Елена – Лена.*

Доминирование фонетической традиции может срабатывать также при переводе на русский язык заглавий книг, фильмов, рекламных слоганов и другой продукции массовой культуры. Так, название известного фильма *«Титаник»* («*Titanic»*), снятого Джеймсом Кэмероном, в англоязычном варианте звучит [taɪˈtænɪk] [АРСОЛ; БАРС, с. 639]. Однако в переводе на русский язык название фильма, в котором показана гибель легендарного лайнера «Титаник», не передает

особенностей англоязычной транскрипции. Происходит это именно потому, что к моменту появления фильма в русском языке уже сложилась традиция использования ИС «*Титаник»* для обозначения печально известного корабля. Таким образом, выбор звуковой формы происходит с нарушением принципа аутентичности в пользу принципа традиционности.

Итак, выбор звучания иноязычного имени и закрепление определенной фонетической формы в речевой практике может быть обусловлен такими мотивами: а) личные предпочтения («Мне нравится *Уинстон*, а не *Винстон*, *Уолтер*, а не *Волтер*»), б) стремление минимизировать адаптацию к языку-реципиенту с целью сохранить аутентичное звучание; в) доминированием традиции в фонетическом оформлении ОЕ.

6.4.2 Актуализация содержательности онима звучанием. В случае с рассмотренным выше ИС *Minne / Minna* конкретизация его значения происходит в контексте и не зависит от фонетических факторов, поскольку оппозиция оним – апеллятив строится исключительно на семантических различиях при полной фонетической идентичности (омофонии). Однако так бывает не всегда.

Показательно имя известного художника эпохи Ренессанса Иеро́нима Босха (лат. *Hieronymus Bosch*), которое он взял себе в качестве псевдонима по финальной части названия своего родного города *Хертогенбоса* (*'s-Hertogenbosch* [ˌsɛrtoːɣə(n)ˈbɔs]). В нидерландском языке оно выглядит на письме *Jheronimus Bosch*, звучит [ˌɦijeˈroːnimʏs ˈbɔs]. В немецком языке такому же звучанию [ɦijeːˈʀoːnimʏs ˈbɔs] соответствует латинское написание *Hieronymus Bosch*. В английской версии написание тождественно немецкому *Hieronymus Bosch*, звучит же как [ˌhaɪəˈrɒnɨməs ˈbɒʃ]. В Испании речь идет о *El Bosco* [bosko] (Museo del Prado, где хранятся некоторые произведения этого мастера. В передаче на русский имя художника звучит как *Иероним Босх.* Такое звучание обусловлено отчасти языковой традицией, отчасти правилами практической транскрипции, в соответствии с которой буквосочетание *sch* с нидерланд. языка передается на русский как *с* + *х.* По правилам средневековой латыни сочетание личного имени в

латинской форме и псевдонима читалось *Хиеронимус Босх*. Эта транслитерированная латинская форма, потерявшая со временем начальный согласный и финальный слог *-us* (*Иероним Босх*) и закрепилась в русском языке.

Теперь обратим внимание на другую известную фамилию, совпадающую в написании латиницей с рассмотренной выше. Имеется в виду фамильный антропоним немецкого изобретателя и основателя одноименной компании-производителя *Роберт Бош* (*Robert Bosch*). Поскольку письменная форма этой фамилии (*Bosch*) и псевдонима художника (*Bosch*) в латинице совпадают, в современной практике имяупотребления нередко происходит путаница и возникает вопрос – как следует озвучивать эти имена, если они одинаковы в написании? Получается, что графическая форма имени не идентифицирует референта до тех пор, пока не будет озвучена. Маркировка распространяемой в торговых сетях продукции фирмы *Bosch,* именно в латинице, стала за последние десятилетия широко известна и в русскоязычном геокультурном пространстве, а по правилам немецко-русской практической транскрипции буквосочетание *sch* пердается как *ш*. В соответствии с правилами, в русском языке (возможно, во избежание смешения) прижилась традиция обозначения нидерландского художника антропонимом *Босх,* а промышленника-изобретателя – фамильным именем *Бош,* как и производного от последнего названия соответствующей фирмы-производителя (эргоним). Во многих европейских языках при одинаковом написании этих ИС значение проясняется только после озвучивания, а оно, соответственно, подсказывается контекстом и коммуникативной ситуацией, в противном случае требуется специальный комментарий.

Таким образом, ИС получает фонетическую интерпретацию и уже через неё наполняется смыслом, обретает конкретное референтное значение.

Выводы к главе 6

1. Комплексный анализ семиотики, семантики и фонетики, а также культурной составляющей рассмотренных ИС выявляет их свойства как носителей и трансляторов интеркультурной информации. Интеркультурность

оним / поэтоним приобретает при попадании в иную лингвокультуру, например, с литературными текстами.

2. Исследование звуковой структуры мифопоэтонимов *Орфей* у М. Цветаевой и *Orpheus* в цикле Р. -М. Рильке показало, что реализация художественных задач посредством мифопоэтонима как ключевого тематического слова происходит на разных уровнях стиховых структур: отмечается появление мифопоэтонима в сильной позиции и других типах выдвижения; употребление поэтонима и его компонентов в позиции словесного и фразового ударения, а также в рифме; всё это обеспечивает семантико-стилистическую выделенность ИС.

3. Как в русской, так и в немецкой поэзии вынесением мифопоэтонима в заглавие создаётся основа для символизации образа и актуализации темы поэта и поэзии, устанавливается связь с культурной памятью читателя, с содержанием последующих стихов, с рефлектирующим авторским сознанием.

4. Употребляемый в стихотворениях М. Цветаевой поэтоним *Орфей* обнаруживает в своей семантике такие компоненты: *Орфей* – мифоперсоним – поэт и певец; поющий Бог; умирающий и воскресающий; божественный; растерзанный, расчленённый; каждый истинный поэт; воплощённая поэзия; сам Рильке. Для Цветаевой характерна персонификация образа, а также прямое отождествление Рильке с поэзией как таковой (использованием апеллятивных номинаций как персонификаций) и с Орфеем. Помимо онимной используются средства непрямой номинации – дескрипции и перифразы.

В числе механизмов встраивания мифопоэтонима в текст обнаруживаются ассонансы и созвучия с гласными поэтонима, аллитерации согласных поэтонима и сочетаний звукобукв *О, Р*. Как средства выдвижения используются анафорическое употребление, акцентное выделение ИС.

5. В цикле немецкого поэта Р. -М. Рильке сонеты, в которые включён мифопоэтоним, характеризуются повышенной частотностью гласного *О*, что обусловливает его доминирующую роль в вокализме стихов. Ударный гласный мифопоэтонима *Orpheus* оказывает влияние на подбор и частотность гласных

окружения, которые, в свою очередь, усиливают звучание доминанты сходным акустическим впечатлением. ИС *Orpheus*, а также компоненты его структуры, рассредоточенные по тексту, служат моментами связности, как фонической, так и смысловой, так что фонетическая составляющая оказывается вовлечённой в процесс передачи плана содержания. Осуществляя связь между различными отрезками произведения, компоненты мифопоэтонима тем самым способствуют объединению их в целое. В цикле используется субституция ИС средствами непрямой номинации (дескрипции, перифразы).

В семантике ИС *Orpheus* поэтического цикла Рильке определяются такие компоненты: мифоперсоним – поэт и певец; поющий Бог; умирающий и воскресающий; божественный; растерзанный, расчленённый; каждый истинный поэт; воплощённая поэзия; Космический порядок, противоположность хаосу.

5. Комплекс средств поэтонимии действует в сочетании с другими стилистическими средствами, на фоне которых определяется значимость проприальной единицы *Орфей* / *Orpheus* как мифопоэтонима и как концептуально значимого образа-символа для обоих поэтов.

6. На примере поэтонима *Lenore / Ленор(а)* установлено, что велика возможность вариативности передачи в иную лингвокультуру имени и образа, даже если перевод осуществляется одним автором. Ограничителями служат, прежде всего, художественные задачи, а также особенности принимающей лингвокультуры. В ходе анализа способов передачи в русский язык поэтонима *Lenore* реконструируется поиск поэтом форм и средств поэтики для решения художественной задачи, в которой главная роль принадлежит поэтониму. Вместе с переименованием героини меняются черты образа; перевоплощение даёт образу новую жизнь в иной культуре, наделяет новыми именами, окружает новыми контекстами.

7. Дальнейшее изучение семантики онимных единиц в поэзии с учётом их фоносемантики, коннотативного и символического значений на фоне культурного контекста и интеркультурности представляется перспективным, поскольку

расширяет наши знания о возможностях и границах трансформации ИС в интеркультурном контексте.

9. Выбор звучания иноязычного имени и закрепление определённой фонетической формы в речевой практике может быть обусловлен такими мотивами: а) личные предпочтения, б) стремление минимизировать адаптацию к языку-реципиенту с целью сохранения аутентичного звучания; в) доминирование традиции в фонетическом оформлении онима.

Иноязычный оним конкретизирует свою содержательность в контексте коммуникативной ситуации, так устраняется амбивалентность ИС.

Материалы главы отражены в основных публикациях: [Усова, 2009(1); 2009(2); 2014(3); 2016(2); 2018(7)].

ГЛАВА 7
ОНОМАСТИКА АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ХРОНИК

7.1 Язык писателя как модель лингвокультуры

Язык писателя, являясь продуктом индивидуального мыслительного процесса, принадлежит в то же время языковой общности и активно участвует в формировании общественного языкового сознания, действуя в синергетическом единстве «с другими детерминирующими и взаимно детерминированными подсистемами человеческого существования» [Селиванова, 2006, с. 150]. Он проявляет себя как средство, благодаря которому индивидуальное авторское сознание соотносится с общеэтническим; являясь одновременно воспринимающим и создающим, оно испытывает влияние ‘взрастившего’ его социокультурного пространства и оказывает ответное влияние. Этот взаимообмен является своеобразной движущей силой, одним их факторов, стимулирующих развитие языка.

По отношению к лингвокультуре язык писателя составляет наиболее репрезентативный материал, т.к. по своей сути является моделью лингвокультуры. Это тем более справедливо, когда речь идет о писателе уровня И. В. Гёте, получившего мировое признание не только как создатель литературных шедевров, но и как учёный и мыслитель, универсальный гений которого достиг определённых высот в разных областях знания. Выдающимся считается вклад Гёте в создание и развитие немецкого литературного языка, а также в разработку гуманистических идей, которым он оставался верен на протяжении всей жизни. Высоко оценивая Гёте как мастера художественного слова, М. М. Бахтин писал: «Одна из вершин вѝдения исторического времени в мировой литературе была достигнута Гёте» [Бахтин, 1986, с. 217]. Обращение к наследию поэта с позиций современности убеждает нас в том, что Гёте всегда актуален, и не только для поклонников его творчества, но и для исследователей, занятых изучением феноменов языка.

Исследование письменных текстов как одной из форм речи на фоне культурного контекста позволяет не только глубже исследовать языковые явления, но лучше узнать и «культурный контекст», хотя невозможно представить себе, как можно одно оторвать от другого. Культурный контекст, или, точнее, континуум культуры (А. Ф. Лосев) неразрывно связан с онимным континуумом, а онимия языка – ‘прорастает в него’. О сложности этой проблемы и связанных с ней вопросах говорилось в главе 1. Не повторяясь, обратим внимание лишь на высказывание А. А. Залевсокой, свидетельствующее об актуальности затронутых проблем: «Контекстом является «фон для идентификации некоторой сущности, а именно – некоторая проекция голограммы образа мира, которая увязывается со словом, имеющим смысл только при наличии такого фона. Мало назвать такой фон «экстралингвистическим знанием», необходимо понять специфику такого знания/переживания – ЖИВОГО ЗНАНИЯ как достояния ЧЕЛОВЕКА, к тому же не просто HOMO LOQUENCE – «человека говорящего», но ИНДИВИДА (как представителя вида и как личности), познающего мир, чувствующего и эмоционально-оценочно помечающего всё воспринятое, в том числе и связанное со словом – важнейшим инструментом познания, общения, адаптации к естественной и социальной среде [Залевская, 2013, с. 9].

Если же рассматривать вопрос с семиотических позиций, то следует согласиться, с тем, что «соотношение этнического сознания, семиотически импринтированного в языке и культуре, и индивидуальных сознаний определяется на основе принципа нелокального поля, разработанного в физике. Этнос создаёт некое социальное поле, заключённое в этносознании и фиксируемое в культуре, а отдельный мозг включён в это поле как приёмник» [Селиванова, 2006, с. 151], по К. Юнгу – «синхроничность, базирующаяся на коллективном бессознательном». Применительно к интересующему нас вопросу это означает, что индивидуальное авторское сознание соотносится с общеэтническим; являясь одновременно воспринимающим и создающим, оно испытывает влияние взрастившего его социокультурного пространства и

оказывает ответное влияние. Этот «взаимообмен» является своеобразной «движущей силой», стимулирующей развитие языка.

Онимия авторских текстов составляет значительную часть словаря писателя. Она ‘погружена’ в семиотическую систему его наследия (образную и знаковую), одновременно является включённой в систему онимного пространства языка и относится к нему как часть к целому. Таким образом, онимия творчества художника является существенной составляющей трёх систем одновременно: языковой системы определенной монокультуры; подсистемы онимного пространства языка и образной системы произведения (цикла/наследия) конкретного автора, т.е. единственного в своём роде мира, созданного сознанием и воображением творческой личности. Рисунок 4 отображает это соотношение языка писателя, в том числе онимных средств, онимного пространства национального языка и лингвокультуры в целом.



Рисунок 4. Положение онимии наследия автора
в онимном пространстве национального языка и лингвокультуре

Изображение должно показать внедрённость «этнического сознания, семиотически импринтированного в языке и культуре», то есть речь идёт не о ‘взаимосвязи’ или ‘взаимозависимости’, а о взаимной принадлежности и неразрывности.

При этом возникает вопрос о полноте включения в лингвистические исследования всей совокупности авторских текстов, а не фрагментарном их изучении. Что касается ономастики, то надо признать, что при существующей тенденции к расширению границ исследований, прежде всего за счёт вовлечения нового материала, всё ещё сохраняются ‘зоны’, не получившие до сих пор должного внимания. Таковыми являются автобиографические хроники мастеров слова, которые, как правило, не включаются в предмет исследования. В отличие от поэтонимии, которая в последнее время активно изучается, внушительный онимный массив АБХ остаётся не описанным. Однако ясно, что онимия АБХ представляет собой совокупность, которая вместе с поэтонимосферой художественных призведений и онимией не-художественных письменных текстов образует целостную авторскую картину мира СИ.

Автобиографические описания не только представляют собой бесценный источник исторических и культурных сведений, но открывают тайны становления чувствующей и воспринимающей личности, формирования индивидуального образа мира через рефлексию автора. Это произведения, культурная значимость которых может быть оценена по достоинству при условии, если этот богатый языковой материал будет всесторонне изучен.

В отличие от поэтонимии, которая в последнее время активно изучается, внушительный онимный масив АБХ остаётся не описанным. Однако ясно, что онимия АБХ представляет собой совокупность, которая вместе с поэтонимосферой художественных призведений и онимией не-художественных письменных текстов образует целостную авторскую картину мира собственных имён. Средства, которые находит талант писателя в языке как инструменте познания и осмысления мира, способы передачи многомерности жизненного

пространства, сложных переплетений общечеловеческого и индивидуально-личностного включают, помимо прочего, множество онимных единиц.

Итак, необходимость включения в предмет лингвистического рассмотрения nomina propria АБХ продиктована тем, что системные типологические исследования ИС творческого наследия автора обязательно должны включать и ‘не-художественные’ тексты, имеющие антропоцентричную направленность и в то же время отображающие реальность определенного культурно-исторического среза. Понимание значения онимов и стоящих за ними смыслов является условием постижения и усвоения ключевых понятий, значимых не только на индивидуально-личностном, но и на кросс-культурном уровне.

Текст автобиографических хроник (АБХ) И. В. Гёте «Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit» («Из моей жизни. Поэзия и правда») служит контекстом для употреблённых в нём собственных имён и предметом лингвистического рассмотрения в данной главе.

7.2 Проблема квалификации онимной лексики специфической жанровой категории автобиографической хроники

Вопрос о квалификации онимов, употреблённых в специфической жанровой категории мемуарной прозы, является определяющим для выбора методов и приёмов исследования. Решение вопроса обусловлено определёнными трудностями, связанными со специфичностью материала исследования, характером и типом повествования. Исходным для преодоления этих трудностей является вопрос: относятся ли мемуарные и автобиографические произведения к художественной литературе? Установление жанровой принадлежности источника материала значимо**,** поскольку имеет прямое отношение к определению статуса рассматриваемых языковых единиц. Таким образом, проблема квалификации исследуемых онимов напрямую связана с вопросом жанра.

Согласно словарю Брокгауза и Ефрона, *мемуарная литература*, мемуары (от фр. *mémoires* – воспоминания) – это «записки современников, повествующие о

событиях, в которых автор мемуаров принимал участие или которые известны ему от очевидцев, и о людях, с которыми автор мемуаров был знаком» [Энциклопедический Словарь…, с. 301]. Важная особенность мемуаров заключается в претензии на достоверность воссоздаваемого прошлого и, соответственно, на документальный характер текста, хотя в действительности не все мемуары являются правдивыми и точными. Мемуары так же значимы с литературной точки зрения, как и с исторической. В них описываемые события перекликаются с перипетиями жизни писателя, изображая широкую панораму современной ему частной и общественной жизни. Мемуары остаются одним из наиболее подвижных жанров с чрезвычайно нечеткими границами. По материалу, степени достоверности они близки к документально-исторической прозе. Но, в отличие от строго научных жанров, один из конструктивных факторов мемуарной литературы – авторская субъективность, предполагающая активное присутствие голоса автора, его индивидуальных оценок и неизбежной пристрастности.

В обиходе мемуары отождествляются с АБХ. Разница состоит в том, что мемуарист пытается осмыслить исторический контекст собственной жизни как часть общего исторического процесса, в автобиографии же упор сделан на внутренней жизни автора и на развитии его личности, а описываемые события преломляются через восприятие автора. С учётом сказанного к жанру мемуаров могут быть отнесены произведения, которые являются «разновидностью документальной литературы и в то же время одним из видов исповедальной прозы (автобиография, исповедь), примыкают к исторической прозе, очерку, биографии» и «относятся к жанрам, пограничным между собственно литературой и бытовыми письмами и дневниками» [ЛиЯ].

Исходя из задачи описания онимной лексики конкретного автобиографического произведения Гёте, в настоящем исследовании принимается решение рассматривать мемуарную и автобиографическую прозу как одну жанровую категорию согласно изложенным выше признакам, и соответствующие определения использовать как синонимы. В данном случае более важным является вопрос об отношении мемуарной/автобиографической прозы, с одной

стороны и литературно-художественных произведений, с другой, поскольку он создаёт основу для определения статуса онимов этой категории текстов.

Своеобразие мемуарной литературы позволяет исследователю с позиций антропоцентризма рассмотреть всю многомерность изображаемого мира сквозь призму индивидуального восприятия, через рефлексии автора. В АБХ, написанных на склоне лет, И. В. Гёте предстаёт как участник или очевидец событий. В суждениях и оценках человеческий фактор проявляется наиболее обнажённо, и в этом как раз и состоит необыкновенная привлекательность исследований подобных текстов, хотя такие особенности и создают наивысшие сложности при анализе языковых средств (Г. В. Колшанский). Именно по отношению к автобиографическим произведениям представляется справедливым мнение: «Может быть, наивысшая ступень проявления человеческого фактора в языке обнаруживается тогда, когда предметом высказываний является сам автор речи, и все оценочные моменты, следовательно, становятся вдвойне авторскими. Субъективный момент в этом случае как бы удваивается» [Колшанский, 2005, с. 87]. Текст АБХ содержит личные впечатления и переживания, воспоминания о людях, с которыми так или иначе соприкасался автор в разные периоды своего детства и молодости, описания мест, свидетельства современников, их умонастроения, – всё то, что создает портрет эпохи. Он включает массив онимной лексики, употребленной в разнообразных значениях и функциях. Здесь фигурируют наименования реально существовавших объектов и явлений действительности, географических реалий: населённых пунктов, архитектурных сооружений, стран, водоемов и т.д., обозначения событий разной степени важности, номинации книг, картин, скульптур, предметов быта и материальной культуры, каждый из которых занимает определённое место и наполнен своим собственным содержанием.

На основании сказанного очевидным становится принципиальное отличие АБХ от жанра художественной прозы и, соответственно, отличие употреблённых в автобиографии онимов от литературных или художественных. Особенность онимии хроникально-мемуарных текстов состоит в том, что она обозначает не

вымышленные образы, а реальные объекты окружающего мира, хотя и своеобразно преломлённые авторской рефлексией. И если поэтонимы – это онимы в текстах литературно-художественных произведений, и главное их отличие от реальных онимов состоит в характере денотата (референта), которыми являются вымышленные сущности, [Калинкин, 2006], то онимы АБХ ближе к реальной онимии. Отсюда следует, что большинство употреблённых в текстах АБХ нельзя считать поэтонимами**,** так как по своим качествам эти единицы не равнозначны им. Поэтонимами считаются лиш именования персонажей литературных призведений, встречающиеся в АБХ.

С другой стороны, нельзя не замечать отличие содержания онимов АБХ от реальной онимии, несмотря на совпадение их фонографических форм. Поэтому, как вариант, не претендующий на бесспорность, но, наиболее отвечающий характеру содержания предмета обсуждения, для обозначения этих онимов был предложен термин *рефлектоним*[67] [Усова, 2013(2)].

Кроме того, специфика онимов АБХ состоит и в особенностях их функционирования. Как следует из обработки онимного материала, помимо чисто номинативной и характеризующей функции, рефлектонимы выполняют ряд других, среди которых важнейшими являются следующие:

1) рефлектонимы выступают в роли актуализаторов культурной памяти социума, способствуя фиксации (а также экспликации) в национальном сознании событий, связанных с деятельностью известных исторических личностей;

2) рефлектонимы, именующие знаменитых людей описываемой эпохи, служат созданию дополнительной достоверности и аутентичности излагаемой информации из общего прошлого опыта.

Указанные свойства делают онимную лексику АБХ значимой конституирующей частью автобиографического произведения.

[67] От термина ‘рефлексия’.

7.3 Проблема метода. Стратификация онимного массива

В исследовании онимных единиц применяются различные методы и способы обработки материала (см. Глава 2, а также Введение). Для систематизации всей совокупности онимного материала может быть использован метод стратификации, предполагающий установку на следующие моменты:

– генеральная совокупность состоит из *N* элементов;

– генеральная совокупность разветвлена на ряд групп, называемых стратами или слоями;

– каждый элемент совокупности принадлежит одной и только одной страте;

– известно количество наблюдений внутри каждой страты, выражаемое формулой: $N_1 + N_2 + N_3 + N_4 + \ldots\ldots\ldots + N_n$.

Применение этого метода обеспечивает последовательность этапов изучения предмета, каждый из которых относительно самостоятелен; для описания больших совокупностей качественно неоднородных предметов его эффективность может быть достаточно высокой:

1) Если неоднородную совокупность удаётся подразделить на подсовокупности, каждая из которых внутренне однородна, то и получаются «слои», или страты.

2) Если необходимо /желательно получить с определенной точностью данные о некоторых подразделениях (неоднородной) совокупности, то каждое такое ‘подразделение’ рекомендуется рассматривать на правах самостоятельной совокупности.

3) Применение расслоения обеспечивает проведение обследования какой-либо части совокупности.

4) Расслоение может дать положительный эффект в виде точности при оценивании характеристик всей совокупности. Если каждый слой достаточно однороден, то можно получить точную оценку среднего для любого слоя по небольшой выборке в этом слое. Затем эти оценки можно объединить в одну точную оценку для всей совокупности.

В АБХ фигурируют наименования реально существовавших в описываемую эпоху объектов и явлений действительности, географических реалий (населённых пунктов, архитектурных сооружений, стран, водоёмов, городских районов, территорий), обозначения событий разной степени важности (войны, коронации, общенародные и семейные праздники), номинации предметов быта и материальной культуры, каждый из которых занимает определённое место и наполнен своим собственным содержанием, имена людей, знаменитых и малоизвестных и т. д. Следовательно, онимия АБХ представляет собой неоднородную совокупность единиц, относящихся к различным типам (разрядам) ИС. Вся эта многочисленная неоднородная совокупность может быть подразделена на меньшие совокупности, например, на основе принципа, положенного в основу деления онимной лексики на разряды. В таблицу 14 представлен далеко не полный перечень полученных таким образом групп.

Таблица 14. Типы собственных имён (рефлектонимов) АБХ И. В. Гёте

Тип онима	**примеры**
антропонимы	*Tante Melber, Brüder von Ochsenstein, Madame Fleischer*
космонимы	*Jupiter, Sonne, Mond, Saturn, Mars, Zeichen der Jungfrau*
астионимы	*Frankfurt am Main/ Frankfurt, Leipzig, Rom, Paris, Madrid*
урбанонимы	*Petersplatz, Friedberger, Roßmarkt, Marktplatz, Piazza del Popolo*
идеонимы	*Testament, „Herr und Diener“, "Robinson Crusoe", Eulenspiegel"*
хоронимы	*Italien, Frankreich, Sachsen, Preußen, Österreich, Griechen*
геортонимы	*Weihnachtsabend, Pfingsten, Mariä Geburt, Walpurgisnacht*
гидронимы	*Main, Rhein*
годонимы	*Hirschgraben, Hasengasse, Fahrgasse, Eschenheimer Gasse*
документонимы	*Goldne Bulle,Gottfrieds „Chronik“*
ойкодомонимы	*Sachsenhausen, Katharinenpforte, Christmarkt, das Coliseo*
оронимы	*Feldberg, Kaisersberg*
экклезионимы	*Liebfrauenkirche, St.-Katharinen-Kirche, Peterskirche*
историонимы	*Karl Friedrich von Moser, Rudolf von Habsburg, Karl der Große*
хрононимы	*Schlacht bei Dettingen, der Sieg bei Lowositz, der Aachner Friede*
экклезионимы	*Liebfrauenkirche, Peterskirche, St.-Katharinen-Kirche*
поэтонимы	*Alerte, Troja, das Trojanische Reich, Robinson Crusoe*
мифонимы	*Achill, Paradiese, König David, Hektor, Narziß*

Очевидно, что каждая из обозначенных групп не является однородной. Одни из них могут быть разделены, в свою очередь, на совокупности, другие – входят в более многочисленные совокупности (например, хоронимы, астионимы, годонимы, ойконимы, гидронимы – в совокупность топонимов). Систематизируя

все совокупности рефлектонимов по методу стратификации, получим страты в первом уровне как промежуточный результат. Такая стратификация в виде схемы изображена на рисунке 5. Ввиду ограниченности демонстрационных возможностей формата диссертации, невозможно отобразить на рисунке полный состав всех возможных совокупностей. Задача данной иллюстрации – продемонстрировать принцип стратификации.

Стратификация онимов (рефлектонимов) АБХ И. В. Гёте

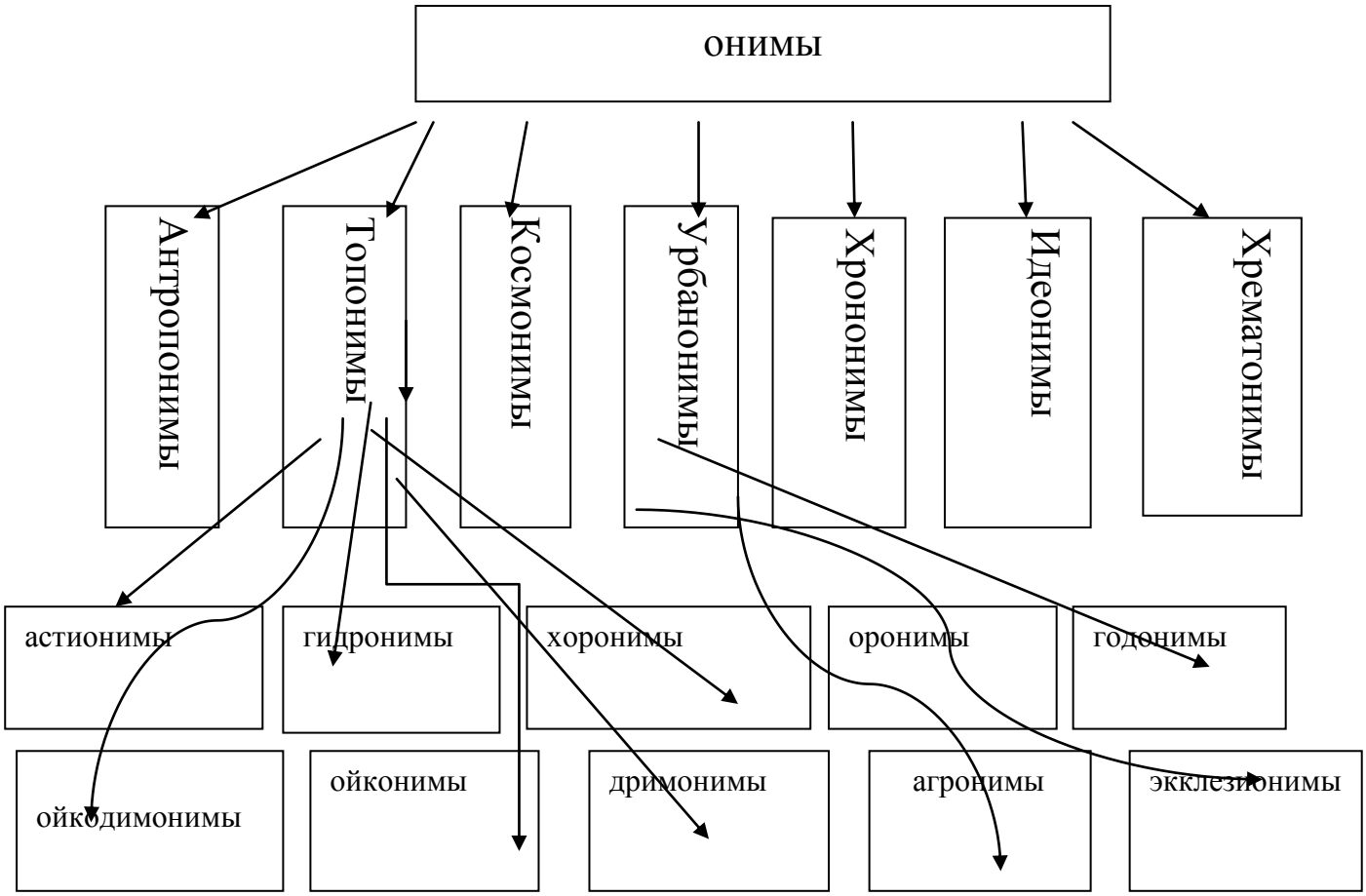


Рисунок 5. Стратификация онимов АБХ Гёте

Положительным моментом такого метода является открытость стратификации: каждая страта может быть дополнена новыми элементами совокупности, при этом не нарушается стройность и упорядоченность внутри страт и между стратами.

На следующем этапе исследования детально рассматривается одна из выделенных страт, которая также может ‘расслаиваться’, например, в

совокупности топонимов могут в результате стратификации выделиться астионимы, ойконимы, гидронимы, оронимы.

7.4 Антропонимы АБХ Гёте

Остановимся на совокупности антропонимов. Ключевым моментом в отборе единиц для совокупности *рефлектонимов-антропонимов* является наличие в семантике онима компонента ‘человек’, ‘человеческое существо’, независимо от пола, социального положенння, этнической принадлежности и проч. референта. Наличие этого признака является достаточным для причисления онима к страте, внутри которой по семантическому признаку вычленяются соответстенно подсовокупности, (группы) антропонимичесих единиц.

В структурно-семантическом отношении используемые в АБХ антропонимы представляют собой различные именные формы:

личное имя: *Cornelia, Pylades, Sokrates*;

фамильное имя: *Melber, Gellert, von Uffenbach*;

полная именная формула (фамилия +(двойное) имя): *Johann Wolfgang Textor*;

прозвище: *Horn, drei Hasen;*

титульное имя+ фамильное имя: *Graf Thoranc;*

именная формула должность + фамильное имя: *Hofrat Böhme, Pfarrer Starck;*

этикетная формула с фамильным именем: *Madame Fleischer, Tante Melber,*

гипокористическая и уменьшительно-ласкательная форма личного имени: *Ännchen, Gretchen, Hörnchen*.

Применяя метод стратификации, получим ‘расслоение’ страты антропонимов на более однородные совокупности, как показано на рисунке 6. В свою очередь каждая страта антропонимов может быть описана отдельно более подробно.

Полученные группы, в свою очередь, могут быть разложены на более однородные совокупности, как это показано на примере страты антропонимов семейного круга (рисунок 6) .

Стратификация антропонимов АБХ И. В. Гёте

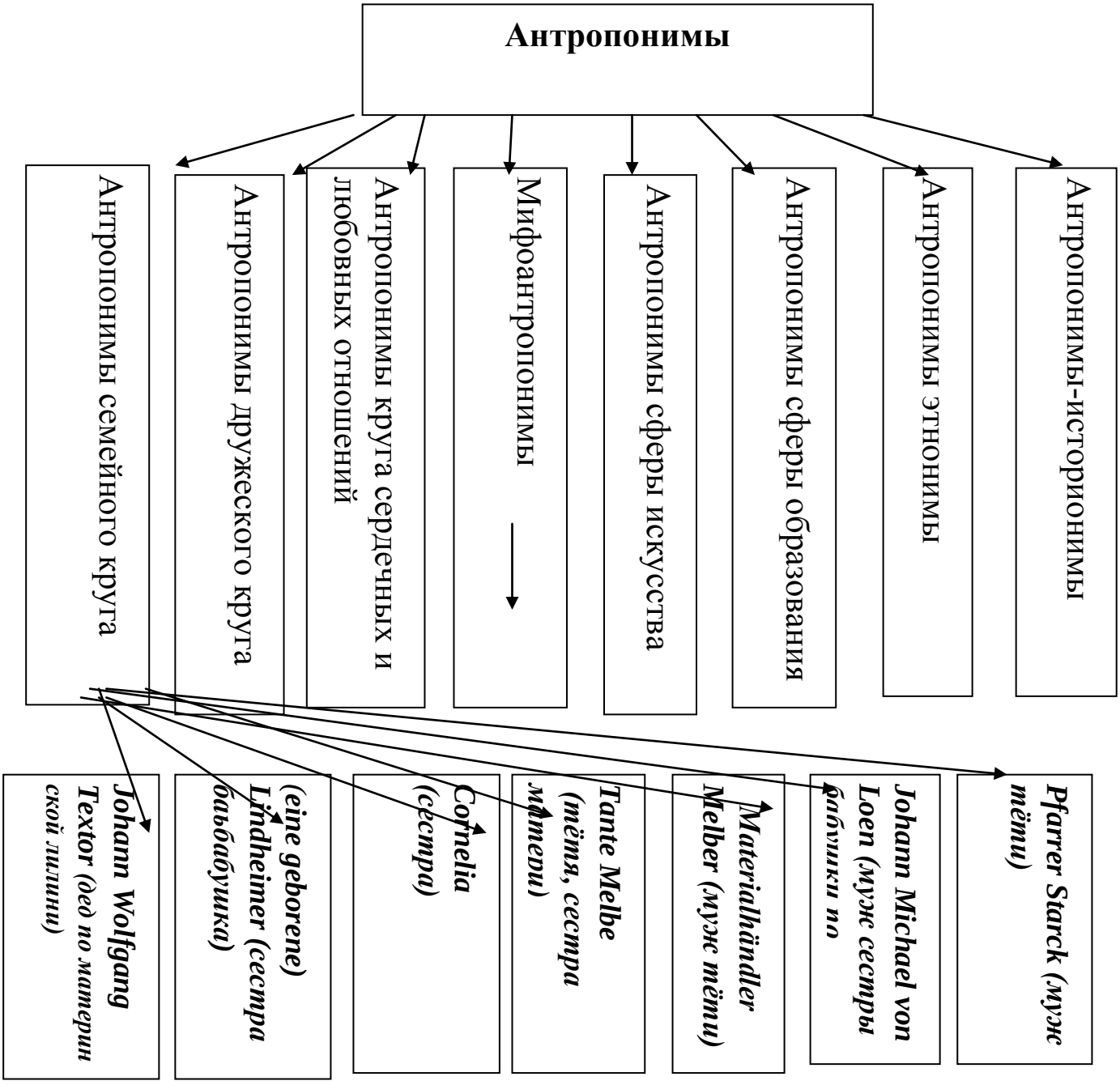


Рисунок 6. Стратификация на примере страты антропонимов АБХ Гёте

Итак, внутри страты антропонимов (антропорефлектонимов) были установлены следующие группы:

1. Антропонимы семейного круга И . В. Гёте (‘die Meinigen’). В эту группу включены антропонимы, референтами которых являются упоминаемые в тексте АБХ члены его семи, близкие родственники, например: *Johann Wolfgang Textor*

(дед по материнской линии), *(eine geborene) Lindheimer* (сестра бабушки по материнской линии), *Cornelia* (родная сестра Иоганна Вольфганга)и др.

2. Антропонимы дружеского круга включают имена, фамилии, прозвища друзей, приятелей, сверстников И. В. Гёте, например: *Pylades, Johann Georg Schlosser, Griesbach, Horn (Hörnchen), Brüder von Ochsenstein.*

3. Антропонимы дружеского круга семи включают имена ‘взрослых’ референтов из ближайшего окружения родителей Гёте, например: *Rat Schneidr, von Uffenbach*; *Baron von Häckel, Doktor Orth, Johann Philipp Fresenius, Johann Philipp Fresenius, von Malapart.*

4. Антропонимы круга сердечних и любовних отношений обозначают девушек, с которыми Гёте связывали близкие отношения : *Gretchen, Ännchen*. Характерно, что они именуются исключительно мелиоративной гипокористической формулой онимов.

5. В группу антропонимы-историонимы входят именования исторических зичностей, упоминаемых в АБХ, например: *Karl der Große, Rudolf von Habsburg, Günther von Schwarzburg, Franz der Erste, Maria Theresia, Herzog von Osuna.*

6. Группа антропонимов ‘образовательной’ сферы включает имена учителей, преподавателей : учитель рисования *Adam Friedrich Oese, Gellert,* учитель истории и литературы, профессора *Winckler, Morus,* придворный советник, учитель Иоганна Вольфганга *Hofrat Böhme, Giovinazzi* – специалист по итальянскому языку.

7. Антропонимы сферы искусства включают в себя подгруппы ИС (рефлектонимов) художников, литераторов, писателей, причём их референтами являются как современники Гёте, так и люди искусства из прошлых времён, например: *Tasso, Giovanni Batista Piranesi, Rembrandt;* современники *Hirt, Trautmann, Schütz, Junckern, Seekatz, Brinckmann.*

8. Группа антропоэтонимов включает имена персонажей литературных произведений, упоминаемых в АБХ: *Hektor, Homer, Crusoe, vier Haimonskinder*..

9. Группу рефлектонимов- мифоантропонимов составляют ИС мифических героев, персонежей библейских историй: *König David; Achill, Hektor, Narziß.*

7.5 Топонимы АБХ И. В. Гёте

Основой структурирования текста АБХ Гёте является хронотоп (М. Бахтин), выполняющий роль исторических пространственно-временных координат. Эксплицитно выраженными маркерами таких координат выступают имена с национально-культурным компонентом семантики. Наличие обширного спектра ассоциативно-культурных коннотаций в семантической структуре рефлектонимов АБХ, соединяющего в единое целое многоплановую информацию о референте, позволяет применить метафорическое выражение «имя есть свёрнутый текст» в качестве характеризующего термина. И если ИС понимается как свернутый текст, то, следовательно, совокупность ИС АБХ можно рассматривать как сжатое отображение синхронического среза истории Германии эпохи Гёте. Исходя из понимания ИС как свёрнутого текста, оказалось возможным эксплицировать данные, имплицитно представленные в ряде фрагментов текста АБХ с включёнными в них ИС. Установлено, что содержание определённого исторического фрагмента раскрывается в полной мере лишь при условии рассмотрения характеристик функционирующих в нём онимов (рефлектонимов).

В текстах АБХ были выявлены ИС, коррелирующие с фактами немецкой культуры изображаемой эпохи. Характеристика данных рефлектонимов включает в себя: а) указание разряда; б) основное направление развёртывания коннотативной семантики онима; в) указание прототипа (референта); г) лингвокультурологический комментарий.

Пример 1. *Frankfurt am Main/ Frankfurt (Франкфурт на Майне/Франкфурт).* Астионим. Бывшая столица Восточно-франкской империи, затем свободный город и крепость: *Am 28. August 1749, mittags mit dem Glockenschlage zwölf, kam ich in Frankfurt am Main auf die Welt* . (Книга первая). *Sie traf in Aschaffenburg ein und bestieg eine Jacht, um sich nach Frankfurt zu begeben*. (Книга пятая).

Пример 2. *Leipzig (Лейпциг)*. Астионим. Крупнейший город земли Саксония в Германии, во времена Гёте один из центров просвещения и науки, известный

своим университетом: *Da mir alle Hoffnung nach Göttingen abgeschnitten war, wendete ich nun meinen Blick nach Leipzig* . (Книга шестая).

Пример 3. *Preußen (Пруссия).* Хороним. *Und so war ich denn auch preußisch oder, um richtiger zu reden, fritzisch gesinnt: denn was ging uns Preußen an*. (Книга вторая).

Пример 4. *Sachsenhausen.* Городской хороним (Ойкодомоним). Собственное имя части территории города: *Er war durch Sachsenhausen, über die Brücke, die Fahrgasse, sodann die Zeile hinunter gegangen, und wendete sich nach der innern Stadt durch die Katharinenpforte, ein ehmaliges Tor und seit Erweiterung der Stadt ein offner Durchgang*. (Книга пятая).

Эта же схема может быть применена и к ИС других типов, например, антропонимам (антропорефлектонимам).

Пример 5. *Johann Wolfgang Textor (Иоганн Вольфганг Текстор).* Антропоэтоним. *Трёхкомпонентное.* Дед Иоганна Вольфганга фон Гёте по материнской линии, советник при городском управлении Франкфурта на Майне: . *Dieser Umstand, welcher die Meinigen in große Not versetzt hatte, gereichte jedoch meinen Mitbürgern zum Vorteil, indem mein Großvater, der Schultheiß Johann Wolfgang Textor, daher Anlaß nahm, daß ein Geburtshelfer angestellt, und der Hebammenunterricht eingeführt oder erneuert wurde;…*

Таким образом описанный массив ИС АБХ позволяет представить через многообразие референтной и коннотативной (исторической и культурной) семантики всей совокупности онимов картину мира конкретного исторического среза, отражённую рефлектирующим сознанием И. В. Гёте.

Анализ топонимов (топорефлектонимов) АБХ показывает, что вся совокупность употреблённых географических названий – как микро-, так и макротопонимов (астионимы, хоронимы, ойкодомонимы, гидронимы и др.) обладает исторической коннотацией. При этом часть названий оказывается напрямую связанной с одним или несколькими историческими событиями, например:

*Besitznahme von **Dresden**, die anfängliche Mäßigung des Königs, die zwar langsamen aber sichern Fortschritte, der Sieg bei **Lowositz**, die Gefangennehmung der Sachsen waren für unsere Partei ebenso viele Triumphe.*

С другой стороны, топорефлектонимы могут сигнализировать определённое отношение к обсуждаемому предмету, но в то же время характеризуя говорящего. Так, следующий пример сообщает отношение восхищения отца И. В. Гёте культурно значимыми городами, но в то же время передаёт ироничный оттенок:

*Ferner erzählte er mir, daß ich nach **Wetzlar** und **Regensburg**, nicht weniger nach **Wien** und von da nach **Italien** gehen sollte; ob er gleich wiederholt behauptete, man müsse **Paris** voraus sehen, weil man aus **Italien** kommend sich an nichts mehr ergetze.*

Структурные модели топорефлектонимов АБХ разнообразны, – от однословных до апеллятивно-онимных комплексов, состоящих из нескольких компонентов, ИН и ИС с зависимыми словами, например:

ойкодомоним *das Coliseo* – однословная простая лексема;

ойкодомонимы *Sachsenhausen, Engelsburg, Allerheiligenpforte* – композиты;

микротопоним *die Burg Kaiser Karls des Großen und seiner Nachfolger* – генитивное апеллятивно-онимное словосочетание;

двусловные ойконимы – *Alt Bamberg*.

Безусловно, структурные типы рефлектонимов сориентированы на реальный онимикон немецкого языка и свойственные ему формально-структурные закономерности.

Многочленность топорефлектонимов, а также хрононимов и историонимов в текстах АБХ обусловлена, как представляется, стремлением автора к исторической точности, предполагающей установление основных координат события – временных, пространственных, в отдельных случаях субъективную оценку или характеристику события. Характерны отонимные аттрибутивы (*der Aachner Friede),* предложные словосочетания (*Erdbeben von Lissabon*). Особенности структуры хрематонимов обусловливаются спецификой самого акта номинации: названия таких объектов, как и сами эти объекты, являются

продуктом индивидуального творчества, что определяет крайнюю неоднородность морфологического и компонентного состава данного разряда проприальной лексики (*Kaisertreppe, Kaisersaal; Rheinwein*). Многочисленную группу рефлектонимов образуют идеонимы: названия литературных произведений *der "Eulenspiegel", "Die schöne Melusine", „Der Kaiser Oktavian“, "Neuen Sammlung der merkwürdigsten Reisegeschichten", "Homers Beschreibung der Eroberung des Trojanischen Reichs",* песен *"Solitario bosco ombroso"* и т. д.

Особого внимания требуют употреблённые в АБХ наименования, связанные с традициями и обычаями германии того времени, описываемые Гёте, например, *Nürnberger Postwagen, Pfeifergericht.* Обозначая атрибуты традиционного праздничного ритуала, они являются маркерами культурно обусловленных феноменов и могут быть определены как *традиционимы.*

Материалы главы отражены в публикациях: [Усова, 2013(2); 2018(1);].

Выводы к Главе 7

1. Язык писателя, в том числе его онимная составляющая, являясь составной частью лингвокультуры, составляет наиболее репрезентативный лингвистический материал, являясь по своей сути моделью лингвокультуры.

2. Автобиографические хроники не являются художественными произведениями, а онимы в них – ввиду их природы – не могут считаться поэтонимами, поскольку их референты, в отличие от онимов художественной литературы, – не вымышленные образы и персонажи, а реальные личности и объекты мира, преломлённые авторской рефлексией.

3. Онимия автобиографических хроник представляет собой совокупность, которая вместе с поэтонимосферой художественных призведений образует целостную авторскую картину мира собственных имен, однако качественно отличается от поэтонимии. Онимный материал из автобиографических и мемуарных произведений, составляющих важную часть творческого наследия писателя, должен быть включён в ономастические исследования.

Функции рефлектонимов расшрены за счётследующих: 1) рефлектонимы являются актуализаторамив культурной памяти социума, способствуя фиксации (а также экспликации) в национальном сознании событий, связанных с деятельностью известных исторических личностей; 2) рефлектонимы служат созданию дополнительной достоверности и аутентичности информации из общего прошлого опыта.

4. Онимия АБХ представляет собой неоднородную совокупность единиц, относящихся к различным типам (разрядам) ИС. Учитывая большой массив онимной лексики АБХ и её разнородность, целесообразно в исследовании онимного материала АБХ применять, наряду с методиками описания, интерпретации, структурно-семантического анализа метод стратификации совокупностей онимных единиц, позволяющий получать достаточно точные результаты. С помощью метода стратификации достигается ‘расслоение’ больших совокупностей онимов на страты более однородных совокупностей, что, в силу сложности и неоднородности предмета исследования, должно дать эффективные результаты. Положительным моментом такого метода является открытость стратификации, означающая, что каждая страта может быть дополнена новыми элементами совокупности без нарушения упорядоченности внутри страт и между стратами.

5. Применением на практике описанного метода получены стратификации онимов (рефлектонимов) АБХ. Внутри страты выделены 9 семантических групп, каждая из них может быть разложена дальше на ещё более однородные совокупности.

6. Предложена схема описания рефлектонимов, включающая лингвокультурологический комментарий и отнесённость к реальному прототипу, которая может быть положена в основу при разработке онимографического словаря писателя.

7. Комплексный анализ всей совокупности рефлектонимов позволяет реконструировать целостную картину фрагмента немецкой истории. При этом связующими элементами в структурно-семантической целостности АБХ служат

тематические, содержательные, хронологические, коннотативные, ассоциативные и другие связи, создающиеся между ИС. Репрезентативность ИС АБХ Гёте вместе с особенностями их употребления характеризует неотъемлемые качества человеческого общества, где всё значимое для человека получает собственные имена.

8. Изучение онимного массива АБХ И. В. Гёте находится в начале, работа в этом направлении должна быть продолжена. Исследования такого рода особенно перспективны для лингвокультурной ономастики и лингвоперсонологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Предложенный в диссертации взгляд результирует заключение о возможности объединения разных подходов в лингвокультурологическом исследовании феномена ИС на основе междисциплинарности и подтверждает необходимость выработки всеобщей методологии. Вместе с тем разрабатываемая методология в силу своей сложности требует объединения усилий многих учёных.

2. Применяемый для исследования ИС как в синхронии, так и в диахронии многоаспектный анализ позволил всесторонне осветить сферы и возможности функционирования ИС, раскрыть механизмы взаимодействия их с другими феноменами языка и культуры, а также рассмотреть онимы в динамике.

3. Получены дополнения к знаниям о феномене имени в онтогенезе на основе осмысления и обобщения разрозненных сведений, расширяющие научное знание о природе имён как неотъемлемом элементе культуры любой цивилизации. Представленная совокупность знаний о возникновении языка, мышления и речи в антропогенезе как о важнейших факторах формирования человека говорит в пользу гипотезы о звукоонтологической природе имени, связанной со свойствами архаического мышления.

4. На основе имманентных именам признаков, предопределяющих стилистически релевантную содержательность звучания потенциальных поэтонимов, и вычленяемых из лексико-семантического, фономорфемного и фонетического аспектов, составлена классификация онимов (соответствует специальностям 10.02.01 и 10.02.04). Звучание онима как последовательности звукобукв приобретает смысл лишь в контексте.

5. Существование ИС в определённой лингвокультуре характеризуется эволюцией содержательной наполненности онима, его понятийного и информативного потенциала, как правило, в направлении обогащения и расширения. Исторически ИС подвергается существенным изменениям как в части грамматики или фономорфемики, так и в его содержательной структуре.

Перемены ведут к полной или частичной трансформации семантики, что выражается в коннотонимизации, деонимизации, трансонимизации, поэтонимизации, представляющих собой сложные, взаимопересекающиеся, не всегда последовательные процессы. Нюансы смыслового наполнения ИС реализуются, проявляясь в условиях конкретной ситуации, и становятся релевантными исключительно на фоне культурного контекста. То же касается и возникновения коннотаций, способных через механизмы имяобразования, имятворчества, посредством регулирования имяупотребления формировать установку субъективного отношения к нелингвальным фактам культуры.

6. Установлены механизмы преобразований онимов в динамике их функционирования в лингвокультуре, основные из них: коннотонимизация, трансонимизация, деонимизация, поэтонимизация (соответствует специальностям 10.02.01 и 10.02.04). Трансформации ИС в ходе исторического развития обусловлены интралингвальными, интерлингвальными и экстралингвальными причинами. Они сопряжены с диахроническими и синхроническими процессами в языке в целом и с культурно-историческими событиями, переживаемыми языковым сообществом, имеют непрерывный характер и происходят на фоне более масштабных перемен, часто параллельно или вместе с ними. В связи с этим предложено и обосновано введение в метаязык ономастики термина *континуальность онима* как характеристики, отражающей внешние и внутренние изменения онима, связанные с его функционированием в лингвокультуре. Эта характеристика выводится из нестатичной природы nomen proprium, обусловленной его двойственной сущностью и предопределенной подвижной границей между языком и культурой. С континуальностью соотносится ряд терминов и понятий, необходимых для адекватного отображения специфических параметров ИС, основными из них являются *амбивалентность, онимный континуум, локус онима*.

7. Выявлены способы интеграции поэтонимов в звуковой строй, систему образов и художественных средств произведения как целого; установлены механизмы включения онимных единиц в формирование структурного и

содержательного уровня поэтических текстов разных языков – русского (соответствует специальности 10.02.01), языков германской группы (соответствует специальности 10.02.04). Исследования звуковой стороны поэтонимов, нацеленные на поиски закономерностей их функционирования, в соединении с анализом самого произведения как целостности, дают новые сведения о взаимодействии звука и смысла ОЕ с разными уровнями текстовых структур и с культурным контекстом. Многоаспектный анализ лингвистического материала демонстрирует, каким образом ИС, помещенное в ХТ, превращается в компонент произведения в ряду других составляющих, с которыми взаимодействует на разных уровнях, семантизируется, наполняется специфическим художественным содержанием. Первоначальная семантика ИС нередко трансформируется за счет актуализации ранее скрытых сем, что является следствием соединения свойств как самого имени, так и контекстуальных условий.

8. Выявлены разнообразные механизмы интеграции фонетики и графики поэтонимов, в том числе на просодическом и фоносемантическом уровне. Характерным проявлением фоноэмы является актуализация вокализма либо консонантизма поэтонимов, а также сочетание того и другого. С другой стороны, своеобразие звуковой и ритмической упорядоченности ПТ способно предвосхищать появление определённой проприальной единицы. Онимная рифма, ассонансы и аллитерации, повторяющие звуки поэтонима, – средства поэтики, благодаря которым поэтоним становится выдвинутым, эстетически действенным элементом ПТ. Комплекс средств создает звукосмысловые ассоциативные связи и способствует экспликации коннотативной семантики.

9. Ряд поэтических произведений обнаруживает зависимость композиционной, ритмико-интонационной, звуковой организации, а также структуры художественного образа от характера звучания и смысла поэтонимов. Там, где поэтоним является особенно значимым, он отмечен комплексом фонетических средств, зачастую связанных со смыслом. В таких случаях правомерно утверждение, что звучание поэтонима эксплицирует его способность

к расширению семантических и образных возможностей.

10. Интра- и интеркультурный анализ поэтонимов доказывает значимость их не только в параметрах произведения, но и в формировании картины мира коллективного культурного сознания. Отдельные поэтонимы обнаруживают свойства проводников интеркультурного обмена эстетически значимой информацией (Ленора/).

11. Раскрыт деривационный потенциал ИС на основе изучения их синхронного и диахронного функционирования в лингвокультуре (соответствует специальностям 10.02.01 и 10.02.04). Рассмотрение деривационных отношений с точки зрения ономастики позволяет не только эксплицировать формально выраженные отношения, но и вскрыть семантические ‘слои’ вновь образованных лексем. В ходе синхронно-диахронного исследования изменений ЛА *Johannes* / *Han(ne)s*, установлено, что исторически антропонимикон расширялся за счет образования новых единиц именования путем морфонологической модификации уже существующих ЛА. Детально исследованные ИС выявляют активность как мотиваторы словообразовательных процессов. Семантическая транспарентность, легкая комбинируемость, способность к окказиональной деривации, метафоричность, общеизвестность – качества, предопределяющие внутреннюю динамику онима и позволяющие функциональное разнообразие использования онима.

12. Особенности употребления проприальных единиц в не-художественном контенте (в тексте АБХ) репрезентирует языковую личность как носителя определённой лингвокультуры и транслятора соответствующих культурных смыслов. Качество, состав и репрезентативность ИС АБХ Гёте, как и особенности их использования, дают историко-культурные сведения об описанной эпохе, а также о личности И. В. Гёте, об устройства общества и системе ценностей; характеризуют неотъемлемые качества человеческого общества, где всё значимое для человека получает собственные имена.

Перспективы

В рамках проблем, обозначенных в диссертационном исследовании, возникают новые научные задачи, ждущие своего разрешения в ономастике. Рассмотрение языка как конститутивного фактора культуры требует более пристального обращения к вопросу функционирования онимного массива в языке писателя как модели лингвокультуры.

Затронутый в исследовании вопрос о фоносимволических особенностях ИС может служить отправной точкой для дальнейших сравнительно-типологических исследований фоносемантики онимов. Изучение вопроса о фоносимволических и фоносемантических особенностях ИС может найти продолжение в дальнейших исследованиях поэтических и прозаических художественных и не-художественных текстов, а также в сравнительно-типологических исследованиях.

Осмысление ИС как знака и слова требует постижения всех содержательных нюансов его внутренней формы, возможно. Перспективы связаны также с изучением композиционной семантики языковых единиц немецкого языка, произведённых на основе онимной словообразовательной базы, в т.ч. композитов с идиоматическим значением. В дальнейшем это даст возможность понять природу отношений между процессами словопроизводства, спецификой ментальной системы языкового сообщества и культурно обусловленными принципами мировосприятия.

Отдельного исследования заслуживает изучение антропонимов в историко-культурном и социокультурном аспекте.

Необходима систематизация метаязыка ономастической науки путём отбора терминов в словарь, с целью формирования базовой терминологии и установления в дальнейшем переводных словарных соответствий.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АБХ – автобиографическая хроника

БС – базовое существительное

ИН – имя нарицательное

ИС – имя собственное

ЛЕ – лексическая единица

ЛА – личный антропоним

ЛГ – лабиализованный гласный

ЛИ – личное имя

МИ – мотивирующее имя

МПО – маргинальная позиция онима

ОЕ – онимная единица

ОК – онимный континуум

ПТ – поэтический текст

СИ – собственные имена

СНЯ – современный немецкий язык

ХТ – художественный текст

Gen. – генитивная форма

L – локус онима

nom. pr. – nomen proprium

←, → – знак направления производности

***** – реконструированная единица

? – спорный / сомнительный случай

↔ – знак взаимозависимости, обоюдной обусловленности

\+ – знак добавления (компонента)

\+ (в таблице) – знак наличия

Ø – нулевой аффикс

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Собрание сочинений. София-Логос. Словарь / С. С. Аверинцев; ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. – Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. – 912 с. – ISBN 966-7888-84-3 (Собрание сочинений); – ISBN 966-378-008-8 (София-Логос. Словарь).

2. Агапкина Т. А. Этнографические связи календарных песен: Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян / Т. А. Агапкина. – Москва: Индрик, 2000. – 334 с. – (Традиционная духовная культура славян: Современные исследования / РАН, Ин-т славяноведения). – ISBN 5-85759-108-2

3. Аксаков И. С. Федор Иванович Тютчев / И. С. Аксаков. – URL: http://tutchev.lit-info.ru/ tutchev/ about/aksakov-tyutchev/tyutchev.html (дата обращения: 17.04.10).

4. Актуальные вопросы русской ономастики / Одесский гос. ун-т им. И. М. Мечникова; отв. ред. Ю. А. Карпенко. – Киев: УМК ВО, 1988. – 258 с.

5. Алефиренко Н. Ф. Семантика языкового знака в дискурсивно-когнитивном освещении / Н. Ф. Алефиренко // Новое в науке о языке. – Воронеж: Известия ВГПУ, 2006 – С. 3-7.

6. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики: Монография / Н. Ф. Алефиренко. – Москва: Гнозис, 2005. – 326 с. – ISBN 5-7333-0164-3.

7. Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 15-26.

8. Альтман М. С. К вопросу о родовых пережитках у саяно-алтайцев / М. С. Альтман // Советская этнография. – 1937. – № 2-3. – С. 126-128.

9. Альтман М. С. Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера / М. С. Альтман. – Москва-Ленинград: ОГИЗ, 1936. – 164 с.

10. Андроников И. Л. Лермонтов. Исследования и находки. Изд. 4-е. – Москва: Худож. лит., 1977. – 647 с.

11. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – Москва: Наука, 1974. – 367 с.

12. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-67.

13. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск : Литература, 1998. – 1392 с. (Классическая философская мысль); – ISBN 985-437-401-7.

14. Аристотель. Об искусстве поэзии // Хрестоматия по теории литературы / сост. Л. Н. Осьмакова. – Москва: Просвещение, 1982. – С. 80-88.

15. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. (Лингвистическое наследие XX века). – 452 с. – ISBN 978-5-39-704445-5.

16. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) / И. В. Арнольд. – Ленинград: Просвещение, 1981. – 295 с.

17. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции / Н. Д. Арутюнова // Новое зарубежной лингвистике. Вып.XIII. Логика и лингвистика. (Проблемы референции). – Москва: «Радуга», 1982. – С.5–38.

18. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова; отв. ред. Г. В. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1988. – 338 с.

19. Ахманова О. С. Лингвистическое значение и его разновидности / О. С. Ахманова // Структура текста: сб. науч. трудов / отв. ред. Т. В. Цивьян. – Москва: Наука, 1980. – С. 110-113.

20. Багирова Е. П. Эволюция антропонимикона в текстах разных редакций романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Багирова Елена Петровна ; ТюмГУ. – Тюмень, 2004. – 23 с.

21. Бардакова В. В. Прецедентные имена собственные в произведениях детской литературы / В. В. Бардакова // Ономастика в кругу гуманитарных наук: междунар. науч. конф.: материалы. – Екатеринбург, 2005. – С. 146-148.

22. Басыров Ш. Р. Отзоонимные глаголы в разноструктурных языках / Ш. Р. Басыров // Расширяя границы лингвистики : Сборник в честь 70-летия профессора В. Д. Калиущенко. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2016. – С. 43-53.

23. Бахтин М. М. Время и пространство в произведениях Гёте / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – Москва: Искусство, 1986. – С. 216-249.

24. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – Москва: Худож. лит., 1975. – С. 234-407.

25. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – Москва: Искусство, 1986. – 445 с.

26. Белицкая Е. Н. Собственное имя: рефлексы мифологического и узуального в восприятии и функционировании / Е. Н. Белицкая // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Донецк, 2004. – Вып. 9. – С. 423-433.

27. Белый А. Проблемы творчества / А. Белый // Статьи. Воспоминания. Публикации. – Москва: Советский писатель, 1988. – 830 с.

28. Белый А. Символизм как миропонимание (мыслители XX века) / А. Белый. – Москва: Республика, 1994. – 528 с. – ISBN 5-250-02224-3.

29. Беляев А. Н. Формирование и развитие топонимической системы немецкого языка: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.04 / Беляев Андрей Николаевич; науч. конс. Р. З. Мурясов; БашГУ. – Уфа, 2016. – 426 с.

30. Березович Е. Л. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки / Е. Л. Березович // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2001(1). – Т. 60, № 6. – С. 34-46. – ISBN 0321-1711.

31. Березович Е. Л. К построению комплексной модели топонимической семантики / Е. Л. Березович // Известия Уральского гос. университета. – 2001(2). – № 20. – С. 5-13. – URL: http://hdl.handle.net/10995/23756.

32. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры / Т. А. Бернштам; АН СССР ; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Ленинград: Наука, 1988. – 274 с.

33. Блауберг И. В. Целостность / И. В. Блауберг, Б. Г. Юдин // Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – Москва, 1978. – Т. 28. – С. 480.

34. Бледнова О. Г. Из истории развития германских личных имен в древненемецком антропонимиконе / О. Г. Бледнова // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. – 2010. – № 13 (200). – Ч. II. – С. 37-45.

35. Блинова Ю. А. Прецедентные имена в немецком газетном дискурсе: автореф. дис. …канд. филол. наук: 10.02.04 / Блинова Юлия Анатольевна; Самарский университет. – Самара, 2007. – 22 с.

36. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – Москва: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.; Т. 2. – 391 с.

37. Бонгард-Левин Г. М. Индия в древности / Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. – Москва: Наука, 1985. – 780 с.

38. Бондалетов В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – Москва: Просвещение, 1983. – 224 с.

39. Бромберже К. К. К антропологическому анализу антропонимов / К. К. Бромберже // Вопросы ономастики. – 2012. – № 1. – С. 116-146.

40. Буевская М. В. Поэтонимосфера художественного произведения: лингвальные и экстралингвальные аспекты исследования: дис. … канд. филол. наук: 10.02.15 / Буевская Марина Владимировна; науч. рук. В. М. Калинкин ; ДонНУ. – Донецк, 2011. – 250 л.

41. Булгаков С. Философия имени / С. Булгаков. – Санкт-Петербург: Наука, 1998. – 448 с.

42. Буркова Т. А. Функционально-стилистическое варьирование антропонимов в немецком языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.04 / Буркова Татьяна Александровна; БашГУ. – Уфа – 2010. – 29 с.

43. Бурцев В. А. Собственные имена в тексте и дискурсе / В. А. Бурцев // Европейские языки: историография, теория, история. Межвузовский сборник научных трудов. – Елец, 2007. – Вып. 6. – С. 5-15.

44. Буштян Л. М. Словообразовательная основа ономастической коннотации / Л. М. Буштян // Актуальные вопросы русской ономастики / ред. Ю. А. Карпенко. – Киев: УМК ВО, 1988. – С. 22-29.

45. Быкова О. И. Образная составляющая как релевантный признак этноконнотата / О. И. Быкова // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2005. – № 1. – С. 34-40.

46. Варламова Г. И. Имя и наречение именем в эвенкийском эпосе / Г. И. Варламова // Эвенкийский эпос в начале третьего тысячелетия: сб. науч. тр. / ред. Г. В. Быкова, Г. И. Варламова. – Благовещенск, 2010. – Вып. 3. – С. 65-71.

47. Васильева Н.В. Имя и безымянность (по текстам Милана Кундеры) / Н. В. Васильева // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: Междунар. ономастич. конф.: тезисы. – Москва: РАН. Институт славяноведения, 2001. – Ч. 2. – С. 157-160.

48. Вашунин В. С. Разработка проблем композитообразования немецкого языка в зарубежной германистике / В. С. Вашунин // Проблемы словообразовательной и семантической структуры слова в германо-романских языках. – Горький, 1981. – С. 3-7.

49. Вежбицкая А. Семантические универсалии и «примитивное мышление» / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание. – Москва: Русские словари, 1996. – С. 291-325. ISBN ISBN 5-89216-002-5

50. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; пер. с англ. / ред. М. А. Кронгауз. – Москва: Рус. словари, 1996. – 412 с. – ISBN 5-89216-002-5.

51. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва: Русский язык, 1980. – 320 с.

52. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов // Проблемы русской стилистики. – Москва: Высш. школа, 1981. – С. 20-171.

53. Виноградов В. В. Вопросы образования русского национального литературного языка / В. В. Виноградов // ВЯ. – 1956 – № 1. – С. 3-25.

54. Вомперский В. П. Риторики в России XVII-XVIII в. в. / В. П. Вомперский; отв ред. Н. И. Толстой. – Москва: Наука, 1988. – 180 с.

55. Воронин Д. И. Когнитивно-языковое бессознательное и образ мира (к вопросу о принципах построения картины мира в языке) / Д. И. Воронин //

Слово. Символ. Текст: сб. науч. тр., посв. 80-летию проф. М.А. Карпенко / ред. Е. С. Снитко, Л. П. Дядечко. – Киев, 2006. – С. 27-44. ISBN 966-8906-05-5.

56. Воронин С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1982. – 244 с.

57. Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании / С. В. Воронин. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1990. – 200 с.

58. Воронюк О. В. Паронимическая аттракция в заголовке текстов англоязычной массовой коммуникации: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Воронюк Ольга Васильевна ; науч. рук. Колегаева И. М. ; Одесский гос. ун-т им. И. И. Мечникова. – Одесса, 1998. – 190 с.

59. Востоков Б. И. О значении слова / Б. И. Востоков // Структура текста: сб. науч. тр. / ред. Т. В. Цивьян. – Москва: Наука, 1980. – С. 114-121.

60. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка / Л. С. Выготский. – Москва: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1956. – 517 с.

61. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 4: Детская психология / Л. С. Выготский; ред. А. В. Запорожец, Д. Б. Эльконин. – Москва: Педагогика, 1984. — 432 с.

62. Вялышев А. Шум вокруг нас / А. Вялышев // Наука и жизнь. – 2006. – № 4. – С. 34-42.

63. Гавриш Е. А. Просодическая обусловленность модификаций смычных согласных в немецких текстах / Е. А. Гавриш // Взаимодействие сегментного состава и просодии текста. – Киев: КГПИИЯ, 1986. – С. 38-46.

64. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва: Наука, 1981. – 139 с.

65. Гарвалик М. К вопросу о современной ономастической терминологии / М. Гарвалик // Вопросы ономастики – 2007. № 4. – с. 5-13.

66. Гаспаров М. Л. Античная риторика как система / М. Л. Гаспаров // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. – Москва: Наука, 1991. – С. 27-59.

67. Гаспаров М. Л. Современный русский стих: Метрика и ритмика / М. Л. Гаспаров. – Москва: Наука, 1974. – 488 с.

68. Гаспаров М. Л. Тарановский – стиховед / М. Л. Гаспаров // Тарановский К. О поэзии и поэтике – Москва: Языки русской культуры. – 2000. – С. 417-419.

69. Гендлер И. В. Символический характер мифонимов в русской антологической поэзии / И. В. Гендлер // Ономастика Поволжья: IX Междунар. конф.: тезисы. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 222-224.

70. Гёте И. В. Оправдание замысла / И. В. Гёте // Избранные философские произведения. – Москва: Наука, 1964. – С. 68-69.

71. Гиршман М. М. Литературное произведение: теория художественной целостности / М. М. Гиршман. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 528 с.

72. Глинских Г. В. Топонимическая система и структурно-семантические признаки исходных апеллятивов / Г. В. Глинских // Формирование и развитие топонимии: сб. науч. трудов. – Свердловск, 1987. – С. 29-43.

73. Говердовский В. И. Аффиксальная экспликация мелиоративной и пейоративной коннотаций в немецком и русском языках / В. И. Говердовский // Коннотативные аспекты семантики в немецкой лексике и фразеологии. – Калинин: Калининский гос. университет, 1987. – С.44-51.

74. Говердовский В. И. Диалектика коннотации и денотации В. И. Говердовский // Вопросы языкознания. – 1985. – №2. – С. 71-78.

75. Голев Н. Д. Деривационное функционирование слова как предмет деривационной лексикологии / Н. Д. Голев. – URL: http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z92.html (дата обращения 24.07.12).

76. Голев Н. Д. Мотивационные типы отономастических образований в художественной литературе и публицистике / Н. Д. Голев // Вопросы ономастики. – Свердловск, 1991. – Вып. 19: Номинация в ономастике. – С. 51-60.

77. Головина Л. С. Русская ономастика в лингвокультурологической репрезентации для иноязычного адресата: Монография. / Л. С. Головина. – Псков : Псковский гос. университет, 2012. – 222 с. – ISBN 978-5-91116-199-6.

78. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике: монография / М. В. Голомидова. – Екатеринбург : изд-во УрГУ, 1998. – 232 с. – ISBN 5-7186-0338-3.

79. Горбань В. В. Компонентный синтез имени собственного в поэтическом тексте / В. В. Горбань, Н. Г. Иванова // Питання сучасної ономастики. Статті та тези VII Всеукраїнської ономастичної конференції (1-3 жовтня 1997 р.). – С. 35.

80. Горнакова Л. Ю. Фонетический потенциал собственного имени в художественном тексте / Л. Ю. Горнакова // Филология и человек: науч. журнал. – Барнаул, 2010. – № 1. – С. 112-116.

81. Грановская Р. М. Механизмы психологической защиты у взрослых / Р. М. Грановская // Психология сознания / сост. Л. В. Куликов. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 258-266.

82. Греймас А. -Ж. Структурная семантика: Поиск метода / Пер. с фр. Л. Зиминой. – Москва: Академический проект, 2004. – 368 с. – («Концепции»). - ISBN 5-8291-0440-7.

83. Григорьев В. П. Ономастика Велимира Хлебникова (индивидуальная поэтическая норма) / В. П. Григорьев // Ономастика и норма. – Москва: Наука, 1976. – С. 181-200.

84. Григорьев В. П. Поэт и слово. Опыт словаря / В. П. Григорьев. – Москва: Наука, 1973. – 456 с.

85. Григорьев В. П. Поэтика слова / В. П. Григорьев. – Москва: Наука, 1979. – 343 с.

86. Гудий К. А. Сопоставительный анализ стратегий и приемов перевода ономастических реалий (на материале русского и французского языков): дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Гудий Кристина Александровна; науч. рук Н. П. Анисимова; ФГБОУ ВО «ТвГУ». – Тверь, 2015. – 191 с.

87. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – Москва: Прогресс, 1984. – 400 с. (Языковеды мира).

88. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода (Извлечения) / В. Гумбольдт //

Хрестоматия по истории языкознания XIX – XX веков / сост. В. А. Звегинцев. – Москва: Учпедгиз, 1956. – С. 68-86.

89. Гумилёв Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории / Л. Н. Гумилёв. – Москва: ООО «Издательство В. Шевчук», 2000. – 336 с. - ISBN 5-94232-006-3.

90. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – 2-е изд. – Москва: Искусство, 1984. – 350 с.

91. Дворжецкая М. П. Сегментная и просодическая специфика ключевых слов текста / М. П. Дворжецкая // Взаимодействие сегментного состава и просодии текста. – Киев, 1986. – С. 5-13.

92. Джанджакова Е. В. О поэтике заглавий / Е. В. Джанджакова // Лингвистика и поэтика. – Москва: Наука, 1979. – С. 207-213.

93. Дионисий Галикарнасский. О соединении слов / Дионисий Галикарнасский // Античные риторики / под ред. А. О. Тахо-Годи. – Москва: Изд-во МГУ, 1978. – С. 167-221.

94. Дмитриева М. Н. Семантика и ассоциативный потенциал наименований православных праздников в современном русском языке: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Дмитриева Мария Николаевна; науч. рук. Д. А. Щукина; ФГБУВПО СПГУ. – Санкт-Петербург, 2016. – 196 с.

95. Елизаренкова Т. Я. О древнеиндийской Ушас (Uṣas) и её балтийском соответствии (Ūsiņš) / Т. Я. Елизаренкова, В. Н. Топоров // Индия в древности. – Москва: Наука, 1964. – С. 66-84.

96. Евдошенко А. П. Предпосылки системно-антропологического исследования антропонимии / А. П. Евдошенко // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. – Москва : Наука, 1970. – С. 57-62.

97. Елистратова К. А. Ономастикон поэтического дискурса Веры Полозковой: лингвосемиотический аспект : дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Елистратова Ксения Александровна ; науч. рук. С. Ю. Лаврова ; ФГБУВПО ЧГУ. – Череповец, 2015. – 169 с.

98. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур:

заимствование и передача имен собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода: с прил. правил практ. транскр. имен / Д. И. Ермолович. – Москва: Р. Валент, 2001. – 200 с. – ISBN 5-93439-046-5.

99. Ермолович Д. И. Основания переводоведческой ономастики: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.20 / Ермолович Дмитрий Иванович; МГЛУ. – Москва, 2004. – 371 с.

100. Есперсен О. Имена собственные. // Есперсен О. Философия грамматики. – Москва: Иностр. литература, 1958. – С. 70–77.

101. Жапова Д. Н.-Д. Антропонимы как этноисторическое явление / Д. Н.-Д. Жапова // Бытие и язык. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2004. – С. 216-219.

102. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин; Акад. наук. СССР; Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1982. – 159 с.

103. Жирмунский В. М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков / В. М. Жирмунский. – Москва; Ленинград: Наука, 1964. – 316 с.

104. Жирмунский В. М. О границах слова / В. М. Жирмунский // Вопросы языкознания. – 1961. – № 3. – С. 3-21.

105. Жирмунский В. М. Теория стиха / В. М. Жирмунский. – Ленинград: Сов. писатель, 1975. – 664 с.

106. Журавлев А. П. Типы значения слова и их мотивированность / А. П. Журавлев // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград, 1976. – С. 20-25.

107. Журавлев А. П. Фонетическое значение / А. П. Журавлев. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1974. – 160 с.

108. Журавлев А. Ф. Несколько славяно-неславянских культурных и языковых встреч (1. Троян. 2. ‘Сорок’. 3. Русск. диал. Оплетаи) / А. Ф. Журавлев // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурном аспекте / ред. Г. П. Нещименко; РАН, Науч. совет по истории мировой культуры, Ин-т славяноведения. – Москва: Наука, 2002. – С. 253-261.

109. Зайцева К. Б. Английская стилистическая ономастика: тексты лекций /

К. Б. Зайцева. – Одесса, 1973. – 67 с.

110. Залевская А. А. Значение слова и живой поликодовый гипертекст / А. А. Залевская. – Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 1 (17). – С. 8–19.

111. Залевская А. А. Разные ракурсы проблемы взаимодействия языка и культуры / А. А. Залевская, С.И. Тогоева // Функционирование языка в социуме, тексте, индивидуальном сознании: коллективная монография / под общ. ред. А. А. Залевской. – Тверь: Твер. Гос. ун-т, 2018. – С.89-106.

112. Зарипова В. М. Номинация лиц в языке газеты: монография / В. М. Зарипова. – Самара: Изд-во СГАУ, 2016. – 180 с. – ISBN 978-5-7883-1065-7.

113. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин; пер. с нем.; примеч. Т. А. Бернштам и др.; АН СССР; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва: Наука, 1991. – 507 с.

114. Зарубежные исследования по семиотике фольклора: сб. ст. / сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов; пер. Т. В. Цивьян. – Москва: Наука, 1985. – 516 с.

115. Зиндер Л. Р. Несколько слов о межуровневых дисциплинах / Л. Р. Зиндер // Вопросы языкознания. – 1989. – № 3. – С. 5–7.

116. Зоз Е. А. Роль ритма в создании целостности поэтического произведения / Е. А. Зоз // Пространственно-временная и ритмическая организация текста. – Москва: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1986. – С. 123-138.

117. Зубкова Л. И. Коннотация диалектности у антропонимов и ее национально-культурное своеобразие (по произведениям писателей-«деревенщиков») / Л. И. Зубкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 5. – С. 97-100.

118. Зубкова Л. Г. Сегментная организация слова / Л. Г. Зубкова. – Москва: УДН, 1977. – 93 с.

119. Зубкова Л. И. Своеобразие и типы антропонимической коннотации / Л. И. Зубкова // Филологические науки. – 2009. – № 1. – С. 65-73.

120. Иванов В. В. Древнеиндийский миф об установлении имён и его параллель в греческой традиции / В. В. Иванов // Индия в древности: сб. ст.; под ред.

акад. В. В. Струве. – Москва: Наука, 1964. – С. 85-94.

121. Иванов В. В. Об анаграммах Ф. де Соссюра / В. В. Иванов // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. – Москва: Прогресс, 1977. – С. 635-638.

122. Иванов В. В. Исследования в области славянских древностей / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – Москва: Наука, 1974. – 338 с.

123. Иванова А. М. Сравнительно-сопоставительный анализ охранительных имён в тюркских языках / А. М. Иванова, Г. Ф. Хазиева-Демирбаш // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3-х ч. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 5(71). – Ч. 3. – С. 87-90.

124. Иванова Н. И. Текстообразующая функция вариативных способов именования персонажей (на материале произведений В. Аксенова) / Н. И. Иванова // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Донецк: Донеччина, 2000. – Вып.6. – С. 165-174.

125. Ильяш М. И. «Фамильные» каламбуры / М. И. Ильяш // Актуальные вопросы русской ономастики; ред. Ю. А. Карпенко – Киев: УМК ВО, 1988. – С. 134-141.

126. Индивидуально-художественный стиль и его исследование / ред. В. А. Кухаренко. – Киев-Одесса : Вища школа, 1980. – 168 с.

127. Какзанова Е. М. Имя собственное в термине: монография / Е. М. Какзанова. – Москва: Галлея-Принт, 2015. – 291 с. – ISBN 978-5-906693-45-7.

128. Какзанова Е. М. Лингвокогнитивные и культурологические особенности научного дискурса (на материале математических и медицинских терминов-эпонимов): автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.21 / Какзанова Евгения Михайловна ; ИЯз РАН. – Москва – 2011. – 46 с.

129. Калакуцкая Л. П. Имена собственные в орфографическом словаре русского языка и других лингвистических словарях / Л. П. Калакуцкая // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 59-75.

130. Калинкин В. М. «Вольтер». Материалы к словарной статье / В. М. Калинкин // Филологические исследования. – Донецк, 2004. – Вып. VII. – С. 184-211.

131. Калинкин В. М. Голос имени / В. М. Калинкин // Слово и мысль. Вестник Донецкого отделения Петровской Академии Наук и Искусств: Санкт-Петербург, Россия; Донецк, Украина: Сб. науч. тр. Гуманитарные науки. – Донецк, 1999 (1). – Вып. 1. – С. 78-98.

132. Калинкин В. М. К вопросу об оппозициях в поэтонимосфере художественного произведения / В. М. Калинкин // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии : сборник к 80-л. проф. О. Е. Ольшанского / ред. В. А. Глущенко. – Славянск, 2001. – Ч. I. – С. 93-97.

133. Калинкин В. М. От литературной ономастики к поэтонимологии / В. М. Калинкин // Λογος όνομαστική: науч. журнал. – 2006. – № 1. – С. 81-89.

134. Калинкин В. М. Попытка вы-чтения поэтики онимов из «поэзии собственных имен» / В. М. Калинкин // В пространстве филологии. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд », 2002 (1). – С. 230-240.

135. Калинкин В. М. Поэтика онима // В. М. Калинкин. – Донецк: Юго-Восток, 1999(2). – 408 с. – ISBN 966-7239-76-4.

136. Калинкин В. М. Поэтика собственных имен в произведениях романтического направления: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Калинкин Валерий Михайлович ; науч. рук. Е. С. Отин; ДонГУ. – Донецк, 1987. – 24 с.

137. Калинкин В. М. Поэтонимология: из заметок о метаязыке науки / В. М. Калинкин // Λογος όνομαστική: науч. журнал. – 2008. – № 2. – С. 96-101.

138. Калинкин В. М. Тайный смысл их царственных имён / В. М. Калинкин // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Донецк, 2002 (2). – Вып. 8. – С. 3-19.

139. Калінкін В. М. Теоретичні основи поетичної ономастики: дис. … д-ра філол. наук: 10.02.15; 10.02.01 / Калінкін Валерій Михайлович ; науч. конс. Є. С. Отін; ДонНУ. – Донецьк, 2000. – 454 с.

140. Калинкин В. М. Этюды о поэтике онимов в творчестве О. Мандельштама. 1. «Звуковая плоть» и «духовная сущность» / В. М. Калинкин // Материалы юбилейной конф., посв. 60-летию филологич. факультета ВГУ. Вып. 1. Языкознание. – Воронеж, 2002 (3). – С. 54-60.

141. Калинкин, В. М. Этюды о поэтике онимов в творчестве О. Мандельштама. IV Aeterna Urbs и Третий Рим / В. М. Калинкин // Филологические исследования.– Донецк, 2002 (4). – Вып. V. – С. 78-97.

142. Калиущенко В. Д. От лингвистической типологии к исторической лингвистике: Избранные труды // В. Д. Калиущенко / ред. Л. Н. Ягупова. – Донецк: ДонНУ, 2017. – 277 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 12).

143. Канна В. Ю. Структура, функции и лексикография коннотативной топонимии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.15 / Канна Виктория Юрьевна ; науч. рук. В. М, Калинкин. – Донецк, 2009. – 250 с.

144. Кантемир А. Д. Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских / А. Д. Кантемир // Собрание стихотворений. – Ленинград: Советский писатель, 1956. – С. 407-428. (Библиотека поэта; Большая серия).

145. Карасик В. И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей / В. И. Карасик, 2012. – URL : http://journals.uspu.ru/attachments/article/105/PL_2012_1_5.pdf (дата обращения: 15.05.2019).

146. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / – В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. – ISBN 5-88234-552-2.

147. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. Изд. 7-е. – Москва: Издательство ЛКИ, 2010. –264 с. – ISBN 978-5-382-01071-7.

148. Карпенко О. Ю. Про літературну ономастику та її функціональне навантаження / О. Ю. Карпенко // Записки з ономастики: зб. наук. пр. – Одеса: Астропринт, 2000. – Вип. 4. – С. 68-74.

149. Карпенко О. Ю. Когнітивна ономастика як напрямок пізнання власних назв: автореф. дис... д-ра філол. наук: 10.02.15 / Карпенко Олена Юріївна; наук. конс. І. М. Колегаєва. – Київ, 2006. – 33 с.

150. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. 34-40.

151. Карпенко Ю. О. Онімізація і трансонімізація як словотвірний акт /

Ю. О. Карпенко // Шоста республіканська ономастична конференція: тези доповідей і повідомлень. – Одеса, 1990. – Ч. 1. Теоретична і історична ономастика. Літературна ономастика. – С. 35-37.

152. Карпенко Ю. О. Синхронічна сутність лексико-семантичного способу словотвору / Ю. А. Карпенко // Мовознавство. – 1992. – № 4. – С. 3-10.

153. Карпенко Ю. А. Современное развитие русской ономастической системы / Ю. А. Карпенко // Актуальные вопросы русской ономастики / ред. Ю. А. Карпенко. – Киев: УМК ВО, 1988. – С. 5-14.

154. Карпенко Ю. А. Специфика имени собственного в языке и речи / Ю. А. Карпенко // Літературна ономастика: зб. ст. – Одеса: Астропринт, 2008. – С. 221-235. – ISBN 978-966-318-883-7.

155. Карпова Т. А. Звукотерапия / Т. А. Карпова. – URL: http://health2000.agava.ru/know/zvukoter.htm (дата обращения: 15.01.2014)

156. Кибальник С. А. О «Риторике» Феофана Прокоповича / С. А. Кибальник. – URL: http://lib.pushkin-skijdom.ru/Portals/3/PDF/XVIII /14_tom_XVIII/Kibalnik/Kibalnik.pdf. (дата обращения: 18.03.2016).

157. Кисель О. В. Коннотативные аспекты семантики личных имен: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Кисель Олеся Владимировна ; науч. рук. Е. Н. Азначеева; ЧелГУ. – Челябинск, 2009. – 24 с.

158. Ковалёв Г. Ф. История русских этнических названий / Г. Ф. Ковалёв. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982. – 160 с.

159. Ковалёв Г. Ф. Ономастические этюды: писатель и имя: монография / Г. Ф. Ковалёв. – Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2001. – 275 с.

160. Ковалёв Г. Ф. Писатель и имя. Аспекты изучения собственных имен в художественных произведениях / Г. Ф. Ковалёв // Традиційне й нове у вивченні власних імен: Міжнар. ономастичній конф.: доповідь. – Горлівка: Видавництво ГДПІІМ, 2005. – 24 с.

161. Ковалёв Н. С. Концептуализация антропонимов в художественном тексте как метод их лингвокогнитивного исследования / Н. С. Ковалёв // Ономастика Поволжья: IX Междунар. конф.: тезисы. – Волгоград, 2002. – С. 48-53.

162. Колоколова Л. И. Антропонимическая лексика в художественной прозе Л. Толстого // Вісник київського університету: Українська філологія. – Киев: Вища школа, 1979. – Вип. 21. – С. 75-81.

163. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский; отв. ред. А. М. Шахнарович. – 2-е изд., доп. – Москва: Едиториал УРСС, 2005. – 128 с. (Лингвистическое наследие XX века.). – ISBN 5-02-010976-2.

164. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – Москва: Наука, 1975. – 232 с.

165. Комарова З. И. Термины-эпонимы в лингвокультурологическом освещении / З. И. Комарова // Политическая лингвистика. – 2016. – № 1(55). – С. 200-204.

166. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н. Г. Комлев. – Москва: Изд-во Московского университета, 1969. – 192 с.

167. Кондратьева Т. Н. Метаморфозы собственного имени: опыт словаря / Т. Н. Кондратьева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983. – 110 с.

168. Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе / Т. Н. Кондратьева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. – 247 с.

169. Коннотативные аспекты семантики в немецкой лексике и фразеологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: Е. В. Розен (отв. ред.) и др. ; Калинин. гос. ун-т. – Калинин : КГУ, 1987. – 139 с.

170. Косиченко Е. Ф. Опыт классификации художественных онимов / Л. Ф. Косиченко // Вестник МГЛУ. – 2015. – Вып. 19 (730). – С. 206-216.

171. Косиченко Е. Ф. Лингвосемиотическая концепция ономастикона (на материале художественных текстов) : дис. … докт. филол. наук : 10.02.19 / Косиченко Елена Фёдоровна; науч. конс. Л. А. Ноздрина ; ФГБОУ ВО МГЛУ. – Москва, 2017. – 379 с.

172. Кравченко Э. А. Интратекстуальный аспект поэтонимии / Э. А. Кравченко // Проблеми загальної, германської, романської та слов’янської стилістики: в 2-х т. Т. 2: Мова та стиль художнього твору : ІІ міжнар. наук.-практ. конф.: матеріали. – Горлівка, 2005. — С. 164-166.

173. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : Лекц. курс / В. В. Красных ; филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва : Гнозис, 2002. – 284 с. –ISBN 5-94244-009-3.

174. Крипке С. Тождество и необходимость / С. Крипке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.XIII. Логика и лингвистика. – Москва : «Радуга»,1982. – С. 340-376. (Проблемы референции).

175. Крюков П. А. Структурно-семантические особенности ойконимов немецкого языка (на примере ойконимов ареала Оберлаузиц / Верхняя Лужица, Восточная Германия): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / П. А. Крюков Павел Анатольевич ; МГПУ. – Москва, 2012. – 20 с.

176. Крюкова И. В. Научные подходы к исследованию модного имени / И. В. Крюкова // Λογος όνομαστική: науч. журнал. – 2018. – № 6. – С. 74-78.

177. Крюкова И. В. Пограничные разряды ономастики в современном русском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Крюкова Ирина Васильевна ; ВГПУ. – Волгоград, 1993. – 21 с.

178. Крюкова И. В. Стилистическая функция имени рекламного персонажа в современной российской публицистике / И. В. Крюкова // Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции. Часть I. – Москва, 2014. – С. 133-139.

179. Куайн У. О. Референция и модальность / У. О. Куайн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.XIII. Логика и лингвистика. – Москва : «Радуга»,1982. – С. 87-108. (Проблемы референции).

180. Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 64-76.

181. Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа (на материале германских языков) / Е. С. Кубрякова. – Москва: Наука, 1974. – 319 с.

182. Купина Н. А. Региональные онимы в лингвокультурном пространстве города / Н. А. Купина, О. А. Михайлова // Ономастика в кругу гуманитарных наук: междунар. науч. конф.: материалы. – Екатеринбург, 2005. – С. 46-48.

183. Кургузова Е. В. Имена собственные немецкой культуры в историческом фрагменте нормативно-научной картины мира: автореф. дис. …

канд. филол. наук: 10.02.01 / Кургузова Елена Владимировна; ГОУ ВПО «СмолГУ». – Смоленск, 2009. – 22 с.

184. Курилович Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1962. – 456 с.

185. Леви-Строс К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс; пер., вст. ст. и прим. А. Б. Островского. – Москва: Республика, 1994. – 384 с.

186. Леви-Строс К. Предметная область антропологии / К. Леви-Строс // Путь Масок. – Москва: Республика, 2000. – С. 357-383. – ISBN 5-250-01801-7.

187. Леви-Строс К. Структура и форма (Размышления над одной работой Владимира Проппа) / К. Леви-Строс // Зарубежные исследования по семиотике фольклора: сб. ст.; сост. Е. М. Мелетинский и С. Ю. Неклюдов; пер. Т. В. Цивьян. – Москва: Наука, 1985. – С. 9-34.

188. Леви-Строс К. Структурная антропология / К. Леви-Строс; пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – Москва ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с. (Серия «Психология без границ»). ISBN 5-04-008349-1.

189. Левицкий В. В. Фонетическая мотивированность языковых знаков / В. В. Левицкий // Проблемы мотивированности языкового знака ; Калининградский гос. ун-т. – Калининград, 1976. – С. 20-25.

190. Левицкий В. В. Семантика и фонетика / В. В. Левицкий. – Черновцы: Черновицкий гос. ун-т, 1973. – 102 с.

191. Левицький В. В. Чи існує універсальний звукосимволізм? / В. В. Левицкий // Мовознавство. – 1971. – № 1. – С. 25-37.

192. Лейбниц Г.-В. Новые опыты о человеческом разумении. 1703-1704 / Г.-В. Лейбниц. В 4-х т. Т. 2. – Москва : Мысль, 1983. – 686с. – (Филос. наследие).

193. Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка / А. А. Леонтьев. – Москва: Наука, 1963. – 140 с.

194. Леонтьев А. А. Основы теории речевой деятельности / А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев, И. А. Зимняя / ред. А. А. Леонтьев; АН СССР; Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1974. – 368 с.

195. Леонтьев А. А. Психологическая структура значения / А. А. Леонтьев. // Семантическая структура слова. – Москва : Наука, 1971. – С. 7-19.

196. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – Москва: Просвещение, 1969. – 214 с.

197. Лихачёв Д. С. Культура русского народа X–XVII вв. / Д. С. Лихачев. – Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961. – 120 с.

198. Лихачёв Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени / Д. С. Лихачев. 2-е изд. – Ленинград: Худож. лит., 1985. – 352 с.

199. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. – Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 89-378.

200. Ломоносов М. Россійская граматика / М. Ломоносов. – Санкт-Петербург: При Императорской Академии наук, 1755. – 187 с.

201. Лосев А. Ф. Вещь и имя. Самое само / А. Ф. Лосев / ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкий. – Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2008. – 574 с. – ISBN 978-5-462-00997-6.

202. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Электронная библиотека RoyalLib.Ru, 2010-2013. – URL: http://royallib.ru/read/losev_aleksey/dialektika_mifa.html#20480 (дата обращения: 19.11.2013).

203. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 1982. – 480 с.

204. Лосев А. Ф. Орфей / А. Ф. Лосев // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2-х т. – Москва: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 2. – С. 241–243.

205. Лосев А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. – Москва: Изд-во Московского университета, 1990. – 272 с.

206. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. – Ленинград: Просвещение, 1972. – 272 с.

207. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. – 704 с. – ISBN 5-210-01488-6.

208. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2002. – 768 с. – ISBN 5-210-01527-0.

209. Лотман Ю. М. Феномен культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи в 3х т. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 34-45.

210. Лукаш Г. П. Актуальні питання української конотоніміки: монографія / Г. П. Лукаш. – Донецьк: ТОВ «Видавничо-поліграфічне підприємство «ПРОМІНЬ», 2011. – 448 с. – ISBN 978-966-2008-37-1.

211. Магазаник Э. Б. Ономапоэтика, или «говорящие имена» в литературе / Э. Б. Магазаник. – Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1978. – 148 с.

212. Мадиева Г. Б. Антропонимы как средство выражения национальной культуры / Мадиева Г. Б. , Супрун В. Н. // Известия ВГПУ. Проблемы ономастики. – 2010. – С. 96-102.

213. Максимов В. Д. О метафорическом модусе существования звуковых номинаций / В. Д. Максимов // Филология и человек. – 2008. – № 4. – С. 49–54.

214. Максимова Н. В. О-90 на коленях у R-13. «Звукобуквенные» антропонимы в романе Е. Замятина «Мы» / Н. В. Максимова, Е. С. Отин // Литературное произведение: слово и бытие. – Донецк, 1997. – С. 279–288.

215. Мандельштам О. Э. Слово и культура: Статьи / О. Э. Мандельштам. – Москва: Советский писатель, 1987. – 320 с.

216. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В. А. Маслова. – Москва: «Академия», 2001. – 208 с. – ISBN 5-7695-0745-4

217. Матвеев А. К. Апология имени / А. К. Матвеев // Вопросы ономастики. – 2004. – № 1. – С. 7–13.

218. Матвеев А. К. Образное народное видение и проблемы ономасиологической и этимологической интерпретации топонимов / А. К. Матвеев // Вопросы ономастики. - № 12. – 1977. – С. 5-20.

219. Матвеев А. К. Ономастика и ономатология: терминологический этюд / А. К. Матвеев // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 5–10.

220. Маяковский В. В. Как делать стихи / В. В. Маяковский // Полное

собрание сочинений. – Москва: Гослитиздат, 1959. – Т. 12. – С. 253.

221. Мегентесов С. А. Новая парадигма лингвистического исследования: о соотношении в тексте референциального и перформативного / С. А. Мегентесов, И. В. Четыркина // Германистика в современном научном пространстве. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2011. – С. 148–154.

222. Мельникова Ю. Н. Структурно-семантические особенности топонимов немецкого языка: диахронический аспект: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Мельникова Юлия Николаевна ; науч. рук. Н. И. Дзенс ; НИУ «БелГУ». – Белгород, 2008. –187 с.

223. Милль Дж. С. Система логики символической и индуктивной / Дж. С. Милль; пер. с англ. – Москва: Леман, 1914. – 880 с.

224. Мифы народов мира: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. – Москва: Сов. энциклопедия. – Т.1. – 1987. – 720 с.; Т.2. – 1987. – 671 с.

225. Михайлов В. Н. О некоторых особенностях семантики и источниках экспрессии собственных имен в русском языке / В. Н. Михайлов // Територіальні діалекти і власні назви. – Київ: Наук. думка, 1965. – С. 226–237.

226. Михайлов В. Н. О системных свойствах ономастической лексики современного русского языка / В. Н. Михайлов // Актуальные вопросы русской ономастики; ред. Ю. А. Карпенко и др. – Киев: УМК ВО, 1988. – С. 15-21.

227. Михайлов В. Н. Роль собственных имен в произведениях Гоголя / В. Н. Михайлов // Русский язык в школе. – 1954. – № 2. – С. 10–48.

228. Михайлов В. Н. Словообразовательная специфика собственных имен в художественной речи / В. Н. Михайлов // Русское языкознание. – Киев, 1986. – Вып. 13. – С. 50–55.

229. Михайлов В. Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII – первой половины XIX в., их функции и словообразование: автореф. дис. … канд. филол. наук / В. Н. Михайлов. – Москва, 1956. – 20 с.

230. Михайлов В. Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе / В. Н. Михайлов // Филологические науки. – 1966. –

№ 2. – С. 54–66.

231. Михайловская Н. Г. Об употреблении собственных иноязычных имён в современной русской поэзии / Н. Г. Михайловская // Имя нарицательное и собственное. – Москва: Наука, 1978. – С. 180–189.

232. Михалёв А. Б. Теория фоносемантического поля: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Михалёв Андрей Борисович; КубГУ. – Краснодар, 1995. – 38 с.

233. Мищерикова М. А. Этнолингвистические и лингвопрагматические особенности номинаций персонажей британского сказочного дискурса: дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Мищерикова Марина Александровна; науч. рук В. В. Катермина; ФГБОУ ВО «КубГУ». – Краснодар, 2017. – 249 с.

234. Мокиенко В. М. Перевоплощенное имя / В. М. Мокиенко // Е. С. Отин. Словарь коннотатиных собственных имен. – 3-е изд., перераб. и доп. – Донецк: Юго-Восток, 2010. – С. 5–10.

235. Молчанова О. Т. Проприальная номинация в свете когнитивизма / О. Т. Молчанова // Вопросы ономастики. – Екатеринбург, 2006. – № 3. – С. 7–18.

236. Москальская О. И. Семантика текста. / О. И. Москальская. – Вопросы языкознания. – 1980. – № 6. – С. 32-42.

237. Мудрова Н. В. Поэтика онимной игры: монография / Н. В. Мудрова. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2012. – 144с.

238. Муравлева Н. В. Аппелятивация имён собственных и фоновые коннотации / Н. В. Муравлева // Коннотативные аспекты семантики в немецкой лексике и фразеологии. – Калинин, 1987 – С. 75–89.

239. Муратов А. Б. Теоретическая поэтика А. А. Потебни / А. Б. Муратов // Потебня А. А. Теоретическая поэтика. – Москва: Высш. школа, 1990. – С. 7–21.

240. Мурясов Р. З. Антропонимы в системе языка / Р. З. Мурясов, Р. А. Газизов // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20. – № 3. – С. 1017-1020.

241. Наука о стихотворствѣ, сочиненіе г. Боало. Переводъ стихами, вмнѣстѣ съ подлинникомъ, Графа Хвостова. Изданіе четвертое – Санкт-Петербург: Плюшара, 1830. – 142 с.

242. Нахимова Е. А. Дискуссия о статусе и семантике имени собственного

/ Е. А. Нахимова // Язык – политика – культура. Политическая лингвистика. – 2010. – № 1(31). – С. 171-174.

243. Некрасова Е. А. Некоторые наблюдения над употреблением имён собственных в произведениях А. Вознесенского / Е. А. Некрасова // Ономастика и норма. – Москва: Наука, 1976. – С. 200–208.

244. Немировская Т. В. Некоторые проблемы литературной ономастики / Т. В. Немировская // Актуальные вопросы русской ономастики / ред. Ю. А. Карпенко. – Киев: УМК ВО, 1988. – С. 112-122.

245. Ненашева Т. А. Коннотативная семантика референтно однозначного имени : монография / Т. А. Ненашева. – Н. Новгород : Нижегородский технический университет, 2012. – 153 с.

246. Нестерова Е. К. Примечания / Е. К. Нестерова // По Э. А. Стихотворения. – Москва: Радуга, 1988. – С. 392–414.

247. Никонов В. А. Имена персонажей / В. А. Никонов // Имя и общество. – Москва: Наука, 1974. – С. 233–245.

248. Никонов В. А. От автора / Никонов В. А. Словарь русских фамилий / Сост. Е. Л. Крушельницкий. – Москва: Школа-Пресс, 1993. – 224с.

249. Ничик Н. Н. Ономастическое пространство поэмы В. В. Маяковского «Облако в штанах» // Ничик Н. Н. Поэтическое слово. Поэтический текст. – Симферополь: ОАО «СГТ», 2008. – С. 70–85. – ISBN 978-966-2913-85-9.

250. Ничик Н. Н. Лексикографическая интерпретация имен собственных в поэмах В. В. Маяковского / Н. Н. Ничик // Поэтическое слово. Поэтический текст. – Симферополь: ОАО «СГТ», 2008. – С. 242–257. – ISBN 978-966-2913-85-9.

251. Номинация в ономастике: сб. статей / ред. М. Э. Рут. – Свердловск : изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с. – ISBN 5-7525-0141-5.

252. Отин Е. С. Коннотативные депоэтонимы: условия их появления, смысловая структура и разновидности / Е. С. Отин // Антология поэтонимологической мысли / ред. Е. С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2008. – Т. 1: В. Н. Михайлов : избранное. Михайловские чтения 2007 – 2008. – С. 310–317.

253. Отин Е. С. Коннотативные онимы и их производные в историко-

этимологическом словаре русского языка / Е. С. Отин // Вопросы языкознания. – 2003. – №2. – С. 55–72.

254. Отин Е. С. Непереоформленные личные имена в гидронимии Дона / Е. С. Отин // Избранные работы. – Донецк: Донеччина, 1997 (1). – С. 173-194.

255. Отин Е. С. Предисловие / Е. С. Отин // Словарь коннотативных собственных имен. – 3-е изд., перераб. и доп. – Донецк, Юго-Восток, 2010. – С. 11–20. – ISBN 978-966-374-529-9.

256. Отин Е. С. Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов / Е. С. Отин // Избранные работы. – Донецк: Донеччина, 1997 (2). – С. 279–285.

257. Отин Е. С. Экспрессивно-стилистические особенности ономастической лексики в восточнославянских языках / Е. С. Отин // Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков. – Киев, 1981. – С. 132–144.

258. Пак С. М. Ономастикон как объект филологического исследования: На материале американского дискурса XIX - XX вв. : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Пак Светлана Михайловна ; науч. конс. Т. А. Комова; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2005. – 366 с.

259. Парандовский Я. Алхимия слова / Я. Парандовский. – Москва: Прогресс, 1972. – 335 с.

260. Пелашенко И. И. Субстантивные трикомпозиты как динамическая система в истории немецкого языка // Расширяя границы лингвистики : Сборник в честь 70-летия доктора филол. наук, проф. Владимира Дмитриевича Калиущенко / ред. Л. Н. Ягупова и др. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2016. – С. 183–195. – ISBN 978-5-9275-2258-3.

261. Пеньковский А. Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении / А. Б. Пеньковский. – 2-ое изд., исправ. и допол. – Москва: Изд-во «Индрик», 2003. – 640 с. – ISBN:5-85759-206-2.

262. Пересада И. В. Фонетическая структура слова и особенности ее развития в немецком языке (диахронич. исследование): дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Пересада Игорь Валерьевич; ОНУ ім. І. І. Мечникова. – Одесса, 2003. – 198 с.

263. Петренко О. Д. Ономастика дитячих творів Роалда Дала: автореф. дис. … канд. філол. наук: 10.02.04 / Петренко Оксана Дмитрівна ; ОНУ ім. І. І. Мечникова. – Одеса, 2004. – 20 с.

264. Петрухин А. Ф. Содержательность звуковой формы поэтического произведения (на материале немецкой поэзии): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Петрухин Анатолий Филиппович ; МГПУ им. М. Тореза. – Москва, 1979. – 23 с.

265. Платон. Кратил / Платон // Античные теории языка и стиля / ред. О. М. Фрейденберг. – Москва-Ленинград: Государственное социально-экономич. издательство, 1936. – С. 36–59.

266. Поливанов Е. Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники / Е. Д. Поливанов // Вопросы языкознания. – 1963. – С. 99–112.

267. Потебня А. А. Из записок по теории словесности / А. А. Потебня // Теоретическая поэтика. – Москва: Высшая школа, 1990 (1). – С. 132–314.

268. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня // Теоретическая поэтика. – Москва: Высшая школа, 1990(2). – С. 22–54.

269. Прокопович Ф. Про риторичне мистецтво книжок 10 для навчання української молоді, що вивчає одне і друге красномовство наблаго релігії і батьківщини, викладені преподобним отцем Феофаном Прокоповичем у Києві в славній православній Могилянській академії року 1706 / Ф. Прокопович // Філософські твори: в 3-х т. Т. 1. – Киев: Наукова думка, 1979. — С. 101–433.

270. Прокопович Ф. О поэтическом искусстве / Ф. Прокопович // Сочинения; под ред. И. П. Еремина. М. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 335–455.

271. Ражина В.А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ражина Виктория Александровна; ФГБОУ ВО «КубГУ». – Краснодар, 2007. – 18 с.

272. Рассел Б. Дескрипции / Б. Рассел // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.XIII. Логика и лингвистика. – Москва : «Радуга»,1982. – С. 41-54. (Проблемы референции).

273. Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы / Б. Рассел. – Киев: «Ника-Центр», 1997. – 560 с. – (ПОЗНАНИЕ; Вып.1). – ISBN 966-521-012-2.

274. Ратникова И. Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой / И. Э. Ратникова. – Минск: БГУ, 2003. – 214 с. – ISBN 985-445-881-4.

275. Ревзина О. Г. От стихотворной речи к поэтическому идиолекту / О. Г. Ревзина // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста / ред. В. П. Григорьев. – Москва: Наука, 1990. – С. 27–46.

276. Ризель Э.Г. К вопросу о коннотации / Э. Г. Ризель // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 125.– Москва, 1978. – С. 10-18.

277. Рильке Р.-М. Письма 1926 года / Р.-М. Рильке, Б. Пастернак, М. Цветаева – Москва: Книга, 1990. – 256 с.

278. Рогозина В. И. Словарь имен собственных в поэзии Валерия Брюсова / В. И. Рогозина / **ред. Е. С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2011. – 274 с. –** ISBN 978-966-374-607-4.

279. Романчук Л. Поэтика баллады Бюргера «Песня о храбреце» / Л. Романчук. – URL: http://www.roman-chuk.narod.ru/.../Burger.htm. (дата обращения 09.032010).

280. Ронен О. Осип Мандельштам / О. Ронен // Литературное обозрение. – 1991. – № 1. – С. 3–18.

281. Русская грамматика: в 2-х т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / ред. Н. Ю. Шведова и др.; АН СССР, Ин-т рус. яз. – Москва: Наука, 1980. – 783 с.

282. Рут М. Э. Антропонимы: размышления о семантике / М. Э. Рут // Известия Уральского госуниверситета. – 2001. – № 20. – Гуманитарные науки. Вып. 4. – URL: http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0020%2801_04-2001%29&xsln=showArticle./content.jsp (дата обращения:)

283. Салахов Р. А. О роли имени собственного как словообразовательного элемента в современном немецком языке / Р. А. Салахов // Иностранные языки в школе. – 1982. – № 6. – С. 20–22.

284. Салахов Р. А. О полусуффиксальных образованиях со вторым компонентом, коррелятивным имени собственному, в современной разговорной немецкой речи / Р. А. Салахов // Иностранные языки в школе. – 1984. – № 4. – С. 23–28.

285. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – Москва: Языки слав. культуры, 2002. – 547 с.

286. Сапожникова Л. М. Семантика референциально однозначных собственных имён и их адъективных дериватов // Коннотативные аспекты семантики в немецкой лексике и фразеологии. – Калинин, 1987 – С. 103–113.

287. Сапожникова Л. М. Номинативные процессы трансонимизации и деонимизации на базе собственных имен в современном немецком языке / Л. М. Сапожникова // Вестник МЛГУ. – 2011. – Вып. 19 (625). – С. 29–38.

288. Селіванова О. О. Актуальні напрями сучасної лінгвістики (аналітичний огляд) / О. О. Селіванова. – Киев: Фітосоціоцентр, 1999. – 148 с.

289. Селиванова Е. А. Новые подходы к изучению фразеологии в парадигмальном пространстве современной лингвистики / Е. А. Селиванова // Слово. Символ. Текст : сб. науч. тр., 80-л. проф. М. А. Карпенко / ред. Е. С. Снитко, Л. П. Дядечко. – Киев, 2006. – С. 149–156. – ISBN 966-8906-05-5.

290. Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ / А.М. Селищев // Избранные труды. – Москва: Просвещение, 1968. – С. 97–128.

291. Семантика и категоризация / Р. М. Фрумкина, А. В. Михеев, А. Д. Мостовая, Н. А. Рюмина / ред. Ю. А. Шрейдер; АН СССР; Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1991. – 167 с.

292.Сепир Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – Москва: «Прогресс», 1993. – С. 259-265.

293. Сивцова А. А. Имена собственные в лирике Н. И. Рыленкова: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Сивцова Анастасия Александровна; ФГБОУ ВО «СмолГУ». – Калининград, 2008. – 24 с.

294. Сисоєва Є. С. Семантика, структура і функціонування оцінної

антропонімічної лексики в англійській мові: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Сисоєва Євгенія Сергіївна ; наук. кер. О. Л. Бєссонова ; Донецький нац. ун-т. – Донецк, 2011. – 228 с.

295. Слонимский А. Мастерство Пушкина / А. Слонимский. – Москва: ГИХЛ, 1963. – 269 с.

296. Скляренко А. М. Плюральные онимы в русском языке и их типологические параллели в других языках / А. М. Скляренко // Актуальные вопросы русской ономастики / ред. Ю. А. Карпенко. – Киев: УМК ВО, 1988. – С. 30–35.

297. Скребнева Т. В. Историография, основные направления изучения личного имени в восточнославянской антропонимике / Т. В. Скребнева // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. Языкознание. – 2011. – № 2. – С. 103–107.

298. Смирницкий А. И. Из истории языкознания / А. И. Смирницкий // Вопросы языкознания. – 1960. – № 5. – С. 112–116.

299. Смолярова Т. Пиндар и Мандельштам / Т. Смолярова. // Academic Electronic Journal in Slavic Studies. – University of Toronto Toronto. – Slavic Quarterly – URL: http://www.utoronto.ca/tsq/13/smolyarova13.shtml#top (дата обращения: 12.01.2014).

300. Соколова Г. В. Публицистическая корреляция как условие функционирования шимени собственного в текстах СМИ: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Соколова Галина Викторовна ; ФГБОУ ВО «КубГУ». – Краснодар, 2006. – 23 с.

301. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр // Труды по языкознанию. – Москва: Прогресс, 1977 (1). – С. 31–273.

302. Соссюр Ф. Отрывки из тетрадей, содержащих записи об анаграммах / Ф. Соссюр // Труды по языкознанию. – Москва: Прогресс, 1977 (2). – С. 639-647.

303. Сталтмане В.Э. Ономастическая лексикография / В. Э. Сталтмане. – Москва: Наука, 1989. – 116 с.

304. Степанов Ю. С. В трёхмерном пространстве языка / Ю. С. Степанов. – Москва : Наука, 1985. – 335 с. (Семиотические проблемы лингвистики, философии,

искусства).

305. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. – Москва: «ЛИБРОКОМ», 2016. – 312 с. – ISBN 978-5-397-05189.

306. Степанов Ю. С. Константы мировой культуры: Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия / Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин ; Рос. АН, Ин-т языкознания ; МГЛУ. – Москва: Наука, 1993. – 156,[1] с.

307. Стериополо Е. И. О проблеме дистантной ассимиляции гласных в текстах современного немецкого языка / Е. И. Стериополо // Взаимодействие сегментного состава и просодии текста. – Киев: КГПИИЯ, 1986. – С. 14-21.

308. Стерлигов С. Г. Немецкая антропонимика как лингвострановедческая проблема / С. Г. Стерлигов. – Горький: ГГПИ, 1981. – 137 с.

309. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. – 171 с.

310. Стернин И. А. О понятии лингвокультурной специфики языковых явлений / И. А. Стернин // Язык. Словесность. Культура. 2011. – № 1. – С. 6–19.

311. Стретт Дж. (лорд). Теория звука / Дж. Стретт; пер. с англ. изд. П. Н. Успенского, С. А. Каменецкого; под ред. С. М. Рытова. – 2 изд. – Москва: Гостехиздат, 1955. – 503 с.

312. Страхов И. И. Автобиографизм топонимического пространства в художественных текстах М. М. Пришвина: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Страхов Игорь Игоревич; науч. рук. Г. Ф. Ковалёв; ФГБОУ ВО «ВГУ». – Воронеж, 2015. – 240 с.

313. Стросон П. Ф. О референции / П. Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.XIII. Логика и лингвистика. – Москва : «Радуга»,1982. – С. 55-86. (Проблемы референции).

314. Структура текста: сб. науч. тр. / ред. Т. В. Цивьян. – Москва: Наука, 1980. – 288 с.

315. Судник Т. М. К реконструкции одного мифологического текста в балто-балканской перспективе / Т. М. Судник, Т. В. Цивьян // Структура текста: сб. науч. тр. / отв. ред. Т. В.Цивьян. – Москва: Наука, 1980. – С. 240-285.

316. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва: Наука, 1973. – 367 с.

317. Супрун В. И. Антропонимы в вокативном употреблении / В. И. Супрун // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. – Екатеринбург: УрГУ, 2008. – Вып. 4. – № 20(2001). – С. 61-67.

318. Супрун В. Н. Параметры ядерно-периферийных отношений в структуре онимического поля / В. Н. Супрун, Г. Б. Мадиева // Когнитивно-прагматический вектор современного языкознания: сб. науч. тр. / сост. И. Г. Паршина, Е. Г. Озерова. – 2-е изд. – Москва: ФЛИНТА, 2014. – С. 146-151.

319. Тайлор Э. Б. Первобытная культура / Э. Б. Тайлор; пер с англ. – Москва: Политиздат, 1989. – 573 с.

320. Таич Р. У. Имена собственные в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина (на материале «Господ Головлевых», «Истории одного города» и «Сказок»): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Р. У. Таич ; Самарк. гос. ун-т им. А. Навои. – Самарканд, 1973. – 29 с.

321. Тарановский К. Ф. Звуковая ткань русского стиха в свете фонологических дистинктивных признаков / К. Ф. Тарановский // О поэзии и поэтике. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – С. 347-357. – ISBN 5-7859-0099-8.

322. Тарановский К. Ф. О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики / К. Ф. Тарановский // О поэзии и поэтике. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – С. 372-403. – ISBN 5-7859-0099-8.

323. Тарановский К. Ф. Очерки о поэзии О. Мандельштама / К. Ф. Тарановский // О поэзии и поэтике. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – С. 13-208. – ISBN 5-7859-0099-8.

324. Тарасов Б. «Русская география». Христианская историософия Тютчева / Б. Тарасов // Наше наследие. Русская история, культура, искусство. – URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/2003-67.php (дата обращения: 21.01.2010).

325. Ташицкий В. Место ономастики среди других гуманитарных наук / В. Ташицкий // Вопросы языкознания. – 1961. – № 2. – С. 3-11. (пер. с польск.)

326. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1986. – 141 с.

327. Телия В. Н. Номинация / В. Н. Телия // Энциклопедический лингвистический словарь. – Москва : Сов. энциклопедия, 1990. – С.336-337.

328. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва : «Языки русской культуры», 1996. – 288 с. – ISBN 5-88766-047-3.

329. Теория и методика ономастических исследований / отв. ред. А. П. Непокупный. – Москва: Наука, 1986. – 254 с.

330. Теряєв Д. О. Фонетична структура слов'янського антропоніма за експеріментальними даними: композит / гипокористика / Д. О. Теряєв // Филологические исследования. – Донецк, 2002. – Вып. 5. – С. 250-260.

331. Тимофеев Л. Стих – слово – образ / Л. Тимофеев // Вопросы литературы. – 1962. – № 6. – С. 76-89.

332. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – Москва: Аспект Пресс, 2001. – 334 с.

333. Томпсон Дж. Методы стимуляции мозговых волн с помощью звука / Дж. Томпсон. – URL : http://www.mindmachine.ru/articles/neuroacoustic.htm (дата обращения: 11.02.2014).

334. Топоров В. Н. Из области теоретической топономастики / В. Н. Топоров // Вопросы языкознания. – 1962. – № 6. – С. 3-12.

335. Топоров В. Н. Имена / В. Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. – Москва: Сов. энциклопедия, 1980. – Т. 1. – С. 510.

336. Топоров В. Н. Имя как фактор культуры (на злобу дня) / В. Н. Топоров // Исторические названия – памятники культуры: Всесоюз. науч. конф. : тез. докл. – Москва, 1989. – С. 125-129.

337. Топоров В. Н. Модель мира (мифопоэтическая) / В. Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. – Москва: Сов. энциклопедия, 1980. – Т. 2. – С. 161-166.

338. Топоров В. Н. Санскрит и его уроки / В. Н. Топоров // Древняя Индия. Язык. Культура. Текст. – Москва: «Наука», 1985. – С. 5-29.

339. Топорова Т. В. Язык в зеркале культуры: древнегерманские двучленные имена собственные / Т. В. Топорова. – Москва: Языки русской культуры, 1996. – 253 с.

340. Троицкий В. П. Семиотическое существование / В. П. Троицкий // Семиотика и информатика. – Москва: ВИНИТИ, 1979. – Вып. 11. – С. 52-65.

341. Трубачев О. Н. Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду / О. Н. Трубачев // Вопросы языкознания. – 1998. – № 3. – С. 3-25.

342. Тынянов Ю. Н. Вопрос о Тютчеве / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. – Москва : Наука, 1977. – С. 38-51.

343. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Советский писатель, 1965. – 301 с.

344. Тынянов Ю. Н. Тютчев и Гейне / Ю. Н. Тынянов // Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. – Москва : Наука, 1977. – С. 29-37.

345. Улуханов И. С. Мотивация и производность (о возможностях синхронно-диахронического описания языка) / И. С. Улуханов // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 5-20.

346. Унбегаун Б. Русские фамилии / Б. Унбегаун Пер с англ. / ред. Б. А. Успенского. – Москва : Прогресс, 1989. – 443 с.

347. Усова Н. В. Антропонимия мемуарного жанра: лингвокультурные особенности и проблема стратификации (на материале автобиографического произведения И. В. Гёте «Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit») / Н. В. Усова // Тезисы докладов междунар. науч. конф. «Германистика 2018: nove et nova» 29-30 марта 2018 г. – Москва: ФГБОУ ВО МГЛУ 2018 (1). – С. 81.

348. Усова Н. В. Антропоним *Hans* – результат и мотиватор деривационных процессов / Н. В. Усова // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал. – 2017(1). – Т. 13. – Вып. 1–2 (35–36). – С.102-114.

349. Усова Н. В. В. Н. Михайлов о звучании собственных имен в художественных произведениях / Н. В. Усова // Собственное имя в русской и

мировой литературе: I Крымские Междунар. Михайловские чтения: материалы. – Крым-Донбасс, 2007 (1). – С. 94-96.

350. Усова Н. В. Генезис имени в немецкой языковой культуре / Н.В. Усова // Германістика XXI ст.: традиційні й новітні аспекти дослідження та викладання: Міжнар. наук. конф., 30-31 березня 2012 р.: матеріали. – Горлівка: ГГПИИЯ, 2012 (2). – С. 129-133.

351. Усова Н. В. Двухкомпонентные ойконимы немецкого языка смешанного славянско-немецкого происхождения / Томилина Ю. В., Усова Н. В. // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: III Междунар.науч. конф.: материалы. – Т. 5: Филологические, психологические и философские науки / ред. С.В. Беспалова. – Донецк, 2018(2). – С. 42-43.

352. Усова Н. В. Жизнь иноязычного поэтонима в семиосфере русской культуры / Н. В. Усова // Вісник Донецького інституту соціальної освіти. Серія: Філологія. Журналістика. – 2009 (1). – Т. V. – Вип. 5. – С. 154-159.

353. Усова Н. В. Звук имени и «подводное течение смысла» / Н.В. Усова // Филологические исследования. – Донецк, 2004 (1). – Вып. 7. – С. 276-289.

354. Усова Н. В. Звучание поэтонимов и их роль в разноуровневых интегративных процессах поэтического текста / Н. В. Усова // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий 2017 : сб. статей XV Междунар. лингвистического семинара (Донецк – Пятигорск) / ред. Л. Н. Ягупова. – Донецк, 2017(2). – С. 210-216.

355. Усова Н. В. Имя собственное в синхронии и диахронии языка и культуры: монография / Н. В. Усова. – Донецк : ДонНУ, 2018 (3). – 385 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 16).

356. Усова Н. В. К вопросу о ритмической и семантической роли поэтонима / Н. В. Усова // Вісник Донецького інституту соціальної освіти. Серія «Філологія. Журналістика» / ред. М. М. Гіршман. – 2010 (1). – Т. VI. – Вип. 6. – С. 67-70.

357. Усова Н. В. К вопросу отонимной деривации в немецком языке / Н. В. Усова // Расширяя границы лингвистики : Сборник в честь 70-летия доктора

филологических наук, профессора Владимира Дмитриевича Калиущенко / ред.: Л. Н. Ягупова и др. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2016(1). – С. 273- 281.

358. Усова Н. В. Континуальность онима в пространстве лингвокультуры / Н. В. Усова / Forms of social communication in the dynamics of human society development: XXXVII International Scientific and Practical Conference and the III stag of Recearch Analytics Championship in philological, historical and sociological sciences: December 05 – December 10, 2012: materials / International Academy of Science and Higher Education. – London : IASHE, 2013 (1). – pp. 109-111.

359. Усова Н. В. Ленор – Светлана – Людмила: имя как фактор трансформации образа / Н. В. Усова // Русский язык и литература в Украине: проблемы изучения и преподавания: Междунар. науч. конф., 21-23 мая 2009 г.: материалы. – Горловка, 2009 (2). – С. 177-179.

360. Усова Н. В. Лингвокультурологические аспекты онимной лексики в обучении немецкому языку / Н. В. Усова // Лингвистика, лингводидактика и межкультурная коммуникация: Теория и практика: Сб. науч. трудов III Междунар. научно-практич. конф., 23-24 апреля 2015 г. – Таганрог, 2015(1). – С. 270-274.

361. Усова Н. В. Мир собственных имён автобиографической хроники И. В. Гёте «Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit» / Н. В. Усова // Наукові записки. Серія: Філологічні науки (мовознавство) / РВВ КДПУ ім. В. Винниченка. – Кіровоград , 2013 (2). – Вип. 117. – С. 388-392. – ISBN 966-8089-24-3.

362. Усова Н. В. Мифологическое мышление и «язык собственных имён» / Н. В. Усова // In Nōminum Spatio *(В пространстве имен)*: Материалы III Междунар. ономастич. чтений им. Е. С. Отина (20 – 23 окт. 2017 г.) / ред. В.М. Калинкин. – Донецк: Изд-е Фонда «Азбука», 2018(4). – С. 154-161. – URL : http://azbuka.in.ua/in-nominum-spatio-v-prostranstve-imen-vypusk-3/.

363. Усова Н. В. Мифонимы в составе немецких и русских идиом / М. Г. Губарева, Н. В. Усова // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса. Материалы Междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ / ред. С. В. Беспалова. – Донецк, 2017(3). – С. 155-157.

364. Усова Н. В. О взаимодействии фоноэмы с вокализмом и консонантизмом поэтических текстов Э. По / Н. В. Усова // Мир и человек в зеркале языка: Сборник науч. статей, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Ольги Леонидовны Бессоновой. – Донецк: НПП «Фолиант», 2018 (5). – С. 210-217. – ISBN 978-5-6041177-8-1.

365. Усова Н. В. О звукоонтологической традиции в поэтонимологии: у истоков / Н. В. Усова // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Донецк, 2009 (3). – Вып. 13. – С. 185-193.

366. Усова Н. В. Оним в языковой и культурной традиции / А. Н. Стряпан, Н. В. Усова // Современные иностранные языки: проблемы функционирования и преподавания: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 12-13 ноября 2008 г. – Мозырь: УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2008 (1). – С. 74-76.

367. Усова Н. В. Онимная рифма как средство инструментовки и композиции / Н. В. Усова // Проблеми загальної, германської, романської та слов'янської стилістики: зб. наук. пр. Т. 2: Мова та стиль художнього твору. – Горлівка , 2007 (2). – С. 163-166.

368. Усова Н. В. Ономастические средства в создании поэтики комического / Н. В. Усова // Текст. Язык. Человек: сб. науч. тр.: в 2-х ч. Ч. 1. – Мозырь: УО МГПУ, 2009 (4). – С. 153-155.

369. Усова Н. В. Оппозитивность как фактор организации поэтонимосферы / Н. В. Усова // Вісник ЛНУ ім. Т. Шевченка: Філологічні науки. – Луганськ, 2010(2). – Ч. II. – № 14 (201). – С. 74-79.

370. Усова Н. В. О применении принципа оппозитивности в исследовании поэтонимосферы произведения / Н. В. Усова // Германістика XXI ст.: традиційні й новітні аспекти дослідження та викладання: Міжнар. наук. конф.: матеріали. – Горлівка, 2010 (3). – С. 92-95.

371. Усова Н. В. Опыт диахронического рассмотрения трансонимизации в процессе онимогенеза / Н. В. Усова // Международный лингвистический конгресс «Язык и мир» (Ялта, 5-8 окт. 2015): Сб.науч. докладов / ред. А. Н. Рудяков,

Ю. В. Дорофеев; Крымский республиканский институт постдипломного педагогич. образования. – Симферополь, 2015(2). – С. 342-345.

372. Усова Н. В. Опыт лингвокультурологической интерпретации топопоэтонима (*Рим* в поэзии Ф. Тютчева) / Н. В. Усова // Язык и культура (Науч. журнал). – 2010 (4). – Вип. 13. – Т. IV (140) – С. 96-100.

373. Усова Н. В. О семантике и семиотической содержательности поэтического онима / Н. В. Усова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гумантарные науки. – № 2. – 2009(5). – С. 67-72.

374. Усова Н. В. Осмысление онтологии имени в филологической традиции. Часть 1. Вопрос происхождения имён / Н. В. Усова // Восточноукраинский лингвистический сборник : сб. науч. тр. – Вып. 15 / ред. Е. С. Отин. – Киев, 2014(1). – С. 66-74.

375. Усова Н. В. О соотношении лингвистического и культурологического в ономастическом исследовании / Н. В. Усова // И слово Ваше отзовётся. – Киев, 2012 (3). – С. 586-592. – ISBN 978-966-489-126-1.

376. Усова Н. В. Паронимические сближения в ряду средств поэтонимии / Н. В. Усова // Филологические исследования: сб. науч. тр. – Донецк, 2008 (2). – Вып. 10. – С. 187-200.

377. Усова Н. В. Понятие амбивалентности и его преломление в ономастике / Н. В. Усова // Наукові записки. Серія: Філологічні науки (мовознавство) / РВВ КДПУ ім. В. Винниченка. – Кіровоград , 2014 (2). – Вип. 129. – С. 440-444.

378. Усова Н. В. Понятие континуальности и связанные с ним термины в метаязыке ономастики / Н. В. Усова // Филологические исследования: сб. науч. тр.; ред. В. В. Фёдоров. – Киев, 2013(3). – Вып. 13. – С. 244-252.

379. Усова Н. В. Поэт и имя / Н. В. Усова // In Nōminum Spatio *(В пространстве имен)*: Материалы II Междунар. ономастич. чтений им. Е. С. Отина (22–23 окт. 2016 г.) // ред. В. М. Калинкин. – Донецк, 2017(4). – С. 165-170. – URL : http://azbuka.in.ua/?s=In+N%C5%8Dminum+Spatio.

380. Усова Н. В. Поэтонимизация как разновидность трансонимизации / Н. В. Усова // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и

вызовы современности: Материалы III Междунар. науч. конференции (25 окт. 2018 г.). Т. 5: Филологические, психологические и философские науки / ред. С. В. Беспалова. – Донецк, 2018(6). – С. 48-51.

381. Усова Н. В. Поэтоним *Orpheus* в цикле Р. -М. Рильке: фонетика и семантика / Н. В. Усова // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал. – 2018 (7). – Т. 14. – Вып. 4 (42). – С. 54-65.

382. Усова Н. В. Поэтонимия как средство преломления дуалистических параллелей антропоцентризма / Н. В. Усова // Мова і культура (Науковий журнал). – 2010 (5). – Вип. 13. – Т. IV (140). – С. 186-190.

383. Усова Н. В. Поэтонимосфера как средство отображения авторского мировосприятия / Н. В. Усова // Східнослов'янська філологія: від Нестора до сьогодення: Міжнар. наук. конф.: матеріали – Горлівка, 2008 (3). – С. 125-126.

384. Усова Н. В. Превращения имени (к вопросу онимогенеза) / Н. В. Усова // Восточноукраинский лингвистический сборник им. Е.С. Отина: сб. науч. тр. // ред. В. М. Калинкин. – Донецк, 2018 (8). – Вып. 1 (16) – С. 303-311.

385. Усова Н. В. Преобразованное имя собственное как феномен культуры / Н. В. Усова // Германистика в современном научном пространстве: II Междунар. науч.-практ. конф.: материалы. – Краснодар, 2012 (5). – С. 98-102.

386. Усова Н. В. Про стилістично релевантні властивості поетонімії / Н. В. Усова // STUDIA SLOVAKISTICA : зб. наук. праць. – Ужгород, 2011(1). – Вип. 11. – Елімінація мовних бар'єрів. – С. 72-78.

387. Усова Н. В. Пути генезиса онима в немецком языковом пространстве / Н. В. Усова // Германистика в современном научном пространстве: I Междунар. науч.-практ. конф.: материалы. – Краснодар, 2011 (2). – С. 91-97.

388. Усова Н. В. «Римские мотивы» в поэтонимии Ф. Тютчева / Н. В. Усова // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии. – Славянск: СГПИ, 2010 (6). – Вып. XX. – С. 174-180. – ISBN 5-7763-4464-6.

389. Усова Н. В. Традиции и тенденции фонетической адеквации имен в интеркультурном взаимодействии / Н. В. Усова // Forms of social communication in the dynamics of human society development" : materials digest of the XXXVII

International Scientific and Practical Conference and the III stag of Recearch Analytics Championship in philological, historical and sociological sciences / International Academy of Science and Higher Education; – London: IASHE, 2014(3). – P. 44-45.

390. Усова Н. В. Семантичний потенціал словотворчої та фонетичної структури власних назв / Н. В. Усова, Т. С. Чудовська // Лінгвістичні аспекти мовної комунікації: функціонально-прагматичний, семантичний та когнітивний параметри досліджень: Міжнар. конф.: матеріали. – Горлівка, 2008 (4). – С. 183-185.

391. Усова Н. В. Суждения о свойствах звуков речи восточнославянских учёных-риторов / Н. В. Усова // Актуальные проблемы изучения славянских языков : сб. науч. тр. III Междунар. науч. конф. памяти проф. Е. С. Отина (13 апр. 2018 г.) / ред. Н. А. Ярошенко. – Донецк , 2018(9). – Вып. 4. – С. 192–200.

392. Усова Н. В. Феномен поэтического имени в интеркультурном сопоставлении // Н. В. Усова // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности: I Междунар. конф.: материалы. – Т. 5. – Ростов-на-Дону, 2016(2). – С. 89-92.

393. Усова Н. В. Фонетические мотивы в исследованиях В. Н. Михайлова и в современной поэтонимологии / Н. В. Усова // В. Н. Михайлов: избранное. Михайловские чтения 2007-2008. – Донецк, 2008(5). – Т. 1: Антология поэтонимологической мысли. – С 346-353.

394. Усова Н. В. Фонетические средства выразительности онимов в звуковом строе поэтического произведения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.15 / Усова Нина Васильевна; науч. рук. В. М. Калинкин; ГГПИИЯ. – Горловка, 2006 (1). – 210 с.

395. Усова Н. В. Фонетические средства поэтонимии как фактор формирования идиостиля / Н. В. Усова // Язык и культура (Науч. журнал). –2009 (6). – Т. X (135). – Вып. 12. – С. 116-120.

396. Усова Н. В. Фономорфеміка онімів у лексико-семантичному вимірі / Н. В. Усова // Наукові записки. Серія «Філологічна»: зб. наук. пр. – Острог: НУ «Острозька академія», 2012 (6). – Вип. 29. – С. 205-207.

397. Усова Н. В. Фоноэма как эмический компонент семантики поэтонима / Н. В. Усова // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Донецк : Юго-Восток, 2006 (2). – Вып. 10. – С. 211-220.

398. Успенский Б. А. Избранные труды: и 3-х т. Т. 2: Язык и культура. / Б. А. Успенский. – 2-е изд. – Москва : Шк. Языки. рус. культуры, 1996 (1). – 781 с.

399. Успенский Б. А. Мена имён в России в исторической и семиотической перспективе / Б. А. Успенский // Избранные труды. – Москва : Школа: «Языки русской культуры», 1996 (2). – Т. II. – С. 187-202.

400. Успенский Б. А. Социальная жизнь русских фамилий / Б. А. Успенский // Избранные труды. – Москва : Шк. Языки рус. культуры, 1996 (3). – Т. II. – С. 203-251.

401. Успенский Б. А. Ego Loquens: язык и коммуникационное пространство / Б. А. Успенский; Российский гос. гуманит. ун-т; Институт высш. гуманит. исслед. им. Е. М. Мелетинского. – 2-е изд. – Москва: РГГУ, 2012. – 339 с.

402. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. – Москва : Наука, 1974. – 206 с.

403. Фадеев Ю. «Демон», создавший гения / Юрий Фадеев // Парк Белинского. – URL: http://parkbelinskogo.ru (дата обращения: 02.10.2014).

404. Федотова К. Имя собственное в поэзии Николая Гумилева: Материалы к словарю языка писателя / К. Федотова. – Иваново: Листос, 2016. – 216 с.

405. Флоренский П. А. Имена / П. А. Флоренский. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 448 с. (Мастера. Философия).

406. Фомин А. А. О направлениях изучения литературной онимии // Междунар. науч. конф. «Ономастика в кругу гуманитарных наук»: материалы. – Екатеринбург, 2005. – С. 54-57.

407. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фонякова. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1990. – 104 с.

408. Фролова О. Е. Имя собственное в художественном тексте / О. Е. Фролова // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: Междунар. ономастич. конф.: тезисы. – Москва : РАН. Ин-т славяноведения, 2001. – Ч. 2. – С. 160-162.

409. Харитончик З. А. Проблемы словообразования в современной зарубежной лингвистике: (15 лет спустя) / З. А. Харитончик // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. отд. языкознания / ред.: Е. С. Кубрякова, Л. Г. Лузина. – Москва , 2008. – 184 с.

410. Хенгст К. Номема и её значение в ономастической теории / К. Хенгст // Ономастика в кругу гуманитарных наук. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. – С. 27-29.

411. Хисматуллина Г. Р. Фамилии в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Хисматуллина Гузель Рашитовна; науч. рук. Р. З. Мурясов; ГОУ ВПО «БашГУ». – Уфа, 2007. – 166 с.

412. Холшевников В. Е. Стиховедение и поэзия / В. Е. Холшевников. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1991. – 256 с.

413. Хохлова В. А. Фразеологические единицы с топонимическим компонентом в английском и украинском языках: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Хохлова Виктория Александровна ; науч. рук. О. Л. Бессонова ; ГОУ ВПО «ДонНУ». – Донецк, 2017. – 234 с.

414. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т. В. Цивьян; отв. ред. В. Н. Топоров; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – Москва : Наука, 1990. – 203 с.

415. Чаковская М. С. Текст как сообщение и воздействие / М. С. Чаковская. – Москва : ВШ, 1986. – 128 с.

416. Четыркина И. В. Внутренняя форма слова: историко-культурологические аспекты (на материале русского и немецкого языков X–XVII вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Четыркина Инна Валерьевна; КубГУ. – Краснодар, 1996. – 22 с.

417. Четыркина И. В. Перформативность как конститутивный признак культуры: этническая и историческая перспектива / И. В. Четыркина. – Краснодар: КубГУ, 2005. – 221 с.

418. Чикаткова Ю. А. Развитие когнитивного значения имен собственных, восходящих к немецкому фольклору, в немецкоязычном художественном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Чикаткова Юлия Александровна ; ГОУ ВПО «Поволжская гос. социально-гуманит. академия». – Самара, 2010. – 23 с.

419. Чичагов В. К. Из истории русских имён, отчеств и фамилий / В. К. Чичагов. – Москва : Учпедгиз, 1959. – 128 с.

420. Чуб Т. В. Влияние поэтонимогенеза на образные возможности проприальной лексики: дис. … канд. филол. наук: 10.02.15 / Чуб Татьяна Викторовна ; науч. рук. В. М. Калинкин; ГГПИИЯ. – Донецк, 2005. – 199 с.

421. Чуб Т. В. Реальная антропонимия как основа иронической образности в «Завещаниях» Франсуа Вийона / Т. В. Чуб // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Донецк: ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2006. – Вип. 10. – С. 234-242.

422. Чуб Т. В. Трансонимизация как явление языка и средство поэтики / Т. В. Чуб // Λογος όνομαστική: Науч. журнал. – 2006. – № 1. – С. 121-126.

423. Шаклеин В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации : монография / В. М. Шаклеин. – Москва : Флинта, 2012. – 301 с. – ISBN 978-5-9765-1397-6.

424. Шаклеин В. М. Современная парадигма лингвокультурологических исследований / В. М. Шаклеин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2003. – № 1. – С. 6-12.

425. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания / Шаховский В.И. – Волгоград : Изд-во ВГПИ, 1983. – 96 с.

426. Шварцкопф Б. С. О социальных и эстетических оценках личных имён / Б. С. Шварцкопф // Ономастика и норма. – Москва : Наука, 1976. – С. 47-59.

427. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба / ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич; – Ленинград : Наука, 1974. – 427, [1] с. – URL: http://elib.gnpbu.ru/text/scherba_yazykovaya-sistema--deyatelnost_1974/.

428. Щумарина Т. Ф. Коннотативная структура антропонимических форм в речевой коммуникации / Т. Ф. Щумарина // Актуальные вопросы русской ономастики; ред.: Ю. А. Карпенко. – Киев : УМК ВО, 1988. – С. 50-55.

429. ЭкоУ. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; пер. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. – Санкт-Петербург : «Симпозиум», 2006. – 544 с. – ISBN 5-89091-252-6.

430. Этнография восточных славян: очерки традиц. культуры / ред. К. В. Чистов; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва : Наука, 1987. – 556 с.

431. Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – Москва: «Гнозис», 1994. – 560 с. (Язык. Семиотика. Культура) – ISBN 5-7333-0486-3.

432. Ягупова Л. Н. Мовно-географічна варіативність системи середньоверхньонімецьких префіксальних іменників : монографія / Л. Н. Ягупова. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – 605 с. (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження; Т. 4).

433. Якобсон Р. Звук и значение / Р. Якобсон // Избранные работы. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 30-91.

434. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за » и «против». – Москва, 1975. – С. 193-230.

435. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – Москва, 1975. – URL: http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm (дата обращения: 11.05.2007).

436. Яковенко Т. И. Имплицитный смысл онима в тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Яковенко Татьяна Игоревна ; ФГАОУ ВПО «ЮФУ». – Ростов-на Дону, 2013. – 21 с.

437. Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка / Б. В. Якушин. – Москва: Наука, 1984. – 136 с. – URL: http://rudocs.exdat.com/docs/index-563863.html (дата обращения : 15.12.2013).

438. Arndt E. Deutsche Verslehre / E. Arndt. – Berlin: Volk und Wissen, 1984. – 257 s.

439. Bach A. Deutsche Namenkunde. Bd. 1: Die deutschen Personennamen / A. Bach. – Heidelberg: Winter, 1953. – 331 S.

440. Bach A. Deutsche Namenkunde. Bd. 2: Die deutschen Ortsnamen / A. Bach. – Heidelberg: Winter, 1954. – 451 S.

441. Bartels A. Fiktion und Repräsentation / A. Bartels // Zeitschrift für Semiotik. / Hg. R. Posner & M. Krampen u. D. Schmauks. – 2002. – Bd. 24. – H. 4. – pp. 381-395.

442. Bassermann D. Der späte Rilke / B. Bassermann. – München: Leibnitz Verlag, 1947. – 468 p.

443. Bausinger H. Kulturelle Identität – Schlagwort und Wirklichkeit / H. Bausinger // Ausländer – Inländer. Arbeitsmigration und kulturelle Identität. – Tübingen, 1986. – pp. 83-99. (Untersuchungen des Ludwig-Uhland-Instituts der Universität Tübingen im Auftr. der Tübinger Vereinigung für Volkskunde; Bd. 67)

444. Bergien A. „Der Tarantino der Townships“ – Kulturelle Dimensionen metaphorischer Eigennamenverwendung / A. Bergien // Namenkundliche Informationen 99/100. – 2011. – pp. 47-58.

445. Burkhardt A. „Nomen est omen?“ Zur Semantik der Eigennamen / A. Burkhardt // Magdeburger Namenlandschaft. Onomastische Analysen zu Stadt und Region in Geschichte und Gegenwart. – Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2005. – pp.11-28. (Literatur – Sprache – Region; Bd. 6.)

446. Cassirer E. Versuch über den Menschen. Einführung in eine Philosophie der Kultur / Ernst Cassirer. – Hamburg, 1996. – 382 S.

447. Crystal D. Spoken and written English / D. Crystal // The Cambridge encyclopedia of the English Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – pp. 235-283.

448. Debus F. Dichter über Namen und Umgang mit ihnen / F. Debus // Onomastika Slavogermanica. – 1998. – XXIII. – pp. 33-60.

449. Debus F. Vom Zauber literarischer Namen. Intentionen – Funktionen – Wirkungen / F. Debus // Beiträge zur Namenforschung. – 1992. – NF 36. pp. 1-27.

450. Dunkling L. First names first / L. Dunkling. – London: J.M. dent and Sons, 1977. – 285 p.

451. Eichler E. Die Ortsnamen der Niederlausitz östlich der Neiße / E. Eichler – Sächsische Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Stuttgart; Leipzig: S. Hirtel Verlag, 2011. – 256 P.

452. Eichler E. Historisches Ortsnamenbuch von Sachsen / E. Eichler – Berlin: Akad. Verl. – 2001. – 395 P.

453. Elsen H. Grundzüge der Morphologie des Deutschen / H. Elsen. – Berlin / Boston: de Gruyter GmbH & Co, 2011. – 326 p.

454. Engerer V. Konzept ‚Kultur' – Kulturkonzepte. Zum Interkulturellen in der Sprachwissenschaft / V. Engerer // Interkulturalität: Methodenprobleme der Forschung; Földes Csaba & Gerd Antos (Hg.). – München: Iudicium-Verlag, 2007. – pp. 33-43.

455. Erler G. Nachbemerkung / G. Erler // Heine H. Buch der Lieder. –Berlin – Weimar : Aufbau-Verlag, 1983. – 370 P.

456. Evans G. The Varieties of Reference / G. Evans. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – 418 P.

457. Fleischer W. Die deutschen Personennamen. Geschichte, Bildung und Bedeutung / W. Fleischer. – Berlin: Akademie-Verlag, 1968. – 243 P.

458. Fleischer W. Variationen von Eigennamen / W. Fleischer // Der Name in Sprache und Gesellschaft. Beiträge zur Theorie der Onomastik. – Berlin: Akademie-Verlag, 1973. – pp. 52-63.

459. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1971. – 327 P.

460. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. – 2., durchges. Aufl. – Tübingen: Niemeyer, 1995. – 382 P.

461. Földes Cs. Interkulturalität als Forschungsgegenstand der Linguistik / Csaba Földes // Wechselbeziehungen in der Germanistik: kontrastiv und interkulturell; József Tóth (Hg.). – Veszprém: Universitätsverlag, Wien: Praesens Verlag, 2007. – pp. 43-67. (Studia Germanica Universitatis Vesprimiensis. Supplement; 9).

462. Földes Cs. Interkulturelle Linguistik. Vorüberlegungen zu Konzepten, Problemen und Desiderata. – Veszprém: Universitätsverlag, Wien: Edition Praesens, 2003 (1). – 78 P. (Supplement-Reihe der Studia Germanica Universitatis Vesprimiensis).

463. Földes Cs. Namenspiele, Spiele mit Namen / C. Földes // Namenforschung: ein internationales Handbuch zur Onomastik – Berlin / New York: de Gruyter, 1995. – pp. 586-593. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft; 11.1).

464. Frege G. Über Sinn und Bedeutung / Gottlob Frege // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. – 1892. – NF 100. – pp. 25-50. – URL: http://frege_sinn_und_bedeutung_pdf (дата обращения 02.05.2019).

465. Funke O. Zur Definition des Begriffs „Eigennamen“/ O. Funke // Probleme der Englischen Sprache und Kultur. Festschrift Johannes Hoops zum 60. Geburtstag überreicht von Freunden und Kollegen. – Heidelberg: Winter, 1925. – pp. 72-79.

466. Ganzer D. Deutsche Phraseologismen mit Personennamen: Lexikografischer Befund und textueller Gebrauch / Dinara Ganzer. – Hamburg: Verl. Dr. Kovač, 2008. – 445 S. (Studien zur Germanistik; Bd. 25). – ISBN 978-3-8300-3419-3 .

467. Gardiner A. H. The theory of proper names: a controversial essay. Ed.2. / A. H. Gardiner. – London: Oxford Univ. Press, 1957. – 76 p. – URL: https://ru.scribd.com/doc/35840949/Alan-Gardiner-The-Theory-of-Proper-Names-A-Controversial-Essay (дата обращения 08.10.2011).

468. Gardt A. Sprachwissenschaft als Kulturwissenschaft / A. Gardt // Literaturwissenschaft und Linguistik von 1960 bis heute; Hg. U. Haß-Zumkehr, C. König. – Göttingen, 2003. – pp. 271-288 (Marbacher Wissenschaftsgeschichte; 4).

469. Gerhards J. Die Moderne und ihre Vornamen. Eine Einladung in die Kultursoziologie / Jürgen Gerhards. – 2. Aufl. – Wiesbaden: VS Verlag, 2010. – 206 P. – ISBN 978-3-531-17413-6.

470. Gottschald M. Deutsche Namenkunde; unsers Familiennamen / M. Gottschald. Mit e. Einf. in d. Familiennamenkunde von Rudolf Schützeichel. – 5. Aufl. – Berlin /New York: de Gruyter, 1982. – 667 P. – ISBN 311-008-6182.

471. Hansen K. P. Kritische Überlegungen zum interkulturellen Paradigma / Klaus P. Hansen // Interdisziplinarität und Interkulturalität. Beiträge zum zweiten Internationalen Tag; Hg. B. Zimmermann – München : Mering, 2005. – pp. 33-66. (Texte des Fachbereichs Allgemeinwissenschaften; 2).

472. Hellfritzsch V. Zum Problem der stilistischen Funktion von Namen / V. Hellfritzsch // Der Name in Sprache und Gesellschaft. Beiträge zur Theorie der Onomastik. – Berlin: Akademie-Verlag, 1973. – pp. 64-73.

473. Hengst K. 100 Jahre Namenforschung am Institut für Slavistik / K. Hengst // Namenkundliche Informationen 97. – 2010. – pp. 7-17.

474. Hengst K. Familiennamen im Deutschen. Erforschung und Nachschlagewerke // Karlheinz Hengst, Dietlind Krüger, 2. Halbbd. – Göttingen: Leipziger Universitätsverlag, 2011. – 673 p. (Onomastica Lipsiensia, 6.2).

475. Hengst K. Zu einigen Namen von Herrensitzen des Mittelalters in Mitteldeutschland / K. Hengst // Namenkundliche Informationen 99/100. – 2011. – pp. 211-230.

476. Henzen W. Deutsche Wortbildung / W. Henzen // Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte. Hg. H. de Boor. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1965. – 314 P.

477. Hermanns F. Sprache, Kultur und Identität. Reflexionen über drei Totalitätsbegriffe / F. Hermanns // Sprachgeschichte als Kulturgeschichte; Hg. A. Gardt, U. Haß-Zumkehr u. T. Roelcke . – Berlin / New York: de Gruyter, 1999. – P. 351-391. (Studia Linguistica Germanica; 54).

478. Hocart A. M. The Life-giving myths and other essays / A. M. Hocart. – London: Methuen, 1952. – 252 p.

479. Joseph H. W. B. An Introduction to logic / H. W. B. Joseph. Ed.2. – Oxford: At the Clarendon Press, 1946. – 564 P. – URL: https://archive.org/details/introductiontolo00jose/page/n1 (дата обращения 08.08.2012).

480. Kalverkämper H. “Kampf der Kulturen” als Konkurrenz der Sprachkulturen. Anglophonie im globalen Spannungsfeld von Protest, Prestige und Gleichgültigkeit / H. Kalverkämper // Zeitschrift für Translationswissenschaft und Fachkommunikation. Bd. 1 [2]; Hg. L. van Vaerenbergh u. K. Schubert : trans-kom. – Berlin: Frank & Timme, 2008. – pp. 123-163.

481. Kaznelson S. D. Sprachtypologie und Sprachdenken. Ins Deutsche übertragen und herausgegeben von Hans Zikmund / S. D. Kaznelson. – Berlin: Akademie-Verlag, 1974. – 272 P.

482. Kohlheim R. Die wunderbare Welt der Namen / R. Kohlheim, V. Kohlheim. – Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2009. – 120 P. – ISBN 978-3-411-73421-4.

483. Kohlheim R. Die Funktion von toponymischen Vergleichen in der Reiseliteratur / R. Kohlheim // Namenkundliche Informationen 99/100. – 2011(1). – pp. 83-96.

484. Kohlheim R. Zur postulierten Beliebtheit alttestamentlicher Vornamen nach der Reformation / R. Kohlheim // Namenkundliche Informationen 99/100. – Leipzig, 2011(2). – pp. 113-121.

485. Kohlheim V. Literarische Onomastik und Psychoanalyse: Eine Fallstudie / V. Kohlheim // Namenkundliche Informationen 99/100. – 2011. – pp. 97-112.

486. Kohlheim V. Personennamen, Ortsnamen und linguistische Theorie / V. Kohlheim, K. Hengst // Namenkundliche Informationen 85/86. Hrsg. von Ernst Eichler und Dietlind Krüger. – Leipzig, 2004. – pp. 17–31.

487. Krzyżanowski J. Literatura Polska / Julian Krzyżanowski. – Warszawa: PWN, 1984. – 1501 p.

488. Leech G. Semantics. The Study of Meening / Geoffrey Leech. 2 Ed. – Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books Ltd., 1981. – 383 p.

489. Lemnitzer L. Korpuslinguistik / L. Lemnitzer, H. Zinsmeister. – 2. Aufl. – Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co. KG, 2010. – 236 p.

490. Magdeburger Namenlandschaft. Onomastische Analysen zu Stadt und Region in Geschichte und Gegenwart. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005. – Bd. 6. – 335 P. (Literatur – Sprache – Region). – ISBN 978-3-631-54220-0.

491. Malinowski, B. A. A scientific Theory of culture and other essays / B. Malinowski. – New York: Oxford University Press, 1960. – 228 p.

492. Meinhold, G. Phonologie der deutschen Gegenwartsprache / G. Meinhold, E. Stock. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1980. – 256 P.

493. Michaud G. Message poétique du symbolism / G. Michaud. – P.: Nizet, 1969. – 753 P.

494. Mundal E. Nomen est omen. Umgang und Spiel mit Namen in der altnordischen Skaldendichtung / E. Mundal // Namenwelten. Orts- und Personennamen in historischer Sicht. Gewidmet Thorsten Andersson zu seinem 75. Geburtstag. Hg. A. van Nahl, L.Elmevik und S. Brink. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2004. – pp. 565-576. (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde; Bd. 44.). – ISBN 3110181088; 978-3-11-0181081.

495. Munske H. H. Ausgewählte sprachwissenschaftliche Schriften (1970-2015). Teil 1. Lexikologie Wortbildung Orthographie / H. H. Munske; Hg. J. Lee. – Erlangen: FAU University Press, 2015. – 788 P. – ISBN 978-3-944057-28-6.

496. Munske H. H. Wie entstehen Phraseologismen? / H. H. Munske // Vielfalt des Deutschen. Festschrift für Werner Besch. – Frankfurt/M.; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Peter Lang GmbH, 1993. – pp. 481-516.

497. Namen und Kulturlandschaften / Hg. B. Aehnlich u. E. Meineke. – Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2015. – 157 P. – ISBN 978-3-86583-972-5.

498. Namenwelten. Orts- und Personennamen in historischer Sicht. Gewidmet Thorsten Andersson zu seinem 75. Geburtstag / Hg. A. van Nahl, L. Elmevik u. S. Brink. – Berlin, New York: de Gruyter, 2004. – 813 P. (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde; Bd. 44). – ISBN 3110181088; 978-3-11-0181081.

499. Naumann H. Eigennamen, Sprachgeschichte und Geschichtsbewusstsein / H. Naumann // Onomastika Slavogermanica. – 1998. – XXIII. – pp. 231-242.

500. Naumann H. 1951–2011. Ein germanistischer Rückblick / H. Naumann // Namenkundliche Informationen 99/100. – 2011. – pp. 71-82.

501. Osgood Gh. E. The Measurement of Meaning / Gh. E. Osgood, G. Suci, P. Tannenbaum. – University of Illinois Press, 1957. – 342 P.

502. Paul H. Deutsche Grammatik. Bd. V: Wortbildungslehre / H. Paul. – Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1957. – 142 P.

503. Poe E. A. The Philosophy of Composition // The Heat Anthology of American Literature. Second Edition / E. A. Poe. – Lexington, Massachusetts, Toronto : D.C. Heath and Co., 1994. – Vol. 1. – pp. 1449-1457.

504. Römer Ch. Lexikologie des Deutschen / Ch. Römer, B. Matzke. – 2. Aufl. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2005. – 236 P. – ISBN 3-8233-6128-7.

505. Schippan Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache / Th. Schippan. – Tübingen: Niemeyer, 1992. – 306 P.

506. Seibicke W. Traditionen der Vornamengebung. Motivationen, Vorbilder, Moden: Germanisch / W. Seibicke // Namenforschung : ein internationales Handbuch zur Onomastik; Hg. E. Eichler, G. Hilty, H. Löffler, H. Steger u. L. Zgusta. – Berlin / New York: de Gruyter, 1996. – pp. 1207-1214.

507. Stepanova M. D. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache / M. D. Stepanova, I. I. Černyševa. – M.: Akademia, 2003. – 256 p. – ISBN 5-7695-0929-5.

508. Stock E. Deutsche Intonation / E. Stock. – Berlin, München, Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1999. – 144 p. – ISBN 3-324-00700-3.

509. The Heath Anthology of American Literature / General Editor Paul Lauter. – Lexington USA: D.C. Heath and Company, 1994. – Vol. 1. – 2965 p.

510. Tylor E. B. Primitie Culture: Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Art and Custom / E. B. Tylor. – London: John Murray, 1871. – 453 p.

511. Ullmann S. The principles of semantics / S. Ullmann. – Glasgow: Jackson, 1951. – 314 p.

512. Usova N. Beitrag des Eigennamens zum lexikalischen Sprachbestand / N. Usova // Germanistik in der Ukraine. – Jh. 6. – Kyjiw: KNLU, 2011. – pp. 184-194.

513. Usova N. Eigenname Johannes / Hans im historischen Sprachraum: Ursprung und Sinn / N. Usova // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik / Hg. L. Iagupova, V. Kaliuščenko, H. Roll. – Donezk: Nationale Universität Donezk, 2012 (1). – pp. 195-197.

514. Usova N. V. Hansnarr, Dummrian oder Blödheini? Zum phraseologischen Gebrauch von Eigennamen / N. Usova // Germanistik in der Ukraine. – Jh. 7. – Kyjiw: KNLU, 2012 (2). – pp. 172-177.

515. Usova N. Kulturspezifisches Wissen und der Namengebrauch in der Pressesprache / N. Usova // IFNIG-Tagung 2015: Exposé «Sprach- und Textkulturen – interkulturelle und vergleichende Konzepte». – Veszhrem : Institut für Germanistik und Translationswissenschaft der Pannonischen Universität; Erfurt : Lehrstuhl für Germanistische Sprachwissenschaft, 2015. – p. 19.

516. Usova N. Neuer Blick auf alte Namen: ’Dummheit‘ in den onymischen Sprachmitteln / N. Usova // Німецька мова в українському контексті: формування мовної компетенції, контрактивні дослідження та міжкультурна комунікація: XIX наук.-прак. конф. Асоціації українських германістів, 21-22 вер. 2012 р.: матеріали. – Одеса: Фенікс, 2012 (3). – С. 205-207. – ISBN 978-966-438-609-5.

517. Usova N. V. Über Namengeschichte im historischen Kulturkontext / Н. В. Усова // Современные методы обучения иностранным языкам. Международная научно-практическая конференция (Ульяновск, 20 января 2016 года): сб. науч. тр. / ред. Н. С. Шарафутдинова. – Ульяновск, 2016. – С. 218-224.

518. Usova N. V. Zur Ambiquität der Eigennamen im Sprachkontinuum / Н. В. Усова // Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції "Україна і світ: діалог мов і культур". – К. : КНЛУ, 2013. – С. 479-481.

519. Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde / M. Vasmer. Hg. H. Bräuer. Bd. 1, 2. – Berlin, 1971. – 534 P.

520. Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition / A. Wierzbicka // Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. – Oxford: Univer. Press, 1992. – 487 p.

521. Willems K. Eigenname und Bedeutung. Ein Beitrag zur Theorie des nomen proprium / K. Willems. – 6 Abb. – Heidelberg: Winter, 1996. – 317 P. (Beiträge zur Namenforschung. N.F: Beihefte.47).

522. Willems K. Form, meaning, and reference in natural language: A phenomenological account of proper names / K. Willems // Onoma 35. Journal of the

International Council of Onomastic Sciences. – International Centre of Onomastics Blijde-lnkomststraat 21. – B-3000 Leuven (Belgium). – 2000. – pp. 85-119.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ[68]

523. Англо-русский словарь общей лексики «Lingvo Universal» (АРСОЛ). – URL: http://slovari.yandex.ru/Titanic/en/ (дата обращения: 18.06.2011).

524. Ахиезер А. С. Социокультурный словарь. – Новая электронная библиотека. – URL: http://read.newlibrary.ru/read/ahiezer_a_s_/page3/sociokulturnyi_slovar.html (дата обращения 11.03.2012).

525. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.

526. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Е. Бинович, Н. Н. Гришин / ред. Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. – Москва : Русский язык, 1975. – 656 с.

527. Большая советская энциклопедия (БСЭ): в 30-ти т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва : Сов. энцикл., 1969–1978.

528. Большой англо-русский словарь (БАРС): в 2-х т. / под ред. И. Р. Гальперина. – Москва : Советская энциклопедия, 1972. – Т. 2. – 863 с.

529. Большой немецко-русский словарь (БНРС) : в 2-х т. / под ред. О. И. Москальской. – Москва : Сов. энцикл., 1969. – Т. I. – 760 с.

530. Большой немецко-русский словарь (БНРС) : в 2-х т. / под ред. О. И. Москальской. – Москва : Сов. энцикл., 1969. – Т. 2. – 689 с.

531. Большой толковый словарь русского языка (БТСРЯ) – Санкт-Петербург : Норинт / С. А. Кузнецов. – 1998. – URL : http://dic.academic.ru/dic.nsf/kuznetsov/77237/ (дата обращения : 08.09.2009).

532. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский. – Москва : Наука, 1974. – 386 с.

[68] В скобках после полного названия издания дано сокращённое обозначение, которое указывается в ссылках по тексту диссертации

533. Грицанов А. А. Всемирная энциклопедия: Философия. – Москва: АСТ, Минск: Харвест. – Современный литератор, 2001. – 1312 с. – ISBN 5-17-007278-3.

534. Квятковский А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – Москва : Сов. энциклопедия, 1966. – 376 с.

535. Лермонтовская энциклопедия // Словари, энциклопедии / Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» – URL: http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/lre/lre-1016.htm (дата обращения: 03.08.14).

536. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с. – ISBN 5-85270-031-2.

537. Ляшевская О. Н. Новый частотный словарь русской лексики / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаро. – Москва : Азбуковник, 2009. – URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_other&title (дата обращения: 04.03.2017).

538. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо; под ред. А. А. Реформатского. – Москва : Изд-во иностранной литературы, 1960. – 436 с.

539. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневскаго. Т. 2. – Санктпетербург. Типографія Императорской Академии наук, 1902. – 1802 ст.

540. Никонов В. А. Словарь русских фамилий / В. А. Никонов / сост. Е. Л. Крушельницкий. – Москва : Школа-Пресс, 1993. – 224 с.

541. Новая философская энциклопедия (НФЭ): в 4-х тт. / ред. В. С. Степина. – Москва : Мысль, 2001. – Т. 1. – 741 с. – ISBN 978-2-244-01116-6; Т. 2. – 634 с. – ISBN 978-2-244-01117-3; Т. 3. – 692 с. – ISBN 978-2-244-01118-0; Т. 4 – 692 с. – ISBN 978-2-244-01119-7.

542. Новейший философский словарь (НФС). – URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_new_philosophy/ (дата обращения: 08.03.2012).

543. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – 3-е изд. – Донецк, Юго-Восток, 2010. – 517 с. – ISBN 978-966-374-529-9.

544. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская / ред. А. В. Суперанская. – Москва : Наука, 1978. – 199 с.

545. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Москва : Просвещение, 1985. – 399 с.

546. Розенталь Д. Э. Электронный словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/a.php (дата обращения: 03.03.2012).

547. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен 4 000 имен / А. И. Рыбакин. – 2-е изд. – Москва : Русский язык, 1989. – 224 с.

548. Словарь древнего славянского языка. Составленный по Остромирову Евангелію . – С. Петербургъ: Типографія А. С. Суворина, 1899. – 946 с.

549. Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ. Трудъ Н. М. Тупикова. – С.-Петербургъ: типографія И.Н. Скороходова, 1903. – 857 с.

550. Словарь лингвистических терминов (СЛТ). – 5-е изд., испр. и дополн. – Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010. – URL: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/5169 (дата обращения : 23.08.2008).

551. Словарь социолингвистических терминов (ССТ) / ред. В. Ю. Михальченко. – Москва : РАН. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. – URL: http://sociolinguistics.academic.ru/939/Языковой_континуум (дата обращения: 28.01.2011).

552. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – 1600 с.

553. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля. (ДАЛЬ) Второе Издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 2. И-О. – Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа. – С.-Петергургъ: Гостиный двор, Москва: Кузнецкий мост, д. Третьякова, 1881.

554. Толковый словарь Ожегова. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/47094 (дата обращения: 12.06.2009).

555. Энциклопедический Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (ЭСБЭ) (В 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами) // Библиотека «Вехи». – URL : http://www.vehi.net/brokgauz/ (дата обращения: 28.12.2017).

556. Энциклопедия символов (ЭС) / сост. В. М. Рошаль. – Москва : АСТ; Санкт-Петербург : Сова, 2007. – 1007 с.

557. Adelung: Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart. – URL: http://www.zeno.org/Adelung-1793/ (дата обращения : 22.11.2015).

558. Brockhaus' Konversationslexikon (BK) / Autorenkollektiv, F. A. Brockhaus in Leipzig, Berlin und Wien. 14. Aufl. 1894-1896. 9. Bd. – URL: http://www.retrobibliothek.de/retrobib/seite.html?id=129411 (дата обращения: 25.07.2011).

559. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft / H. Bußmann. – 2., völlig neu bearbeitete Auflage. – Stuttgart: Kröner, 1990. – 904 S. – ISBN 3-520-45202-2.

560. Das Wörterbuch der Synonyme – URL: http://synonyme. deacademic.com /20625/Ambivalenz (дата обращения : 09.01.2012).

561. Duden. Wörterbuch der deutschen Idiomatik / Hrsg. von der Dudenredaktion. – Mannheim, 2002. – Bd. 11.– 955 P. – ISBN 3-411-04112-9.

562. DWDS: – URL: http://www.dwds.de/?qu=Hans (дата обращения: 08.06.2010).

563. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Erarbeitet unter der Leitung von Wolfgang Pfeifer. – München: Deutscher Taschenbuch-Verlag. GmbH &Co. KG, 1997. – 1665 P.

564. Grimm J. Deutsches Wörterbuch : in 33 Bd-n / Jacob Grimm, Wilhelm Grimm. – Leipzig, 1960. – Bd. 9; Bd. 10; Bd. 14.

565. Herders Conversations-Lexikon . – Freiburg im Breisgau 1854. – Bd. 2. – S. 750-751. – URL: http://www.zeno.org/nid/20003339572 (дата обращения: 08.09.2009).

566. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F. Kluge. – Berlin, New York: de Gruyter, 1989. – 822 P.

567. Küpper H. Pons-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper. – Stuttgart; München; Düsseldorf; Leipzig: Klett, 1997. – 959 P.

568. Lexikon der Vornamen: Herkunft, Bedeutung und Gebrauch von über 8 000 Vornamen / Rosa Kohlheim, Volker Kohlheim. – Dudenredaktion: Bibliographisches Institut GmbH, 2016. – 480 P. – ISBN 978-341-10-4947-9.

569. Namenstage Lexikon. Erklärung Deutung Herkunft von Vornamen Namenstagen und Familiennamen – URL : http://www.kirchenweb.at/vornamen/namenstage/ (дата обращения: 11.11.2015).

570. Onomastik. Vornamen-Lexikon. – URL : http://www. onomastik.com/Vornamen-Lexikon/sprache_2_deutsch.php (дата обращения: 05.10.2016).

571. Paul H. Deutsches Wörterbuch / H. Paul. – 6. Aufl., bearb. von A. Schirmer. – Halle (Saale): VEB Max Niemeier Verlag, 1959. – 782 S.

572. Schemann H. Deutsche Idiomatik: die deutschen Redewendungen im Kontext /H. Schemann. 1. Aufl. – Stuttgart, Dresden: Klett Verlag, 1993. – 1037 S.

573. Skeat W. An Etymological Dictionary of the English Language / W. Skeat. – Oxford: Clarendon Press, 1956. – 780 p.

574. Universallexikon. – URL : http://universal_lexikon.deacademic.com/ (дата обращения: 19.02.2012).

575. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch mit einem „Lexikon der deutschen Sprachlehre“ / G. Wahrig. – Gütesloh / München, 1986. – 1493 S.

576. Webster’s Third New International Dictionary of the English Language Unabridged. – Merriam-Webster inc., Publischers Springfield, Massachusetts, U.S.A., 1981. – 3103 s.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА

577. Ахматова А. А. Сочинения в двух томах / А. А. Ахматова. – Москва : Правда, 1990. – Т. 1. – 448 с.; Т. 2. – 448 с.

578. Библия. Книги священного писания Ветхого и нового завета. – К.: Украинское Библейское Общество, 2004. – 1391 с.

579. Блок А. А. Стихотворения и поэмы / А. Блок. – Ленинград : ЛГУ,

1981. – 287 с.

580. Во И. Избранное: Сборник / И. Во; сост. Г. А. Анджапаридзе. – Москва : Прогресс, 1980. – 440 с.

581. Вознесенский А. Соблазн: Стихи / А. Вознесенский. – Москва : Сов. писатель, 1979. – 207 с.

582. Вознесенский А. Ров / А. Вознесенский. – Москва : Сов. писатель, 1987. – 736 с.

583. Гейне Г. Собрание сочинений : в 6 т. / Г. Гейне; пер. с нем. – Москва : Худож. лит., 1980. – Т. 1. – 518 с.

584. Геродот. История. Книга Первая / Геродот. – URL : http://www.vehi.net/istoriya/grecia/gerodot/01.html (дата обращения : 01.03.2013).

585. Гессе Г. Избранное: Сборник / Г. Гессе / Сост. С.С. Аверинцев. – Москва : Прогресс, 1981. – На нем. яз. – 432 с.

586. Гёте И. В. Избранная лирика / И. В. Гёте. – Москва : Прогресс, 1979. – 503 с.

587. Грин А. С. Путешественник Уы-Фью-Эой // А. С. Грин. Собр. соч. в шести томах. – Т. 6. – Москва : «Правда», 1980. – С. 429–431.

588. Гринберг Б. Стихи с секретом / Борис Гринберг. – URL: http://www.promegalit.ru/publics.php?id= (дата обращения: 07.03.2013).

589. Жуковский В. А. Избранные сочинения / В. А. Жуковский; вступ. статья, сост. и примеч. И. Семенко. – Москва : Худож. лит., 1982. – 431 с. (Биб-ка классики. Русская лит-ра).

590. Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского: в 2-х т. / сост. А. А. Гугнин. – Москва : Радуга, 1985. – Т. 2. – 640 с.

591. Лермонтов М. Ю. Демон / Стихи о любви и стихи про любовь. Любовная лирика русских поэтов & Антология русский поэзии. © Copyright Пётр Соловьёв. – URL: http://www.stihi-rus.ru/1/Lermontov/29.htm (дата обращения: 12.08.2014).

592. Мандельштам О. Собрание сочинений: в 4-х т. / О. Мандельштам; сост.: П. Нерлер, А. Никитаев. – Москва : Артбизнесцентр, 1993.

593. Мандельштам О. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1. Стихи и проза. 1906–1921 / О. Мандельштам. – Москва : Артбизнесцентр, 1993. – 368 с. – ISBN 5-7287-0070-5.

594. Мандельштам О. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 2. Стихи и проза. 1921–1929 / О. Мандельштам. – Москва : Артбизнесцентр, 1993. – 704 с. – ISBN 5-7287-0071-3(т. 2); ISBN 5-7287-0002-0.

595. Мандельштам О. Э. Собрание произведений: Стихотворения / О. Мандельштам. – Москва : Республика, 1992. – 576 с.

596. По Э. А. Стихотворения. Сборник / Э. По; сост. Е. К. Нестерова. – Москва : Радуга, 1988. – 414 с. – ISBN 5-05-001854-4.

597. Пушкин А. С. Сочинения в трёх томах / А. С. Пушкин. – Москва : Художественная литература, 1986. – Т. 2. –316 с.

598. Ригведа. X, 61...84. – URL : http://kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_918.htm (дата обращения: 12.02.2012).

599. Рильке Р. Лирика: сборник / Р.-М. Рильке. – Москва : Прогресс, 1981. – 517 с.

600. Русская поэзия. Марина Цветаева – URL: http://rupoem.ru/cvetaeva/all.aspx (дата обращения: 11.10.2018).

601. Слово о полку Игореве, Игоря сына Святославля, внука Ольгова // Библиотека "Вехи", 2000. – URL: http://www.vehi.net/oldrussian/opolku.html (дата обращения: 12.02.2015).

602. Тарковский А. Имена / А. Тарковский – URL: https://45parallel.net/arseniy_tarkovskiy/imena.html (дата обращения: 12.02.2015).

603. Тютчев Ф. И. Сочинения :в 2-х т. Т. 1: Стихотворения / Ф. И. Тютчев. – Москва : Худож. лит., 1984. – 495 с.

604. Тютчев Ф. И. Стихотворения / Ф. И. Тютчев. – Москва : Худож. лит., 1986. – 287 с.

605. Цветаева М . И. Сочинения : в 2 т. Т. 2 : Проза ; Письма / М. И. Цветаева. – Москва : Худож. лит., 1988. – 639 с.

606. Цветаева М. И. Сочинения: в 2 т. Т. 1 : Стихотворения, 1908 – 1941 ;

Поэмы ; Драматические произведения / М. И. Цветаева. – Москва : Худож. лит., 1988. – 719 с.

607. Цветаева М. Стихотворения. Поэмы / М. Цветаева. – Москва : Правда, 1991. – 688 с.

608. Brüder Grimm. Märchen. – URL: http://www.udoklinger.de/Deutsch/Grimm/Inhalt4.htm (дата обращения: 09.11.2015).

609. Goethe J. W. Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit / J. W. Goethe – URL: http://www.odysseetheater.com/goethe/duw/duw00.htm (дата обращения: 07.09.2011).

610. Heine H. Buch der Lieder / H. Heine. – Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1985. – 375 s.

611. Krusche D. Mit der Zeit. Gedichte in ihren Epochen. Teil I: Texte / D. Krusche. – 2. Auflage. – Bonn: by Inter Nationes, 1992. – 294 s.

612. Rilke R.-M. Gedichte. Auswahl / R.-M. Rilke. – Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmpH Co., 1993. – 78 s.

613. Volkslied: Hänsel & Gretel – Текст песни. – URL: http://mirpesen.com/ru/volkslied/h-auml-nsel-gretel. html#ixzz (дата обращения: 12.02.2015).

СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

614. Влияние звука на сознание – URL : http://soznanie.info/n_delo.html (дата обращения: 11.01.2014).

615. Влияние музыки на человека – URL : https://www.oum.ru/literature/raznoe/vliyanie_zvuka/ (дата обращения 11.01.2014).

616. Инженерный справочник. – URL: https://www.dpva.ru/Guide/GuideUnitsAlphabets/Alphabets/FrequencyRuLetters/ (дата обращения : 06.05.2018).

617. Литература и язык. (ЛиЯ) Современная иллюстрированная энциклопедия / ред. П. А. Николаев, М. В. Строганов. – URL : http://interpretive.ru/dictionary/966/word/memuary (дата обращения: 03.01.13).

618. Мифы Древней Греции. Словарь-справочник / EdwART, 2009. – URL :

http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_myphology/ (дата обращения: 13.02.11).

619. НКРЯ: Национальный корпус русского языка – URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.11.2016).

620. Справочник по этимологии и исторической лексикологии – URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/etymology_terms/ (дата обращения : 12.12.2013).

621. Цветаева – Рильке: Почему я к Вам не пришла? Потому что люблю Вас – больше всего на свете. – URL : https://koppel.pro/diary/cvetaeva-rilke-pocemu-k-vam-ne-prisla-potomu-cto-lublu-vas-bolse-vsego-na-svete-7149. (дата обращения : 22.11.2017).

622. Энциклопедия языкознания – URL : http://jazykoznanie.ru/168/ (дата обращения : 04.02.2010).

623. Beobachter//LIVEJOURNAL. – URL : https://beobaxter.livejournal.com/892772.html. (дата обращения: 12.10.2018).

624. © StatSoft Russia. 2018. – URL : http://statistica.ru/local-portals/data-mining/analiz-tekstov/ (дата обращения: 12.06.2018).

625. Wikipedia: Die freie Enzyklopädie. – URL : https://de.wikipedia.org/wiki/Buchstabenh%C3%A4ufigkeit. (дата обращения: 11.10.2018).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Рисунки

Рисунок 1. Соотношение культура – язык – имя: с. 80.

Рисунок 2. Множество проекций нуклеонима на локус онима: с. 117.

Рисунок 3. Онимный континуум: с. 118.

Рисунок 4. Положение онимии наследия автора в онимном пространстве национального языка и лингвокультуре: с. 357.

Рисунок 5. Стратификация онимов АБХ Гёте: с. 366.

Рисунок 5. Стратификация на примере страты антропонимов АБХ Гёте: с. 367.

Таблицы

Таблица 1. Семантические соответствия лексикализации понятия ‘имя

называть’ в разноструктурных языках общеиндоевропейской эпохи. (по Вяч. Вс. Иванову): с. 152.

Таблица 2. Фрагменты сопоставляемых произведений с включением поэтонимов: с. 194.

Таблица 3. Соответствия ключевых слов анализируемых произведений А. Блока, В. Жуковского и А. Пушкина: с.195.

Таблица 4. Словообразовательные модели проприальных дериватонимов СНЯ с компонентом Han(ne)s: с. 227.

Таблица 5. Количественная характеристика проприальных дериватонимов с компонентом *Han(ne)s* в немецком языке: с.229.

Таблица 6. Поэтонимы поэмы «Демон» в количественных данных: с. 265.

Таблица 7. Количественный анализ вокализма 2й строфы стихотворения Ф. Тютчева «Цицерон»: с. 289.

Таблица 8. Семантика мифоперсонима-мифопоэтонима *Orpheus* у М. И. Цветаевой: с. 330.

Таблица 9. Количественная характеристика лабиализованных гласных в первом сонете: с. 333.

Таблица 10. Частотность лабиализованных гласных в I сонете I Части: с. 334.

Таблица 11. Частотность лабиализованных гласных в V сонете I Части: с. 337.

Таблица 12. Частотность лабиализованных гласных в XXVIII сонете II Части: с. 338.

Таблица 13. – Семантика мифоперсонима-мифопоэтонима *Orpheus* у Р.-М. Рильке: с. 338.

Таблица 14. Типы собственных имён (рефлектонимов) АБХ И. В. Гёте: с. 364.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Фонетические средства поэтонимии (русский язык)

поэт / онимные средства фонетики	заглавие	звуковые повторы					повтор поэтонима	рифма					анафора	эпентеза	иррадиация	акцентное выделение	рефрен	паронимическая аттракция	фоносимволизм
		вокализм	консонантизм	повтор 2/3звучий	повтор слогов	анаграмма		концевая	внутренняя	акромонограмма	кольцевая	Эхо-рифма							
Лермонтов	+	+	+				+	+	+				+		+	+			
Тютчев	+	+	+	+	+	+	+	+	+			+	+		+	+			
Блок	+	+	+	+	+		+	+	+		+		+		+	+		+	+
Мандельштам		+	+	+	+		+	+	+					+	+	+			+
Цветаева	+	+	+	+	+		+	+	+			+			+	+			
Вознесенский		+	+	+	+	+	+	+							+	+		+	+

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Фонетические средства поэтонимии (германские языки)

поэт / онимные средства фонетики	заглавие	звуковые повторы					повтор поэтонима	рифма					анафора	эпентеза	иррадиация	акцентное выделение	рефрен	паронимия/паронимическая аттракция
		вокализм	консонантизм	повтор 2/3звучий	повтор слогов	анаграмма		концевая	внутренняя	акромонограмма	кольцевая	эхо-рифма						
Гейне	+	+	+	+			+	+	+	+			+		+	+	+	+
Гессе	+	+	+	+	+	+	+	+	+			+	+		+	+		+
Брентано	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+		+		+	+		+
Рильке	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+			+	+	+		
По	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+		+		+	+	+	